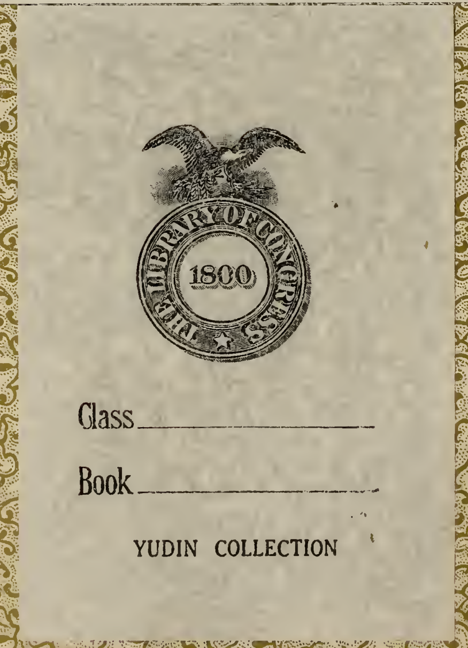
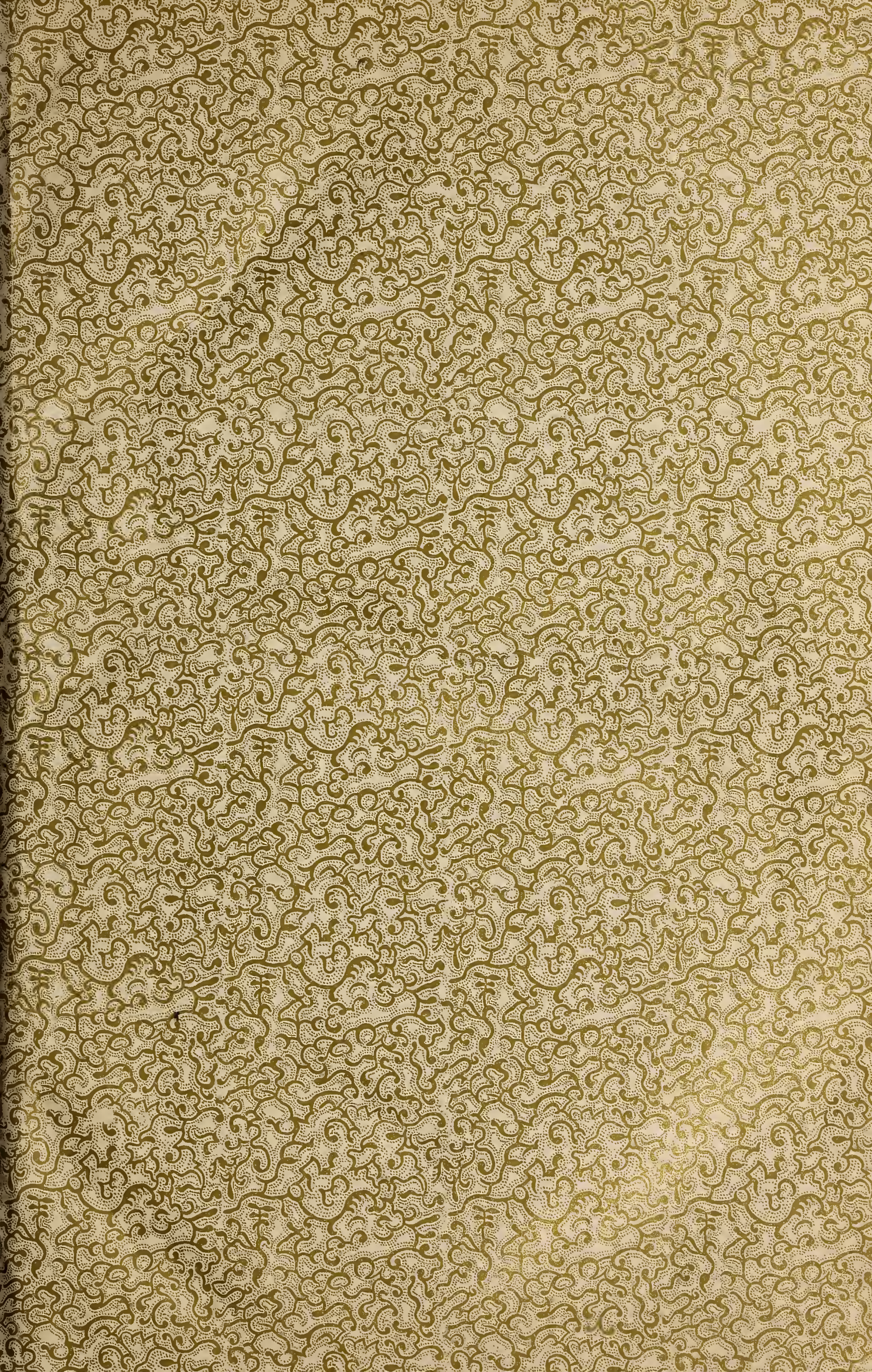


Class ______________

Book ______________

YUDIN COLLECTION



МУЗЕЙ ЛУЧШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Sovremennye geroi i geroini …

СОВРЕМЕННЫЕ
ГЕРОИ И ГЕРОИНИ,
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

PG3270
.S65

104837
107

ТИПОГРАФІЯ ДОМА ПРИЗРѢНІЯ МАЛОЛѢТНИХЪ БѢДНЫХЪ.

I.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

(Романъ въ двухъ частяхъ. И. А. Гончарова).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У небогатой помѣщицы, Анны Павловны Адуевой, въ деревнѣ Грачахъ шла суматоха, по случаю проводовъ сына ея Сашеньки въ Петербургъ. Оплакивала разлуку не одна впрочемъ Адуева, горевалъ тоже камердинеръ Сашеньки, Евсей, разстававшійся съ насиженнымъ имъ угломъ за лежанкой, въ комнатѣ ключницы Анны Павловны—Аграфены, въ сердцѣ которой Евсей занималъ мѣсто также прочно, какъ и за печкой. Десять лѣтъ онъ наслаждался любовью Аграфены ненарушимо и спокойно, десять лѣтъ онъ пробавлялся съ нею игрою въ дураки и вдругъ — прощай все!

У Евсея горесть выражалась въ молчаніи и глубокихъ вздохахъ, а у Аграфены она, напротивъ того, высказывалась тѣмъ, что она сердилась на все и всѣхъ и пуще всего, кажется, на самаго Евсея.

— Прощайте, прощайте! говорилъ, напримѣръ, ей Евсей съ сильнѣйшимъ вздохомъ: послѣдній денекъ съ вами, Аграфена Ивановна!

— И слава Богу! отвѣчала она ему: — пусть унесутъ васъ

черти отсюда: просторнѣе будетъ. Да пусти прочь, негдѣ ступить: протянулъ ноги-то!

Но эти строптивые отвѣты не смущали Евсея; онъ давно уже свыкся съ характеромъ Аграфены и, вмѣсто упрековъ въ равнодушіи, флегматически задавался вопросами о томъ: кто займетъ его мѣсто за лежанкою и кто станетъ вмѣсто его играть съ нею въ дураки? — Прошка... подсказывала ему ревность и онъ умолялъ Аграфену не связываться съ нимъ.

— Матушка Аграфена Ивановна! говорилъ онъ: будетъ-ли Прошка любить васъ такъ, какъ я? Поглядите, какой онъ озорникъ: ни одной женщинѣ проходу не даетъ. А я-то! э-эхъ! Вы у меня, что синь-порохъ въ глазу! Еслибъ не барская воля, такъ.... эхъ!

Но, наконецъ, и Аграфена не выдержала.

— Да отстанешь-ли ты отъ меня, окаянный? отвѣчала она плача:—что мелешь, дуралей! Свяжусь я съ Прошкой! Развѣ не видишь самъ, что отъ него путнаго слова не добьешься,только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами....

— А къ вамъ лѣзъ? Ахъ, мерзавецъ! А вы, небось, не скажете! Я бы его....

— Полѣзь-ка, такъ узнаешь! Развѣ нѣтъ во дворѣ женскаго пола, кромѣ меня? Съ Прошкой свяжусь! вишь что выдумалъ! Онъ того и гляди, наровитъ ударить человѣка, или сожрать что-нибудь барское изъ-подъ рукъ — и не увидишь.

— Ужъ если, Аграфена Ивановна, случай такой придетъ -- лукавый вѣдь силенъ—такъ лучше Гришку посадите тутъ: по крайности, малый смирный, работящій, не зубоскалъ.

— Вотъ еще выдумалъ! Накинулась на него Аграфена: — что ты меня всякому навязываешь, развѣ я какая-нибудь ... Пошолъ вонъ отсюда! Много вашего брата, всякому стану на шею вѣшаться: не таковская! Съ тобою только, этакимъ лѣшимъ, попуталъ видно лукавый за грѣхи мои связаться, да и то каюсь.... а то выдумалъ....

— Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! Какъ камень съ плечъ! воскликнулъ Евсей.

— Обрадовался! звѣрски закричала она опять: — есть чему радоваться—радуйся!

И губы у ней побѣлѣли отъ злости. Оба замолчали.

Въ то время, какъ Аграфена выражала на прощанье съ Евсеемъ свою привязанность къ нему перебранками и толчками. Анна, Павловна волновалась по своему: сердце ея болѣзненно ныло при мысли о предстоящей разлукѣ съ сыномъ, а онъ, ея Сашенька, безпечно, даже съ радостію смотрѣлъ на дорожные сборы. Напрасно мать умоляла его остаться, напрасно рисовала передъ нимъ безискусственною, но теплою рѣчью любящей матери прелести тихой и привольной деревенской жизни и изображала петербургское житье самыми мрачными красками, Александръ Ѳедоровичъ оставался непреклоненъ. Онъ въ отвѣтъ только кашлянулъ и вздохнулъ, да задумчиво указалъ рукою въ даль,— туда, гдѣ между полей змѣею вилась дорога и убѣгала за лѣсъ, дорога въ обѣтованную землю, въ Петербургъ. Адуева поняла, что ей не уговорить сына, что разлука неизбѣжна.

— Ну, мой другъ, Богъ съ тобой! сказала она: поѣзжай ужъ, если тебя такъ тянетъ отсюда: я не удерживаю; по-крайней-мѣрѣ, не скажешь, что мать заѣдаетъ твою молодость и жизнь.

Но что же манило молодаго человѣка въ даль? На этотъ вопросъ онъ не отвѣтилъ бы и самъ. Тамъ передъ нимъ мелькали обольстительные, неясные, туманные призраки; его томила жажда дѣятельности и сильныхъ ощущеній, но опредѣленной цѣли стремленій у него не было. Передъ нимъ разстилалось множество путей, и одинъ казался лучше другаго. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь; замѣть онъ его, тогда, можетъ быть, и не поѣхалъ бы.

Между тѣмъ минута уходила за минутой, часъ за часомъ— моментъ разлуки становился все ближе и ближе: пріѣхалъ и Антонъ Иванычъ, типъ совершенно никому ненужнаго человѣка

и, въ то же время, неизбѣжнаго лица на всѣхъ собраніяхъ, начиная отъ домашняго совѣщанія о какомъ-нибудь дѣлѣ до церемоніальныхъ похоронъ,—неизбѣжнаго, надо замѣтить, не потому, чтобы онъ былъ годенъ при этомъ на что-либо, а просто такъ по привычкѣ къ его присутствію во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Слѣдомъ за Антономъ Иванычемъ пришелъ священникъ; затѣмъ пріѣхала и Марья Карповна, съ дочерью Софьею, полной и румяной дѣвушкой, съ улыбкой и заплаканными глазами, доказывавшими, что Сашенька уже не былъ чуждъ ея сердцу. И въ самомъ дѣлѣ Александръ Ѳедорычъ питалъ къ ней привязанность, въ прочность которой онъ вѣрилъ настолько непритворно, что и не подозрѣвалъ возможности позабыть ее среди тревогъ столичной жизни.

Кончился завтракъ. Повозку подвезли къ крыльцу; началась обычная при проводахъ суета. Люди выбѣгали одинъ за другимъ. Тотъ несъ чемоданъ, другой—узелъ, третій—мѣшокъ, и опять уходилъ за чѣмъ-нибудь. Какъ мухи сладкую каплю, такъ люди облѣпили повозку, и всякій совался туда съ руками. Наконецъ настала роковая минута. Анна Павловна зарыдала и повисла на шею Александру. Но въ эту минуту на дворъ влетѣла телѣга, запряженная тройкой. Съ телѣги соскочилъ, весь въ пыли, какой-то молодой человѣкъ, вбѣжалъ въ комнату и бросился на шею Александру,—то былъ Поспѣловъ, другъ Адуева, проскакавшій цѣлыя сутки безъ отдыха только для того, чтобы проститься съ Сашенькою.

Отъѣздъ затянулся на полчаса. Наконецъ собрались. Всѣ пошли до рощи пѣшкомъ. Софья и Александръ, въ то время, когда переходили темныя сѣни, бросились другъ къ другу.

— Александръ Ѳедорычъ!... Софья Васильевна!... сказали они, и слова замерли въ поцалуѣ.

— Вы забудете меня тамъ? сказала она слезливо.

— О, какъ вы меня мало знаете! Я ворочусь, повѣрьте, и никогда другая....

— Вотъ возьмите скорѣе,—это мои волосы и колечко.

Онъ проворно спряталъ и то и другое въ карманъ.

При выходѣ съ барскаго двора, дворня окружила въ воротахъ Евсея; со всѣхъ сторонъ слышалось: «Прощай, голубчикъ, не забывай насъ!»

— Не пьянствуй, наставляла, обнимая его мать: не воруй; служи барину вѣрой и правдой. Прощай, прощай!

Отдѣльно отъ всѣхъ, послѣдняя стояла Аграфена Лицо у нея позеленѣло.

Евсей протянулъ къ ней руки и обнялъ ее; но она не отвѣчала на объятіе, только лицо ея покривилось.

— То-то, чай, тамъ съ петербургскими-то загуляешь! сказала, она искоса поглядѣвъ на него. И въ этомъ взглядѣ выразилась вся тоска ея, и вся ревность.

— Я загуляю? я? началъ Евсей. — Да разрази меня на этомъ мѣстѣ Господь, лопни мои глаза! Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, коли я тамъ что-нибудь этакое....

— Ладно, ладно! недовѣрчиво бормотала Аграфена: — а самъ-то—у! .

— Ахъ, чуть не забылъ! сказалъ Евсей и досталъ изъ кармана засаленную колоду картъ. — На-те, Аграфена Ивановна, вамъ на память; вѣдь вамъ здѣсь негдѣ взять

Она протянула руку.

— Подари мнѣ, Евсей Иванычъ! закричалъ изъ толпы Прошка.

— Тебѣ! да лучше сожгу, чѣмъ тебѣ подарю! И онъ спряталъ карты въ карманъ.

— Да мнѣ-то отдай, дурачина! сказала Аграфена.

— Нѣтъ, Аграфена Иванова, что хотите дѣлайте, а не отдамъ: вы съ нимъ станете играть. Прощайте!

И, не оглянувшись, махнулъ рукой и лѣниво пошелъ за повозкой.

— Проклятый! говорила Аграфена, глядя ему вслѣдъ и утирая концомъ платка ручьемъ текущія слезы.

У рощи остановились; началось снова прощанье. Анна Пав-

ловна рыдала и наказывала Евсею хорошенько служить барину, обѣщая въ награду женить его на Аграфенѣ.

Вотъ наконецъ ямщикъ хлеснулъ пристяжныхъ и тройка ринулась по дорогѣ, поднимая облако пыли, окружившее провожавшихъ; вотъ она скрылась и совсѣмъ исчезла изъ глазъ.

Молча просидѣла Адуева цѣлый день, слѣдя мысленно за Сашенькою и расчитывая, гдѣ-то онъ теперь? Вся душа любящей матери сосредоточилась на сынѣ: она то молилась, то гадала о немъ

II.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя Сашеньки, точно также, какъ и этотъ послѣдній, былъ отправленъ въ Петербургъ старшимъ своимъ братомъ, отцомъ Александра, тогда, когда ему было еще только двадцать лѣтъ и прожилъ здѣсь безвыѣздно семнадцать лѣтъ, не переписываясь со дня смерти брата ни съ кѣмъ изъ родныхъ.

Въ продолженіе этого времени онъ успѣлъ составить себѣ положеніе въ обществѣ, т. е. занять довольно видное мѣсто чиновника особыхъ порученій, при какой—то важной особѣ и обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи на столько, чтобы жить не стѣсняясь разсчетами. Онъ былъ не старъ, а что называется «мужчина въ самой порѣ»—между тридцатью пятью и сорока годами. По своей наружности Петръ Ивановичъ былъ то, что у насъ привыкли понимать подъ названіемъ bel homme. Черты его лица были правильны и крупны, но въ нихъ выражалось какое-то холодное спокойствіе, которое впрочемъ не пугало и не отталкивало никого. Вызвать его на смѣхъ было также трудно, какъ и поразить печальною новостію. Никогда ни хорошее, ни дурное впечатлѣніе не выводило его изъ себя. Таковъ онъ былъ въ свѣтѣ.

Однажды утромъ, человѣкъ, вмѣстѣ съ чаемъ, принесъ ему три письма и доложилъ, что приходилъ какой-то молодой баринъ, который называлъ себя Александромъ Ѳедорычемъ Адуевымъ, а его—Петра Ивановича — дядей, и обѣщался зайти часу въ двѣнадцатомъ.

— Племянникъ изъ провинціи! подумалъ Петръ Ивановичъ по уходѣ слуги. — А я надѣялся, что меня забыли въ томъ краю. Впрочемъ, что съ ними церемониться! отдѣлаюсь....

Онъ позвонилъ и отдалъ приказаніе слугѣ сказать племяннику, что онъ уѣхалъ на заводъ мѣсяца на три; затѣмъ Петръ Иванычъ принялся за чтеніе писемъ. Первое изъ нихъ, какъ оказалось изъ подписи, было отъ какого-то Василія Заѣзжалова, совершенно незнакомаго Адуеву. Добрякъ провинціалъ, казалось, и не подозрѣвалъ возможности того, чтобы Петръ Иванычъ сынъ стараго пріятеля, человѣкъ, котораго онъ зналъ ребенкомъ, не выполнилъ въ точности всѣхъ навязываемыхъ ему комисій, начиная отъ наивной просьбы объѣхать всѣхъ секретарей и сенаторовъ и похлопотать у нихъ о рѣшеніи въ его пользу производящагося въ сенатѣ дѣла до порученія повидаться со стариннымъ сослуживцемъ его, Заѣзжалова, Костяковымъ и отписать съ той же почтой живъ ли онъ, здоровъ ли и что дѣлаетъ? Заѣзжаловъ въ простотѣ души своей и не подозрѣвалъ конечно того, что Адуевъ отправитъ его письмо, какъ совершенно ненужную дрянь, подъ столъ въ корзинку, даже не дочитавши до конца.

Второе письмо, доставленное, какъ и первое, Сашенькою, было по подписи отъ Марьи Горбатовой, именовавшей Петра Иваныча «любезнымъ братцемъ.» Припомнивъ, что Горбатова сестра жены покойнаго брата, Адуевъ продолжалъ читать письмо ея нахмурившись. Отъ письма этого такъ и вѣяло сантиментальностію старой дѣвы. Большая часть его была посвящена воспоминаніямъ о романическихъ прогулкахъ вмѣстѣ съ нимъ — Петромъ Иванычемъ — и о томъ, какъ онъ, теперь дѣловой, практическій человѣкъ, влѣзалъ по колѣно въ воду для то-

го, чтобы достать для нея желтый цвѣтокъ и похищалъ изъ ея комода на память ленточки. Далѣе слѣдовали увѣренія въ томъ, что она Горбатова живетъ по прежнему мечтами о немъ и мольбою объ откровенности. Прочитавъ, Адуевъ хотѣлъ было и это письмо обречь на ту же участь, которой подверглось письмо Заѣзжалова, но, подумавъ, рѣшился сберечь его, какъ курьезную рѣдкость и, бросивъ въ бисерную корзинку, взялъ третье письмо и началъ читать его. Оно было отъ Анны Павловны; безъискусственнымъ языкомъ любящей матери она поручала въ немъ своего Сашеньку попеченіямъ Петра Иваныча.

Долго обдумывалъ Адуевъ письмо невѣстки и соображалъ, какъ поступить ему: строго разбирая въ умѣ и то, что сдѣлали съ нимъ, навязывая ему заботы о племянникѣ, и то, что надо было дѣлать ему самому, онъ невольно остановился на воспоминаніяхъ о томъ, какъ покойный братъ, а также Анна Павловна отправляли его самого въ Петербургъ. Вспомнились ему и ея слезы на прощаньи, и ея ласки, и ея послѣднія слова: «Вотъ, когда выростетъ Сашенька — тогда еще трехъ-лѣтній ребенокъ,—можетъ быть, и вы, братецъ, приласкаете его...» Подъ вліяніемъ этой картины Петръ Иванычъ всталъ и скорыми шагами пошелъ въ переднюю, для того, чтобы отдать слугѣ приказъ принять племянника и велѣть оставить за собою отдававшуюся надъ его квартирою комнату. Кстати онъ распорядился и на счетъ попавшихся ему здѣсь на глаза подарковъ, присланныхъ невѣсткою: медъ и сушеную малину онъ приказалъ продать лавочнику, а полотно и варенье спрятать.

Только что Адуевъ принялся бриться, какъ явился Александръ Ѳедорычъ. Дядя и племянникъ встрѣтились такъ, какъ обыкновенно встрѣчаются благовоспитанные люди, т. е. безъ объятій и поцалуевъ; впрочемъ, надо замѣтить, что Сашенька, какъ, дитя провинціи хотѣлъ было броситься дядюшкѣ на шею, но Петръ Иванычъ умѣлъ во время остановить его и заставить ограничиться рукопожатіемъ.

Разсмотрѣвъ племянника и сдѣлавъ замѣчаніе о его сход-

твѣ съ братомъ, Адуевъ снова углубился въ начатую имъ передъ его приходомъ операцію бритья. Человѣкъ болѣе свѣтскій приписалъ бы, быть можетъ, этого рода пріемъ родственной безцеремонности, но Александра онъ озадачилъ; ему показалось, что дядя въ претензіи на него за то, что онъ не остановился у него прямо.

Завязался разговоръ. Передавая порученіе тетушки Марьи Павловны поцѣловать дядю, Александръ Ѳедорычъ выразилъ было намѣреніе выполнить его; но услыхалъ отъ Петра Иваныча: «Тетушка твоя, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ!»

Сконфуженный племянникъ попробовалъ было справиться о письмѣ Заѣзжалова и повторить его просьбу на словахъ; но въ отвѣтъ получилъ отъ дяди вопросъ: «У васъ еще не перевелись такіе ослы?» Сраженный этими отзывами, племянникъ началъ извиняться, что остановился въ конторѣ дилижансовъ, а не пріѣхалъ прямо къ нему.

— Въ чемъ тутъ извиняться? возразилъ Адуевъ:—Квартира у меня, какъ видишь, холостая, для одного— лишней комнаты нѣтъ. Я бы стѣснилъ тебя, а ты меня.... А я нашелъ для тебя здѣсь же въ домѣ квартиру...: И Петръ Иванычъ принялся расхваливать ея удобства и удовольствіе имѣть свой собственный уголъ; затѣмъ онъ объяснилъ Сашенькѣ, что у него, кромѣ службы есть еще стеклянный и фарфоровый заводъ, что одинъ изъ его компаніоновъ по этому послѣднему мотъ и потому не очень надеженъ; распорядился чтобы слуга показалъ Александру Ѳедорычу нанятую для него комнату и пригласивъ племянника къ себѣ вечеромъ на чай, уѣхалъ изъ дому.

Начало петербургской жизни пришлось далеко не по вкусу, какъ молодому Адуеву, такъ и Евсею.

Александру не нравились и грязные, коричневые бока громадныхъ домовъ и вѣчно торопящаяся куда-то бѣгущая по улицамъ толпа. Онъ мысленно сравнивалъ все это съ картинами и жизнію покинутой имъ провинціи и ему становилось жаль

ихъ, жаль того, что улыбающійся зеленью пестрый пейзажъ родины онъ промѣнялъ на однообразныя каменныя громады столицы, которыя какъ колоссальныя гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою. Занятый этими думами онъ дошелъ до Адмиралтейской площади и остолбенѣлъ. Онъ съ часъ простоялъ передъ мѣднымъ всадникомъ, но не съ горькимъ упрекомъ въ душѣ, какъ бѣдный Евгеній, а полный нѣмаго восторга. Широкая, величественная Нева и панорама окружающихъ ее зданій пробудили въ немъ новыя надежды. Новая жизнь отверзала ему объятія и манила къ чему-то неизвѣстному. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія суматоха и толпа — все въ глазахъ его получило новое значеніе. Онъ вернулся домой, уже чуждымъ сожалѣнія о провинціи и въ самомъ восторженномъ настроеніи духа.

Вечеромъ, въ 11 часовъ, дядя прислалъ звать его пить чай.

Бесѣда съ Петромъ Иванычемъ произвела одуряющее впечатлѣніе на Александра. Адуевъ какъ какой-нибудь злой духъ, своимъ безпощаднымъ анализомъ уничтожалъ лучшія его надежды и разбивалъ самыя завѣтныя вѣрованія племянника. Онъ старался доказать ему, что любовь и дружба, что всѣ прелести жизни и всѣ стремленія къ высокому, не болѣе какъ горячечный бредъ молодости и что для того, чтобы наслаждаться жизнію, нужно быть прежде всего эгоистомъ и человѣкомъ практическимъ.

Многаго изъ словъ дяди Александръ не понялъ; другому не совсѣмъ вѣрилъ. Долго ворочался онъ въ постели по возвращеніи отъ Петра Иваныча, ломая голову надъ разрѣшеніемъ вопроса: что за человѣкъ его дядя?

Прошло недѣли двѣ.

Адуевъ день ото дня становился довольнѣе своимъ племянникомъ. У него есть тактъ, говорилъ онъ:—чего бы я никакъ не ожидалъ отъ деревенскаго мальчика. Онъ не навязывается, не ходитъ ко мнѣ безъ зову; и когда замѣтитъ, что онъ лишній, тотчасъ уйдетъ и денегъ не проситъ: онъ малый покойный,—

такъ заключилъ Петръ Иванычъ свою оцѣнку; но въ возможность того, чтобы Александръ сдѣлалъ себѣ въ столицѣ карьеру, онъ не вѣрилъ точно также, какъ и послѣ перваго свиданія съ нимъ. Напрасно пріѣзжалъ... восклицалъ онъ. Эта глупая восторженность никуда не годится. Ахъ, да ахъ! не привыкнетъ онъ къ здѣшнему порядку: гдѣ ему сдѣлать карьеру!

Александръ считалъ себя обязаннымъ любить дядю, но никакъ не могъ привыкнуть къ его характеру и образу мыслей.

«Дядюшка у меня, кажется добрый человѣкъ,» писалъ онъ въ одно утро Поспѣлову:—очень уменъ, только человѣкъ весьма прозаическій, вѣчно въ дѣлахъ, въ разсчетахъ.... Духъ его будто прикованъ къ землѣ и никогда не возносится до чистаго, изолированнаго отъ земныхъ дрязгъ созерцанія явленій духовной природы человѣка. Небо у него неразрывно связано съ землею, и мы съ нимъ, кажется, никогда совершенно не сольемся душами.» Далѣе Александръ жаловался другу на то, что онъ не встрѣтилъ въ дядѣ того теплаго сочувствія и той дружбы, которыхъ онъ ожидалъ отъ него, что онъ вмѣсто ихъ нашелъ только одни холодные совѣты, да ледяное равнодушіе и насмѣшку надъ всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ ему казалось святымъ и высокимъ. «И за счетами, и въ театрѣ, онъ все одинаковъ,—продолжалъ Александръ, очерчивая Поспѣлову портретъ дяди:—сильныхъ впечатлѣній не знаетъ и, кажется, не любитъ изящнаго: оно чуждо душѣ его; я думаю онъ не читалъ даже Пушкина...»

Петръ Иванычъ неожиданно явился въ комнату племянника и засталъ его за письмомъ.

— Я пришелъ посмотрѣть, какъ ты тутъ устроился,—сказалъ дядя,—и поговорить о дѣлѣ.

Александръ вскочилъ и проворно что-то прикрылъ рукою.

— Спрячь свой секретъ, сказалъ Петръ Иванычъ: — я отвернусь. Ну, спряталъ? А это что выпало? что это такое?

— Это дядюшка, ничего... началъ было Александръ, но смѣшался и замолчалъ.

— Кажется волосы. Подлинно ничего! Ужь я видѣлъ одно, такъ покажи и то, что спряталъ въ рукѣ.

Александръ, точно уличенный школьникъ, невольно разжалъ руку и показалъ кольцо.

— Что это? откуда? спросилъ Петръ Иванычъ,

— Это, дядюшка, вещественные знаки...: невещественныхъ отношеній....

— Что? что? дай-ка сюда эти знаки.

— Это залоги....

— Вѣрно изъ деревни привезъ?

— Отъ Софьи, дядюшка, на память... при прощаньи...

— Такъ и есть. И это ты везъ за тысячу пятьсотъ верстъ? Дядя покачалъ головою

— Лучше бы ты привезъ еще мѣшокъ сушоной малины: ту, по-крайней-мѣрѣ, въ лавку бы сбыли, а эти залоги...

Онъ разсматривалъ то волосы, то колечко; волосы понюхалъ, а колечко взвѣсилъ на рукѣ. Потомъ взялъ бумажку со стола, завернулъ въ нее оба знака, сжалъ все это въ компактный комокъ и—бацъ въ окно!

— Дядюшка! неистово закричалъ Александръ, схвативъ его за руку, но поздно: комокъ перелетѣлъ черезъ уголъ сосѣдней крыши, упалъ въ каналѣ на край барки съ кирпичами, отскочилъ и прыгнулъ въ воду.

Александръ молча, съ выраженіемъ горькаго упрека, смотрѣлъ на дядю.

— Дядюшка! повторилъ онъ.

— Что?

— Какъ назвать вашъ поступокъ?

— Бросаніемъ изъ окна въ каналъ невещественныхъ знаковъ и всякой дряни и пустяковъ, чего не нужно держать въ комнатѣ.

— Пустяковъ?.. Это пустяки?

— А ты думалъ что? Половина твоего сердца..... я пришелъ

къ нему за дѣломъ, а онъ вотъ чѣмъ занимается — сидитъ да думаетъ надъ дрянью!

— Развѣ это мѣшаетъ дѣлу, дядюшка?

— Очень. Время проходитъ, а ты до сихъ поръ мнѣ еще и не помянулъ о своихъ намѣреніяхъ: хочешь-ли ты служить, избралъ-ли другое занятіе—ни слова! а все оттого, что у тебя Софья да знаки на умѣ. Вонъ ты, кажется, къ ней письмо пишешь? Такъ?

— Да... я началъ было....

— А къ матери писалъ?

— Нѣтъ еще; я хотѣлъ завтра,

— Отчего же завтра? Къ матери завтра, а къ Софьѣ, которую черезъ мѣсяцъ надо забыть, сегодня....

— Софью? можно-ли ее забыть?

— Должно. Не брось я твоихъ залоговъ, такъ, пожалуй, чего добраго, ты помнилъ бы ее лишній мѣсяцъ. Я оказалъ тебѣ вдвойнѣ услугу. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти знаки напомнили бы тебѣ глупость, отъ которой бы ты краснѣлъ.

— Краснѣть отъ такого чистаго, святаго воспоминанія? Это значитъ не признавать поэзіи....

— Какая поэзія въ томъ, что глупо? Поэзія, напримѣръ, въ письмѣ твоей тетки! Жолтый цвѣтокъ, озеро, какая-то тайна.... Какъ я сталъ читать—мнѣ такъ стало нехорошо, что и сказать нельзя! чуть не покраснѣлъ, а ужъ я ли не отвыкъ краснѣть!

— Это ужасно, ужасно, дядюшка! стало быть вы никогда не любили?

— Знаковъ терпѣть не могъ.

— Это какая-то деревянная жизнь! сказалъ въ сильномъ волненіи Александръ: — прозябеніе, а не жизнь! прозябать безъ вдохновенія, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви....

— И безъ волосъ! прибавилъ дядя.

— Какъ вы, дядюшка, можете такъ холодно издѣваться надъ

тѣмъ, что есть лучшаго на землѣ? вѣдь это преступленіе... Любовь.... святыя волненія!...

— Знаю я эту святую любовь: въ твои лѣта только увидятъ локонъ, башмакъ, подвязку, дотронутся до руки—такъ по всему тѣлу и побѣжитъ святая, возвышенная любовь, а дай-ко волю, такъ и того.... Твоя любовь, къ сожалѣнію, впереди; отъ этого никакъ не уйдешь, а дѣло уйдетъ отъ тебя, если не станешь имъ заниматься.

— Да развѣ любовь не дѣло?

— Нѣтъ: пріятное развлеченіе, только не нужно слишкомъ предаваться ему, а то выйдетъ вздоръ. Отъ этого я и боюсь за тебя, отвѣтилъ дядя и заговорилъ о мѣстѣ, которое онъ нашелъ для Александра. Отъ этого предмета дядя и племянникъ перешли незамѣтно къ разговору о занятіяхъ послѣдняго поэзіею. Александръ показалъ Петру Иванычу нѣсколько своихъ стихотвореній; дядюшка прочиталъ ихъ, разобралъ каждую строчку критически и сказалъ:

— Ни худо, ни хорошо! Впрочемъ другіе начинали и хуже; попробуй, пиши, занимайся, если есть охота; можетъ быть и обнаружится талантъ,—тогда другое дѣло.

Этотъ отзывъ опечалилъ Александра, впрочемъ онъ приписалъ его отчасти холодности дяди, и его неспособности восхищаться прекраснымъ. Затѣмъ онъ показалъ Адуеву переводъ изъ Шиллера. Дядя какъ будто обрадовался знанію Александромъ языковъ и замѣтилъ:

— Давича насказалъ мнѣ Богъ знаетъ про что, а о главномъ ни слова—скромность некстати. Я тебѣ тотчасъ найду и литературное занятіе.

Племянникъ, въ свою очередь, обрадовался.

На другое утро Петръ Ивановичъ отвезъ племянника въ департаментъ. Чиновничій рядъ поразилъ Александра: онъ представился его воображенію одною громадною, сложною машиною, одною изъ пружинъ, которою станетъ вскорѣ и онъ самъ.

III.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Александра нельзя было и узнать: онъ превратился изъ добродушнаго провинціала въ изящнаго, щегольски одѣтаго, смѣлаго и свѣтскаго молодаго человѣка. Но все-таки его прежняя восторженность и способность увлекаться сохранились еще. Онъ все еще продолжалъ искать любви и наконецъ нашелъ ее. Предметомъ его страсти была дочь знакомой его дядя дамы—Наденька Любецкая. Когда онъ признался дядѣ въ своемъ новомъ движеніи, Петръ Иванычъ, по обыкновенію, назвалъ это глупостію и постарался образумить племянника, но напрасно.

— Охъ эта мнѣ любовь въ двадцать лѣтъ! говорилъ дядя: вотъ ужъ презрѣнная, такъ презрѣнная, никуда не годится!

— Какая же, дядюшка, годится? въ сорокъ? перебилъ племянникъ.

— Я не знаю, какова любовь въ сорокъ лѣтъ, а въ тридцать девять...

— Какъ ваша?

— Пожалуй, какъ моя.

— То есть, никакая.

— Ты почему знаешь?

— Будто вы можете любить?

— Почему же нѣтъ? развѣ я не человѣкъ, или развѣ мнѣ восемьдесятъ лѣтъ? Только если я люблю, то люблю разумно, помню себя, не бью и не опрокидываю ничего.

— Разумная любовь! хороша любовь, которая помнитъ себя! насмѣшливо замѣтилъ Александръ:—которая ни на минуту не забудется...

— Дикая, животная, перебилъ Петръ Иванычъ: — не помнитъ, а разумная должна помнить, въ противномъ случаѣ, это не любовь...

— А что же?..

— Такъ, гнусность, какъ ты говоришь.

— Вы... любите! говоритъ Александръ, глядя недовѣрчиво на дядю:—ха, ха, ха!

Петръ Ивиновичъ молча писалъ.

— Кого же, дядюшка? спросилъ Александръ.

— Тебѣ хочется знать?

— Хотѣлось бы.

— Свою невѣсту.

— Не... невѣсту! едва выговорилъ Александръ, вскочивъ съ мѣста и подходя къ дядѣ.

— Не близко, не близко, Александръ, закрой клапанъ! заговорилъ Петръ Иванычъ, увидя, какіе большіе глаза сдѣлалъ племянникъ, и проворно придвинулъ къ себѣ разныя мелкія вещицы, бюстики, фигурки, часы и чернильницу.

— Стало быть, вы женитесь? спросилъ Александръ съ тѣмъ же изумленіемъ.

— Стало быть.

— И вы такъ покойны! пишете въ Москву письма, разговариваете о постороннихъ предметахъ, ѣздите на заводъ и еще такъ адски холодно разсуждаете о любви!

— Адски холодно—это ново! въ аду, говорятъ, жарко. Да что ты на меня смотришь такъ дико?

— Вы—женитесь!

— Что-жъ тутъ удивительнаго? спросилъ Петръ Иванычъ, положивъ перо.

— Какъ что? женитесь и ни слова мнѣ!

— Извини, я забылъ попросить у тебя позволенія.

— Не просить позволенія, дядюшка, а надо же мнѣ знать. Родной дядя женится, а я ничего не знаю, мнѣ и не сказали!..

— Вотъ вѣдь сказалъ.

— Сказали, потому-что кстати пришлось.

— Я стараюсь, по возможности, все дѣлать кстати.

— Нѣтъ, чтобъ первому мнѣ сообщить вашу радость: вы знаете, какъ я люблю васъ и какъ раздѣляю...

— Я вообще избѣгаю дѣлежа, а въ женитьбѣ и подавно.

— Знаете что, дядюшка? сказалъ Александръ съ живостью:—

можетъ быть... нѣтъ, не могу таиться передъ вами... Я не таковъ,—все выскажу...

— Охъ, Александръ, некогда мнѣ; если новая исторія, такъ нельзя ли завтра?

— Я хочу только сказать, что, можетъ быть.... и я близокъ къ такому же счастью...

— Что?. спросилъ Петръ Иванычъ, слегка навостривъ уши:— это что-то любопытно...

— А! любопытно? такъ и я помучаю васъ: не скажу.

Петръ Иванычъ равнодушно взялъ пакетъ, вложилъ туда письмо и началъ запечатывать.

— И я, можетъ быть, женюсь! сказалъ Александръ на ухо дядѣ.

Петръ Иванычъ не допечаталъ письма и поглядѣлъ на него очень серьёзно.

— Закрой клапанъ, Александръ! сказалъ онъ.

— Шутите, шутите, дядюшка, а я говорю не шутя. Попрошу у маменьки позволенія.

— Тебѣ жениться!

— А что же?

— Въ твои лѣта!

— Мнѣ двадцать три года.

— Пора! Въ эти лѣта женятся только мужики, когда имъ нужна работница въ домѣ.

— Но если я влюбленъ въ дѣвушку и есть возможность жениться, такъ, по вашему, не нужно...

— Я тебѣ никакъ не совѣтую жениться на женщинѣ, въ которую ты влюбленъ.

— Какъ, дядюшка? это новое: я никогда подобнаго не слыхалъ.

— Мало ли ты чего не слыхалъ!

— Я думалъ все, что супружества безъ любви не должно быть.

— Супружество супружествомъ, а любовь любовью, сказалъ Петръ Иванычъ.

— Какъ же? жениться по разсчету?

— Съ разсчетомъ, а не по разсчету. Только разсчетъ этотъ долженъ состоять не въ однихъ деньгахъ. Мужчина такъ созданъ, что долженъ жить въ обществѣ женщины; ты и станешь расчитывать, какъ бы жениться, станешь искать, выбирать между женщинами...

— Искать, выбирать! съ изумленіемъ сказалъ Александръ.

— Да, выбирать. Поэтому-то я и не совѣтую жениться, когда влюбишься. Вѣдь любовь пройдетъ—это ужъ рѣшенная истина.

— Это самая грубая ложь и клевета.

— Ну, теперь тебя не убѣдишь; увидишь самъ со временемъ, а теперь запомни только мои слова: любовь пройдетъ, повторяю я, и тогда женщина, которая казалась тебѣ идеаломъ совершенства, можетъ быть покажется очень несовершенною, но дѣлать будетъ нечего. Любовь заслонитъ отъ тебя недостатокъ качествъ, нужныхъ для жены. Тогда какъ выбирая, ты хладнокровно разсудишь, имѣетъ ли такая-то или такая женщина качества, какія хочешь видѣть въ женѣ: вотъ въ чемъ главный разсчетъ. И если отыщешь такую женщину, она непремѣнно должна нравиться тебѣ постоянно, потому-что отвѣчаетъ твоимъ желаніямъ. Изъ этого возникнутъ между ею и тобою близкія отношенія, которыя потомъ образуютъ...

— Любовь? спросилъ Александръ.

— Да.... привычку.

— Жениться безъ увлеченія, безъ поэзіи любви, безъ страсти, разсуждать, какъ и зачѣмъ!!

— А ты женился бы не разсуждая и не спрашивая себя: зачѣмъ? такъ точно, какъ поѣхавши сюда, тоже не спросилъ себя: зачѣмъ.

— Такъ вы женитесь по разсчету? спросилъ Александръ.

— Съ разсчетомъ, замѣтилъ Петръ Иванычъ.

— Это все равно.

— Нѣтъ, по разсчету значитъ жениться для денегъ — это

низко; но жениться безъ разсчета—это глупо!.. а тебѣ теперь вовсе не слѣдуетъ жениться.

— Когда же жениться? Когда состарѣюсь? Зачѣмъ я буду слѣдовать нелѣпымъ примѣрамъ.

— Въ томъ числѣ и моему?.... спасибо!

— Я не про васъ говорю, дядюшка, а про всѣхъ вообще. Услышишь о свадьбѣ, пойдешь посмотрѣть—и что же?.. видишь прекрасное, нѣжное существо, почти ребенка, которое ожидало только волшебнаго прикосновенія любви, чтобы развернуться въ пышный цвѣтокъ, и вдругъ ее отрываютъ отъ куколъ, отъ няни, отъ дѣтскихъ игръ, отъ танцевъ, и слава Богу, если только отъ этого; а часто не заглянутъ въ ея сердце, которое, можетъ быть, не принадлежитъ уже ей. Ее одѣваютъ въ газъ, въ блонды, убираютъ цвѣтами и, не смотря на слезы, на блѣдность, влекутъ, какъ жертву, и ставятъ — подлѣ кого же? подлѣ пожилаго человѣка, по бо̀льшей части некрасиваго, который ужъ утратилъ блескъ молодости. Онъ или бросаетъ на нее взоры оскорбительныхъ желаній, или холодно осматриваетъ ее съ головы до ногъ, а самъ думаетъ, кажется: «хороша ты, да, чай, съ блажью въ головѣ: любовь да розы,—я уйму эту дурь, это глупости! у меня полно вздыхать да мечтать, а веди себя пристойно», или еще хуже — мечтаетъ объ ея имѣніи. Самому молодому мало-мало тридцать лѣтъ. Онъ часто съ лысиною, правда, съ крестомъ, иногда еще и со звѣздою. И говорятъ ей: «вотъ кому обречены всѣ сокровища твоей юности: ему и первое біеніе сердца и признаніе, и взгляды, и рѣчи, и дѣвственныя ласки, и вся жизнь.» А кругомъ толпой тѣснятся тѣ, кто, по молодости и красотѣ, подъ пару ей, и кому бы надо было стать рядомъ съ невѣстой. Они пожираютъ взглядами бѣдную жертву и какъ-будто говорятъ: «вотъ, когда мы истощимъ свѣжесть, здоровье, оплѣшивѣемъ, и мы женимся, и намъ достанется такой же пышный цвѣтокъ...: Ужасно!...

Долго еще Петръ Иванычъ и Александръ бесѣдовали на эту
*

тему. Когда они разстались, послѣдній помчался на дачу къ Любецкимъ.

IV.

Жизнь Александра раздѣлялась въ это время на двѣ половины, одна изъ которыхъ проходила на службѣ, а другая у Любецкихъ.

Выбѣжавъ изъ департамента, онъ обѣдалъ гдѣ-нибудь въ ресторанѣ на скорую руку, затѣмъ бѣжалъ на набережную Невы, гдѣ его дожидалась лодка съ двумя гребцами и черезъ часъ глаза его устремлялись со страхомъ и безпокойствомъ на обѣтованный уголокъ—рѣшетку сада Любецкихъ, къ которому подплывала лодка и гдѣ его обыкновенно поджидала Наденька. Замѣтивъ у рѣшетки знакомое платье, онъ оживалъ душею и, томимый нетерпѣніемъ, ежеминутно начиналъ подгонять гребцовъ.

Наденька была не красавица, но если кто пристально вглядывался въ ея черты, тотъ долго не сводилъ съ нея глазъ. Ея физіономія рѣдко оставалась двѣ минуты спокойною. Мысли и разнородныя ощущенія до крайности впечатлительной и раздражительной души ея безпрестанно смѣнялись однѣ другими, и оттѣнки этихъ ощущеній сливались въ удивительной игрѣ, придавая ея лицу ежеминутно новое и неожиданное выраженіе. Глаза, напримѣръ, вдругъ бросятъ будто молнію и мгновенно спрячутся подъ длинными рѣсницами; лицо сдѣлается безжизненно и неподвижно—и передъ вами точно мраморная статуя. Ожидаешь вслѣдъ за тѣмъ опять такого же пронзительнаго луча—отнюдь нѣтъ! вѣки поднимутся тихо, медленно—васъ озаритъ кроткое сіяніе взоровъ, какъ будто медленно выплывшей изъ за облакъ луны. Сердце непремѣнно отзовется легкимъ біеніемъ на такой взглядъ. Въ движеніяхъ тоже самое. Въ нихъ много было граціи, но это не грація Сильфиды. Въ этой граціи мно-

го было дикаго, порывистаго, что даетъ природа всѣмъ, но что потомъ искусство отнимаетъ до послѣдняго слѣда, вмѣсто того, чтобъ только смягчить. Эти-то слѣды часто проявлялись въ движеніяхъ Наденьки. Она иногда сидитъ въ живописной позѣ, но вдругъ, Богъ знаетъ вслѣдствіе какого внутренняго движенія, эта картинная поза нарушается вовсе неожиданнымъ и опять обворожительнымъ жестомъ. Въ разговорахъ тѣже неожиданные обороты: то вѣрное сужденіе, то мечтательность, то рѣзкій приговоръ, потомъ ребяческая выходка или тонкое притворство. Все показывало въ ней умъ пылкій, сердце своенравное и непостоянное. И не Александръ сошелъ бы съ ума отъ нея! одинъ только Петръ Иванычъ уцѣлѣетъ: да много-ли такихъ?

Однажды Александръ засидѣлся у Любецкихъ очень долго. Марія Михайловна, мать Наденьки, дремала въ креслѣ, а онъ и Наденька были въ саду. Ночь наступала чудная; они направились къ рѣкѣ и оперлись на рѣшетку. Долго глядѣли они молча; Наденька, въ раздумьи, смотрѣла на Неву, на даль, Александръ—на Наденьку. Души ихъ были переполнены счастіемъ, сердца сладко и какъ-то болѣзненно ныли, но языкъ безмолвствовалъ. Вотъ Александръ тихо коснулся ея таліи. Она тихо отвела локтемъ его руку. Онъ дотронулся опять,—она отвела слабѣе, не спуская глазъ съ Невы. Въ третій разъ не отвела. Онъ взялъ ее за руку—она не отняла и руки; онъ пожалъ руку,—рука отвѣчала на пожатіе. Такъ стояли они молча, а что чувствовали!...

— Наденька! сказалъ онъ тихо.

Она молчала.

Александръ съ замирающимъ сердцемъ наклонился къ ней. Она почувствовала горячее дыханіе на щекѣ, вздрогнула, обернулась и—не отступила въ благородномъ негодованіи, не вскрикнула!—она не въ силахъ была притвориться и отступить: обаяніе любви заставило молчать разсудокъ, и когда Александръ прильнулъ губами къ ея губамъ, она отвѣчала на поцалуй, хотя слабо, чуть внятно.

«О, какъ человѣкъ можетъ быть счастливъ!» сказалъ про себя Александръ и опять наклонился къ ея губамъ и пробылъ такъ нѣсколько минутъ.

Наденька стояла блѣдная, неподвижная; грудь ея дышала сильно и прерывисто. Вдругъ она встрепенулась.

— Что это такое? вы забылись! вдругъ сказала она и бросилась отъ него на нѣсколько шаговъ.—Я маменькѣ скажу!

Александръ упалъ съ облаковъ; онъ сталъ умолять ее, не разрушать его блаженства. Въ отвѣтъ на эти мольбы она наивно спросила:

— Такъ вы меня очень любите? И Наденька снова замолчала, снова стала смотрѣть вдаль, потомъ опять обратилась къ нему:

— Уже-ли есть горе на свѣтѣ? спросила она его.

— Говорятъ, есть... задумчиво отвѣчалъ Адуевъ:—да я не вѣрю...

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говоритъ—бѣдность.

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того-же, что мы теперь? Вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того,... что имъ надо ѣсть, пить.

— Фи! ѣсть! Дядюшка вашъ неправду говоритъ. Можно и безъ этого быть счастливыми: я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива!

Она засмѣялась.

Они обмѣнялись еще нѣсколькими фразами въ этомъ же родѣ и заговорили о мимолетности счастія. Наденька настаивала на томъ, что минуты, подобныя тѣмъ, какія они испытали, не повторяются два раза въ жизни; Александръ доказывалъ, что, напротивъ, для нихъ рано или поздно минуты настанутъ еще высшаго блаженства.

— Ахъ, перестаньте, перестаньте загадывать! перебила

она:—не пророчьте: мнѣ что-то страшно дѣлается, когда вы говорите такъ. Мнѣ и теперь грустно...

— Чего-же бояться? Неужели нельзя вѣрить самимъ себѣ?

— Нельзя, нельзя! говорила она качая головою.

Онъ посмотрѣлъ на нее и задумался.

— Отчего же?

— Наденька! Александръ Ѳедорычъ! раздалось вдругъ съ крыльца:—гдѣ вы?

— Слышите! сказала Наденька пророческимъ тономъ: — вотъ намекъ судьбы: эта минута не повторится больше,—я чувствую...

Она схватила его за руку, сжала ее, поглядѣла на него какъ-то странно, печально и вдругъ бросилась въ темную аллею.

V.

Любовь къ Наденькѣ поглотила всю дѣятельность Александра; служба, журнальные труды,—все было для нея забыто. Впрочемъ, онъ написалъ въ это время, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, комедію, двѣ повѣсти и путешествіе, и показалъ комедію и одну повѣсть сначала дядѣ. Петръ Иванычъ прочиталъ нѣсколько мѣстъ на выдержку и возвратилъ ихъ съ надписью: «годится... для перегородки!»

Александръ взбѣсился и послалъ ихъ въ журналъ, но и тамъ постигла ихъ та же участь. Дѣлать нечего: онъ отложилъ изящную профозу до другаго времени, когда сердце будетъ биться ровнѣе, когда мысли придутъ въ порядокъ, а въ ожиданіи его предался безпрерывному наслажденію подлѣ Наденьки. День за день собирался онъ просить ея руки у матери, но то одно мѣшало этому, то другое; между тѣмъ, въ домѣ Любецкихъ появился новый посѣтитель — сосѣдъ ихъ по дачѣ, графъ Новинскій.

Адуевъ, не смотря на любезность графа, при первой же встрѣчѣ обошелся съ нимъ крайне непріязненно. Это несоблюденіе простыхъ свѣтскихъ приличій Александромъ, произвело на Наденьку, какъ и слѣдовало ожидать, весьма непріятное впечатлѣніе.

Ежедневныя встрѣчи у Любецкихъ съ графомъ, сдѣлавшимся ихъ постояннымъ гостемъ, волновали Александра. Онъ два дня не былъ у нихъ и Богъ знаетъ, что̀ передумалъ и перечувствовалъ въ эти два дня; наконецъ поѣхалъ. Вотъ онъ завидѣлъ дачу, всталъ въ лодкѣ и, прикрывъ глаза рукою отъ солнца, смотрѣлъ, впередъ. Вонъ между деревьями мелькаетъ синее платье, которое такъ ловко сидитъ на Наденькѣ. Она всегда надѣвала это платье, когда хотѣла особенно нравиться Александру.

— А! она хочетъ вознаградить меня за временную, невольную небрежность, думалъ онъ: — не она, а я виноватъ; ка̀къ можно было такъ непростительно вести себя? И Адуевъ сталъ обвинять самъ себя за свое обращеніе съ графомъ.

— А! вонъ выходитъ она изъ-за куста съ узенькой тропинки, промелькнуло у него въ головѣ,—идетъ къ рѣшеткѣ, тутъ остановится и будетъ ждать...

Она точно вышла на большую аллею... но кто жъ еще съ нею поворачиваетъ съ дорожки?...

— Графъ! горестно, вслухъ воскликнулъ Александръ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Ась? откликнулся одинъ гребецъ.

«Одна съ нимъ въ саду»... шепнулъ Александръ: какъ со мною?»

Графъ съ Наденькой подошли къ рѣшеткѣ и, не взглянувъ на рѣку, повернулись и медленно пошли по аллеѣ назадъ. Онъ наклонился къ ней и говорилъ что-то тихо. Она шла потупя голову.

Адуевъ все стоялъ въ лодкѣ съ раскрытымъ ртомъ, не ше-

велясь, протянувъ руки къ берегу, потомъ опустилъ ихъ и сѣлъ. Гребцы продолжали грести.

— Куда вы?—назадъ! крикнулъ онъ бѣшено на нихъ.

— Назадъ ѣхать?

— Назадъ! глухъ что-ли ты?

— А туда не понадобится?

И лодка понеслась въ обратный путь. Послѣ этого Александръ не ѣздилъ къ Любецкимъ двѣ недѣли: онъ все ждалъ, что за нимъ пришлютъ. Но ожиданія его были напрасны; онъ наконецъ поѣхалъ самъ безъ приглашенія, утромъ, надѣясь застать Наденьку одну и объясниться съ ней.

Не встрѣтивъ никого ни въ саду, ни въ залѣ, ни въ гостиной, онъ вышелъ въ переднюю и отворилъ дверь на дворъ... И что же увидѣлъ онъ?

Два жокея въ графской ливреѣ держали верховыхъ лошадей. На одну изъ нихъ графъ и человѣкъ сажали Наденьку; другая приготовлена была для самого графа. Мать стояла тутъ же на крыльцѣ и съ безпокойствомъ вразумляла Наденьку быть осторожнѣе.

Адуева не замѣтили. Онъ, блѣдный, молча смотрѣлъ на Наденьку, которая теперь казалась ему такъ хороша, какъ никогда.

— Графъ! мы опять черезъ рощу поѣдемъ? спросила Наденька, когда жокей подвелъ лошадь графу.

«Опять!» подумалъ Адуевъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ графъ.

Лошади тронулись съ мѣста.

— Надежда Александровна! вдругъ закричалъ Адуевъ какимъ-то дикимъ голосомъ.

Всѣ остановились, какъ вкопаные, какъ будто окаменѣли, и смотрѣли въ недоумѣніи на Александра.

Это продолжалось съ минуту.

— Ахъ, это Александръ Ѳедоровичъ! первая сказала мать опомнившись. Графъ любезно поклонился ему, а Наденька при-

подняла вуаль, бросила на него испуганный взглядъ, не сказала ни слова и стегнула лошадь; та быстро рванулась и въ два прыжка исчезла за воротами, при боязливыхъ восклицаніяхъ матери; за нею помчался и графъ.

Александръ остался съ матерью Наденьки, но изъ разговоровъ съ нею онъ мало узналъ утѣшительнаго для себя. Она разсказала ему о томъ, что графъ бываетъ у нихъ каждый день, что онъ окружаетъ Наденьку самою нѣжною внимательностію и, наконецъ, что теперь уже Наденька не уговариваетъ ее подождать къ обѣду Александра, а напротивъ, торопитъ ее садиться за столъ, увѣряя, что Александръ Ѳедоровичъ не пріѣдетъ.

— Теперь вотъ каждый день ѣздитъ верхомъ! толковала словоохотливая старушка, послѣ своего разсказа о томъ, какъ Наденька училась верховой ѣздѣ въ графскомъ манежѣ.

— Каждый день! сказалъ Александръ, почти про себя.

— Да, что-жъ не потѣшить! Сама тоже молода была. . бывало...

— И долго они ѣздятъ?

— Часа по три! Ну, а вы чѣмъ это заболѣли? Разговоръ перешелъ на болѣзнь Александра. Между тѣмъ воротилась и Наденька, блѣдная отъ усталости. Едва переводя духъ, она бросилась на диванъ. Александръ рѣшился объясниться съ нею во что бы то ни стало, но онъ просидѣлъ цѣлый день, а ему все-таки неудалось улучить удобной для этого минуты.

Онъ уѣхалъ давая себѣ слово не ѣздить болѣе къ Любецкимъ; но на третій день не выдержалъ и поѣхалъ. Онъ засталъ у нихъ гостей, и въ томъ числѣ графа. Гости разошлись наконецъ; ушелъ и графъ. Наденька была въ саду, почему не знала этого и не спѣшила домой. Адуевъ ушелъ безъ церемоніи отъ Марьи Михайловны въ садъ. Наденька стояла спиной къ Александру, держась рукою за рѣшетку и опершись головой на руку, какъ въ тотъ незабвенный вечеръ... Она не видала и не слыхала его прихода.

Какъ билось у него сердце, когда онъ крался къ ней на ципочкахъ. Дыханіе у него замерло.

— Надежда Александровна! едва слышно проговорилъ онъ въ волненіи.

Она вздрогнула и отступила отъ него на шагъ.

— Скажите, пожалуйста, что̀ это тамъ за дымъ? заговорила она въ смущеніи, съ живостію указывая на противоположную сторону рѣки: — пожаръ что-ли, или другое какое пламя?...

Онъ молча глядѣлъ на нее.

— Право, я думала пожаръ!... Что̀ вы такъ смотрите на меня, не вѣрите?

Она замолчала.

— И вы, началъ онъ, качая головой:—и вы, какъ другія, какъ всѣ!... Кто-бы ожидалъ этого... мѣсяца два назадъ?...

— Что вы? Я васъ не понимаю, сказала она и хотѣла идти.

— Постойте, Надежда Александровна, я не въ силахъ долѣе сносить этой пытки.

— Какой пытки? я право, не знаю...

— Не притворяйтесь; скажите, вы ли это? тѣ же ли вы, какія были?

— Я все та же! сказала она рѣшительно.

— Какъ! вы не перемѣнились ко мнѣ?

— Нѣтъ; я, кажется, также ласкова съ вами, также весело встрѣчаю васъ...

— Также весело! а зачѣмъ бѣжите отъ рѣшетки?...

— Я бѣгу! смотрите, что выдумали: я стою у рѣшетки, а вы говорите—бѣгу.

Она принужденно засмѣялась.

— Надежда Александровна, оставьте лукавство!

— Какое лукавство? Что̀ вы пристали ко мнѣ?

— Вы ли это? Боже мой! полтора мѣсяца тому назадъ, еще здѣсь...

— Что̀ это за дымъ такой на той сторонѣ, хотѣла бы я знать?...

— Ужасно! ужасно! говорилъ Александръ.

— Да что я вамъ сдѣлала. Вы перестали къ намъ ѣздить— какъ хотите... удерживать противъ воли... начала Наденька.

— Притворяетесь! будто вы не знаете, зачѣмъ я пересталъ ѣздить.

Она, глядя въ сторону, покачалъ головой.

— А графъ? сказалъ онъ почти грозно.

— Какой графъ?

— Какой! скажите еще, говорилъ онъ, глядя ей прямо въ глаза:—что вы равнодушны къ нему?

— Вы съ ума сошли! отвѣчала отступая она отъ него.

Александръ сталъ осыпать ее самыми горькими упреками. Она съ ужасомъ смотрѣла на него. Глаза его сверкали, губы побѣлѣли.

— У! какіе злые! сказала она робко:—за что вы сердитесь? Я вамъ не отказывала, вы еще не говорили съ *maman*... почему же вы знаете...

— Говорить послѣ этихъ поступковъ?

— Какихъ поступковъ? я не знаю...

— Какихъ? сейчасъ скажу: что̀ значатъ эти свиданія съ графомъ, эти прогулки верхомъ?

Наденька стала оправдываться тѣмъ, что нельзя-же ей бѣжать отъ него, когда мать уходитъ изъ комнаты; что ѣзда верхомъ ей нравится...

— А перемѣна въ обращеніи со мною? допрашивалъ онъ ее: а зачѣмъ графъ у васъ каждый день, съ утра до вечера?

— Ахъ, Боже мой, я почемъ знаю! какіе вы смѣшные! maman такъ хочетъ.

— Неправда! maman хочетъ такъ, какъ вы хотите! Кому эти всѣ подарки, ноты, альбомы, цвѣты? все maman?

— Да, maman очень любитъ цвѣты. Вчера еще она купила у садовника.

— А о чемъ вы съ нимъ говорите вполголоса? продолжалъ Александръ, не обращая вниманія на ея слова:—посмотрите, вы блѣднѣете, вы сами чувствуете свою вину. Разрушить счастіе человѣка, забыть, уничтожить все такъ скоро, легко: лицемѣріе, неблагодарность, ложь, измѣна... да, измѣна!... какъ могли вы допустить себя до этого? Богатый графъ, левъ, удостоилъ кинуть на васъ благосклонный взглядъ—и вы разстаяли, пали ницъ передъ этимъ мишурнымъ солнцемъ; гдѣ стыдъ?!.. Чтобы графа не было здѣсь! говорилъ онъ задыхающимся голосомъ: слышите-ли? оставьте, прекратите съ нимъ всѣ сношенія, чтобы онъ забылъ дорогу въ вашъ домъ!... я не хочу...

Онъ съ бѣшенствомъ схватилъ ее за руку.

— Maman, maman! сюда! пронзительнымъ голосомъ закричала Наденька, вырываяся отъ Александра и, вырвавшись, опрометью бросилась бѣжать домой.

Онъ сѣлъ на скамью и схватился руками за голову.

Она прибѣжала въ комнату блѣдная, испуганная и упала на стулъ.

— Что ты? что съ тобой? что ты кричишь? спросила встревоженная мать, идя ей на встрѣчу.

— Александръ Ѳедорычъ... нездоровъ! едва могла проговорить она.

— Такъ чтожъ такъ пугаться!

— Онъ такой страшный... maman, не пускайте его, ради Бога, ко мнѣ.

— Какъ ты меня перепугала, сумасшедшая! ну что-жъ, что не здоровъ! Я знаю, у него грудь болитъ. Что̀ тутъ страшнаго? не чахотка! потретъ опотельдокомъ—все пройдетъ: видно не послушался, не потеръ.

Александръ опомнился и уѣхалъ. Прощаясь, онъ спросилъ Наденьку:

— Когда позволите мнѣ придти?

— Когда вамъ угодно. Впрочемъ... мы на той недѣлѣ переѣзжаемъ въ городъ: мы вамъ дадимъ знать тогда.

Прошло болѣе двухъ недѣль; дачи опустѣли, городъ ожи-

вился и вступилъ въ свою обычную жизнь, а Адуевъ все не получалъ отъ Любецкихъ приглашенія.

Наконецъ, встрѣтившись какъ-то разъ на улицѣ съ ихъ поваромъ, онъ узналъ, что они переѣхали и уже окончательно устроились въ городѣ, и что графъ, по прежнему, бываетъ у нихъ каждый день.

Вечеромъ, въ тотъ же день, онъ прошелъ мимо ихъ квартиры. У подъѣзда стояла карета.

— Чья это карета? спросилъ онъ.

— Графа Новинскаго.

Этого рода прогулки стали совершаться имъ каждый день, и всякій разъ его взорамъ представлялась у подъѣзда роковая карета. Наконецъ онъ рѣшился зайти къ Любецкимъ. Наденька встрѣтила его спокойно, но такъ, что онъ съ-разу понялъ, что пророчество ея сбылось, что прошлое минуло безвозвратно. Имъ овладѣла невыносимая тоска. Онъ думалъ о томъ только, какъ бы свергнуть съ себя этотъ добровольно взятый на себя крестъ. Долго обдумывалъ онъ какъ приняться за дѣло, наконецъ выдумалъ что-то и пошелъ къ Любецкимъ. Все благопріятствовало ему. Кареты у подъѣзда не было. Тихо прошелъ онъ залу и на минуту остановился передъ дверями гостиной, чтобы перевести духъ. Тамъ Наденька играла на фортепіано. Дальше черезъ комнату сидѣла сама Любецкая и вязала шарфъ.

Услыхавъ шаги его, Наденька обернулась и съ улыбкой ожидала появленія гостя; но когда она увидала Александра улыбка исчезла съ лица ея и замѣнилась испугомъ. Было видно, что не его ожидала она.

Александръ молча поклонился ей и прошелъ къ матери. Черезъ полчаса мать зачѣмъ-то вызвали изъ комнаты. Александръ, подошелъ къ Наденькѣ. Она встала и хотѣла уйти.

Онъ попросилъ ее удѣлить ему пять минутъ. Наденька отказалась было выслушать его, но когда онъ напомнилъ ей о томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ она дозволила ему просить у

матери ея руки, случилось много такого, что заставляетъ его повторить вопросъ, то она болѣе не сопротивлялась.

— Отвѣчайте мнѣ коротко и искренно на одинъ только вопросъ,—началъ онъ въ полголоса,—и наше объясненіе сейчасъ окончится... Вы меня не любите болѣе?

Наденька попробовала было уклониться отъ прямаго отвѣта; она заговорила о томъ, что она и ея мать всегда цѣнили его дружбу, всегда были рады ему.

— Послушайте, сказалъ онъ такимъ голосомъ, что маска вдругъ слетѣла съ притворщицы:—оставимъ маменьку въ сторонѣ: сдѣлайтесь на минуту прежней Наденькой, когда вы немножко любили меня... и отвѣчайте прямо: мнѣ это нужно знать—ей-Богу, нужно.

Она молчала, только перемѣнила ноты и стала пристально разсматривать и разыгрывать какой-то пассажъ.

— Ну, хорошо, я измѣню вопросъ,—продолжалъ Адуевъ:—скажите, не замѣнилъ ли — не назову даже кто — просто, не замѣнилъ-ли кто-нибудь меня въ вашемъ сердцѣ?

Вопросъ его остался по прежнему безъ отвѣта; онъ сталъ настаивать.

— Ахъ, Боже мой, перестаньте! что я вамъ скажу, мнѣ нечего сказать! отвѣчала она, отворачиваясь отъ него.

Для другаго этого было бы достаточно для того, чтобы понять, что она не любитъ его болѣе. Но Адуеву было мало: онъ хотѣлъ испить разомъ до дна чашу мученій.

— Сжальтесь надо мною! началъ онъ опять:—посмотрите на меня, похожъ-ли я на себя? всѣ пугаются меня, не узнаютъ... всѣ жалѣютъ, вы однѣ только...

Александръ говорилъ правду; онъ былъ не похожъ на самого себя.

— Да о чемъ вы меня спрашиваете? отозвалась наконецъ Наденька, откинувшись на спинку кресла. Я совсѣмъ растерялась... у меня голова точно въ туманѣ.

Она судорожно прижала руку ко лбу и тотчасъ-же отняла.

— Я спрашиваю: замѣнилъ-ли меня кто-нибудь въ вашемъ сердцѣ? одно слово — *да* или *нѣтъ* — рѣшитъ все; долго-ли сказать!

Наденька по прежнему не могла все еще рѣшиться на отвѣтъ,—она боролась сама съ собою; накопецъ преодолѣла себя и прошептала:—да!

— Это *да* отозвалось тяжело въ сердцѣ Адуева, онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ. Безъ словъ, какъ убитый, онъ оставался нѣсколько минутъ въ какомъ-то оцѣпененіи. Наденькѣ стало жалко его, чувство прошлой любви, какъ будто, пробудилось въ ея сердцѣ, она стала оправдываться, говорить, что все это сдѣлалось противъ ея воли.. ., что она не могла обманывать.

— Мнѣ трудно было слышать это *да*, сказалъ онъ, но вамъ было еще труднѣе сказать его... Прощайте; вы болѣе не увидите меня: одна награда за вашу искренность.... но графъ..., графъ!

Онъ стиснулъ зубы и пошелъ къ дверямъ.

— Да, сказалъ онъ, воротясь:—къ чему это поведетъ васъ? Графъ на васъ не женится: какія у него намѣренія.

— Не знаю! отвѣчала Наденька, печально качая головой.

— Боже, какъ вы ослѣплены! съ ужасомъ воскликнулъ Александръ.

— У него не можетъ быть дурныхъ намѣреній.... отвѣчала она слабымъ голосомъ.

— Берегитесь, Надежда Александровна! Онъ взялъ ея руку, поцаловалъ ее и неровными шагами вышелъ изъ компаты. На лѣстницѣ Александръ безсознательно опустился, сѣлъ на одну изъ ступень ея и зарыдалъ какъ ребенокъ.

VI.

Возвратившись домой, Александръ пошолъ къ дядѣ. Петръ Иванычъ принялъ съ изумленіемъ племянника, котораго онъ не видалъ уже очень давно и который вдругъ такъ неожиданно явился къ нему ночью, въ то время, когда онъ шолъ уже спать.

Дядя съ участіемъ справился о его здоровьѣ, затѣмъ предложилъ ему вопросы о томъ: не проигрался-ли онъ или не потерялъ-ли денегъ?

Получивъ отрицательный на нихъ отвѣтъ, Петръ Иванычъ догадался въ чѣмъ дѣло.

— Любовь, я думаю? сказалъ онъ.

Александръ, слово за слово, разсказалъ Адуеву всю свою исторію и, въ заключеніе, сталъ просить его быть секундантомъ при его дуэли съ графомъ.

Дядюшка чуть не расхохотался и принялся ему доказывать всю нелѣпость подобной дуэли, съ искусствомъ человѣка, привыкшаго дѣйствовать въ жизни не наобумъ. Онъ разобралъ поступки Александра и указалъ ему на его ошибки.

— Нѣтъ, говорилъ онъ: чтобы быть счастливымъ съ женщиною, надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методѣ, если хочешь, чтобъ она исполнила и поняла свое назначеніе. Надо очертить ее магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобы она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только ея сердцемъ... Это что! это скользкое и непрочное обладаніе!..но и умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобъ она смотрѣла на вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ.... Онъ продолжалъ говорить еще долго на эту тему, прерываемый отъ времени до времени замѣчаніями Александра.

— О, нужна мудреная и тяжелая школа, и эта школа умный и опытный мужчина — вотъ въ чемъ штука! заключилъ Адуевъ.

— А жена,—раздался голосъ Адуевой изъ корридора,—должна не показывать вида, что понимаетъ великую школу мужа и завести маленькую свою, но не болтать о ней за бутылкой вина....

Дюдюшка задумался; онъ понялъ, что съ его стороны было крайне опрометчиво предполагать, чтобы женщина могла уснуть, зная, что черезъ комнату есть секретъ между двумя мужчинами.

— Теперь, сказалъ онъ, когда она замѣтитъ этотъ магическої кругъ, станетъ тоже хитрить.... о, я знаю женскую натуру! Но, посмотримъ.... Только надо иначе повести дѣло: прежняя метода ни къ чорту не годится. Теперь надо....

Онъ вдругъ спохватился и замолчалъ, боязливо поглядывая на дверь.

Дядя и племянникъ возвратились къ ихъ прежнему разговору. Петръ Иванычъ еще разъ попытался было образумить Александра рядомъ доводовъ, но всё это привело только къ тому, что послѣдній разрыдался какъ ребенокъ. Адуевъ нахмурился и пошелъ къ женѣ.

— Что мнѣ дѣлать съ Александромъ? сказалъ онъ ей: — Онъ такъ у меня разревѣлся; я совсѣмъ измучился съ нимъ.

Тетка скользнула изъ комнаты, тихо подошла къ Александру, дотронулась до его плеча, сѣла подлѣ него, поглядѣла на него пристально, отерла ему платкомъ глаза и поцѣловала въ лобъ, а онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ. Долго говорили они.

Александръ вышелъ отъ нея успокоенный, а она воротилась въ спальню съ заплаканными глазами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Знакомство Александра съ Юліей Павловной Тафаевой началось спустя годъ послѣ описанныхъ въ послѣдней главѣ первой части сценъ и происшествій и началось довольно оригинальнымъ образомъ.

Разъ какъ-то Петръ Иванычъ послѣ довольно продолжительной бесѣды, объяснилъ Александру, что у него есть по заводу компаніонъ Сурковъ, человѣкъ влюбленный до крайности, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, и что онъ влюбился въ Тафаеву.

Александръ слушалъ разсказъ дяди и не понималъ, къ чему ведетъ онъ.

Адуевъ пояснилъ ему, что эта любовь потребуетъ, при самолюбіи Суркова, громадной траты и заставитъ его, пожалуй, потребовать заводскій капиталъ.

— Ты влюби-ка въ себя Тафаеву, сказалъ онъ наконецъ:— мѣшай Суркову ухаживать за нею; онъ вначалѣ будетъ сходить съума, а затѣмъ охладѣетъ. Капиталъ останется цѣлъ, заводскія дѣла пойдутъ своимъ чередомъ! Ужь это въ пятый разъ я съ нимъ играю шутку! Прежде, бывало, когда былъ холостой и помоложе—самъ, а не то, кого-нибудь изъ пріятелей подошлю.

Александръ вначалѣ отговаривался; но затѣмъ согласился взяться за порученіе дяди.

*

II.

Въ назначенный день Петръ Иванычъ представилъ Александра Тафаевой. Молодой Адуевъ съ перваго-же раза произвелъ на нее самое выгодное впечатлѣніе.

Юлія Павловна была очень хороша собою, умна и граціозна. Какъ и большая часть нервныхъ женщинъ, она была робка, мечтательна и чувствительна. Словомъ, она была тоже между женщинами, что Александръ между мужчинами.

Наступила зима. Александръ четыре недѣли не являлся къ дядѣ. Случилось вовсе не то, чего хотѣлъ Петръ Иванычъ. Александръ влюбилъ въ себя Юлію и самъ влюбился въ нее.

Эта любовь улыбалась совершенно иначе ему, чѣмъ его первая любовь. Тамъ были только сомнѣнія и страданія, а тутъ сомнѣнія были невозможны: она принадлежала ему всецѣло; страданія уступили мѣсто наслажденіямъ. Лѣтомъ прогулки вдвоемъ, зимою пріятный tête-à-tête у камина до поздней ночи или катанье на санкахъ по темнымъ улицамъ и затѣмъ снова нескончаемая бесѣда за самоваромъ.

Ведя этотъ образъ жизни, Юлія и Александръ, слово за слово, добрались наконецъ до слова: *супружество*. Въ этотъ день, оба они не знали отъ радости что дѣлать. Вечеръ былъ прекрасный. Они отправились куда-то за городъ, въ глушь, и, нарочно отыскавъ съ большимъ трудомъ гдѣ-то холмъ, просидѣли цѣлый вечеръ на немъ, разговаривая о своей будущей жизни. И сколько словъ! сколько мечтаній было потрачено понапрасну, потому что ничему изъ этого не суждено было сбыться!

Прошло лѣто, прошла и скучная осень. Наступила другая зима. Свиданія Александра съ Юліей были также часты. Тафаева ревновала его страшно, ревновала даже къ теткѣ; но ея ревность и деспотизмъ въ сравненіи съ диспотизмомъ Александра были ничто. Онъ тиранилъ бѣдную женщину изъ любви, какъ другіе не тиранятъ изъ ненавести. Нерѣдко оскорбленія,

колкости, черныя подозрѣнія и упреки сыпались на нее градомъ.

Истративъ весь запасъ извѣстныхъ и готовыхъ наслажденій, они начали придумывать новыя, разнообразить этотъ и безъ того богатый удовольствіями міръ. Какой даръ изобрѣтательности обнаружила въ этомъ отношеніи Юлія! Но и этотъ даръ истощился. Желать и испытывать было нечего болѣе. Искреннія изліянія стали рѣдки. Они иногда по цѣлымъ часамъ сидѣли не говоря ни слова. Но Юлія была счастлива и молча. Онъ сталъ, напротивъ, размышлять, задумываться. Магическій кругъ, въ который заключена была его жизнь любовью, мѣстами разорвался и ему вдали показались то лица пріятелей и рядъ разгульныхъ удовольствій, то блистательные балы съ толпою красавицъ, то вѣчно занятый и дѣловой дядя, то покинутыя занятія....

Разъ въ такомъ настроеніи духа сидѣлъ онъ у Юліи. Жизнь, которую онъ велъ въ теченіе двухъ почти лѣтъ, со дня знакомства съ Тафаевою, казалась ему теперь праздною и глупою. Онъ негодовалъ за нее самъ на себя.

— Это ли любовь! думалъ онъ:—чортъ знаетъ, что это такое,—не разберешь!

— Что вы тамъ дѣлаете? О чемъ думаете? спросила вдругъ Юлія.

— Такъ... сказалъ онъ, зѣвая и отодвигаясь отъ нея подальше.

— Сядьте здѣсь, поближе.

Онъ не сѣлъ и ничего не отвѣчалъ.

— Что съ вами? продолжала она, подходя къ нему: — вы несносны сегодня.

— Я не знаю.... сказалъ онъ вяло:—мнѣ что-то.... какъ будто я....

Онъ не зналъ, что отвѣчать ей, потому что и самъ не понималъ хорошенько, что̀ съ нимъ дѣлается.

Юлія сѣла подлѣ него и стала говорить. Она представляла ему картину ихъ будущей семейной жизни, изображая себя въ

ней безусловно покорной ему рабой. Потомъ она напомнила Александру начало ихъ любви и первые дни счастія. Юлія говорила съ увлеченіемъ, глаза ея горѣли; но онъ, очевидно, не слушалъ ее: его голова были занята другими мыслями. Она попыталась-было разсѣять скуку, томившую Александра, игрою на фортепіано: всё напрасно,—онъ не слушалъ и все думалъ свою думу, наконецъ взялъ шляпу и собрался уходить.

— Куда вы? спросила она съ изумленіемъ.

— Домой.

— Еще нѣтъ одиннадцати часовъ.

Александръ сослался на то, что ему надо писать къ матери, потому что давно не писалъ къ ней. Онъ и забылъ, что Юлія знала очень хорошо то, что письмо послано только день тому назадъ. Она напомнила ему это и стала допрашиваться: что все это значитъ?

— Да ничего, право ничего, отвѣчалъ онъ:—ну, мнѣ просто спать хочется: я нынче мало спалъ—вотъ и все.

— Мало спали! какъ же сами вы сказали давича утромъ, что спали девять часовъ, и что у васъ даже отъ того голова заболѣла?...

Опять нехорошо.

— Ну, голова болитъ.... сказалъ онъ, смутившись немного,—оттого и ѣду.

— А послѣ обѣда сказали, что боль головы прошла.

— Боже мой, какая у васъ память! Это несносно! ну, мнѣ просто хочется домой.

— Развѣ вамъ здѣсь нехорошо? что̀ у васъ тамъ, дома?

Онъ кое-какъ успокоилъ ее и уѣхалъ.

На другой день Александръ не поѣхалъ къ Юліи. Онъ провелъ день фланируя: наслаждаясь тѣмъ, что онъ гуляетъ одинъ, свободно, независимо. Вечеромъ Александръ отправился въ театръ, изъ театра ужинать. Возвратившись домой, онъ нашелъ на столѣ до полудюжины записокъ и соннаго лакея въ передней; слугѣ не велѣно было уходить, не дождавшись его. На

другой день кое-какъ помирились. Но подобныя ссоры стали повторяться все чаще и чаще.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, Александръ условился съ пріятелями выбрать день и повеселиться напропалую, но въ тоже утро онъ получилъ записку отъ Юліи, съ просьбой пробыть съ нею цѣлый день и пріѣхать пораньше. Она писала, что она больна, грустна, что нервы ея страдаютъ и т. п. Онъ разсердился, однакожъ поѣхалъ предупредить ее, что онъ не можетъ остаться съ нею, что у него много дѣла.

— Да, конечно: обѣдъ у Дюссо, театръ, катанье на горахъ—очень важныя дѣла.... сказала она томно.

— Это что значитъ? спросилъ онъ съ досадою:—вы, кажется, присматриваете за мною? я этого не потерплю.

Онъ всталъ и хотѣлъ идти.

— Постойте, послушайте! сказала она:—поговоримте.

— Мнѣ некогда.

— Одну минуту: сядьте.

Онъ сѣлъ нехотя на край стула.

Повторилась сцена совершенно сходная со сценою объясненія Александра съ Наденькою: вся разница была только въ томъ, что роль Наденьки игралъ уже онъ, а роль его—Юлія.

Но ни угрозы, ни мольбы, ни слезы, ничто не помогло—разрывъ совершился! Тафаева страдала невыносимо. Александръ не отвѣчалъ на ея записки; она пригласила Петра Иваныча и разсказала ему все. Адуевъ засталъ ее больною, чуть-чуть не умирающею и успокоилъ, увѣривъ, что Александръ неспособенъ любить, что онъ не стоитъ ее и т. д.

Послѣдовало объясненіе дяди съ племянникомъ. Попробывалъ было Петръ Иванычъ заговорить о томъ, чтобы съѣздилъ Александръ къ Юліи,—онъ и руками и ногами; но едва онъ объяснилъ ему всю правду, едва успѣлъ сказать, что онъ такъ устроилъ дѣло, что Тафаева даже рада, что разошлась съ нимъ—самолюбіе заговорило въ Александрѣ: ему стало досадно, что женщина, которую онъ разлюбилъ, отказалась отъ него такъ хладнокров-

но, безъ всякихъ мукъ. Онъ готовъ былъ поѣхать къ ней сейчасъ, и поѣхалъ-бы, еслибы его не удержалъ отъ того дядя.

Отчаяніе овладѣло имъ; онъ теперь казался мелокъ и ничтоженъ самому себѣ.

III.

Александръ опять пропалъ и не появлялся у дяди; на этотъ разъ виною тому была уже не любовь, а апатія. Онъ отказался отъ всего, что казалось ему когда-то такъ дорого, что манило его къ себѣ. Стремленія къ высокому, трудъ — все было забыто. Но какъ же случилась эта метаморфоза.

Разсорившись съ Юліею, онъ бросился въ вихрь шумныхъ удовольствій. Но однообразіе кутежей въ пріятельскомъ кругу, скоро наскучило Александру,—они были не по немъ. Онъ бѣжалъ отъ нихъ и очутился въ своей комнатѣ, наединѣ съ заброшенными имъ книгами; но едва взялся онъ за книгу, какъ передъ нимъ воскресли тѣ счастливыя мгновенія, которыя онъ провелъ въ этой же самой комнатѣ, осѣняемый прекраснымъ призракомъ. При этихъ воспоминаніяхъ ему стало страшно за свое будущее, уныло и безотрадно показалось оно ему, и книга выпала изъ его рукъ.

«Все извѣдано, подумалъ Александръ:—новаго ничего нѣтъ, старое не повторится, а живи.» Радостей онъ не предвидѣлъ, а горе всенепремѣнно впереди, — его не избѣжишь; всѣ подвержены общему закону; всѣмъ, какъ казалось ему, отпущена ровная доля и счастья и несчастья. Счастье для него кончилось, и какое счастье? Фантасмагорія, обманъ. Только горе дѣйствительно, и оно впереди. Съ отчаяніемъ искалъ Александръ выхода изъ этого печальнаго положенія, и не находилъ; сравнивая себя поочередно то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ своихъ знакомыхъ, онъ увидалъ, что всѣ они пристроились, основались и идутъ по своему ясному и опредѣленному пути; что только

изъ него одного не вышло до сихъ поръ ничего путнаго и дѣльнаго.

Съ досадою задался Александръ вопросомъ: на что̀ онъ пригоденъ? И, анализируя самого себя, пришелъ къ тому заключенію, что, пожалуй, изъ него что-нибудь могло бы и выйти, да уже поздно, время ушло:—надо начинать съ азбуки. Слезы выступили у него изъ глазъ при этомъ отвѣтѣ, зависть и недоброжелательство ко всѣмъ загорѣлись въ его душѣ. Ему стало жаль, что онъ не послушался матери и покинулъ незатѣйливую и мирную провинцію, гдѣ онъ могъ бы быть счастливъ, не волнуясь, не страдая. Теперь онъ желалъ только одного: забвенія прошлаго, спокойствія, сна души и, мало-помалу Александръ достигъ желанной цѣли. Подъ вліяніемъ какой-то искусственной апатіи, онъ жилъ ничего не дѣлая и ничѣмъ не занимаясь, удаляясь отъ всего, что только напоминало ему цивилизованный міръ. Свое время онъ дѣлилъ съ людьми желчными и озлобленными, или не развитыми умственно и стоящими ниже его по воспитанію. Особеннымъ его расположеніемъ пользовался старикъ Костяковъ,—личность, чуждая всякихъ душевныхъ волненій и жившая исключительно жизнію матеріальною. Съ нимъ-то Александръ и проводилъ часы своего досуга отъ служебныхъ занятій, зимой играя въ шашки, а лѣтомъ гдѣ-нибудь за городомъ за удочкой.

Адуеву было ужъ недалеко и до состоянія совершенной одеревѣнелости. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и—прощай. Но судьбѣ угодно было еще разъ пробудить Александра, еще разъ вызвать волненія въ его сердцѣ.

Однажды Александръ съ Костяковымъ удили рыбу. Смотрите, смотрите! закричалъ Костяковъ: — клюетъ, ей-Богу клюетъ! Ай, ай! тащите, тащите! держите!

Александръ ухватился за палку, потомъ за лѣсу; на поверхности воды показалась огромная щука.

Костяковъ поблѣднѣлъ отъ волненія.

— Ахъ, какая! воскликнулъ онъ.

«Ахъ!» кто-то повторилъ сзади.

Обернувшись, Александръ увидалъ, въ двухъ шагахъ отъ нихъ старика, подъ руку съ хорошенькою дѣвушкою. Старикъ поклонился Александру; Адуевъ угрюмо отвѣтилъ ему тѣмъ же: ему было досадно на то, что и тутъ покой его былъ нарушенъ женщиною. Подъ вліяніемъ этой досады, онъ бросилъ удочку и сѣлъ шагахъ въ десяти оттуда на скамью, подъ деревомъ. Между тѣмъ дѣвушка успѣла разсмотрѣть Александра и понять, что онъ принадлежитъ къ иному, болѣе образованному классу людей, чѣмъ его товарищъ. Ее удивило то, что онъ убѣжалъ отъ нее, какъ бы испугавшись. Она гордо выпрямилась, опустила рѣсницы, потомъ подняла ихъ и неблагосклонно взглянула на него.

Ей уже было досадно. Она увлекла отца и величаво прошла мимо Адуева. Старикъ опять раскланялся съ Александромъ; но дочь не удостоила его даже взгляда.

«Пусть узнаетъ онъ, что имъ вовсе не занимаются!» думала она, поглядывая украдкой смотритъ-ли Адуевъ. Александръ, хотя и не взглянулъ на нее, однако невольно принялъ позу поживописнѣе.

«Каково! онъ и не смотритъ! думала дѣвушка.—Какая дерзость!»

Два дня Костяковъ и Александръ спокойно удили рыбу: никто не нарушалъ ихъ уединенія. На третій день, когда они безмолвно были погружены въ созерцаніе поплавковъ, сзади послышался шорохъ, Александръ вздрогнулъ. Старикъ и дѣвушка были тутъ.

Адуевъ, какъ кажется, ожидалъ этой встрѣчи, по крайней мѣрѣ такъ надо было заключить потому, что онъ въ этотъ день, противъ обыкновенія, надѣлъ новое пальто и кокетливо повязалъ голубую косыночку, волосы расправилъ,—даже, кажется, немного позавилъ и сталъ походить на идиллическаго рыбака. Выждавъ столько времени, сколько требовало приличіе, онъ ушелъ и сѣлъ подъ дерево.

«Это просто дерзко!» подумала дѣвушка, вспыхнувъ отъ гнѣва.

Старикъ извинился предъ Адуевымъ, что они, можетъ быть, помѣшали имъ, получилъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ! я усталъ,» и завелъ разговоръ съ Костяковымъ о рыбной ловлѣ.

Костяковъ, справился гдѣ они живутъ на дачѣ, похвалилъ дочь, спросилъ ее: гуляетъ-ли она и принялся сѣтовать на неудачную ловлю.

— У меня ничего, замѣтилъ онъ при этомъ, а у нихъ такъ вотъ, извольте посмотрѣть.

Онъ показалъ окуня.

— Доложу вамъ, продолжалъ онъ:—это рѣдкость, какъ они счастливы! жаль, что думаютъ не объ этомъ, а то бы съ ихъ счастьемъ мы никогда съ пустыми руками не уходили: упустить эдакую щуку!...

Онъ вздохнулъ.

Дѣвушка начала живѣе вслушиваться; но Костяковъ замолчалъ.

Старикъ и дочь стали появляться чаще и чаще. Адуевъ иногда обмѣнивался нѣсколькими фразами съ отцомъ, но съ дочерью-никогда. Это пренебреженіе вначалѣ возбуждало въ ней досаду, потомъ оно стало казаться ей обидно, а наконецъ — сдѣлалось даже отъ него грустно.

Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній, взоръ Александра невольно остановился на дѣвушкѣ: онъ долго не могъ отвести глазъ отъ ея прекраснаго существа и почувствовалъ, что по тѣлу его пробѣжала лихорадочная дрожь. Онъ отвернулся отъ нея и сталъ прутомъ срывать головки съ цвѣтовъ.

«А! знаю я, что это такое! думалъ онъ:—дай волю, оно бы и пошло! Вотъ и любовь готова: глупо! Дядюшка правъ. Но, одно животное чувство меня не увлечетъ — нѣтъ, я до этого не унижусь.»

— Можно мнѣ поудить? робко спросила дѣвушка у Костякова.

— Можно, сударыня, отчего неможно? отвѣчалъ тотъ, подавая ей удочку Адуева.

— Ну, вотъ вамъ и товарищъ! сказалъ отецъ Костякову, и оставя дочь, пошелъ бродить вдолъ берега.

— Смотри же, Лиза, налови рыбы къ ужину, прибавилъ онъ.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, Лиза спросила Костякова: «отчего его товарищъ такой угрюмый».

— Третій разъ мѣстомъ обошли, сударыня! объяснилъ онъ по своему необщительность Александра; нэон а поняла, что это объясненіе далеко невѣрно; подъ вліяніемъ этой мысли покачала головою и принялась удить.

Рыба клюнула; она вытащила удучку, но ничего не поймала.

— Не умѣете, сударыня, замѣтилъ Костяковъ: не дали ему клюнуть хорошенько.

— Развѣ и тутъ надо умѣнье?

— Какъ и во всемъ, сказалъ Александръ машинально.

— Какъ же достичь этого, чтобъ умѣть? сказала она съ легкимъ трепетомъ въ голосѣ.

— Чаще упражняться,—отвѣчалъ Александръ.

Кокетливо перевела Лизѣ отвѣтъ Александра, какъ выраженіе желанія, чтобы она чаще приходила сюда,

«Хорошо, подумала она: я буду приходить, но я помучаю васъ, г. дикарь, за всѣ ваши дерзости....»

Съ этого дня посѣщенія дѣвушки повторялись ежедневно; иногда она приходила безъ отца, съ нянькой, садилась подъ дерево сь работой или книгой и показывала видъ совершеннаго равнодушія къ Александру.

Ей хотѣлось этимъ расшевелить ето самолюбіе, но эта хитрость оказалась безплодною. Онъ былъ,по прежнему,молчаливъ и сухъ. Дѣлать нечего, она перемѣнила свой планъ атаки и стала заговаривать съ нимъ; самъ Александръ сталъ, правда, разговорчивѣе, но, по разсчету или такъ, подъ впечатлѣніемъ

прошлыхъ страданій, былъ холоденъ и остороженъ въ разговорахъ съ нею.

Упорство Александра подожгло Лизу, она стала доискиваться причины его нелюдимости, но онъ еще хитрѣе увертывался отъ объясненія съ нею. Эта скрытность еще болѣе возбуждала любопытство, а, можетъ быть, и другое чувство дѣвушки. Она стала какъ-то задумчива, печальна, часто устремляла на Александра грустный взглядъ и думала: «вы несчастливы, можетъ быть, обмануты.... О, какъ бы я умѣла сдѣлать васъ счастливымъ!» Однимъ словомъ, думала такъ, какъ думаетъ большая часть женщинъ.

Однажды только онъ отчасти открылъ ей, или хотѣлъ открыть, образъ своихъ мыслей. Ему попалась въ руки принесенная Лизою книга,—то былъ Чайльдъ-Гарольдъ, во французскомъ переводѣ; онъ развернулъ ее и, прочитавъ заглавіе, покачалъ головою, вздохнулъ и молча положилъ книгу на мѣсто. Дѣвушка заинтересовалась этими признаками неодобренія и обратилась къ Александру съ вопросомъ о томъ, что̀ вызвало такое неодобреніе; отчего ей, по его мнѣнію, не слѣдуетъ читать Байрона?

Онъ положилъ свою руку на ея руку и сталъ говорить о томъ, что Байронъ можетъ пробудить въ ея душѣ такія чувства, которыя бы она безъ того никогда не узнала.... При этихъ словахъ Александръ крѣпко сжалъ руку дѣвушки и продолжалъ говорить уже не о Байронѣ, а возможности для нея счастія тихаго, мирнаго, безъ бурныхъ волненій.

— Оставьте, не читайте! сказалъ онъ:—глядите на все съ улыбкой; не смотрите въ даль; живите день за днемъ, не разбирайте темныхъ сторонъ въ жизни о людяхъ, а то....Онъ остановился, но Лиза настаивала, чтобы онъ докончилъ.

— Отчего вы не хотите, чтобъ я сочувствовала ему?— Развѣ я такъ глупа, ничтожна, говорила она, что не пойму Байрона?....

Она обидѣлась.

— Не то совсѣмъ: сочувствуйте тому, что свойственно вашему женскому сердцу; ищите того, что подъ ладъ ему, иначе можетъ случиться страшный разладъ.... и въ головѣ, и въ сердцѣ. Тутъ онъ покачалъ головою, намекая на то, что онъ самъ жертва этого разлада. «Одинъ покажетъ вамъ—говорилъ онъ—цвѣтокъ и заставитъ наслаждаться его запахомъ и красотой, а другой укажетъ только ядовитый сокъ въ его чашечкѣ.... тогда пропадутъ для васъ и красота, и благоуханіе. Онъ заставитъ васъ сожалѣть о томъ, зачѣмъ тамъ этотъ сокъ—и вы забудете, что есть въ немъ и благоуханіе.... Есть разница между этими людьми и между сочувствіемъ къ нимъ. Не ищите же яду, не добирайтесь до начала всего, что дѣлается съ нами и около насъ; не ищите ненужной опытности: не она ведетъ къ счастью.» Онъ замолчалъ Она недовѣрчиво и задумчиво слушала его.

— Говорите, говорите.... сказала она съ дѣтской покорностью:—я готова слушать васъ цѣлые дни, повиноваться вамъ во всемъ.

— Мнѣ? сказалъ Александръ холодно:—помилуйте: какое я имѣю право располагать вашею волею?... Извините, что я позволилъ сдѣлать себѣ замѣчаніе. Читайте что угодно.... Чайльдъ-Гарольдъ—очень хорошая книга; Байронъ—великій поэтъ!

— Нѣтъ, не притворяйтесь! Не говорите такъ. Скажите, что мнѣ читать?

Онъ педантически указалъ ей нѣсколько книгъ. Послѣ этого между ними не было уже подобнаго разговора. Снова образъ женщины сталъ мелькать въ глазахъ Александра; онъ хотѣлъ бѣжать отъ зараждающейся любви, но не бѣжалъ, а торопливо шелъ ежедневно къ рѣчкѣ и здѣсь встрѣчалъ Лизу. Александръ сталъ вдумываться въ свое положеніе и рѣшился нѣсколько времени не ходить на рыбную ловлю. Онъ и Костяковъ не ходили цѣлую недѣлю. Наконецъ пошли и встрѣтили Лизу съ нянькой. Дѣвушка встрѣтила его съ радостію, съ упреками,

изъ-за которыхъ проглядывала любовь. Александръ обошелся съ нею холодно. Его отвѣты вызвали на ея глазахъ слезы; Адуевъ взглянулъ на нее и замѣтилъ ихъ, а также и то, что она поблѣднѣла и похудѣла.

«Такъ вотъ что!.... уже!.... подумалъ онъ:—я не ожидалъ такъ скоро!» Затѣмъ онъ громко засмѣялся.

Этотъ смѣхъ, повидимому, вызвалъ ея рѣшимость; она готовилась сказать что-то важное, но въ ту минуту подходилъ къ нимъ ея отецъ.—До завтра, проговорила она: завтра мнѣ надо поговорить; сегодня я не могу, сердце мое слишкомъ полно.... Завтра вы придете? да, слышите? Вы не забудете насъ? не покинете?... И она побѣжала не дождавшись отвѣта.

Александръ разобралъ волнующее его чувство, прослѣдилъ его отъ начала до конца—и не пошелъ на прогулку ни на другой, ни на третій, ни на четвертый день: ему хотѣлось побороть самого себя, потому что любить онъ считалъ себя болѣе неспособнымъ, а обмануть не хотѣлъ. Лиза все ждала его и страдала. Наконецъ, когда однажды, полубольная, сидѣла она на своемъ мѣстѣ подъ деревомъ, вдругъ послышался ей шорохъ; она обернулась и передъ нею, сложа руки крестомъ, стоялъ Александръ. Онъ взялъ ее за руку и жадно, съ волненіемъ вглядывался въ лицо ея.

— Вы похудѣли! сказалъ онъ тихо: вы страдаете?—Она вздохнула, затѣмъ высказала ему съ какимъ нетерпѣніемъ ждала его.

— А я пришелъ проститься съ вами! сказалъ онъ. Лиза стала умолять его остаться.—Я вамъ скажу тайну, говорила она:—здѣсь насъ увидитъ папенька изъ окошекъ; пойдемте къ намъ въ садъ, въ бесѣдку.... она выходитъ въ поле; я васъ проведу.

Александръ пошелъ. Онъ былъ убѣжденъ, что устоитъ твердо противъ искушенія; не смотря на то, что внутренній голосъ упрекалъ уже его и за то, что онъ пришелъ въ этотъ день на свиданіе: ты бы не явился, шепталъ ему голосъ, и недѣли

черезъ двѣ былъ бы забытъ. Но Александръ воображалъ, что онъ поступаетъ благородно, являясь на подвигъ самоотверженія—бороться съ соблазномъ лицемъ къ лицу.

Противъ соблазна Адуевъ все-таки не устоялъ, объ этомъ свидѣтельствовали—поцалуй, сорванный имъ съ устъ Лизы въ бесѣдкѣ, признаніе, что его слова объ отъѣздѣ были только выдумка, которую онъ позволилъ себѣ изъ желанія узнать есть ли въ ней къ нему чувство и, наконецъ, обѣщаніе придти на другой день въ бесѣдку.

Возвращаясь домой, Александръ упрекалъ себя за свою слабость, далъ слово не ходить на свиданіе и пришелъ—ранѣе назначеннаго часа. Въ бесѣдкѣ было уже темно. Кто-то торопливо вбѣжалъ въ бесѣдку прежде его и сѣлъ на диванъ. Александръ тихо подошелъ къ дивану и взялъ за руку, какъ онъ думалъ, Лизу, но то была не она, а ея отецъ. Старикъ сталъ объяснятъ ему все неблагородство его поступка и наконецъ объявилъ, чтобы онъ не смѣлъ болѣе появляться въ окрестностяхъ. ихъ жилища. Александръ хотѣлъ что-то сказать, но старикъ отворилъ дверь и почти вытолкалъ его.

Оскорбленный, озлобленный на самого себя, Адуевъ готовъ былъ, въ первыя минуты своего отчаянія, лишить себя жизни. Онъ пошелъ на мостъ, облокотился на перила и, мысленно прощаясь съ жизнію, сталъ вглядыватся въ воду.... Что сдѣлалъ бы онъ—неизвѣстно, какъ вдругъ мостъ заколебался у него подъ ногами; онъ взглянулъ: Боже мой! онъ на краю пропасти: прелъ нимъ зіяетъ могила: половина моста отдѣлилась и отплываетъ прочь.... проходятъ суда; еще минута—прощай! Мысль о самоубійствѣ исчезла и уступила мѣсто чувству самохраненія. Александръ собралъ всѣ свои силы и однимъ отчаяннымъ прыжкомъ перескочилъ на другую сторону. Тамъ онъ остановился, перевелъ духъ и пошелъ домой.

Лиза все ждала Александра; пришла и осень, наступилъ день переѣзда въ городъ, а она все еще страдала: любовь слишкомъ глубоко пустила корни въ ея сердце.

IV.

Александръ успѣлъ забыть и Лизу. Онъ опять сталъ жить тою же апатичною жизнію въ сообществѣ Костякова, какою жилъ до того времени; душа его начинала утопать въ тинѣ скудныхъ понятій и матеріальнаго быта; но судьба не дремала и не допускала его утонуть совсѣмъ въ этой тинѣ.

Какъ-то разъ онъ получилъ совершенно неожиданно записку отъ тетки, съ просьбою проводить ее, за нездоровьемъ дяди, въ концертъ. Эта просьба встревожила Александра: ему не хотѣлось выходить изъ своего забытья; но дѣлать нечего, онъ поѣхалъ.

Концертъ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе: передъ нимъ былъ артистъ, которому поклонялась толпа, и все-таки самъ артистъ также преклонился предъ тою же толпою, благодаря ее за рукоплесканія, которыми она осыпала его.

Послѣ концерта тетка стала просить Александра зайти къ ней,—онъ отказался; но она просила его такъ убѣдительно, съ такимъ чувствомъ, что Александръ подчинился ей и зашелъ.

Лизавета Александровна усадила его у камина и начала упрекать его за затворничество, за то, что онъ даже и ей перестал довѣрять свое горе и сталъ чуждаться. Вначалѣ Александръ отвѣчалъ нехотя, хотѣлъ было уйти, но въ самую минуту прощанья не выдержалъ,—вернулся.

— Нѣтъ, не могу бѣжать отъ васъ; силъ недостаетъ, сказалъ онъ:—что̀ вы дѣлаете со мною?

— Будьте опять прежнимъ Александромъ, хотя на одну минуту. Разскажите, повѣрьте мнѣ все....

— Да, я не могу молчать предъ вами: выскажу вамъ все, что у меня на душѣ, сказалъ онъ. И Александръ сталъ оживленно говорить о своемъ разочарованіи и охлажденіи къ жизни, о томъ, что онъ стремится теперь къ одной только цѣли: полному забвенію всего прошлаго, къ тому, чтобы заглушить въ себѣ всякое чувство.

Попыталась было тетка заставить его отказаться отъ своего намѣренія, но все напрасно. Пришелъ Петръ Иванычъ, полубольной, едва передвигая ноги. Мало-по-малу между имъ и племянникомъ разговоръ перешелъ на ту же тему. Александръ взволновался и сталъ доказывать, что виноватъ во всемъ Петръ Иванычъ, убившій въ немъ вѣру въ жизнь людей, всѣ земныя радости и во все свѣтлое и высокое, даже, наконецъ, въ самого себя. Дядя оправдывался, какъ и всегда, небрежно, иронически и въ заключеніе посовѣтовалъ Александру ѣхать въ деревню.

— Тамъ ты увидишься съ матерью, утѣшишь ее,—говорилъ онъ:—ты же ищешь покойной жизни: здѣсь тебя все волнуетъ; а гдѣ покойнѣе, какъ не тамъ, на озерѣ, съ теткою.... Право, поѣзжай!

Черезъ двѣ недѣли Александръ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню. Тетка, проводивъ его, проплакала цѣлый день.

V.

Александръ возвратился въ родныя Грачи; мать встрѣтила его радостно и изумилась совершившейся въ немъ перемѣнѣ. Прошло два, три мѣсяца. Александръ начиналъ успокоиватся: мирная жизнь провинціи произвела на него благотворное впечатлѣніе. Попробовалъ онъ заняться дѣломъ, сталъ писать и остался доволенъ началомъ труда. Онъ занялся не шутя. Такъ прошло года полтора. Все бы хорошо, но Александръ къ концу этого срока сталъ задумываться. Ему надоѣли тѣсныя рамки деревенскаго жилья; ему стало жаль своего прошлаго; онъ помирился съ нимъ: его снова тянуло въ столицу и онъ уѣхалъ бы тотчасъ же, если бы не опасался опечалить матери. Но мать вскорѣ умерла.

ЭПИЛОГЪ.

Вотъ что, спустя года четыре послѣ вторичнаго пріѣзда Александра въ Петербургъ, происходило съ главными дѣйствующими лицами.

Петръ Иванычъ значительно подряхлѣлъ и ходилъ уже немного сгорбившись. Въ одно утро этотъ безстрастный и покойный въ былое время человѣкъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету съ какимъ-то озабоченно-тоскливымъ видомъ. На креслѣ около стола сидѣлъ докторъ. Наконецъ Адуевъ заговорилъ:

— Что́ дѣлать, докторъ? спросилъ онъ вдругъ остановившись передъ нимъ.

— У васъ припадки стали повторяться слишкомъ часто, сказалъ докторъ.

— Э! вы все обо мнѣ! перебилъ Петръ Иванычъ:—я вамъ говорю о женѣ. Мнѣ за пятьдесятъ лѣтъ, а она въ цвѣтущей порѣ,—ей надо жить; и если здоровье ея начинаетъ угасать съ этихъ поръ....

— Вотъ ужъ и угасать! замѣтилъ докторъ.—Я сообщилъ вамъ только свои опасенія на будущее время, а теперь еще ничего нѣтъ.... Я хотѣлъ только сказать, что здоровье ея.... или нездоровье, а такъ она.... какъ будто не въ нормальномъ положеніи....

— Не все-ли равно? Вы вскользь сдѣлали ваше замѣчаніе, да и забыли, а я съ тѣхъ поръ слѣжу за ней пристально и съ каждымъ днемъ открываю въ ней новыя, неутѣшительныя перемѣны,—и вотъ три мѣсяца не знаю покоя. Ка̀къ я прежде не видалъ—не понимаю! Должность и дѣла отнимаютъ у меня время и здоровье.... а вотъ теперь, пожалуй, и жену.

Онъ опять пустился шагать по комнатѣ.

— Вы сегодня распрашивали ее? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да; но она ничего въ себѣ не замѣчаетъ. Я сначала

предполагалъ физіологическую причину; у нея не было дѣтей.... но, кажется, нѣтъ! Можетъ быть, причина чисто-психологическая....

— Еще легче! замѣтилъ Петръ Иванычъ.

Докторъ попробовалъ успокоить Адуева,—посовѣтывалъ покинуть Петербургъ, и уѣхалъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лизаветѣ Александровнѣ, для того, кто видѣлъ ее въ первый разъ, было бы трудно открыть признаки болѣзни; но тотъ, кто зналъ ее нѣсколько лѣтъ назадъ, взглянувши на нее теперь, изумился бы происшедшей въ ней перемѣнѣ: онъ бы понялъ, что недугъ гложетъ ее, и сердце наблюдавшаго сжалось бы отъ сожалѣнія.

Разставшись съ докторомъ, Петръ Иванычъ пошелъ къ женѣ.

Онъ тихо вошелъ въ кабинетъ и сѣлъ подлѣ нея. Она провѣряла расходную книжку.

— Вообрази, Петръ Иванычъ, сказала она ему:—въ прошедшемъ мѣсяцѣ на одинъ столъ вышло около полуторы тысячи рублей,—это ни на что не похоже.

Онъ, не говоря ни слова, взялъ у ней книжку, положилъ на столъ и сталъ говорить о томъ, что докторъ совѣтуетъ ему ѣхать за границу.—Что ты скажешь на это? добавилъ онъ.

— Что же мнѣ сказать? Тутъ, я думаю, голосъ доктора важнѣе моего. Надо ѣхать, если онъ совѣтуетъ.

— А ты? Желала ли бы ты сдѣлать этотъ вояжъ?

— Пожалуй.

— Но, можетъ быть, ты лучше хотѣла бы остаться здѣсь?

— Хорошо, я останусь.

— Что же изъ двухъ? спросилъ Петръ Иванычъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Распоряжайся и собой и мной, какъ хочешь,—отвѣчала она съ унылымъ равнодушіемъ:—велишь—я поѣду, нѣтъ—останусь здѣсь....

— Оставаться здѣсь нельзя, замѣтилъ Петръ Иванычъ:—

докторъ говоритъ, что и твое здоровье нѣсколько пострадало... отъ климата.

— Съ чего онъ взялъ? сказала Лизавета Александровна: я здорова; я ничего не чувствую.

— Продолжительное путешествіе,—говорилъ Петръ Иванычъ,—тоже можетъ быть для тебя утомительно; не хочешь ли ты пожить въ Москвѣ, у тетки, пока я буду за границею?

— Хорошо; я, пожалуй, поѣду въ Москву.

— Или не съѣздить ли намъ обоимъ на лѣто въ Крымъ.

— Хорошо, и въ Крымъ.

Петръ Иванычъ не выдержалъ: онъ всталъ съ дивана и началъ, какъ у себя въ кабинетѣ, ходить по комнатѣ, потомъ остановился передъ нею.

— Тебѣ все равно, гдѣ ни быть? спросилъ онъ.

— Все равно, отвѣчала она.

— Отчего же?

Она не отвѣтила ни слова; взяла опять со стола расходную книжку и снова заговорила о томъ, что надо сократить расходы.

Онъ взялъ у нея книжку и бросилъ подъ столъ.

— Что это такъ занимаетъ тебя? спросилъ онъ:—или денегъ тебѣ жаль?

— Какъ же не занимать? вѣдь я твоя жена! Ты же самъ училъ меня... а теперь упрекаешь, что я занимаюсь... Я дѣлаю свое дѣло.

Онъ сталъ говорить ей, что никогда не желалъ этого, что она насилуетъ свою натуру, что это нехорошо.

— Зачѣмъ ты хочешь стѣснить себя? Я предоставляю тебѣ полную свободу... сказалъ онъ.

Но она отказалась и отъ свободы. Петръ Иванычъ сталъ допрашивать—не желаетъ-ли она чего-нибудь?

Она колебалась, говорить или нѣтъ.

Петръ Иванычъ замѣтилъ это.

— Скажи; ради Бога, скажи! продолжалъ онъ: твои желанія будутъ моими, я исполню ихъ какъ законъ.

— Ну, хорошо, отвѣчала она:—если ты можешь это сдѣлать для меня... то уничтожь наши пятницы... эти обѣды утомляютъ меня.

Петръ Иванычъ задумался.

— Ты и такъ живешь въ заперти, сказалъ онъ, помолчавъ:—а когда перестанутъ къ намъ собираться пріятели по пятницамъ, ты совершенно будешь въ пустынѣ. Впрочемъ, изволь: ты желаешь этого—будетъ исполнено. Что-жъ ты станешь дѣлать?

— Ты передай мнѣ свои счеты, книги, дѣла... я займусь,—сказала она, и потянулась подъ столъ поднимать расходную книжку.

Петръ Иванычъ сталъ думать, доискиваться причины ея равнодушія—и угадалъ ее. Онъ понялъ, что, ограждая жену методически отъ всѣхъ уклоненій, которыя могли бы повредить ихъ супружескимъ интересамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не предложилъ ей въ себѣ вознаградительныхъ условій, за тѣ, можетъ быть, непривилегированныя закономъ радости, которыя бы она встрѣтила внѣ супружества, что домашній ея міръ былъ не что иное, какъ крѣпость, благодаря методѣ его,—неприступная, но печальная.

Что-же сталось съ Александромъ? Онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ кончаютъ многіе, т. е. виднымъ чиновникомъ.

II.

ОБЛОМОВЪ.

(Романъ въ четырехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ большихъ домовъ Гороховой улицы лежалъ утромъ въ постели на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду, пріятной наружности, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица. Каждый, взглянувъ па него, сказалъ бы: «добрякъ долженъ быть,—простота.» Обломовъ вообще казался какъ-то обрюзглымъ не по лѣтамъ,—его тѣло было слишкомъ изнѣжено для мужчины; всѣ его движенія сдерживались мягкостію и не лишенною своего рода граціи лѣнью. Дома онъ ходилъ всегда безъ галстука и безъ жилета, въ халатѣ и длинныхъ широкихъ туфляхъ, потому что любилъ просторъ и приволье. Лежанье для Ильи Ильича не было ни необходимостію, ни случайностію, ни наслажденіемъ, а его—нормальнымъ состояніемъ. Когда онъ былъ дома,—а онъ почти всегда былъ дома,—онъ все лежалъ и всегда въ одной и той же комнатѣ, служившей ему спальнею, кабинетомъ и пріемною. Въ остальныя три комнаты его квартиры онъ заглядывалъ рѣдко.

На мебели, на всемъ окружавшемъ Обломова господствовала запущенность и небрежность. Все было покрыто паутиною, пылью и пятнами; порядка, чистоты и заботливости не было и слѣда.

Илья Ильичъ проснулся ранѣе обыкновеннаго, часовъ въ восемь. Онъ былъ озабоченъ полученнымъ имъ наканунѣ письмомъ отъ старосты, писавшаго: о неурожаѣ, недоимкахъ, уменьшенiи дохода и т. п. Впрочемъ, староста—надо замѣтить—писалъ барину точно такiя же письма ежегодно, и Илья Ильичъ, по первому же этого рода письму, полученному нѣсколько лѣтъ назадъ, уже сталъ создавать въ умѣ планъ разныхъ реформъ въ своемъ имѣнiи; но планъ еще далеко не созрѣлъ въ его головѣ окончательно, а письма старосты повторялись всякiй годъ, побуждали его къ дѣятельности и, слѣдовательно, нарушали покой. Обломовъ сознавалъ необходимость, до окончанiя плана, предпринять что-нибудь рѣшительное.

Хотѣлъ было онъ, лишь только проснулся—встать и заняться этимъ дѣломъ; но затѣмъ сообразилъ, что успѣетъ это сдѣлать и послѣ чаю. Послѣ чаю онъ уже сталъ приподниматься съ своей постели и чуть было не всталъ; поглядывая на туфли, онъ даже началъ спускать къ нимъ одну ногу, но тотчасъ же подобралъ ее.

Пробило половина десятаго, Илья Ильичъ встрепенулся: ему стало досадно на самого себя.

— Захаръ! закричалъ онъ.

Въ комнату вошелъ пожилой слуга, въ сѣромъ сюртукѣ съ прорѣхою подъ мышкой, въ такомъ же жилетѣ, съ мѣдными пуговицами, съ голымъ, какъ колѣно, черепомъ и съ необъятно-широкими и густыми, русыми съ просѣдью бакенбардами.

Захаръ жилъ воспоминанiями прошлаго величiя своихъ господъ, родителей Ильи Ильича, домъ которыхъ принадлежалъ когда-то къ числу богатѣйшихъ и знаменитѣйшихъ въ своей сторонѣ; но потомъ, Богъ знаетъ отчего, все бѣднѣлъ, мель-

чалъ и, наконецъ, незамѣтно потерялся между нестарыми дворянскими домами.

Обломовъ, погруженный въ задумчивость, долго не замѣчалъ Захара. Захаръ стоялъ передъ нимъ молча. Наконецъ, онъ кашлянулъ.

— Что ты? спросилъ Илья Ильичъ.

— Вѣдь вы звали.

— Звалъ? зачѣмъ же это я звалъ — не помню! отвѣчалъ онъ, потягиваясь.—Поди пока къ себѣ, а я вспомню.

Захаръ ушелъ, а Илья Ильичъ продолжалъ лежать и думать о проклятомъ письмѣ.

Прошло съ четверть часа.

Обломовъ опять подумалъ, что пора вставать, но затѣмъ ему пришло въ голову—еще разъ прочитать письмо старосты.

— Захаръ? крикнулъ онъ.

Захаръ вошелъ, а Обломовъ опять погрузился въ задумчивость. Захаръ постоялъ еще нѣсколько минутъ и пошелъ къ дверямъ. Илья Ильичъ остановилъ его.

— Вы ничего не говорите, такъ что-же тутъ стоять-то даромъ! отвѣчалъ Захаръ.

Обломовъ накинулся на него и велѣлъ ему найти письмо отъ старосты.

Онъ сталъ искать флегматически письмо, наконецъ нашелъ какія-то письма и подалъ барину.

— Это не тѣ.

— Ну, такъ нѣтъ больше,—отвѣтилъ Захаръ.

— Ну, хорошо, поди! съ нетерпѣніемъ сказалъ Илья Ильичъ. Я встану, самъ найду.

Не успѣлъ Захаръ войти еще къ себѣ, какъ снова раздалось: «Захаръ! Захаръ!»

На этотъ разъ онъ понадобился Обломову, чтобы найти носовой платокъ. Ворча онъ принялся искать его, но напрасно—платокъ не находился.

— Да вонъ онъ—вдругъ сердито захрипѣлъ Захаръ,—подъ

вами! вонъ конецъ торчитъ. Сами лежите на немъ, а спрашиваете платка!

И, не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ-было вонъ! Ильѣ Ильичу стало неловко отъ собственнаго промаха. Онъ быстро нашелъ другой поводъ сдѣлать Захара виновнымъ, придравшись къ нему за нечистоту и безпорядокъ. Но Захаръ опять нашелъ себѣ оправданіе:

— Иной разъ и убралъ бы, говорилъ онъ: да вы же сами не даете. Все дома сидите,—ка́къ при васъ станемъ убирать? Уйдите на цѣлый день, такъ и уберу.

— Вотъ еще выдумалъ что — уйти. Поди-ка ты лучше къ себѣ.

Илья Ильичъ уже былъ не радъ, что вызвалъ Захара на этотъ разговоръ, потому что одна мысль о вознѣ, соединенной съ уборкой, приводила Обломова въ ужасъ.

Захаръ ушелъ; чрезъ нѣсколько минутъ пробило еще полчаса.

— Что это? почти съ ужасомъ сказалъ Илья Ильичъ: — одиннадцать часовъ скоро, а я еще не всталъ, не умылся до сихъ поръ? Захаръ, Захаръ! И онъ велѣлъ ему подать себѣ умыться. Выслушавъ это приказаніе, Захаръ ушелъ, но черезъ минуту вернулся съ исписанной и замасленной тетрадкой и клочками бумаги.

— Вотъ, коли будете писать, такъ ужъ кстати извольте и счеты повѣрить: надо деньги заплатить,—сказалъ онъ. Илья Ильичъ попробовалъ было отложить повѣрку счетовъ до другаго дня; но неумолимый Захаръ настаивалъ на своемъ.

— Нѣтъ! ужъ очень пристаютъ: больше не даютъ въ долгъ, ныньче первое число.

— Ахъ! съ тоскою сказалъ Обломовъ: — новая забота! Ну, что стоишь? положи на столъ. Я сейчасъ встану, умоюсь и посмотрю. Такъ умыться-то готово?

— Готово.

Онъ началъ-было, кряхтя, приподниматься на постели, чтобы

встать; но Захаръ опять помѣшалъ. Онъ завелъ рѣчь о томъ, что управляющій присылалъ дворника, сказать, чтобы очистили квартиру немедленно.

— Нельзя ли какъ - нибудь уговорить, перебилъ его Илья Ильичъ:—дескать живемъ давно, платимъ исправно.

— Говорилъ, отвѣтилъ Захаръ, а они наладили свое: «переѣзжайте, говорятъ, намъ нужно квартиру передѣлывать»; хотятъ изъ докторской и изъ этой одну большую квартиру сдѣлать, къ свадьбѣ хозяйскаго сына.

— Ахъ ты, Боже мой! съ досадой сказалъ Обломовъ:—вѣдь есть же этакіе ослы, что женятся!

Онъ повернулся на спину.

— Вы бы написали, сударь, къ хозяину, сказалъ Захаръ:— можетъ быть, онъ бы васъ и не тронулъ, а велѣлъ бы сначала вонъ ту квартиру ломать.

Захаръ при этомъ показалъ рукой куда-то направо.

— Ну, хорошо, какъ встану, напишу.... Ты ступай къ себѣ, а я подумаю. Ничего ты не умѣешь сдѣлать, добавилъ онъ: мнѣ и объ этой дряни надо самому хлопотать!

Захаръ ушелъ, а Обломовъ сталъ думать.

Онъ такъ и не вставалъ до тѣхъ поръ, пока въ передней не раздался звонокъ.

II.

Вошелъ молодой человѣкъ, одѣтый самымъ безукоризненнымъ образомъ.

— А, Волковъ, здравствуйте! сказалъ Илья Ильичъ.

— Здравствуйте, Обломовъ, говорилъ молодой человѣкъ, подходя къ нему.

— Не подходите, не подходите: вы съ холода! сказалъ тотъ.

— О, баловень, сибаритъ! говорилъ Волковъ, высматривая куда бы положить шляпу, и видя вездѣ пыль, не положилъ никуда;

раздвинулъ обѣ полы фрака, чтобы сѣсть, но, посмотрѣвъ внимательно на кресло, остался на ногахъ.

Завязался разговоръ одинъ изъ тѣхъ пустыхъ безсодержательныхъ разговоровъ, которые ведутся только для того, чтобы не сидѣть молча.

Волковъ сообщилъ Обломову, что онъ ѣдетъ съ Горюновыми въ Екатерингофъ; справлялся, будетъ-ли тамъ Илья Ильичъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, изумился, хотя тутъ изумляться было вовсе нечѣму. Затѣмъ онъ, по секрету, признался Обломову, что влюбленъ въ Лидію Горюнову, а Миша Горюновъ—въ танцовщицу Дашеньку. Поболталъ еще объ общихъ знакомыхъ, совѣтуя посѣщать Ильѣ Ильичу то тѣхъ, то другихъ изъ нихъ, и не найдя ни одного дома, который бы пришелся ему по вкусу, сталъ, прощаться. Простился, пошелъ и вернулся для того, чтобы показать перчатки.

— Новые lacels! сказалъ онъ: — видите, какъ отлично стягиваютъ: не мучишься надъ пуговкою два часа; потянулъ снурочекъ — и готово. Это только-что изъ Парижа. Хотите, привезу вамъ на пробу пару?

— Хорошо, привезите! отвѣчалъ Обломовъ.

— А посмотрите это: не правда-ли, очень мило? говорилъ онъ, отыскавъ въ кучѣ брелоковъ одинъ: — визитная карточка съ загнутымъ угломъ.

— Не разберу, что написано?

— Pr. prince M. Michel, говорилъ Волковъ: — а фамилія Тюменевъ не уписалась; это онъ мнѣ въ пасху подарилъ, вмѣсто яичка. Но, прощайте, au revoir; мнѣ нужно еще въ десять мѣстъ.—Боже мой, что это за веселье на свѣтѣ!

И онъ исчезъ.

«Въ десять мѣстъ въ одинъ день — несчастный!» подумалъ Обломовъ, перевертываясь на спину и радуясь, что нѣтъ у него такихъ пустыхъ желаній и мыслей, что онъ не мыкается, а лежитъ вотъ тутъ, сохраняя свое человѣческое достоинство и покой.

Новый звонокъ прервалъ его размышленія.

Вошелъ новый гость.

Это былъ господинъ въ форменномъ фракѣ, съ сильно потертымъ лицомъ и задумчивою улыбкою.

— Здравствуй, Судьбинскій! весело поздоровался Обломовъ. Насилу заглянулъ къ старому сослуживцу! не подходи, не подходи! ты съ холоду.

Гость извинялся многочисленными занятіями по службѣ; кстати сообщилъ, что онъ теперь уже начальникъ отдѣленія, и также, какъ и Волковъ, справился—поѣдетъ-ли, по случаю 1 мая, Илья Ильичъ въ Екатерингофъ?

— Не здоровится что-то, не могу! сморщившись сказалъ Обломовъ: — да и дѣла много.... нѣтъ, не могу.

Разговоръ снова перешелъ на служебную дѣятельность Судьбинскаго.

Илья Ильичъ просто въ изумленіе пришелъ, когда услыхалъ, что его бывшій сослуживецъ получаетъ около 5000 руб. сер. годоваго содержанія; но въ то же время и ужаснулся, что ему приходится работать съ осьми часовъ утра до пяти, да еще дома вечеромъ сверхъ того.

— Что же дѣлать! замѣтилъ Судьбинскій: — коли деньги берешь, надо работать. Лѣтомъ отдохну. Ѳома Ѳомичъ обѣщаетъ выдумать командировку нарочно для меня.... вотъ тутъ получу прогоны на пять лошадей, суточныхъ рубля по три въ сутки, а потомъ и награду....

— Экъ ломятъ! съ завистію говорилъ Обломовъ, потомъ вздохнулъ и задумался.

— Деньги нужны: осенью женюсь, прибавилъ Судьбинскій.

— Что ты? въ самомъ дѣлѣ? на комъ? съ участіемъ спросилъ Обломовъ.

— Не шутя,—на Мурашиной. Помнишь, подлѣ меня на дачѣ жили? Ты пилъ у меня чай, и, кажется, видѣлъ ее.

— Нѣтъ, не помню! Хорошенькая? спросилъ Обломовъ.

— Да, мила. Поѣдемъ, если хочешь, къ нимъ обѣдать....

Обломовъ замялся.

— Да.... хорошо, только....

— На той недѣлѣ, сказалъ Судьбинскій.

— Да, да, на той недѣлѣ, обрадовался Обломовъ:—у меня еще платье не готово. Что жъ, хорошая партія?

— Да, отецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ; десять тысячъ даетъ, квартира казенная. Онъ намъ цѣлую половину отвелъ, двѣнадцать комнатъ; мебель казенная, отопленіе, освѣщеніе тоже: можно жить....

— Да, можно! еще бы! Каковъ Судьбинскій! прибавилъ не безъ зависти Обломовъ.

— На свадьбу, Илья Ильичъ, шаферомъ приглашаю; смотри....

— Какъ же, непремѣнно! сказалъ Обломовъ и сталъ расправшивать о своихъ бывшихъ сослуживцахъ.

Раздался еще звонокъ. Судьбинскій сталъ прощаться.

— Посиди еще, удерживалъ Обломовъ:—кстати я посовѣтуюсь съ тобою: у меня два несчастья...

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше заѣду на дняхъ, сказалъ онъ уходя.

Илья Ильичъ принялся философствовать, провожая Судьбинскаго глазами—о суетности почестей и узкости служебной дѣятельности. Онъ до того зафилософствовался, что и не замѣтилъ, что у его постели стоялъ уже новый гость—литераторъ Пенкинъ.

И его, также какъ Волкова и Судьбинскаго, Обломовъ предостерегъ, чтобы не подходилъ близко, потому что онъ съ холода.

Послѣ двухъ, трехъ фразъ, Пенкинъ тотъ часъ же обратился къ Обломову съ вопросомъ:

— Читали мою статью?

— Нѣтъ.

— Я вамъ пришлю,—прочтите.

— О чемъ? спросилъ сквозь сильную зѣвоту Илья Ильичъ.

— О торговлѣ, объ эманципаціи женщинъ, о прекрасныхъ

апрѣльскихъ дняхъ, какіе выпали намъ на долю, и о вновь изобрѣтенномъ составѣ противъ пожаровъ. Какъ это вы не читаете? вѣдь тутъ наша вседневная жизнь. А пуще всего я ратую за реальное направленіе въ литературѣ.

— Много у васъ дѣла? спросилъ Обломовъ.

Пенкинъ сталъ перечислять свои занятія; разсказалъ содержаніе написаннаго имъ разсказа, сообщилъ о готовящейся поэмѣ, умолчавъ объ имени автора, подъ тѣмъ предлогомъ, что это пока секретъ.

— Я слышалъ отрывки — авторъ великъ! говорилъ онъ: — въ немъ слышится то Дантъ, то Шекспиръ....

— Вонъ куда хватили! въ изумленіи сказалъ Обломовъ, привставъ.

Пенкинъ вдругъ смолкъ, видя, что дѣйствительно онъ далеко хватилъ.

— Вотъ вы прочтите, увидите сами,—добавилъ онъ уже безъ азарта.

— Нѣтъ, Пенкинъ, я не стану читать.

— Отчего же? Это производитъ шумъ, объ этомъ говорятъ....

— Да пускай ихъ! Инымъ вѣдь больше и дѣлать нечего, какъ только говорить. Есть такое призваніе.

— Да хоть изъ любопытства прочти.

— Чего я тамъ не видалъ? говорилъ Обломовъ. — Зачѣмъ это они пишутъ: только себя тѣшатъ....

— Какъ себя: вѣрность-то, вѣрность какая! До смѣха похоже. Точно живые портреты. Какъ кого возьмутъ, купца-ли, чиновника, офицера, будочника — точно живьемъ и отпечатаютъ.

— Изъ чего же они бьются? изъ потѣхи, что-ли, что вотъ кого-де ни возьмемъ, такъ вѣрно и выйдетъ? А жизни-то и нѣтъ ни въ чемъ! нѣтъ пониманія ея и сочувствія; нѣтъ того, что у васъ тамъ называется гуманитетомъ. Одно самолюбіе только. Изображаютъ-то они воровъ, падшихъ женщинъ, точно ловятъ ихъ на улицѣ, да отводятъ въ тюрьму. Въ ихъ разсказѣ слыш-

ны не «невидимыя слезы», а одинъ только, видимый грубый смѣхъ, злость....

— Что же еще нужно? И прекрасно; вы сами высказались: эта кипучая злость, желчное гоненіе на порокъ, смѣхъ презрѣнія надъ падшимъ человѣкомъ.... тутъ все!

— Нѣтъ не всё! вдругъ, воспламенившись, сказалъ Обломовъ:—изобрази вора, падшую женщину, надутаго глупца, да и человѣка тутъ же не забудь. Гдѣ же человѣчность-то? Вы одной головой хотите писать-то, — почти шипѣлъ Обломовъ: вы думаете, что для мысли ненадо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ погибаетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собою, — тогда я стану васъ читать и склоню передъ вами голову.... сказалъ онъ, улегшись опять покойно на диванѣ. — Изображаютъ они вора, падшую женщину, говорилъ онъ — а человѣка-то забываютъ или не умѣютъ изобразить. Какое же тутъ искусство, какія поэтическія краски нашли вы? обличайте развратъ, грязь, только, пожалуйста, безъ претензіи на поэзію.

Пенкинъ поспорилъ съ Обломовымъ еще нѣсколько минутъ, и точно также, какъ Волковъ и Судьбинскій, предложилъ ему ѣхать въ Екатерингофъ. Илья Ильичъ отказался, и литераторъ ушелъ, замѣтивъ, что ему ночью надо будетъ писать отчетъ о гуляньи.

«Ночью писать!» подумалъ Обломовъ: когда же спать-то? А поди, тысячъ пять въ годъ заработаетъ!—И онъ сталъ варіировать на эту тему, обозвалъ Пенкина въ душѣ «несчастнымъ», и хотѣлъ было приняться писать, но новый посѣтитель помѣшалъ ему.

Вошелъ новый гость—это была одна изъ тѣхъ неопредѣленныхъ личностей, о которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ нельзя сказать ничего дурнаго и ничего хорошаго и которыя появляются на свѣтъ и исчезаютъ съ него пикѣмъ незамѣченныя.

Обломовъ поздоровался съ нимъ, спросилъ: откуда? и услыхалъ, что онъ, Алексѣевъ, отъ Овчинина, пріѣхалъ звать его обѣдать, а послѣ обѣда ѣхать въ Екатерингофъ.

Илья Ильичъ не сказалъ на это ни да, ни нѣтъ. Онъ только замѣтилъ, что надо подумать, что еще рано и снова предался своему лежанію. Алексѣевъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ Обломовъ встанетъ, одѣнется и поѣдетъ.

Прошло минутъ десять; гость напомнилъ, что пора одѣваться и ѣхать.

— Это я по сырости-то поѣду! И чего я тамъ не видалъ? Вонъ дождь собирается, пасмурно на дворѣ,—лѣниво говорилъ Обломовъ.

Алексѣевъ еще разъ сдѣлалъ попытку уговорить его ѣхать въ Екатерингофъ, но вслѣдъ затѣмъ согласился остаться обѣдать у Ильи Ильича. Обломовъ обрадовался и сталъ разсказывать ему о своемъ горе. Выслушать Алексѣевъ, конечно, выслушалъ, но какъ помочь бѣдѣ—все-таки не придумалъ.

III.

Раздался звонокъ—вошелъ Тарантьевъ, землякъ Обломова. Это былъ человѣкъ съ крупными, угловатыми формами, во всей фигурѣ и движеніяхъ котораго проглядывало что-то грубое и неопрятное.

Михей Андреевичъ Тарантьевъ обладалъ бойкимъ и хитрымъ умомъ, но умъ его выражался только въ словахъ, а не на дѣлѣ: создать теорію для него было легко, но едва приходилось дать ей практическій ходъ, ему вдругъ дѣлалось и тяжело и неловко, и если онъ принимался за выполненіе, то все портилъ, такъ что потомъ и поправить было невозможно.

Сынъ провинціальнаго подъячаго стараго времени, Тарантьевъ, послѣ трехъ лѣтнихъ уроковъ мѣстнаго священника, про-

должалъ развиваться въ отеческомъ домѣ, подъ вліяніемъ товарищей своего родителя—такихъ же крючкотворцевъ и дѣльцовъ, какъ отецъ его. Ихъ откровенныя бесѣды въ присутствіи Михея, объ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, проходившихъ черезъ ихъ руки, не оставались, правда, безъ впечатлѣнія, но тѣмъ не менѣе—не принесли плодовъ. Молодой Тараньтьевъ дѣйствительно усвоилъ себѣ всю теорію отцовскихъ бесѣдъ, но примѣнить теорію къ дѣлу ему помѣшала смерть отца, послѣ которой какой-то благодѣтель увезъ его въ Петербургъ, опредѣлилъ его здѣсь писцомъ въ одинъ департаментъ и забылъ о немъ. Такъ онъ и остался теоретикомъ на всю жизнь. Его положеніе не давало ему возможности приложить теоріи къ своей служебной дѣятельности и Михей сталъ примѣнять ее къ своей частной жизни: какъ взяточникъ въ душѣ, онъ ухитрился брать взятки, за неимѣніемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцевъ, съ пріятелей. Богъ знаетъ, ка̀къ и за что̀ заставлялъ онъ, гдѣ и кого только могъ, то хитростію, то назойливостію, угощать себя, требовалъ отъ всѣхъ незаслуженнаго уваженія, былъ придирчивъ. Въ кругу своихъ знакомыхъ онъ игралъ роль большой сторожевой собаки, которая лаетъ на всѣхъ, не даетъ никому пошевелиться, но которая, въ то же время, непремѣнно схватитъ на лету кусокъ мяса, откуда и куда бы онъ ни летѣлъ.

У Обломова, какъ Тараньтьевъ, такъ и Алексѣевъ—эти два русскіе пролетарія—находили всегда, если не радушный, то равнодушный пріемъ и спокойный пріютъ. Перваго Илья Ильичъ пускалъ къ себѣ потому, что онъ, приходя къ нему, дѣлалъ много шума, выводилъ его изъ неподвижности и скуки. Кромѣ того, онъ имѣлъ еще простодушіе вѣрить, что Тараньтьевъ въ самомъ дѣлѣ способенъ посовѣтовать ему что-нибудь путное. Втораго Обломовъ терпѣлъ потому, что присутствіе Алексѣева не мѣшало ему жить по своему: хотѣлось Ильѣ Ильичу лежать молча или дремать—Алексѣевъ какъ будто исчезалъ: онъ тоже погружался въ дремоту; проявлялась-ли иногда у Обломова потребность говорить, читать, разсуждать — у него

тутъ же, въ лицѣ Алексѣева, былъ всегда покорный и готовый слушатель и участникъ, раздѣлявшій одинаково согласно и его молчаніе, и его разговоръ, и волненіе, и образъ мыслей, каковъ бы онъ ни былъ. Другіе знакомые заходили къ Обломову не часто и не на долго; съ ними со всѣми прерывались все болѣе и болѣе живыя связи. Имъ надо было платить взаимностію, принимать участіе въ томъ, что ихъ интересовало, то есть въ той жизни, которой чуждался Обломовъ, и это самое отталкивало его отъ нихъ. Тараньтьевъ и Алексѣевъ, напротивъ, не мѣшали ему жить по своему. Правда, былъ человѣкъ, котораго Илья Ильичъ только одного и любилъ. Это былъ другъ его по дѣтству и по воспитанію— Андрей Карловичъ Штольцъ; но онъ былъ въ отлучкѣ.

IV

Вошедши и поздоровавшись, Тараньтьевъ накинулся на Обломова за то, что онъ до двѣнадцати часовъ валяется въ постели; обругалъ Захара, приказывая ему скорѣе подавать одѣваться барину и даже чуть не далъ ему пинка ногою, когда тотъ огрызнулся на него. Волею-неволею Илья Ильичъ поднялся съ постели и, перейдя на большое кресло, опустился въ него и остался неподвиженъ. Между тѣмъ, какъ Захаръ припомаживалъ и причесывалъ Обломова, Тараньтьевъ привязался къ Алексѣеву навязывая ему въ родственники какого-то Афанасьева—ненавистнаго Михею Андреевичу за то, что онъ осмѣлился требовать съ него должные ему пятьдесятъ рублей. Затѣмъ Тараньтьевъ задалъ нагоняй Ильѣ Ильичу за пришедшуюся ему не по вкусу сигару, какъ будто Обломовъ и въ самомъ дѣлѣ былъ обязанъ повиноваться и угождать Тараньтьеву. Точно также безцеремонно справился и о томъ, что будетъ за обѣдомъ и есть-ли мадера?

— Не знаю, спроси у Захара, отвѣтилъ на послѣдній во-

просъ почти не слушая его Обломовъ: — тамъ вѣрно есть вино.

— Это прежнее-то, отъ нѣмца? Нѣтъ, изволь въ англійскомъ магазинѣ купить:

— Ну, и этой довольно, сказалъ Обломовъ: — а то еще посылать!

— Да, постой; дай деньги, я мимо пойду и принесу; мнѣ еще надо кой-куда сходить.

Обломовъ порылся въ ящикѣ и вынулъ тогдашнюю красненькую десяти-рублевую бумажку.

— Мадера семь рублей стоитъ, сказалъ Обломовъ:—а тутъ десять.

— Такъ дай все: тамъ дадутъ сдачи, не бойся.

Онъ выхватилъ изъ рукъ Обломова ассигнацію и проворно спряталъ ее въ карманъ.

Тараньтьевъ хотѣлъ было уже уходить, но Обломовъ остановилъ его.

— Постой, Михей Андреевичъ, сказалъ онъ:—мнѣ надо кое-о-чемъ посовѣтоваться съ тобою.

И Илья Ильичъ сталъ разсказывать Тараньтьеву о своемъ горе.

Выслушавъ жалобу Обломова на то, что его гонятъ съ квартиры и попрося помочь совѣтомъ — Михей Андреевичъ вначалѣ прикрикнулъ на него, но затѣмъ погрузился въ какія-то размышленія.

— Ну, такъ и быть, благодари меня, сказалъ онъ, снимая шляпу и садясь,—и вели къ обѣду подать шампанскаго: дѣло твое сдѣлано.

— Что́ такое? спросилъ Обломовъ.

— Шампанское будетъ?

— Пожалуй, если совѣтъ стоитъ....

— Нѣтъ, самъ-то ты не стоишь совѣта. Что я тебѣ даромъ что-ли стану совѣтовать?

— Ну, ну, полно, говори! сказалъ Обломовъ.

Совѣтъ Тарантьева оказался вовсе не такимъ, какого хотѣлось Ильѣ Ильичу: онъ объявилъ Обломову, по обыкновенію, повелительнымъ тономъ, чтобы тотъ готовился переѣзжать къ его кумѣ на Выборгскую Сторону.

Обломовъ началъ было возражать, что этотъ совѣтъ нелѣпъ, что въ такую глушъ онъ ни за что не переселится; но Тарантьевъ и слушать не хотѣлъ этихъ возраженій.

— Это кончено, порѣшилъ онъ: ты переѣдешь. Я сейчасъ ѣду къ кумѣ.

Онъ было пошелъ; но Илья Ильичъ остановилъ его еще разъ: онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ нимъ на счетъ старосты. За новый совѣтъ Тарантьевъ потребовалъ прибавить къ обѣду бутылку портеру. Обломовъ поупрямился было, но затѣмъ согласился и далъ Михею Андреевичу на покупку его цѣлковый.

Обломовъ выслушалъ Тарантьева, но въ этомъ отношеніи совѣтъ его былъ вовсе не подходящій для Обломова: такъ сперва Тарантьевъ посовѣтовалъ Обломову смѣнить старосту и назначить на его мѣсто новаго, но Илья Ильичъ возразилъ ему, что онъ мужиковъ своихъ вовсе не знаетъ, а потому легко можетъ случиться, что новый староста окажется хуже прежняго. Еще болѣе упорное противорѣчіе встрѣтило со стороны Ильи Ильича предложеніе Михея Андреевича, чтобы онъ самъ ѣхалъ въ деревню. Наконецъ, Обломовъ остановился на его совѣтѣ: попросить заняться своимъ дѣломъ сосѣда Добрынина, но и тутъ явилось новое препятствіе: Обломову неохота было браться за перо, а Тарантьевъ наотрѣзъ отказался писать вмѣсто его письма.

— Ахъ, хоть бы Андрей поскорѣе пріѣхалъ! воскликнулъ въ отчаяніи Илья Ильичъ:—онъ бы все уладилъ!

— Вотъ благодѣтеля нашелъ! прервалъ его Тарантьевъ:—нѣмецъ проклятый, шельма продувная!

Михей Андреевичъ инстинктивно ненавидѣлъ всѣхъ иностранцевъ, безъ различія націи.

Обломовъ вступился за Штольца, какъ за своего лучшаго

друга, но его возраженія только болѣе раздражали Тараньтьева. Онъ сталъ осыпать Штольца и его отца градомъ самыхъ незаслуженныхъ обвиненій.

Илья Ильичъ, вначалѣ, старался отстаивать Андрея, затѣмъ расхохотался и наконецъ попросилъ Михея Андреевича оставить этотъ рагооворъ.

— Ты иди съ Богомъ, куда хотѣлъ, сказалъ онъ,—а я вотъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ напишу всѣ эти письма, да постараюсь поскорѣе набросать на бумагу планъ-то свой: ужъ кстати за-одно дѣлать.

Тараньтьевъ ушелъ было въ переднюю; но вдругъ воротился и сталъ просить Обломова дать ему надѣть на свадьбу земляка Рокотова свой фракъ.

Илья Ильичъ быть можетъ и исполнилъ бы просьбу Тараньтьева, если бы Захаръ, знавшій по опыту, что Михей Андреевичъ никогда не возвращаетъ взятыхъ вещей, не объявилъ рѣшительно, что онъ не дастъ ему фрака.

По уходѣ Тараньтьева Обломовъ погрузился въ задумчивость, затѣмъ вздохнулъ.

— Что-жъ вы не пишите? тихо спросилъ Алексѣевъ:—я бы вамъ перышко очинилъ.

— Очините, да и Богъ съ вами, подите куда-нибудь—сказалъ Обломовъ. Я ужъ одинъ займусь, а вы послѣ обѣда перепишете.

— Очень хорошо-съ, отвѣчалъ Алексѣевъ.—Въ самомъ дѣлѣ, еще помѣшаю какъ-нибудь..... А я пойду пока, скажу, чтобы насъ не ждали въ Екатерингофъ. Прощайте, Илья Ильичъ.

Но Илья Ильичъ не слушалъ его; онъ, подобравъ ноги подъ себя, почти улегся въ кресло, и, подгорюнившись, погрузился не то въ дремоту, не то въ задумчивость.

V.

Обломовъ по смерти отца и матери сталъ единственнымъ обладателемъ трехъ-сотъ пятидесяти душъ, доставшихся ему въ наслѣдство въ одной изъ отдаленныхъ губерній и приносившихъ до десяти тысячъ рублей ассигнаціями дохода.

Въ Петербургѣ онъ безвыѣздно живетъ уже двѣнадцатый годъ. Цѣлію его пріѣзда сюда была, конечно, прежде всего служба; за тѣмъ, нѣсколько позже, у него проявилось стремленіе играть роль въ обществѣ; съ годами и это желаніе, въ свою очередь, потухло и уступило мѣсто мечтамъ о семейномъ счастіи. День уходилъ за днемъ, годъ за годомъ, а Обломовъ ни на шагъ не подвигался впередъ: онъ все еще стоялъ у порога своей арены, тамъ же, гдѣ былъ десять лѣтъ назадъ. Служба озадачила его на первыхъ же порахъ самымъ непріятнымъ образомъ.

Воспитанный на семейныхъ началахъ, въ нѣдрахъ провинціи, въ кругу друзей, родныхъ и знакомыхъ, онъ представлялъ себѣ и кругъ чиновниковъ одною общею, дружною семьею, среди которой не существуетъ никакихъ стѣсненій. Ему думалось, что хожденіе въ должность не будетъ для него обязанностію и что онъ можетъ являться и не являться на нее, по своему усмотрѣнію, не навлекая себѣ тѣмъ никакихъ непріятностей. Но съ поступленіемъ на службу, онъ въ первый же день ея долженъ былъ убѣдиться въ ошибочности составленнаго о ней понятія. Служебная суета, дисциплина и формалистика, просто, испугали Обломова: прослуживъ коекакъ года два, можетъ быть, онъ дотянулъ-бы и третій до полученія чина, если бы ему не случилось однажды отправить какой-то нужной бумаги вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ. Дѣло объяснилось; стали отыскивать виновнаго; но Илья Ильичъ не дождался объясненія съ начальникомъ, ушелъ и прислалъ медицинское свидѣтельство, которымъ воспрещались Об-

ломову, по причинѣ болѣзни, всякія занятія; за свидѣтельствомъ послѣдовало прошеніе объ отставкѣ, и такимъ образомъ служебная дѣятельность Ильи Ильича, окончилось и болѣе не возобновлялась.

Роль въ обществѣ удалась было ему лучше. Но и въ свѣтской толпѣ онъ не нашелъ того, чего ожидалъ, и потому простился съ нею также холодно, какъ и съ службою, и усѣлся дома. Его ничто не влекло изъ своей квартиры и онъ водворялся въ ней все крѣпче и крѣпче. Мало-по-малу Обломовъ совершенно одичалъ: ему стало тяжело одѣваться, ходить, даже говорить; къ этому присоединялись еще, постепенно: мнительность, ребяческая робкость, ожиданіе опасности и зла отъ всего, что не встрѣчалось въ сферѣ его ежедневнаго быта — слѣдствіе отвычки отъ разнообразныхъ внѣшнихъ явленій; такъ, напримѣръ: его пугала непривычная для него многолюдная толпа, а иногда, напротивъ того, на него нападалъ нервическій страхъ отъ окружающей его тишины.

Такъ разыгралась роль его въ обществѣ. Онъ лѣниво махнулъ рукою на всѣ обманувшія его, или обманутыя имъ, надежды и свѣтлыя воспоминанія юности.

VI.

Обломовъ, какъ и большая часть дворянъ того времени, до пятнадцати лѣтъ воспитывался въ пансіонѣ, за тѣмъ его отправили въ Москву, гдѣ онъ, волей-неволей, прослѣдилъ курсъ наукъ до конца; но какъ прослѣдилъ? Нехотя, со вздохами выучивая задаваемые ему уроки и считая ихъ за тяжелое наказаніе, довольствуясь тѣмъ, что написано въ тетрадкѣ и никогда не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ любознательности. Иногда Штольцъ—его товарищъ — приносилъ ему книги, и совѣтовалъ дополнить чтеніемъ ихъ свѣдѣнія, пріобрѣ-

таемыя на лекціяхъ; но Обломовъ встрѣчалъ съ неудовольствіемъ подобные совѣты; онъ задавался при этомъ вопросами о томъ: зачѣмъ все это? Когда-же, наконецъ, настанетъ время пускать въ оборотъ этотъ капиталъ знаній, изъ которыхъ большая часть еще ни на что не понадобится въ жизни?

Серьезное чтеніе утомляло Обломова и повергало ѐго въ тоску, за то поэзія расшевелила его и заставила сбросить съ себя дремоту. Штольцъ воспользовался этимъ порывомъ, и въ чтеніе поэтовъ вставлялъ другія цѣли, кромѣ наслажденія, строже указывалъ въ дали пути своей и его жизни и увлекалъ въ будущее. Оба волновались, плакали, давали другъ другу торжественныя обѣщанія идти разумною и свѣтлою дорогою. Юношескій жаръ Штольца заражалъ Обломова, и онъ сгаралъ отъ жажды труда, далекой, но обаятельной цѣли.

Но Обломовъ только отрезвился, а не исцѣлился отъ своей спячки. Изрѣдка, по указанію Штольца, онъ прочитывалъ ту или другую книгу, но прочитывалъ ее лѣниво, какъ заданный урокъ: по прочтеніи перваго тома, не просилъ втораго, а приносили — онъ медленно прочитывалъ. Послѣ онъ не осиливалъ уже и перваго тома, а большую часть свободнаго времени проводилъ—положивъ локоть на столъ, а на локоть голову; иногда, вмѣсто локтя, употреблялъ ту книгу, которую Штольцъ навязывалъ ему прочесть.

Такъ окончилось образованіе Обломова. То число, въ которое онъ выслушалъ послѣднюю лекцію, было геркулесовскими столбами его учености. Дальше онъ не шелъ. Жизнь у него была—сама по себѣ, а наука—сама по себѣ; приложить свои знанія къ дѣлу онъ не умѣлъ.

Бросивъ службу и общество, онъ сталъ думать о семейномъ счастіи и объ устройствѣ имѣнія, о положеніи котораго онъ до тѣхъ поръ почти вовсе не заботился. Илья Ильичъ понималъ очень хорошо, что для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ ему необходимо съѣздить въ деревню; но поѣздку свою онъ откладывалъ день за день, годъ за годъ, составляя между

тѣмъ въ головѣ планъ устройства имѣнія и управленія крестьянами.

Освободясь отъ дѣловыхъ заботъ, т. е. обдумыванія этого плана, Обломовъ любилъ уходить въ себя и жить въ созданномъ имъ мірѣ. Много теплыхъ, свѣтлыхъ мыслей роилось въ его головѣ въ подобныя минуты.

Такъ, въ этой внутренней жизни проходили цѣлые дни и никто не зналъ о ней, кромѣ Штольца; всѣ же прочіе считали Обломова человѣкомъ облѣнившимся и неспособнымъ ни на что, кромѣ какъ лежать да кушать. Впрочемъ, еще Захаръ зналъ весь внутренній бытъ Ильи Ильича, но онъ былъ убѣжденъ, что они съ бариномъ дѣло дѣлаютъ и живутъ нормально, какъ должно, и что иначе жить не слѣдуетъ.

VII.

Захару было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ искренно преданъ барину и, въ то же время, рѣдкій день не обманывалъ его. Онъ любилъ выпить на барскій счетъ и на каждомъ шагу былъ не прочь попользоваться барскимъ добромъ и деньгами. Правда, Захаръ кралъ и утаивалъ только гривенники и гривны, но это происходило не отъ честности, а скорѣе потому, что для удовлетворенія его потребностей и не требовалось болѣе крупныхъ суммъ. Кромѣ того, Захаръ былъ и сплетникъ. Онъ вездѣ жаловался на Илью Ильича и изображалъ его въ самыхъ черныхъ краскахъ, прославляя его и пьяницею, и картежникомъ, и распутнымъ, однимъ словомъ взводя на него обвиненія въ небывалыхъ поступкахъ.

Неопрятность и неловкость достигали у Захара до *nec plus ultra,* въ особенности послѣдняя, благодаря чему всѣ вещи въ кабинетѣ Обломова, за исключеніемъ весьма немногихъ, были переломаны и перебиты. Что касается до дѣятельности Захара,

то она была ограничена, разъ навсегда, начертаннымъ имъ кругомъ, за который онъ никогда не переступалъ добровольно. Поставивъ утромъ самоваръ, вычистивъ сапоги, и затѣмъ, выметя середину комнаты, не добираясь до угловъ, онъ считалъ свои обязанности оконченными. Всякое приказаніе сдѣлать что-нибудь сверхъ этого, вызывало съ его стороны противорѣчіе и рядъ доводовъ въ безполезности приказанія или невозможности исполнить его.

Не смотря на всѣ эти недостатки, Захаръ все-таки былъ глубоко-преданный своему барину слуга. Онъ, въ случаѣ надобности, пожертвовалъ бы за него жизнію, не задумываясь и не считая этого за подвигъ, а просто безъ всякихъ теорій, какъ собака, которая, при встрѣчѣ съ звѣремъ въ лѣсу, бросается на него, не разсуждая, отчего должна броситься она, а не ея господинъ. Наружно, онъ не только не выказывалъ подобострастія къ барину, но даже былъ грубоватъ, фамильяренъ въ обхожденіи съ нимъ; но все-таки этимъ только на время заслонялось, а отнюдь не умалялось кровное, родственное чувство ко всѣму, что носитъ имя Обломова, что близко, мило, дорого ему. Захаръ любилъ собственно не Илью Ильича, а Обломовку, и любилъ ее, какъ колека свой чердакъ, лошадь — стойло, собака—конуру, въ которой родилась и выросла. Ему было дорого все обломовское: оно казалось ему выше и прекраснѣе всего на свѣтѣ. Подъ вліяніемъ этого-то взгляда и Илья Ильичъ въ глазахъ Захара былъ своего рода куміромъ.

Отношенія его съ бариномъ были всегда какъ-то враждебны. Живя вдвоемъ, они надоѣли другъ другу. Обломовъ, сознавая преданность Захара и цѣня ее, не могъ въ то же время сносить его мелкихъ недостатковъ.

Онъ позволялъ иногда крупно браниться съ Захаромъ. Захару онъ тоже надоѣдалъ собою. Отслуживъ въ молодости лакейскую службу въ барскомъ домѣ, онъ былъ произведенъ въ дядьки къ Ильѣ Ильичу и съ тѣхъ поръ привыкъ

себя считать нѣкотораго рода особою, имѣющею право сибаритствовать и важничать. Послѣ этого ему, естественно, казалось тяжело: и ставить самоваръ, и мести, и быть на побѣгушкахъ. Недовольство своею судьбою проявлялось у Захара угрюмостію, грубостію и ворчаніемъ, которыя, впрочемъ, не мѣшали ему быть человѣкомъ довольно мягкаго и добраго сердца.

Обломовъ и Захаръ давно знали другъ друга и давно жили вдвоемъ, отъ того и старинная связь между ними была неистребима.

VIII.

Когда Тарантьевъ и Алексѣевъ ушли, въ кабинетѣ Обломова воцарилась тишина. Илья Ильичъ лежалъ на диванѣ, опершись головою на ладонь; передъ нимъ лежала книга. Захаръ отворилъ дверь и напомнилъ, что пора умываться и писать.

— Да, въ самомъ дѣлѣ пора,—согласился Илья Ильичъ. Сейчасъ: ты поди. Я подумаю.

Онъ прочиталъ пожелтѣвшую отъ времени страницу, на которой чтеніе было прервано съ мѣсяцъ назадъ; потомъ положилъ книгу на мѣсто, зѣвнулъ и сталъ думать о своихъ «двухъ несчастіяхъ.» Отъ нихъ онъ перешелъ къ разработкѣ плана имѣнію; воображеніе его работало и незамѣтно унесло въ будущее: ему живо представилась картина его жизни, по осуществленіи всѣхъ его проектовъ,—картина, полная прелестей тихой семейной жизни въ кругу друзей.

Мечта была такъ ярка, такъ жива, поэтична, что онъ мгновенно повернулся лицемъ къ подушкѣ. Онъ вдругъ почувствовалъ смутное желаніе любви, тихаго счастья, вдругъ

зажаждалъ полей и холмовъ своей родины, своего дома, жены, дѣтей...

Полежавъ ничкомъ минутъ пять, онъ медленно опять повернулся на спину и снова предался своимъ мечтамъ, уносившимъ его все далѣе и далѣе въ будущее... Обломовъ былъ истинно счастливъ въ эти минуты; онъ забылся и отдался своей фантастической жизни; но вотъ до слуха его неожиданно донесся съ улицы крикъ разносчика, а за нимъ долетѣли изъ вновь строющагося дома стукъ топора и голоса рабочихъ, и Илья Ильичъ упалъ на землю: онъ вспомнилъ о жизненныхъ тревогахъ—о квартирѣ, о старостѣ.

Онъ вдругъ приподнялся, сѣлъ на диванъ, потомъ всталъ, постоялъ минуты двѣ задумчиво и сталъ звать Захара.

Илья Ильичъ хотѣлъ было приняться за письма; но имъ овладѣло опять какое-то раздумье. Потягиваясь и зѣвая, онъ велѣлъ дать себѣ позавтракать. Черезъ четверть часа Захаръ подалъ завтракъ. Илья Ильичъ сѣлъ и принялся за него, а Захаръ остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, поглядывая на него стороной и намѣреваясь, повидимому, что-то сказать; но Обломовъ завтракалъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Захаръ кашлянулъ раза два. Обломовъ все ничего. Наконецъ, Захаръ заговорилъ о томъ, что управляющій опять присылалъ на счетъ квартиры. Илья Ильичъ молчалъ. Захаръ еще разъ повторилъ тоже.

— А я тебѣ строго запретилъ говорить мнѣ объ этомъ,—сказалъ Обломовъ и, привставъ, подошелъ къ Захару. Тотъ попятился отъ него.

Упрекая Захара, Илья Ильичъ назвалъ его ядовитымъ человѣкомъ. Захаръ обидѣлся и напомнилъ ему, что онъ обѣщался написать домохозяину.

— Вотъ-бы теперь и написали,—замѣтилъ онъ.

Обломовъ уступилъ; взялся за перо и велѣлъ подать себѣ бумаги, но ни чернилъ въ чернильницѣ, ни бумаги, кромѣ полулиста

сѣрой, не оказалось на лицо. Впрочемъ, Илья Ильичъ рѣшился удовольствоваться этою послѣднею и разведенными квасомъ чернилами. Онъ сѣлъ писать и все-таки не написалъ: письмо выходило не складно: онъ разорвалъ его на четыре части и бросилъ на полъ. Этимъ не окончилась однако его пытка,— Захаръ присталъ къ нему со счетами. Обломовъ сталъ провѣрять ихъ и при первомъ же счетѣ ахнулъ отъ его итога! На Захара снова посыпался градъ упрековъ въ нерадѣніи о барскихъ интересахъ. Какъ и всегда, Захаръ въ отвѣтъ на нихъ сурово огрызался. Повѣрка счетовъ окончилась тѣмъ, что Илья Ильичъ бросилъ ихъ и, не смотря на настоянія Захара, отложилъ повѣрку до другаго дня.

— Иди къ себѣ,—сказалъ онъ ему,—а я займусь; у меня поважнѣе есть забота...

Едва Захаръ успѣлъ уйти, какъ раздался звонокъ и въ комнату вошелъ докторъ.

Бесѣда съ докторомъ, перешедшая, послѣ нѣсколькихъ фразъ, на положеніе здоровья Ильи Ильича, произвела на Обломова самое тягостное впечатлѣніе. Докторъ, подъ страхомъ удара, требовалъ отъ него немедленнаго отреченія отъ настоящаго образа жизни и предписывалъ ему: поѣздку за границу, душевное спокойствіе и пріятныя развлеченія на чистомъ воздухѣ, ходьбу часовъ по осьми въ сутки, женское сообщество, однимъ словомъ—все то, отъ чего Обломовъ отказался уже давно.

— Хорошо, хорошо, непремѣнно исполню, ѣдко отвѣтилъ Обломовъ, провожая доктора.

Оставшись одинъ, онъ закрылъ глаза, положилъ обѣ руки на голову, сжался на стулѣ въ комокъ и въ такомъ положеніи сидѣлъ, никуда не глядя, ничего не чувствуя.

Сзади его послышался робкій зовъ.

— Илья Ильичъ!

— Ну? откликнулся онъ.

Въ отвѣтъ, Захаръ опять завелъ рѣчь о квартирѣ. Онъ

урезонивалъ Илью Ильича, что переѣхать необходимо и что переѣздка вовсе не такъ страшна, какъ ему кажется,—но все напрасно: каждый доводъ его за переѣздку встрѣчалъ со стороны Обломова не менѣе сильное доказательство противъ оной, заставлявшее Захара не только соглашаться съ его выводами и взглядами, но и подтверждать ихъ примѣрами. Въ результатѣ этой тактики оказалось то, что Захаръ волей-неволей и самъ чуть-ли не убѣдился въ томъ, что переѣздка дѣло дѣйствительно ужасное и что у него, на вопросъ барина: «Зачѣмъ-же ты предлагалъ мнѣ переѣхать? Станетъ-ли человѣческихъ силъ вынести все то?»—не нашлось другаго отвѣта, кромѣ: «Я думалъ, что другіе, молъ, не хуже насъ, да переѣзжаютъ, такъ и намъ можно!...» Но эта фраза не только не успокоила Обломова, но, напротивъ, еще болѣе взволновала его. «Какъ! восклицалъ онъ:—я для тебя все равно, что другой!» Илья Ильичъ до того разстроился, что прогналъ Захара и долго еще не могъ придти въ себя. Еще разъ онъ позвалъ дерзкаго и прочелъ ему чуть-ли не цѣлую лекцію о томъ, что̀ такое значитъ слово *другой* и какъ онъ огорчилъ имъ своего барина. По объясненію Обломова выходило, что такъ обозвать можно только самаго жалкаго бѣдняка, надрывающагося надъ работою, а не его, россійскаго дворянина, живущаго и благоденствующаго ничего не дѣлая. Онъ только тогда отпустилъ Захара, когда тотъ прослезился и сталъ всхлипывать.

— Ну, я теперь прилягу немного: измучился совсѣмъ, заключилъ онъ свою рѣчь.—Ты опусти сторы, да затвори меня поплотнѣе, чтобы не мѣшали; можетъ быть, я съ часочекъ и усну, а въ половинѣ пятаго разбуди...

Илья Ильичъ заснулъ не вдругъ. Его мысли прежде всего сосредоточились снова на его «двухъ несчастіяхъ,» но онъ уже свыкся съ думою о нихъ и начиналъ надѣяться, что они минуютъ и удалятся сами собою. Затѣмъ ему пришло въ голову, что, не смотря на поздній часъ дня, онъ

не только не успѣлъ еще ни плана изложить, ни написать писемъ, но даже и умыться. При этотъ Обломову невольно подумалось, что *другой бы* на его мѣстѣ сдѣлалъ все это, и подъ вліяніемъ этой мысли онъ сталъ анализировать самого себя и сравнивать съ *другимъ*. Къ печальнымъ выводамъ привелъ Илью Ильича его анализъ — эта тайная исповѣдь предъ самимъ собою. Ему стало горько отъ внутенняго состоянія, что въ немъ, какъ въ могилѣ, зарыто безплодно много свѣтлаго и хорошаго. Проклиная и доискиваясь до причины этой апатіи, онъ закрылъ глаза, вздохнулъ, прошептавъ: «Видно уже такъ судьба... Что-жъ тутъ мнѣ дѣлать?» и перешолъ отъ волненія къ нормальному своему состоянію.

Спустя нѣсколько минутъ комната огласилась храпѣньемъ безмятежно спящаго человѣка.

IX.

Только что храпѣніе Ильи Ильча дошло до слуха Захара, какъ онъ прыгнулъ осторожно, безъ шума, съ лежанки, вышелъ на цыпочкахъ въ сѣни, заперъ дверь на замокъ и отправился къ воротамъ, гдѣ уже собрались кучера, лакей, бабы и мальчишки. Долго толковалъ здѣсь Захаръ, разумѣется не упустивъ случая пройтись при этомъ на счетъ барина, чуть было не подрался съ кучеромъ, осмѣлившимся отнестись язвительно къ барскому достоинству Обломова, обругалъ всѣхъ присутствовавшихъ мерзавцами и, по приглашенію дворника, направился въ полпивную, махнувъ рукою обруганнымъ, чтобъ и они шли за нимъ.

Въ началѣ пятаго часа онъ явился будить барина. Обломовъ спалъ глубокимъ сномъ. Всѣ усилія Захара разбудить Илью Ильича долго оставались напрасными. Обломовъ то убѣждалъ оставить его въ покоѣ, то сердился, то какъ милости просилъ не тревожить его; но Захаръ не отставалъ.

— Вставайте, вставайте! во все горло заголосилъ онъ наконецъ и схватилъ Обломова обѣими руками за ногу и за рукавъ. Обломовъ, вдругъ, неожиданно вскочилъ на ноги и ринулся на Захара.

— Постой-же, вотъ я тебя выучу, какъ тревожить барина, когда онъ почивать хочетъ! заговорилъ онъ.

Захаръ со всѣхъ ногъ бросился отъ него, но на третьемъ шагу Обломовъ отрезвился совсѣмъ отъ сна и началъ потягиваться, зѣвая.

— Дай... квасу... говорилъ онъ въ промежутокъ зѣвоты.

Тутъ же, изъ-за спины Захара, кто-то разразился громкимъ хохотомъ. Оба они оглянулись.

— Штольцъ! Штольцъ! въ восторгѣ кричалъ Обломовъ, бросаясь къ гостю.

— Андрей Иванычъ! осклабясь говорилъ Зазаръ.

Штольцъ продолжалъ покатываться со смѣха: онъ видѣлъ всю происходившую сцену.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Штольцъ былъ нѣмецъ по отцу и русскій по матери. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, въ селѣ Верхлевѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ. Андрей провелъ свое дѣтство подъ руководствомъ отца совершенно свободно, не стѣсняемый ни бранью, ни наказаніями за свойственныя его возрасту шалости. Онъ безпрепятственно возился съ деревенскими мальчишками и пропадалъ изъ дому по цѣлымъ днямъ. Когда онъ подросъ отецъ сталъ возить его съ собою, для ознакомлянія сына съ жизнію и сообщенія ему практическихъ свѣдѣній. Матери не совсѣмъ нравилось это трудовое воспитаніе; ей хотѣлось выработать изъ сына изящнаго джентльмена, а не грубаго работника съ угловатыми манерами.— По окончаніи домашняго воспитанія, Андрей поступилъ въ университетъ, а по возвращеніи изъ него въ Верхлево, старикъ Штольцъ порѣшилъ, что сыну нужно ѣхать въ Петербургъ, а отчего и почему не могъ онъ оставаться въ Верхлевѣ и помогать управлять имѣніемъ—объ этомъ отецъ не спрашивалъ себя; онъ только помнилъ, что въ Германіи существуетъ обычай—отсылать дѣтей отъ себя, по окончаніи ими курса ученія. Матери не было на свѣтѣ и противорѣчить было некому.

Андрей разстался съ отцомъ безъ слезъ и вздоховъ, но обѣщавъ ему, на прощанье, составить себѣ состояніе и карьеру.

Молодой Штольцъ въ самомъ дѣлѣ занялся въ столицѣ дѣ-

лами и нажилъ домъ и деньги. Его жизнь представляла собою совершенную противоположность съ жизнью Обломова. На сколько послѣдняя была неподвижна, на столько первая кипѣла дѣятельностію. Постоянною задачею Штольца былъ простой, то есть прямой, настоящій взглядъ на жизнь, и, добираясь постепенно до ея рѣшенія, онъ понималъ всю трудность ея и былъ внутренно гордъ и счастливъ всякій разъ, когда ему случалось замѣтить кривизну на своемъ пути и сдѣлать прямой шагъ. Онъ боялся и не любилъ мечты и таинственности. Онъ упрямо останавливался у порога тайны, не обнаруживая ни вѣры ребенка, ни сомнѣнія фата, а ожидая появленія закона, а съ нимъ и ключа къ тайнѣ! Также зорко, какъ за воображеніемъ, слѣдилъ онъ и за сердцемъ. Онъ и среди увлеченія чувствовалъ землю подъ ногою и довольно силы въ себѣ, чтобы, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ. Онъ не ослѣплялся красотою и потому не падалъ ницъ передъ красавицами, не вѣрилъ въ поэзію страстей, не возмущался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, а все хотѣлъ видѣть идеалъ бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отправленіи жизни. Онъ шелъ твердо и упрямо по избранной дорогѣ, никогда не останавливаясь въ отчаяніи передъ встрѣчавшимися ему на ней препятствіями, а отважно и съ необыкновенною ловкостію устраняя, обходя и уничтожая ихъ.

Обломова и Штольца—эти двѣ діаметрально противоположныя натуры—связывали прежде всего дѣтство и школа, затѣмъ Штольца влекла къ своему другу еще и та роль сильнаго, которую онъ занималъ при немъ въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи, наконецъ Андрея болѣе всего приковывало къ Обломову то, что въ основаніи натуры этого послѣдняго лежало чистое, свѣтлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатіи ко всему, что хорошо и что только отверзалось и откликалось на зовъ этого простаго, не хитраго, вѣчно довѣрчиваго сердца.

Илья Ильичъ встрѣтилъ Штольца жалобами на свою судьбу,

на здоровье, на старосту, на необходимость переѣзжать съ квартиры. Андрей выслушалъ и сталъ разспрашивать Обломова о томъ, хакъ онъ живетъ и что дѣлаетъ. Изъ его отвѣтовъ Штольцъ понялъ, что онъ впалъ въ апатію и рѣшился извлечь его изъ нея.

— Ахъ, Илья, Илья! сказалъ онъ:—нѣтъ, я тебя не оставлю такъ. Черезъ недѣлю ты не узнаешь себя. Ужо вечеромъ я сообщу тебѣ подробный планъ о томъ, что я намѣренъ дѣлать съ собою и съ тобою, а теперь одѣвайся. Постой, я встряхну тебя! Захаръ? закричалъ онъ:—одѣваться Ильѣ Ильичу!

Штольцъ, не слушая возраженій Обломова, принудилъ его одѣться и противъ воли утащилъ съ собою изъ дому, приказавъ Захару сказать Тараньтьеву, что баринъ не будетъ обѣдать дома цѣлое лѣто.

II.

Обломовъ и Штольцъ заѣхали куда-то по дѣламъ, потомъ отобѣдали вмѣстѣ съ однимъ золотопромышленикомъ и, наконецъ, отправились къ этому послѣднему пить чай на дачу, гдѣ застали большое общество. Домой они возвратились поздно ночью. На слѣдующіе дни повторилось тоже. Обломову не нравился этотъ образъ жизни, но другъ противъ воли увлекалъ его съ собою. Разъ какъ-то Илья Ильичъ, возвратясь отъ куда-то поздно, возсталъ особенно сильно противъ этой суеты. Онъ сталъ доказывать, какъ пуста толпа, какъ безцѣльны ея толки, какъ отвратительны ея лицемѣріе, ложь и притворство; незамѣтно отъ этой темы Обломовъ перешелъ къ изображенію картины той жизни, какой жаждалъ онъ и какою бы могъ быть доволенъ. Это была картина житья безъ заботы, безъ труда, дышавшая лѣностію и ненарушаемая никакими тревогами. Штольцъ слушалъ его, прерывая отъ времени до времени вопросами и замѣчаніями.

— Нѣтъ, это не жизнь! сказалъ онъ, когда Илья Ильичъ окончилъ.

— Какъ не жизнь? Чего тутъ нѣтъ? Ты подумай, что ты не увидалъ бы ни одного блѣднаго, страдальческаго лица, никакой заботы, ни одного вопроса о сенатѣ, о биржѣ, объ акціяхъ, о докладахъ, о пріемѣ у министра, о чинахъ, о прибавкѣ столовыхъ денегъ,—а все разговоры по душѣ. Тебѣ не понадобилось-бы переѣзжать съ квартиры—ужъ одно это чего этотъ! И это не жизнь?

— Да, это не жизнь! повторялъ упрямо Штольцъ.

— Что-жъ это по твоему?

— Это... (Штольцъ задумался и искалъ, какъ бы назвать эту жизнь): это... какая то... обломовщина! сказалъ онъ наконецъ.

— О-бло-мовщина! медленно произнесъ Илья Ильичъ, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складамъ:— Об-ло-мов-щина!

Онъ странно и пристально глядѣлъ на Штольца.

— Гдѣ же идеалъ жизни, по твоему? Что-жъ не обломовщина? безъ увлеченія, робко спросилъ Обломовъ:—развѣ не всѣ добиваются того же, о чемъ я мечтаю? Помилуй! прибавилъ онъ смѣлѣе:—да и цѣль всей-то бѣготни вашей, страстей, войнъ, торговли и политики, развѣ не выдѣлка покоя, не стремленіе къ этому идеалу утраченнаго рая?..

Штольцъ сталъ возражать ему. Онъ напомнилъ Обломову его прошлые замыслы, надежды и мечты, его попытки изучить и то и другое, его обѣщаніе вмѣстѣ съ нимъ, Штольцомъ, объѣздить всю Европу. За тѣмъ онъ изобразилъ его настоящую жизнь.

— Если ты и послѣ этого, заключилъ Штольцъ: будешь сидѣть вотъ тутъ, съ Тараньтьевыми и Алексѣевыми, то совсѣмъ пропадешь, станешь въ тягость даже себѣ. Теперь или никогда!

Обломовъ слушалъ Штольца, глядя на него встревоженными

глазами. Другъ какъ будто подставилъ ему зеркало и онъ испугался, узнавъ себя. Онъ встрепенулся и сталъ просить Штольца помочь ему. «За тобой,—говорилъ онъ,—я, можетъ быть, пойду, а одинъ не сдвинусь съ мѣста. Ты правду говоришь: «Теперь или никогда больше. Еще годъ—поздно будетъ!» Потомъ онъ съ одушевленіемъ началъ разсказывать Андрею печальную повѣсть своего постепеннаго угасанія и впаденія въ апатію.

Штольцъ угрюмо слушалъ исповѣдь Обломова.

— Да, воды много утекло! сказалъ онъ. — Я не оставлю тебя такъ, а увезу тебя отсюда, сначала за границу, потомъ въ деревню: ты похудѣешь немного, перестанешь хандрить, а тамъ сыщемъ и дѣло...

— Да, поѣдемъ куда нибудь отсюда! вырвалось у Обломова.

— Завтра начнемъ хлопотать о паспортѣ за границу, потомъ станемъ собираться... Я не отстану,—слышишь, Илья?

— Ты все завтра! возразилъ Обломовъ спустившись будто съ облаковъ.

— А тебѣ бы хотѣлось «не откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня?» Какая прыть! Поздно ныньче, прибавилъ Штольцъ:—но черезъ двѣ недѣли мы будемъ далеко...

— Что это, братецъ! черезъ двѣ недѣли, помилуй, вдругъ такъ!.. говорилъ Обломовъ.—Дай хорошенько обдумать и приготовиться... Тарантасъ надо какой-нибудь... Развѣ мѣсяца черезъ три.

— Выдумалъ тарантасъ! До границы мы поѣдемъ въ почтовомъ экипажѣ, или на пароходѣ до Любека, какъ будетъ удобнѣе; а тамъ во многихъ мѣстахъ есть желѣзныя дороги.

— А квартира, а Захаръ, а Обломовка? Вѣдь надо распорядиться,—защищался Обломовъ.

— Обломовщина, обломовщина! сказалъ Штольцъ, смѣясь; потомъ взялъ свѣчу, простился съ Обломовымъ и пошелъ спать.—«Теперь или никогда»—помни! прибавилъ онъ, обернувшись къ Обломову и затворяя за собой дверь.

III.

Обломовъ задумался надъ словами: «теперь или никогда!»—Вслушиваясь въ это отчаянное воззваніе разума и силы, онъ сознавалъ и взвѣшивалъ, что у него осталось еще въ остаткѣ воли и куда онъ понесетъ, во что положитъ этотъ скудный остатокъ. Послѣ мучительной думы, онъ схватилъ перо, вытащилъ изъ угла книгу и въ одинъ часъ хотѣлъ прочесть, написать и передумать все, чего не прочелъ, не написалъ и не передумалъ въ десять лѣтъ. Что ему дѣлать теперь? Идти впередъ или остаться? Этотъ обломовскій вопросъ былъ для него глубже гамлетовскаго. Идти впередъ—это значитъ вдругъ сбросить широкій халатъ не только съ плечь, но и съ души, съ ума; вмѣстѣ съ пылью и паутиной смести со стѣнъ паутину съ глазъ и прозрѣть! Какой первый шагъ сдѣлать къ тому? съ чего начать? не знаю, не могу... нѣтъ... лукавлю, знаю и... Да и Штольцъ тутъ, подъ бокомъ; онъ сейчасъ скажетъ. А что онъ скажетъ? «Въ недѣлю, скажетъ, набросать подробную инструкцію повѣренному и отправить его въ деревню, Обломовку заложить, прикупить земли, послать планъ построекъ, квартиру сдать, взять паспортъ и ѣхать на полгода за границу, сбыть лишній жиръ, сбросить тяжесть, освѣжить душу тѣмъ воздухомъ, о которомъ мечталъ нѣкогда съ другомъ, пожить безъ халата, безъ Захара и Тарантьева, надѣвать самому чулки и снимать съ себя сапоги, спать только ночью, ѣхать куда всѣ ѣдутъ, по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, потомъ... Потомъ... поселиться въ Обломовкѣ: знать, что̀ такое посѣвъ и умолотъ, отчего мужикъ бываетъ бѣденъ и богатъ; ходить въ поле, ѣздить на выборы, на заводъ, на мельницы, на пристань. Въ то же время читать газеты, книги, безпокоиться о томъ, зачѣмъ англичане послали корабль на Востокъ...» Вотъ, что онъ скажетъ! Это значитъ идти впередъ... И такъ всю жизнь! Прощай поэтическій идеалъ жизни! Это какая-то кузница—не жизнь; тутъ вѣчно пламя, трескотня, жаръ, шумъ...

когда же пожить? Не лучше ли остаться? Остаться—значитъ надѣвать рубашку наизнанку, слышать прыганье Захаровыхъ ногъ съ лежанки, обѣдать съ Тарантьевымъ, меньше думать обо всемъ, не дочитать до конца путешествія въ Африку, состарѣться мирно на квартирѣ у кумы Тарантьева... «Теперь или никогда!» «быть, или не быть!» Обломовъ приподнялся-было съ кресла, но не попалъ съ разу ногой въ туфлю и сѣлъ опять.

Черезъ двѣ недѣли Штольцъ уже уѣхалъ въ Англію, взявъ съ Обломова слово пріѣхать прямо въ Парижъ. У Ильи Ильича уже и паспортъ былъ готовъ, онъ даже заказалъ себѣ дорожное пальто, купилъ фуражку, одѣяло, шерстяную фуфайку, дорожный несессеръ, хотѣлъ купить мѣшокъ для провизіи, но десять человѣкъ сказали, что за границей провизіи не возятъ.— Обломовъ не полѣнился, написалъ, что̀ взять съ собою и что̀ оставить дома. Мебель и прочія вещи поручено Тарантьеву отвезти на квартиру къ кумѣ, на Выборгскую Сторону, запереть ихъ въ трехъ комнатахъ и хранить до возвращенія изъ-за-границы.

Уже знакомые Обломова, иные съ недовѣрчивостью, другіе со смѣхомъ, а третьи съ какимъ-то испугомъ говорили: «ѣдетъ; представьте. Обломовъ сдвинулся съ мѣста!»

Но Обломовъ не уѣхалъ ни черезъ мѣсяцъ, ни черезъ три.

Штольцъ давно въ Парижѣ; пишетъ къ нему неистовыя письма, но отвѣта не получаетъ.

Онъ встаетъ теперь въ семь часовъ, читаетъ, носитъ куда-то книги. На лицѣ ни сна, ни усталости, ни скуки. На немъ появились даже краски, въ глазахъ блескъ, что-то въ родѣ отваги или, по крайней мѣрѣ, смоувѣренности.—Халата не видать на немъ: Тарантьевъ увезъ его съ собою къ кумѣ съ прочими вещами. Обломовъ сидитъ съ книгою или пишетъ въ домашнемъ пальто; на шеѣ надѣта легкая косынка; воротнички рубашки выпущены на галстукъ и блестятъ какъ снѣгъ.

Выходитъ онъ въ сюртукѣ, прекрасно сшитомъ, въ щеголь-

ской шляпѣ.... Онъ веселъ, напѣваетъ.... Отчего же это?.... Вотъ онъ сидитъ у окна своей дачи (онъ живетъ на дачѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города); подлѣ него лежитъ букетъ цвѣтовъ. Онъ что-то проворно дописываетъ, а самъ безпрестанно поглядываетъ черезъ кусты, на дорожку, и опять спѣшить писать. Вдругъ по дорожкѣ захрустѣлъ песокъ подъ легкими шагами; Обломовъ бросилъ перо, схватилъ букетъ и побѣжалъ къ окну. «Это вы, Ольга Сергѣевна? Сейчасъ, сейчасъ!» сказалъ онъ; схватилъ фуражку, тросточку, выбѣжалъ въ калитку, подалъ руку какой-то прекрасной женщинѣ и исчезъ съ нею въ лѣсу, въ тѣни огромныхъ елей.

Штольцъ познакомилъ Обломова съ Ольгой и ея теткой. Когда Штольцъ привелъ Обломова въ домъ, къ Ольгиной теткѣ, въ первый разъ, тамъ были гости. Обломову было тяжело и, по обыкновенію, неловко. Ольга очень обрадовалась Штольцу, хотя глаза ея не зажглись блескомъ, щеки не запылали румянцемъ, но по всему лицу ея разлился ровный, покойный свѣтъ и явилась улыбка. Она называла его другомъ, любила его за то, что онъ всегда смѣшилъ ее и не давалъ скучать, но немного и боялась, потому что чувствовала себя слишкомъ ребенкомъ передъ нимъ.

Штольцъ тоже любовался ею безкорыстно, какъ чудеснымъ созданіемъ, съ благоухающею свѣжестью ума и чувствъ. Она была въ глазахъ его только прелестный, подающій большія надежды ребенокъ. Штольцъ, однакожъ, говорилъ съ нею охотнѣе и чаще, нежели съ другими женщинами, потому что она, хоть безсознательно, но шла простымъ, природнымъ путемъ жизни и, по счастливой натурѣ, по здравому, не перехитренному воспитанію, не уклонялась отъ естественнаго проявленія мысли, чувства, воли, даже до малѣйшаго, едва замѣтнаго движенія глазъ, губъ, руки. Только что Штольцъ усѣлся подлѣ нея, какъ въ комнатѣ раздался ея смѣхъ, который былъ такъ звученъ, такъ искрененъ и заразителенъ, что кто ни послушаетъ этого смѣха, непремѣнно засмѣется самъ

не зная о причинѣ. Но не все смѣшилъ ее Штольцъ: черезъ полчаса она слушала его съ любопытствомъ, и съ удвоеннымъ любопытствомъ переносила глаза на Обломова, а Обломовъ отъ этихъ взглядовъ—хоть сквозь землю провалиться!

«Что они такое говорятъ обо мнѣ?» думалъ онъ, косясь, въ безпокойствѣ на нихъ. Онъ уже хотѣлъ уйти, но тетка Ольги подозвала его къ столу и посадила подлѣ себя, подъ перекрестный огонь взглядовъ всѣхъ собесѣдниковъ. Онъ боязливо обернулся къ Штольцу—его уже не было, взглянулъ на Ольгу и встрѣтилъ устремленный на него все тотъ же любопытный взглядъ. «Все еще смотритъ!» подумалъ онъ, въ смущеніи оглядывая свое платье. Онъ даже отеръ лицо платкомъ, думая, не выпачканъ-ли у него носъ; трогалъ себя за галстукъ — не развязался ли: это бываетъ иногда съ нимъ; нѣтъ, все, кажется, въ порядкѣ, а она смотритъ! Но человѣкъ подалъ ему чашку чаю и подносъ съ кренделями. Онъ хотѣлъ подавить въ себѣ смущеніе, быть развязнымъ и въ этой развязности захватилъ такую кучу сухарей, бисквитъ, кренделей, что сидѣвшая съ нимъ рядомъ дѣвочка засмѣялась. Другіе поглядывали на кучу съ любопытствомъ. «Боже мой, и она смотритъ! думалъ Обломовъ: «что̀ я съ этой кучей сдѣлаю?» Онъ, и не глядя, видѣлъ, какъ Ольга встала съ своего мѣста и пошла въ другой уголъ. У него отлегло отъ сердца. А дѣвочка навострила на него глаза, ожидая, что̀ онъ сдѣлаетъ съ сухарями. «Съѣсть поскорѣе,» подумалъ онъ, и началъ проворно убирать бисквиты; къ счастью, онѣ такъ и таяли во рту. Оставались только два сухаря; онъ вздохнулъ свободно и рѣшился взглянуть туда, куда пошла Ольга.... Боже! она стоитъ у бюста, опершись на пьедесталъ, и слѣдитъ за нимъ. Она ушла изъ своего угла, кажется, затѣмъ, чтобы свободнѣе смотрѣть на него: она замѣтила его неловкость съ сухарями. За ужиномъ она сидѣла въ другомъ концѣ стола, говорила, ѣла и, казалось, вовсе не занималась имъ. Но едва только Обломовъ боязливо оборачивался въ ея сторону, съ надеждой, авось она не смо-

тритъ, какъ встрѣчалъ ея взглядъ, исполненный любопытства, но вмѣстѣ такой добрый....

Обломовъ послѣ ужина торопливо сталъ прощаться съ теткою; она пригласила его на другой день обѣдать и просила передать приглашеніе Штольцу. Илья Ильичъ поклонился и, не поднимая глазъ, прошелъ всю залу. Вотъ сейчасъ за роялемъ ширмы и дверь. Онъ взглянулъ—за роялемъ сидѣла Ольга и смотрѣла на него съ большимъ любопытствомъ. Ему показалось, что она улыбалась.

«Вѣрно Андрей разсказалъ, что на мнѣ были вчера надѣты чулки разные, или рубашка наизнанку!» заключилъ онъ и поѣхалъ домой не въ духѣ, какъ отъ этого предположенія, такъ еще болѣе — отъ приглашенія обѣдать, на которое отвѣчалъ поклономъ, значитъ—принялъ.

Съ этой минуты настойчивый взглядъ Ольги не выходилъ изъ головы Обломова. И халатъ показался ему противенъ, и Захаръ глупъ и невыносимъ, и пыль съ паутиной нестерпима. Онъ велѣлъ вынести вонъ нѣсколько дрянныхъ картинъ, которыя навязалъ ему какой-то покровитель бѣдныхъ артистовъ; самъ поправилъ штору, которая давно не поднималась, позвалъ Анисью и велѣлъ протереть окна, спахнулъ паутину, а потомъ легъ на бокъ и продумалъ съ часъ.... объ Ольгѣ.

Проходили дни за днями: онъ тамъ и обѣими ногами, и руками, и головой. Въ одно прекрасное утро Тарантьевъ перевезъ его домъ къ своей кумѣ, въ переулокъ, на Выборскую Сторону, и Обломовъ дня три провелъ какъ давно не проводилъ: безъ постели, безъ дивана; обѣдалъ у Ольгиной тетки. Вдругъ оказалось, что противъ ихъ дачи есть одна, свободная. Обломовъ нанялъ ее заочно и живетъ тамъ. Онъ съ Ольгой съ утра до вечера; онъ читаетъ съ ней, посылаетъ цвѣты, гуляетъ по озеру, по горамъ. Какъ же это могло случиться?

Когда они обѣдали со Штольцемъ у ея тетки, Обломовъ во время обѣда испытывалъ надъ взглядомъ Ольги ту же пытку, что и наканунѣ. Этотъ взглядъ жегъ его, тревожилъ, шеве-

лилъ нервы, кровь. Едва-едва на балконѣ, за сигарой, за дымомъ, удалось ему на мгновеніе скрыться отъ этого безмолвнаго, настойчиваго взгляда.

Вдругъ она явилась передъ нимъ на порогѣ балкона; онъ подалъ ей стулъ, и она сѣла подлѣ него.

— Правда ли, что вы очень скучаете? спросила она его.

— Правда, отвѣчалъ онъ, — но только не очень... У меня есть занятія.

— Андрей Иванычъ говорилъ, что вы составляете какой-то планъ?

— Да, я хочу ѣхать въ деревню пожить, такъ приготовляюсь понемногу.

— А за границу поѣдете?

— Да, непремѣнно, вотъ какъ только Андрей Иванычъ соберется.

— Вы охотно ѣдете? спросила она.

— Да, я очень охотно...

Онъ взглянулъ: улыбка такъ и ползаетъ у нея по лицу, то освѣтитъ глаза, то разольется по щекамъ, только губы сжаты, какъ всегда. У него недостало духа солгать покойно.

— Я немного... лѣнивъ... сказалъ онъ, но...

Ему стало вмѣстѣ и досадно, что она такъ легко, почти молча, выманила у него сознаніе въ лѣни.

«Что она мнѣ? Боюсь что ли я ее?» думалъ онъ.

— Лѣнивы! возразила она съ едва-примѣтнымъ лукавствомъ: — можетъ ли это быть? Мужчина лѣнивъ — я этого не понимаю!...

«Чего тутъ не понимать?» подумалъ онъ: «кажется, просто. — Я все больше дома сижу, оттого Андрей и думаетъ, что я...

— Но, вѣроятно, вы много пишете, сказала она, — читаете. Читали ли вы...?

Она смотрѣла на него такъ пристально.

— Нѣтъ, не читалъ! вдругъ сорвалось у него въ испугѣ, чтобъ она не вздумала его экзаменовать.

— Чего? засмѣявшись, спросила она. И онъ засмѣялся...

— Я думалъ, вы хотите спросить меня о какомъ-нибудь романѣ: я ихъ не читаю.

— Не угадали; я хотѣла спросить о путешествіяхъ....

Онъ зорко поглядѣлъ на нее; у ней все лицо смѣялось, а губы нѣтъ.

«О! да она... съ ней надо быть осторожнымъ,» подумалъ Обломовъ.

— Что же вы читаете? съ любопытствомъ спросила она.

— Я точно люблю больше путешествія....

— Въ Африку? лукаво и тихо спросила она.

Онъ покраснѣлъ; догадываясь, не безъ основанія, что ей было извѣстно не только о томъ, что онъ читаетъ, но и какъ читаетъ.

— Вы музыкантъ? спросила она, чтобъ вывести его изъ смущенія.

Въ это время подошелъ Штольцъ.

— Илья! вотъ я сказалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, что ты страстно любишь музыку, просилъ спѣть что-нибудь.... Casta diva...

— Зачѣмъ же ты наговариваешь на меня? отвѣчалъ Обломовъ: — я вовсе не страстно люблю музыку.

— Каковъ? перебилъ Штольцъ: — онъ какъ-будто обидѣлся! Я рекомендую его, какъ порядочнаго человѣка, а онъ спѣшитъ разочаровать на свой счетъ!

— Я уклоняюсь только отъ роли любителя: это сомнительная и трудная роль!

— Какая же музыка вамъ больше нравится? спросила Ольга.

— Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ: всякая! Иногда я съ удовольствіемъ слушаю сиплую шарманку, какой-ниубудь мотивъ, который заронился мнѣ въ память, въ другой разъ

уйду на половинѣ оперы; тамъ Мейербергъ зашевелитъ меня; даже пѣсня съ барки, смотря по настроенію; иногда и отъ Моцарта уши зажмешь....

— Значитъ, вы истинно любите музыку.

— Спойте же что-нибудь, Ольга Сергѣевна, просилъ Штольцъ.

— А если м—сье Обломовъ теперь въ такомъ настроеніи, что уши зажметъ? сказала она обращаясь къ нему.

— Тутъ слѣдуетъ сказать какой-нибудь комплиментъ, отвѣчалъ Обломовъ. — Я не умѣю, да еслибъ и умѣлъ, такъ не рѣшился бы....

— Отчего же?

— А если вы дурно поете? наивно замѣтилъ Обломовъ,— мнѣ бы потомъ стало такъ неловко....

— Какъ вчера съ сухарями.... вдругъ вырвалось у ней, и она сама покраснѣла, и Богъ знаетъ, что дала бы, чтобъ не сказать этого. Простите—виновата!.. сказала она.

Обломовъ никакъ не ожидалъ этого и потерялся.

— Это злое предательство! сказалъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ; развѣ маленькое мщеніе, и то, ей-Богу, неумышленное, за то, что у васъ не нашлось даже комплимента для меня.

— Можетъ быть, найду, когда услышу.

— А вы хотите, чтобъ я спѣла? спросила она.

— Нѣтъ, это онъ хочетъ, отвѣчалъ Обломовъ, указывая на Штольца.

— А вы?

Обломовъ покачалъ отрицательно головою.

— Я не могу хотѣть, чего непонимаю.

— Ты грубіянъ, Илья! замѣтилъ Штольцъ. Вотъ что значитъ залежаться дома и надѣвать чулки....

— Помилуй, Андрей, живо перебилъ Обломовъ, не давая ему договорить:—мнѣ ничего не стоитъ сказать «Ахъ! я очень радъ буду, счастливъ; вы, конечно, отлично поете»... продол-

жалъ онъ, обратясь къ Ольгѣ: «это мнѣ доставитъ» и т. д. Да развѣ это нужно?

— Но вы могли пожелать, по крайней мѣрѣ, чтобъ я спѣла.... хоть изъ любопытства.

— Не смѣю, отвѣчалъ Обломовъ: — вы не актриса....

— Ну, я вамъ спою, сказала она Штольцу.

— Илья, готовь комплиментъ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Засвѣтили лампу, которая, какъ луна, сквозила въ трельяже съ плющемъ. Сумракъ скрылъ очертанія лица и фигуры Ольги и набросилъ на нее какъ-будто флеровое покрывало; лицо было въ тѣни: слышался только мягкій, но сильный голосъ, съ нервной дрожью чувства. Она пѣла много арій и романсовъ, по указанію Штольца; въ однихъ выражалось страданіе, съ неяснымъ предчувствіемъ счастья, въ другихъ радость, но въ звукахъ этихъ таился уже зародышь грусти. Отъ словъ, отъ звуковъ, отъ этого чистаго, сильнаго дѣвическаго голоса билось сердце, дрожали нервы, глаза искрились и заплывали слезами. Въ одинъ и тотъ же моментъ хотѣлось умереть, не пробуждаться отъ звуковъ, и сейчасъ же опять сердце жаждало жизни.... Обломовъ вспыхивалъ, изнемогалъ, съ трудомъ сдерживалъ слезы и еще труднѣе было задушить ему радостный, готовый вырваться изъ души крикъ. Давно не чувствовалъ онъ такой бодрости, такой силы, которая, казалось, вся поднялась со дна души, готовая на подвигъ. Онъ въ минуту уѣхалъ бы даже за границу, еслибъ ему оставалось только сѣсть и поѣхать.

Въ заключеніе она запѣла Casta diva: всѣ восторги, молніей несущіяся мысли въ головѣ, трепетъ, какъ иглы, пробѣгающій по тѣлу — все это уничтожило Обломова: онъ изнемогъ....

— Довольны вы мною сегодня? вдругъ спросила Ольга Штольца, переставъ пѣть.

— Спросите Обломова, что онъ скажетъ? сказалъ Штольцъ.

— Ахъ! вырвалось у Обломова. Онъ вдругъ схватилъ было Ольгу за руку и тотчасъ же оставилъ ее и сильно смутился.

— Извините, пробормоталъ онъ.

— Слышите? сказалъ ей Штольцъ:— Скажи по совѣсти, Илья, какъ давно съ тобою не случалось этого?

— Это могло случиться сегодня утромъ, если бы мимо оконъ проходила сиплая шарманка... вмѣшалась Ольга съ добротой, такъ мягко, что вынула жало изъ сарказма.

Онъ съ упрекомъ взглянулъ на нее.

— У него окна по сю пору не выставлены: не слыхать, что̀ дѣлается снаружи, прибавилъ Штольцъ.

Обломовъ съ упрекомъ взглянулъ на Штольца.

Штольцъ взялъ руку Ольги.

— Не знаю, чему приписать, что вы сегодня пѣли какъ никогда не пѣли, Ольга Сергѣевна,—по крайней мѣрѣ я давно не слыхалъ. Вотъ мой комплиментъ! сказалъ онъ, цалуя каждый палецъ у нея.

Штольцъ уѣхалъ. Обломовъ тоже собрался, но Штольцъ и Ольга удержали его.

— У меня дѣло есть,—замѣтилъ Штольцъ: а ты вѣдь пойдешь лежать... еще рано...

— Андрей! Андрей! съ мольбой въ голосѣ проговорилъ Обломовъ:—Нѣтъ, я не могу остаться сегодня, я уѣду! прибавилъ онъ, и уѣхалъ.

Онъ не спалъ всю ночь: грустный, задумчивый проходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ; на зарѣ ушелъ изъ дома, ходилъ по Невѣ, по улицамъ, Богъ знаетъ что чувствуя, о чемъ думая...

Черезъ три дня онъ опять былъ тамъ, и вечеромъ.

Опять и въ этотъ разъ она долго пѣла, по временамъ оглядываясь къ нему, дѣтски спрашивая: «довольно? нѣтъ, вотъ еще это»—и пѣла опять. Щеки и уши рдѣли у нея отъ волненія; иногда на свѣжемъ лицѣ ея вдругъ сверкала игра сердечныхъ молній, вспыхивалъ лучь такой зрѣлой страсти, какъ

будто она сердцемъ переживала далекую, будущую пору жизни, и вдругъ опять потухалъ этотъ мгновенный лучь, опять голосъ звучалъ свѣжо и серебристо. И въ Обломовѣ играла такая же жизнь: ему казалось, что онъ живетъ и чувствуетъ все это—не часъ, не два, а цѣлые годы... Оба, они, снаружи неподвижные, разрывались внутреннимъ огнемъ, дрожали одинаковымъ трепетомъ; въ глазахъ стояли слезы, вызванныя одинакимъ настроеніемъ. Все это симптомы тѣхъ страстей, которыя должны, повидимому, заиграть нѣкогда въ ея молодой душѣ, теперь еще подвластной только временнымъ, летучимъ намекамъ и вспышкамъ спящихъ силъ жизни. Она кончила долгимъ пѣвучимъ аккордомъ, и голосъ ея пропалъ въ немъ. Она вдругъ остановилась, положила руки на колѣни, а сама, растроганная, взволнованная, поглядѣла на Обломова: что̀ онъ? у него на лицѣ сіяла заря пробужденнаго, со дна души возставшаго счастья; наполненный слезами взглядъ его устремленъ былъ на нее.

Теперь ужъ она, какъ онъ, также невольно взяла его за руку.

— Что̀ съ вами? спросила она: — какое у васъ лице! Отчего?

Но она знала, отчего у него такое лицо, и внутренно скромно торжествовала, любуясь этимъ выраженіемъ своей силы.

— Посмотритесь въ зеркало, продолжала она, съ улыбкой указывая ему его же лицо въ зеркало:—глаза блестятъ, Боже мой!... слезы въ нихъ! какъ глубоко вы чувствуете музыку!...

— Нѣтъ, я чувствую... не музыку... а... любовь! тихо сказалъ Обломовъ.

Она мгновенно оставила его руку и измѣнилась въ лицѣ. Ея взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ, устремленнымъ на нее: взглядъ этотъ былъ неподвижный, почти безумный; имъ глядѣлъ не Обломовъ, а страсть. Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что онъ не властенъ въ немъ, и что оно—истина.

Онъ опомнился, взялъ шляпу и, не оглядываясь, выбѣжалъ изъ комнаты. Она уже не провожала его любопытнымъ взглядомъ, но долго, не шевелясь, стояла у фортепьяно, какъ статуя, и упорно глядѣла внизъ; только грудь ея усиленно поднималась и опускалась...

IV.

Долго послѣ того, какъ у Обломова вырвалось признаніе въ любви Ольгѣ, не видались они наединѣ. Онъ прятался какъ школьникъ, лишь только завидитъ Ольгу. Она перемѣнилась съ нимъ, но не бѣгала, не была холодна, а стала только задумчивѣе. Ей, казалось, было жаль, что случилось что-то такое, что помѣшало ей мучить Обломова устремленнымъ на него любопытнымъ взглядомъ и добродушно уязвлять его насмѣшками надъ лежаньемъ, надъ лѣнью, надъ его неловкостью... Въ ней разыгрывался комизмъ,—но это былъ комизмъ матери, которая не можетъ не улыбнуться, глядя на смѣшной нарядъ сына. Штольцъ уѣхалъ, и ей скучно было, что некому пѣть; рояль ея былъ закрытъ,—словомъ, на нихъ обоихъ легло принужденіе, оковы,—обоимъ было неловко. А какъ было пошло хорошо! какъ просто познакомились они! какъ свободно сошлись! Обломовъ былъ проще Штольца и добрѣе его, хотя не смѣшилъ ее такъ, или смѣшилъ собою, и такъ легко прощалъ насмѣшки. Потомъ еще Штольцъ, уѣзжая, завѣщалъ Обломова ей, просилъ приглядывать за нимъ, мѣшать ему сидѣть дома. У ней, въ умненькой, хорошенькой головкѣ, развился уже подробный планъ, какъ она отучитъ Обломова спать послѣ обѣда, да не только спать, она не позволитъ ему даже прилечь на диванъ днемъ: возьметъ съ него слово. Она мечтала, какъ «прикажетъ ему прочесть книги», которыя оставилъ Штольцъ, потомъ читать каждый день газеты и разсказывать ей новости, писать въ деревню письма, дописывать планъ устройства имѣ-

нія, приготовиться ѣхать за границу— словомъ, онъ не задремлетъ у нея; она укажетъ ему цѣль, заставитъ полюбить опять все, что онъ разлюбилъ, и Штольцъ, воротясь, не узнаетъ его. И все это чудо сдѣлаетъ она, такая робкая, молчаливая, которой до сихъ поръ еще никто не слушался, которая еще не начала жить! она виновница такого превращенія! Ужъ оно, превращеніе это, началось: только лишь она запѣла, Обломовъ не тотъ.... Онъ будетъ жить, дѣйствовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человѣка къ жизни—сколько славы доктору, когда онъ спасетъ безнадежнаго больнаго! а спасти нравственно-погибающій умъ, душу?... Она даже вздрагивала отъ гордаго, радостнаго трепета; считала это урокомъ, назначеннымъ свыше! Она мысленно сдѣлала его своимъ секретаремъ, библіотекаремъ,—и вдругъ все это должно кончиться! Она не знала, какъ поступить ей, и оттого молчала, когда встрѣчалась съ Обломовымъ.

Обломовъ мучился тѣмъ, что онъ испугалъ, оскорбилъ ее и ждалъ молніеносныхъ взглядовъ, холодной строгости, дрожалъ завидя ее и сворачивалъ въ сторону. Между тѣмъ, онъ ужъ переѣхалъ на дачу и дня три пускался все одинъ по кочкамъ, черезъ болота, въ лѣсъ, или уходилъ въ деревню и праздно сидѣлъ у крестьянскихъ воротъ, глядя, какъ бѣгаютъ ребятишки, телята, какъ утки полощутся въ прудѣ. Около дачи было озеро и огромный паркъ: онъ боялся идти туда, чтобы не встрѣтить Ольгу одну. «Дернуло меня, брякнулъ!» думалъ онъ, и даже не спрашивалъ себя, въ самомъ-ли дѣлѣ у него вырвалась истина, или это только было мгновеннымъ дѣйствіемъ музыки на нервы. Чувство неловкости, стыда или «срама», какъ онъ выражался, который онъ надѣлалъ, мѣшало ему разобрать, что̀ это за порывъ былъ, и вообще, что̀ такое для него Ольга? Ужь онъ не анализировалъ, что прибавилось у него къ сердцу лишнее, какой-то комокъ, котораго прежде не было. Въ немъ всѣ чувства свернулись въ одинъ комъ—стыда. Когда же минутно являлась она въ его воображеніи, тамъ возникалъ и

тотъ образъ, тотъ идеалъ воплощеннаго покоя, счастья жизни: этотъ идеалъ точь-въ-точь былъ—Ольга! Оба образа сходились, сходились и сливались въ одинъ. «Ахъ, что я надѣлалъ!» говорилъ онъ: «все сгубилъ! Слава Богу, что Штольцъ уѣхалъ: она не успѣла сказать ему, а то бы хоть сквозь землю провалиться! Любовь, слезы—къ лицу ли это мнѣ? И тетка Ольги не шлетъ, не зоветъ къ себѣ: вѣрно она сказала. . Боже мой!...» Такъ думалъ онъ, забираясь подальше въ паркъ, въ боковую аллею.

Ольга затруднялась только тѣмъ, какъ она встрѣтится съ нимъ, какъ пройдетъ это событіе: молчаніемъ ли, какъ будто ничего не было, или надо сказать ему что-нибудь? А что сказать? Сдѣлать суровую мину, посмотрѣть на него гордо, или даже вовсе не посмотрѣть, а надменно и сухо замѣтить, что она «никакъ не ожидала отъ него такого поступка: за кого онъ ее считаетъ, что позволилъ себѣ такую дерзость?...» Такъ Соничка въ мазуркѣ отвѣчала какому-то корнету, хотя сама изъ всѣхъ силъ хлопотала, чтобы вскружить ему голову. «Да что же тутъ дерзкаго?» спросила она себя. «Ну, если онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, почему же не сказать?. . Однако, какъ же это, вдругъ, едва познакомился... Этого никто другой не сказалъ бы, увидя во второй, въ третій разъ женщину; да никто и не почувствовалъ бы такъ скоро любви. Это только Обломовъ могъ...» Но она вспомнила, что она слышала и читала, какъ любовь приходитъ иногда внезапно. «И у него былъ порывъ, увлеченіе; теперь онъ глазъ не кажетъ; ему стыдно; стало быть, это не дерзость. А кто виноватъ?» подумала она: «Андрей Иванычъ, конечно, потому что заставилъ ее пѣть.» Но Обломовъ сначала слушать не хотѣлъ,—ей было досадно, и она... старалась... Она сильно покраснѣла— да, всѣми силами старалась расшевелить его. Штольцъ сказалъ про него, что онъ апатиченъ, что ничто его не занимаетъ, что все угасло въ немъ... Вотъ ей и захотѣлось посмотрѣть—все ли угасло, и она пѣла, пѣла... какъ никогда... «Боже мой! да вѣдь я виновата: я попрошу у него

прощенія.. А въ чемъ?» спросила она потомъ. «Что я скажу ему: мосье Обломовъ! я виновата, я завлекала»!.. Какой стыдъ! это неправда! сказала она вспыхнувъ и топнувъ ногою: «кто смѣетъ это подумать?... Развѣ я знала, что выйдетъ? А еслибъ этого не было, еслибъ не вырвалось у него... что̀ тогда?...» спросила она. «Не знаю...» думала она. У ней съ того дня какъ-то странно на сердцѣ... должно быть ей очень обидно... даже въ жаръ кидаетъ, на щекахъ рдѣютъ два розовыя пятнышка... «Раздраженіе... маленькая лихорадка», говорилъ докторъ. «Что̀ надѣлалъ этотъ Обломовъ! О, ему надо дать урокъ, чтобъ этого впередъ не было! Попрошу ma tante отказать ему отъ дома: онъ не долженъ забываться... какъ онъ смѣлъ!» думала она, идя по парку; глаза ея горѣли...

Вдругъ кто-то идетъ, слышитъ она.

«Идетъ кто-то....» подумалъ Обломовъ.

И сошлись лицемъ къ лицу.

— Ольга Сергѣевна! сказалъ онъ, трясясь какъ осиновый листъ.

— Илья Ильичъ! отвѣчала она робко, и оба остановились.

— Здравствуйте, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, отвѣчала она.

— Вы куда идете? спросилъ онъ.

— Такъ.... сказала она, не поднимая глазъ.

— Я вамъ мѣшаю?

— О, ничуть.... отвѣчала она, взглянувъ на него быстро и съ любопытствомъ.

— Можно мнѣ съ вами? спросилъ онъ, вдругъ кинувъ на нее пытливый взглядъ.

Они молча шли по дорожкѣ. Ни отъ линейки учителя, ни отъ бровей директора никогда въ жизни не стучало такъ сердце Обломова, какъ теперь. Онъ хотѣлъ что-то сказать, пересиливалъ себя, но слова съ языка не шли; только сердце бились неимовѣрно какъ передъ бѣдой.

Обломовъ передалъ ей, что онъ переѣзжаетъ на другой день въ городъ.

— Завтра? спросила она при этомъ извѣстіи. Васъ какъ будто гонитъ кто-нибудь.

— Итакъ гонитъ....

— Кто же?

— Стыдъ.... прошепталъ онъ.

— Стыдъ! повторила она машинально. «Вотъ теперь скажу ему: мсье Обломовъ, я никакъ не ожидала....»

— Да, Ольга Сергѣевна, наконецъ пересилилъ онъ себя:— вы, я думаю, удивляетесь.... сердитесь....

«Ну, пора.... вотъ настоящая минута.» Сердце такъ и стучало у ней. «Не могу.... Боже мой!»

Онъ старался заглянуть ей въ лицо, узнать, что̀ она; но она нюхала ландыши и сирени и не знала сама, что она.... что̀ ей сказать, что сдѣлать. «Ахъ, Соничка сейчасъ бы что-нибудь выдумала, а я такая глупая! ничего не умѣю.... Мучительно!» думала она.

— Я совсѣмъ забыла.... сказала она.

— Повѣрьте мнѣ, это было невольно.... я не могъ удержаться.... заговорилъ онъ, понемногу вооружаясь смѣлостью. Еслибъ громъ загремѣлъ тогда, камень упалъ бы надо мною, я бы все-таки сказалъ. Этого никакими силами удержать было нельзя.... Ради Бога, не подумайте, чтобъ я хотѣлъ.... Я самъ черезъ минуту Богъ знаетъ что далъ бы, чтобъ воротить неосторожное слово....

Она шла, потупя голову и нюхая цвѣты.

— Забудьте же это, продолжалъ онъ:—забудьте, тѣмъ болѣе, что это неправда....

Послѣднее слово заставило встрепенуться Ольгу; ей невольно стало тяжело отъ него, а Обломовъ объяснилъ все это по своему: онъ думалъ, что она разсердилась, обидѣлась на него за объясненія и ему стало грустно. Вернувшись домой, Илья Ильичъ долго продумалъ объ Ольгѣ. То ему казалось, что она

любитъ его, то онъ находилъ, что любить его невозможно. Размышленія Обломова были прерваны приходомъ человѣка отъ Ольгиной тетки—звать его обѣдать къ нимъ. Онъ ожилъ и повеселѣлъ. Но этотъ день былъ для него днемъ разочарованія. Онъ провелъ его съ теткой Ольги, а когда Ольга сошла къ обѣду, онъ едва ее узналъ. Свободы, непринужденности, позволяющей все высказать, что на умѣ—уже не было. Послѣ обѣда онъ подошелъ къ ней спросить, не пойдетъ ли она гулять. Она, не отвѣчая ему, обратилась къ теткѣ, съ вопросомъ: «Пойдемъ-ли мы гулять?» И пошли всѣ: походили вяло, скучно, вернулись домой. Илья Ильичъ попросилъ робко Ольгу спѣть; она запѣла, но это уже было не то пѣніе, а безъ увлеченія, безъ души, какъ поютъ всѣ дѣвицы въ обществѣ.

Обломовъ ушелъ. Въ это короткое время съ Ольгой совершилась та метаморфоза, которая совершается съ мужчиной въ двадцать-пять лѣтъ,—она вступила въ сферу сознанія. Вступленіе это обошлось ей такъ дешево и легко: слово «неправда» отрезвило ее.

Обломовъ не пошелъ къ Ольгѣ ни на четвертый, ни на пятый день. Ему было невыносимо скучно; онъ рѣшился переѣхать на Выборскую Сторону и сообщилъ о своемъ намѣреніи Захару.

На другой день, только-что Обломовъ проснулся въ десятомъ часу утра, Захаръ, подавая ему чай, сказалъ, что когда онъ ходилъ въ булочную, такъ встрѣтилъ Ольгу Сергѣевну, и что она распрашивала его о томъ, что̀ дѣлаетъ и здоровъ ли его баринъ. Илья Ильичъ уже отпилъ чай, когда Захаръ снова вошелъ въ комнату, для того, чтобы передать Обломову, что онъ и забылъ сказать ему, что Ольга Сергѣевна просила его придти гулять въ паркъ.

Обломовъ вскочилъ и побѣжалъ отыскивать ее; онъ засталъ ее на скамьѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ было объясненіе. Разговоръ вначалѣ шолъ довольно натянуто, мало-по-малу онъ коснулся жизни Обломова. Илья Ильичъ заговорилъ о томъ,

что у него нѣтъ болѣе цѣли жизни, что ему не для кого жить и нечего искать,—что цвѣтъ жизни его опалъ, остались только шипы.

Они шли тихо; она слушала разсѣянно, мимоходомъ сорвала вѣтку сирени и, не глядя на него, подала ему.

— Что это? спросилъ онъ оторопѣвъ.

— Вы видите,—вѣтка.

— Какая вѣтка? говорилъ онъ, глядя на нее во всѣ глаза.

— Сиреневая.

— Знаю.... но что она значитъ?

— Цвѣтъ жизни и....

Онъ остановился, она тоже.

— И?... и?... повторилъ онъ вопросительно.

— Мою досаду, сказала она, глядя на него прямо, сосредоточеннымъ взглядомъ, и улыбка говорила, что она знаетъ, что дѣлаетъ.

Облако непроницаемости слетѣло съ нея; взглядъ ея былъ осязателенъ и понятенъ. Она какъ будто нарочно открыла извѣстную страницу книги и позволила прочесть завѣтное мѣсто.

— Стало быть, я могу надѣяться.... вдругъ, радостно вспыхнувъ, сказалъ онъ.

— Всего! Но....

Онъ ожилъ и просіялъ. Она тоже прочла на его лицѣ, что и у Обломова мгновенно явилась цѣль жизни.

— Жизнь, жизнь опять отворяется мнѣ! говорилъ онъ какъ въ бреду; вотъ она—въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ Casta diva.... все здѣсь....

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не все.... половина.

— Лучшая.

— Пожалуй, сказала она.

— Гдѣ же другая? Что послѣ этого еще?

— Ищите.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ не потерять первой, досказала она и подала ему руку, и оба они пошли домой.

Онъ то съ восторгомъ, украдкой кидалъ взглядъ на ея головку, на станъ, на кудри, то сжималъ вѣтку.

— Это все мое, мое! задумчиво говорилъ онъ и не вѣрилъ самъ себѣ.

— Вы не переѣдете на Выборгскую Сторону? спросила она, когда онъ уходилъ домой.

Въ отвѣтъ на это онъ только засмѣялся.

V.

Съ этого времени жизнь Ольги потекла ровно и спокойно, безъ тревогъ и волненій: все получило для нее новый смыслъ и новое значеніе; ей не съ кѣмъ было совѣтоваться и она жила, наблюдая зорко явленія и провѣряя свои наблюденія анализомъ. Только теперь она поняла, что Штольцъ былъ правъ, говоря ей, нѣсколько времени тому назадъ, что она еще ребенокъ, не начинавшій жить и не знающій жизни. Ощутивъ въ себѣ эту новую жизнь, полную сладостнаго трепета, она не впала въ мечтательность, а при каждомъ проявленіи ея вспоминала слова Штольца: «Погодите, заиграетъ у васъ музыка нервовъ и вы услышите шумъ сферъ, будете прислушиваться къ росту травы,» и она объясняла эти небывалыя до того времени съ нею моменты игрою нервовъ.

Иначе относился въ своей любви къ Ольгѣ Обломовъ: образъ ея преслѣдовалъ его всюду; всѣ его мысли, вся его жизнь сосредоточились въ ней. Это былъ уже не тотъ апатичный, равнодушный человѣкъ, какимъ былъ Илья Ильичъ до встрѣчи съ Ольгою; теперь жизнь его была полна волненій и заботъ, которыя становились тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развивалась ихъ привязанность. По мѣрѣ сближенія съ Обломовымъ,

Ольга пріобрѣтала надъ нимъ все болѣе и болѣе власти и пользовалась ею для того, чтобы заставить его совершенно отрѣшиться отъ своей летаргіи, вызвать въ немъ дремлющую энергію и направить Обломова къ той кипучей дѣятельности, которой былъ исполненъ другъ его Штольцъ. Для достиженія этой цѣли она не жалѣла ни упрековъ, ни ласкъ. Хотя Обломовъ и пробудился отъ своей спячки и вышелъ изъ неподвижности, но ему было далеко еще до той жизни дѣла, о которой мечтала Ольга: онъ жилъ пока еще исключительно только въ области чувства и теоретическихъ идей. Впрочемъ Илья Ильичъ и не подозрѣвалъ возможности инаго существованія.

«Какой еще жизни и дѣятельности хочетъ Андрей?» задавался онъ иногда вопросомъ. «Развѣ это не жизнь? Развѣ любовь не служба?» спрашивалъ онъ самъ себя, и въ отвѣтъ начиналъ перечислять, сколько верстъ прошелъ онъ ради Ольги пѣшкомъ, какъ ради ея порученій ночевалъ однажды въ городѣ, въ дрянномъ трактирѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, Ольга часто невольно, и сама того не подозрѣвая, по винѣ своей любознательности, задавала Обломову тяжелую работу. Случалось, что она предложитъ ему, вызванный у нея тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ, какой-нибудь спеціальный вопросъ, и вотъ, что̀бы отвѣтить на него обстоятельно,—а иначе отвѣчать ей было и невозможно, потому что при отвѣтѣ наобумъ, она пойметъ это тотчасъ же и станетъ требовать разъясненія еще съ бо̀льшею настойчивостію,— ему приходилось рыскать по книжнымъ магазинамъ и перечитывать цѣлыя кипы книгъ.

Однажды Обломовъ сидѣлъ съ Ольгою на горѣ и созерцалъ ее молча.

— Что̀ вы не скажете ничего, молчите? спросила она:— Можно подумать, что вамъ скучно.

Обломовъ только ахнулъ и, какъ бы пробуждаясь, проговорилъ: «Какъ я люблю васъ!»

— Въ самомъ дѣлѣ? А не спроси я, оно и не похоже! сказала она.

— Да неужели вы не чувствуете, что̀ во мнѣ происходитъ? началъ онъ, и затѣмъ сталъ говорить, что у него на сердцѣ лежитъ точно камень, что ему хотѣлось бы облегчить себя слезами. Ольга слушала его и смотрѣла на него покойнымъ, мирнымъ, полнымъ счастія взглядомъ.

— Что̀ со мною? въ раздумьѣ спросилъ будто себя Обломовъ.

— Сказать что?

— Скажите.

— Вы влюблены.

— Да, конечно,—подтвердилъ онъ и крѣпко прижалъ ея руку къ губамъ.

— А вы? спросилъ онъ:—вы не влюблены?..

— Влюблена, нѣтъ.. я не люблю этого: я васъ люблю! сказала она и поглядѣла на него долго, какъ будто повѣряя себя, точно ли она любитъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ встрепенуться Обломова; онъ сталъ доказывать ей, что любить можно и родныхъ, и няньку, и даже собаченку, и что эта любовь вовсе не походитъ на порывы чувства, испытываемые человѣкомъ влюбленнымъ.

— Не знаю, влюблена ли я въ васъ; если нѣтъ, то, можетъ быть—сказала Ольга,—не наступила еще минута; знаю только одно, что я такъ не любила ни отца, ни мать, ни няньку.

— Какая же разница? Чувствуете ли вы что-нибудь особенное?... добивался онъ. Ему хотѣлось слышать ея отвѣтъ, знать это для того, какъ говорилъ онъ, чтобы только и жить этимъ знаніемъ, въ промежуткахъ ихъ свиданій.

— Вотъ видите,—отвѣтила наконецъ Ольга:—вамъ нужно обновлять каждый день запасъ вашей нѣжности! Вотъ гдѣ разница между влюбленнымъ и любящимъ... Я люблю иначе. Я однажды навсегда узнала, увидѣла и вѣрю, что вы меня лю-

бите—и счастлива, хоть не повторяйте мнѣ никогда, что любите меня. Больше и лучше любить я не умѣю.

— Полюбите другую,—продолжала она: роптать, проклинать не стану, а про себя пожелаю вамъ счастья... Для меня любовь эта—все равно, что жизнь, а жизнь—долгъ, слѣдовательно, и любовь тоже долгъ: мнѣ какъ будто Богъ послалъ ее, досказала она, поднявъ глаза къ небу,—и велѣлъ любить.

Обломовъ жадно слушалъ ее; ему вспомнилась въ эти минуты Корделія. Это ясное и простое пониманіе жизни и любви поразило его и невольно вызвало на новые вопросы, на вопросы о томъ: что̀ такое любовь безъ страстей и въ чемъ таится счастіе подобной тихой, безмятежной любви?

Ольга отвѣтила ему и на эти вопросы также легко и просто: она указала ему на то, что теперь она счастлива всюду, гдѣ только онъ подлѣ нея, счастлива даже молча. Это признаніе заставило просіять Обломова и онъ сталъ опять говорить о своихъ тревогахъ любви, о мукахъ и сомнѣніяхъ.

— Вѣрьте же мнѣ, сказала она,—какъ я вамъ вѣрю, и не сомнѣвайтесь, не тревожьте пустыми сомнѣніями этого счастія, а то оно улетитъ. Что̀ я разъ назвала своимъ, того уже не отдамъ назадъ,—развѣ отнимутъ. Я это знаю, нужды нѣтъ, что я молода, но .. знаете ли: съ тѣхъ поръ, какъ знаю васъ, я много передумала и испытала, какъ будто прочла большую книгу, такъ, про себя, понемногу... Не сомнѣвайтесь же ..

Подобныя сцены между ними повторялись очень часто. Обломовъ изнывалъ и томился своею страстію, а Ольга—любила тихо, спокойно и прочно. Оба они не лгали: они говорили то, что чувствовали и что нашептывало имъ сердце.

—

Черезъ день послѣ этого свиданія Обломовъ проснулся блѣдный и мрачный. Нехотя онъ напился чаю, закурилъ сигару, сѣлъ на диванъ и сталъ думать о своей жизни и любви къ Ольгѣ, разбирать и анализировать ее по ниточкѣ. «Жизнь есть долгъ», говоритъ Ольга, размышлялъ онъ. «Обязанность,

а обязанность бываетъ тяжела. Исполнимъ же долгъ...» Онъ вздохнулъ. «Не увидимся съ Ольгой... Боже мой! Ты открылъ мнѣ глаза и указалъ долгъ,» говорилъ онъ, глядя въ небо: «Гдѣ-же взять силы? Разстаться! Еще есть возможность теперь, хотя съ болью, зато послѣ не будешь клясть себя, зачѣмъ не разстался? А отъ нея сейчасъ придутъ; она хотѣла прислать... Она не ожидаетъ...

Что же сталось съ Обломовымъ, что онъ, вчера счастливый и жившій только своею любовью, сегодня добровольно отказывался отъ нея? Наканунѣ, вечеромъ, онъ углубился въ анализъ своего счастія и, пробѣгая мысленно всю свою жизнь, невольно остановился на вопросѣ о томъ, какъ могла полюбить его Ольга и за что? Онъ показался самому себѣ до того жалокъ и ничтоженъ, что любовь къ нему Ольги представилась невозможною иллюзіей, ошибкой съ ея стороны, и мысль о возможности подобной ошибки поразила его въ самое сердце. Вдумываясь болѣе и болѣе въ свои отношенія къ Ольгѣ и анатомируя проявленія въ ней любви къ нему, онъ пришелъ къ самому грустному заключенію, повергшему его въ отчаяніе. «Да, это только приготовленіе къ любви, опытъ, одно состраданіе впечатлитѣльнаго сердца къ его положенію,» говорилъ онъ. «Другой только явится—и она съ ужасомъ отрезвится отъ ошибки! Какъ она взглянетъ тогда на него, какъ отвернется... ужасно! Я похищаю чужое, я—воръ! Что̀ я дѣлаю, что я дѣлаю? Какъ я ослѣпъ... Боже мой!»

Онъ взглянулъ въ зеркало и снова пришелъ къ тому же печальному выводу, что любить его невозможно.

Потомъ легъ и припалъ къ подушкѣ. «Прощай, Ольга; будь счастлива!» заключилъ онъ.

Подъ вліяніемъ этихъ добровольныхъ, созданныхъ имъ же самимъ мукъ, онъ сѣлъ къ столу и написалъ письмо къ Ольгѣ.

Письмо его вышло длинно, какъ и всѣ любовныя письма; онъ увѣрялъ въ немъ Ольгу, что ея любовь къ нему—не лю-

бовь, а только потребность любить; что любить его она не может и что потому имъ, для общаго ихъ счастія, необходимо сдѣлать рѣшительный шагъ—разстаться навсегда.

Письмо было передано горничной Ильинскихъ, Катѣ, самимъ Обломовымъ, когда она пришла отъ барышни съ порученіемъ звать его гулять часу во второмъ въ садъ.

Илья Ильичъ вышелъ изъ дому и издали видѣлъ, какъ Катя догнала на горѣ Ольгу и передала ей письмо и какъ Ольга вошла потомъ въ аллею парка.

Почти противъ воли, подъ вліяніемъ какой-то непреодолимой силы, онъ пошелъ въ обходъ, мимо горы; съ другаго конца вошелъ въ ту же аллею и, дойдя до средины, сѣлъ на травѣ между кустами и ждалъ, когда пройдетъ мимо его Ольга.

Вотъ, наконецъ, раздались и ея шаги; она шла тихо и утирала слезы платкомъ. Обломовъ не вытерпѣлъ,—ея слезы обожгли его. Онъ всталъ и пошелъ за ней, шепча нѣжно: «Ольга, Ольга!» Она вздрогнула и обернулась, затѣмъ отвернулась и пошла дальше. Онъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Вы плачете? сказалъ онъ. У Ольги слезы полились сильнѣе,—раздались рыданія. Обломовъ проклиналъ себя мысленно, онъ сталъ утѣшать ее, говорить о томъ, что не хотѣлъ ея слезъ, что рѣшился на разлуку съ нею только ради ея же счастія; но всѣ его утѣшенія разбивались въ дребезги о неотразимо логическіе отвѣты Ольги.

— Вы боитесь, говорила она, что я разлюблю васъ; васъ пугаетъ будущая обида!... «Мнѣ будетъ худо,» пишете вы... Да вѣдь мнѣ тогда будетъ хорошо, если я полюблю другаго: значитъ, я буду счастлива! А вы говорите, что предвидите мое счастіе впереди и готовы жертвовать для меня всѣмъ, даже жизнію?

Обломовъ слушалъ ее и страдалъ внутренно, а Ольга съ одушевленіемъ продолжала развивать передъ нимъ свою мысль и выяснять, что счастіе и задача ея жизни въ томъ,

чтобы не дать ему уснуть снова, чтобы своею любовью поддержать въ немъ жизнь и энергію.

Ея одушевленная рѣчь довела Обломова до сознанія того, что не она, а онъ сдѣлалъ ошибку.

— «Вѣдь это не одна любовь, вѣдь вся жизнь такова!»... вдругъ пришло ему въ голову: «и если отталкивать всякій случай, какъ ошибку, когда же будетъ не ошибка? Что же я? Какъ будто ослѣпъ»...

Онъ сталъ вымаливать себѣ прощеніе, но Ольга молчала. Обломовъ шелъ за нею и думалъ; онъ опять принялся за анализъ и пришелъ къ тому выводу, что письма вовсе и писать было не нужно. Далѣе ему представилась картина той печальной жизни, которая неминуемо выпала бы ему на долю, если бы письмо достигло своей цѣли и они разошлись бы. Ему стало страшно.

— Ольга Сергѣевна! сказалъ онъ:—вѣдь письмо-то было вовсе не нужно...

— Не правда,-оно было необходимо,—рѣшила она.

— Необходимо? повторилъ онъ медленно и снова углубляясь при этомъ отвѣтѣ въ рядъ вопросовъ о томъ, какъ понять его и согласить съ ея слезами и упреками; но напрасно онъ ломалъ голову надъ ихъ разрѣшеніемъ, они оставались для него загадкою сфинкса.

— Почему же письмо необходимо? спросилъ онъ наконецъ.

— Почему? повторила она и быстро обернулась къ нему, съ веселымъ лицомъ, наслаждаясь тѣмъ, что на каждомъ шагу умѣетъ ставить его въ тупикъ.—А потому—съ разстановкой начала она, — что вы не спали всю ночь, писали для меня; я тоже эгоистка! это во-первыхъ... Потомъ... въ письмѣ вашемъ играютъ мысль, чувства,... вы жили эту ночь и утро не по своему, а такъ, какъ хотѣлъ вашъ другъ и я—это во-вторыхъ; наконецъ, въ-третьихъ, потому, что въ письмѣ этомъ, какъ въ зеркалѣ, видна ваша нѣжность, забота обо мнѣ, боязнь за мое счастье, ваша чистая совѣсть... Вы высказались такъ

невольно: вы не эгоистъ, Илья Ильичъ; вы написали совсѣмъ не для того, чтобы разстаться,—этого вы не хотѣли, а потому, что боялись обмануть меня... Это говорила честность, иначе письмо ваше оскорбило бы меня и я не заплакала бы — отъ гордости! Видите, я знаю, за что я люблю васъ, и не боюсь ошибки: я въ васъ не ошиблась...

Обломовъ ожилъ; Ольга въ эту минуту показалась ему прекраснѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Не помня себя, онъ простеръ руки къ ней и прошепталъ:

— Ради Бога... одинъ поцалуй!

— Никогда! Никогда! Не подходите! съ испугомъ, почти съ ужасомъ, съ гнѣвомъ въ глазахъ, сказала она.

Обломовъ пришелъ въ себя. Они шли медленно, почти молча, но вдругъ она взяла его за руки, приложила ихъ къ своему сердцу и сказала: «Слышите какъ бьется! Вы испугали меня! Пустите!» и побѣжала по дорожкѣ.

— Оставьте меня! отвѣтила она на вопросъ Обломова: «куда бѣжитъ она?»—Я бѣгу пѣть, пѣть, пѣть! Мнѣ тѣснитъ грудь, мнѣ почти больно.

Обломовъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ. Онъ былъ счастливъ; въ эти минуты и ему казалось хорошо жить на свѣтѣ.

VI.

Возвратясь домой Обломовъ нашелъ письмо отъ Штольца, которое начиналось словами: «Теперь или никогда!» Штольцъ требовалъ отъ друга движенія, дѣятельности—дѣла. Да и Ольга приставала къ нему съ вопросомъ о томъ, «намѣренъ-ли онъ съѣздить въ Обломовку;» кромѣ того, сосѣдъ, взявшійся устроить его дѣла по имѣнію, тоже навязывалъ ему кучу хлопотъ. Надо было ѣздить въ палату, къ архитектору, писать, соображать, а до того-ли было Обломову! Любовь къ Ольгѣ была для него первымъ дѣломъ, поглощавшимъ все его время.

Съ нѣкоторыхъ поръ и съ Ольгою стало твориться что-то новое: по временамъ ею овладѣвало то какое-то безпокойство, то впадала она въ изнеможеніе, то на нее находилъ невольный, безсознательный страхъ, боязнь чего-то неопредѣленнаго.

Лѣто подвигалось впередъ, недалеко была и осень. Обломовъ и Ольга видѣлись ежедневно. Илья Ильичъ, правда, догналъ опять жизнь, то есть усвоилъ все, что вращалось въ кругу ежедневныхъ разговоровъ въ домѣ Ольги, слѣдилъ за газетами и новостями иностранной литературы, но далѣе онъ не шолъ· практическая жизнь для него еще не начиналась. Онъ наслаждался своимъ безоблачнымъ счастіемъ и начиналъ вѣровать уже въ его постоянство, какъ вдругъ налетѣло облако!..

Разъ какъ-то Обломовъ и Ольга возвращались домой; имъ встрѣтилась коляска, въ которой сидѣла подруга Ольги — Соничка, съ мужемъ и нѣсколькими знакомыми. Коляска остановилась, поровнявшись съ ними; сидѣвшіе въ ней поздоровались съ Ольгою и затѣмъ вдругъ всѣ взглянули на Обломова.

— Кто это? спросила Соничка.

Ольга представила его и всѣ пошли домой пѣшкомъ. Эта встрѣча произвела непріятное впечатлѣніе на Обломова; ему показалось, что вся эта компанія смотрѣла на него какимъ-то страннымъ, сомнительнымъ взглядомъ, и что съ него она переносила этотъ взглядъ и на Ольгу. Онъ сталъ думать и додумался до того, что вся его любовь, съ ея таинственной обстановкой—преступленіе, что онъ долженъ пріобрѣсть себѣ право любить ее, не скрывая ни передъ кѣмъ своего чувства. Ему стало стыдно самого себя, что онъ раньше не дошелъ до сознанія этой истины.

«Сегодня же вечеромъ—рюмилъ онъ—Ольга узнаетъ, какія строгія обязанности налагаетъ любовь; сегодня будетъ послѣднѣе свиданіе наединѣ, сегодня...»

Съ этими мыслями онъ побѣжалъ отыскивать Ольгу, и встрѣтилъ ее около горы и пошелъ съ нею въ рощу. Ольга

была въ этотъ разъ какъ-то особенно весела, рѣзва и болтлива.

Прошло нѣсколько времени въ беззаботной, отрывочной болтовнѣ, прежде чѣмъ Обломовъ рѣшился приступить къ своему объясненію.

— Послушай... я хотѣлъ сказать... началъ онъ и замялся, оробѣлъ на первыхъ же словахъ. Ольга стала настаивать, чтобы онъ сказалъ ей, что хотѣлъ онъ говоритъ. Илья Ильичъ снова попробовалъ было высказаться, но слова его выразили вовсе не ту мысль, которую онъ имѣлъ въ виду.

— Я хотѣлъ только сказать, проговорилъ онъ,—что я такъ люблю тебя, такъ люблю, что еслибъ ты полюбила теперь другаго и онъ былъ бы способнѣе сдѣлать тебя счастливой, я бы... молча проглотилъ свое горе и уступилъ бы ему мѣсто...

— Зачѣмъ? съ удивленіемъ спросила Ольга.—Я не понимаю этого; я, напротивъ, не уступила бы тебя никому; я не хочу, чтобы ты былъ счастливъ съ другою. Это что-то мудрено,— я не понимаю. Значитъ, ты не любишь меня?

Обломовъ увидалъ, что онъ сказалъ вовсе не то, что хотѣлъ и признался въ этомъ Ольгѣ прямо. Мало-по-малу, слово за словомъ, онъ разсказалъ ей и о томъ впечатлѣніи, которое произвела на него эта встрѣча, и о выводѣ, къ которому пришелъ онъ по этому поводу относительно ихъ свиданій.

— Напрасная забота! отвѣтила ему Ольга:—я знала это и безъ тебя.

— Какъ знала? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Такъ. Соничка говорила со мною, выпытывала изъ меня, язвила, даже учила, какъ мнѣ вести себя съ тобой...

— Чтожъ ты отвѣчала ей? спросилъ онъ.

— Ничего! Что было отвѣчать на это? я только покраснѣла.

— Боже мой! до чего дошло: ты краснѣешь! съ ужасомъ сказалъ онъ.—Какъ мы неосторожны! Что̀ выйдетъ изъ этого?

Онъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Не знаю, коротко сказала она.

Этотъ отвѣтъ Ольги тяжело отозвался въ сердце Обломова. Не встрѣтивъ въ Ольгѣ опоры противъ томившихъ его сомнѣній, онъ упалъ духомъ и молчалъ. Между тѣмъ Ольга накинула мантилью и собралась идти, Обломовъ проснулся отъ своего оцѣпенѣнія и попробовалъ было удержать ее.

— Ты правду сказалъ, съ задумчивымъ уныніемъ говорила она:—мы зашли далеко, а выхода нѣтъ; надо скорѣе разстаться и замести слѣдъ прошлаго. Прощай! сухо, съ горечью прибавила она и, склонивъ голову, пошла было по дорожкѣ.

При этихъ словахъ ея, Обломовымъ овладѣло отчаяніе; онъ молилъ ее не покидать его, остаться съ нимъ. Ольга вернулась и напомнила ему, что по его же собственнымъ словамъ: остаться съ нимъ значило бы совершить преступленіе!

— Послушай, перебилъ онъ ее торопливо и заминаясь:—я не все сказалъ... и остановился: то, что казалось ему такъ легко, теперь превратилось въ непосильный, гигантскій трудъ. Они ушли подальше отъ людей, туда, гдѣ никого не было. Здѣсь онъ посадилъ ее на скамью, а самъ сѣлъ на траву и началъ говорить, но языкъ его не ладилъ съ мыслію, онъ говорилъ вовсе не то, что хотѣлъ сказать. Онъ признался въ этомъ Ольгѣ; она назвала его «сумасшедшимъ» и это слово ободрило его.

— Ольга, будь моей женой! сказалъ онъ ставъ передъ нею на колѣни.

Ольга не отвѣчала.—«Молчаніе...» сказалъ онъ тревожно и вопросительно цѣлуя ей руку.

— «Знакъ согласія!»—договорила она тихо, все еще не глядя на него.

Обломовъ достигъ своей цѣли. Онъ былъ счастливъ, и, въ порывѣ своего восторга, готовъ былъ уже сжать Ольгу въ своихъ объятіяхъ, но она отстранила его; ему вспомнилось ея грозное: «Никогда!» и онъ снова стихъ. Разговоръ самъ собою перешелъ въ бесѣду о испытываемыхъ ими ощущеніяхъ. Сдѣланное Ольгою вскользь замѣчаніе, что она давно знала и предвидѣла, что ихъ любовь должна, рано или поздно, привести къ

этому моменту и что иначе она не довѣрилась бы ему, не оставалась бы съ нимъ наединѣ,—снова подняло въ его душѣ бурю сомнѣній. «Любитъ-ли она, или только выходитъ замужъ?» спрашивалъ онъ самъ себя, и сталъ говорить ей о томъ, что есть иной путь къ счастію, на которомъ женщина приноситъ въ жертву любви все. Ольга поняла, что ему хотѣлось знать: была ли бы она способна на подобную жертву, согласилась-ли бы она идти ради его этимъ путемъ, и она отвѣчала Обломову на его мысленный вопросъ:

— Я не пошла бы по этому пути—сказала она—отъ того, что на немъ, впослѣдствіи, всегда разстаются, —а я разстаться съ тобой!...

Она остановилась, положила ему руку на плечо, долго глядѣла на него, и вдругъ, отбросивъ зонтикъ въ сторону, быстро и жарко обвила его шею руками, поцѣловала, потомъ вся вспыхнула, прижала лицо къ его груди и прибавила тихо:

— Никогда...

Онъ испустилъ радостный крикъ и упалъ на траву къ ногамъ ея...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Счастливый, довольный собою возвращался Обломовъ домой; но когда вошелъ онъ къ себѣ въ комнату, то невольно остановился въ изумленіи. Да и было отъ чего? Для него начиналась новая жизнь, непохожая на прежнюю; съ прошлымъ были порваны всѣ связи,—оно было забыто, а тутъ передъ нимъ, въ его креслѣ, сидѣлъ свидѣтель этого прошедшаго, Тараньтьевъ, встрѣтившій его упреками за долгое отсутствіе. Михей Андреевичъ въ одно мгновеніе сдернулъ его будто съ неба—опять въ болото!

Обломовъ молчалъ; онъ выжидалъ, что скажетъ Тараньтьевъ. Михей Андреичъ прежде всего заговорилъ о квартирѣ, и Обломовъ услыхалъ, къ своему изумленію, что въ торопяхъ, не читая, подписалъ контрактъ по найму квартиры въ домѣ купца Тараньтьева на годъ и что теперь ему волею-неволею приходится платить за нее. Затѣмъ Тараньтьевъ сталъ назойливо требовать, чтобы Илья Ильичъ заплатить ему за извощика; далѣе, не менѣе же назойливо, попросилъ на обѣдъ, попытался было взять шляпу Обломова и ушелъ, получивъ пять рублей, только тогда, когда Илья Ильичъ чуть не выгналъ его.

Оставшись одинъ, Обломовъ мало-по-малу освободился отъ непріятнаго впечатлѣнія, которое произвело на него посѣщеніе Тараньтьева, и предался мечтамъ о своемъ будущемъ, безоблачномъ счастіи съ Ольгою. Остановившись на мысли о брач-

номъ торжествѣ, онъ до того увлекся представившеюся ему картиною, что не вытерпѣлъ и побѣжалъ къ Ольгѣ. Она съ улыбкою выслушала его мечты; но едва онъ вскочилъ, чтобы бѣжать объявить теткѣ, она остановила его, и стала говорить, что для этого не настала еще пора, что сперва нужно устроить дѣла, съѣздить въ Обломовку, пріискать квартиру.

Обломовъ покорился своей участи, и на другой же день поѣхалъ въ палату свидѣтельствовать довѣренность своему сосѣду на управленіе имѣніемъ; но заѣхавъ посовѣтываться къ Павлу Герасимовичу о томъ, какъ это сдѣлать—опоздалъ; на другой день оказалась суббота — присутствія нѣтъ: пришлось отложить до понедѣльника.

Обломовъ отправился на Выборгскую, чтобы покончить дѣло на счетъ квартиры; но и тутъ ему неудалось сдѣлать что-либо, за отсутствіемъ брата хозяйки, безъ котораго сама хозяйка ни въ какіе переговоры вступить съ нимъ не соглашалась.

Хотѣлъ было Обломовъ въ этотъ день заняться еще пріисканіемъ квартиры, но подумавъ, что для этого понадобилось бы опять ѣхать назадъ въ городъ, отложилъ до другаго раза.

Между тѣмъ наступила осень, Ильинскіе переѣхали съ дачи, а Обломовъ не пріискалъ еще для себя квартиры въ городѣ. Скучно, невыносимо тяжело показалось ему теперь на дачѣ и онъ рѣшился переѣхать пока на Выборгскую. Въ городской обстановкѣ любовь стала уже не тою, какою она была на дачѣ. Въ городѣ было неловко постоянно и вездѣ быть съ нею, приходилось волею-неволею покоряться требованіямъ приличій и законамъ свѣта. Обломовъ настаивалъ, чтобы сказать теткѣ о ихъ свадьбѣ; но Ольга на первыхъ же словахъ обрывала его вопросами о томъ: былъ-ли онъ въ палатѣ? Переговорилъ-ли съ хозяйскимъ братомъ? И затѣмъ замѣчала, что до тѣхъ поръ, пока все это не устроится, говорить теткѣ нельзя и видѣться нужно рѣже. Молча поцѣловалъ онъ у ней руку и простился до воскресенья.

Въ этотъ промежутокъ времени Обломовъ наконецъ успѣлъ

переговорить съ братомъ своей хозяйки, но изъ разговора съ нимъ извлекъ только то, что, благодаря собственной безпечности, попалъ Тарантьеву на удочку и что теперь ему приходилось неизбѣжно платить почти даромъ 1354 руб. 28 коп. ассигнаціями. Возражать было невозможно, потому что контрактъ былъ подписанъ имъ: оставалось покориться, не смотря на то, что всѣхъ денегъ у него на лицо было съ небольшимъ только триста рублей. Послѣднѣе обстоятельство заставило призадуматься Обломова не на шутку, но мало-по-малу онъ развеселился и поѣхалъ къ Ольгѣ.

II.

Обломовъ завернулъ къ Ольгѣ; передалъ ей, что переговорилъ съ братомъ хозяйки и отправился искать новую квартиру; пересмотрѣлъ ихъ нѣсколько и все-таки не нашелъ подходящей по цѣнѣ. Онъ вернулся къ Ольгѣ и провелъ день у нея; дѣла были забыты, и только на другой день Обломовъ вспомнилъ о довѣренности и попросилъ брата своей хозяйки сходить въ палату засвидѣтельствовать. Когда довѣренность была готова и отослана на почту, Илья Ильичъ успокоился: онъ обрадовался, что до полученія отвѣта не придется отыскивать новой квартиры. Если бы не Ольга, то Обломовъ, пожалуй, и вовсе бы остался жить на Выборгской: и хозяйка, Агафья Матвѣевна, вѣчно занятая какою-нибудь работой и вся обстановка ея такъ подходила подъ складъ жизни Обломова, что онъ ничего лучшаго для себя собственно и не пожелалъ бы. Ему нравилась и тишина, господствующая въ домѣ г-жи Пшеницыной и сама г-жа Пшеницына, постоянно занятая какою-нибудь хозяйственною работою, и ея вѣчно движущіеся полные, округлые локти. «Какая еще свѣжая, здоровая женщина и какая хозяйка! Право бы замужъ ей...» и при этой мысли онъ погружался въ думу... объ Ольгѣ. По мѣрѣ приближенія зимы, свиданія его съ Ольгою наединѣ ста-

новились рѣже, потому что къ нимъ стали ѣздить гости. Уже распросы о немъ встрѣчавшихся въ домѣ Ильинскихъ или сталкивавшихся съ нимъ въ театрѣ, въ ихъ ложѣ, личностей производили на Обломова невыносимо-тяжелое впечатлѣніе, повергавшее его въ уныніе; но когда, благодаря бдительности Захара, Илья Ильичъ узналъ, что даже прислуга Ильинскихъ толкуетъ объ его свадьбѣ съ Ольгою, то онъ, просто, пришелъ въ ужасъ. Письмо изъ деревни все еще не приходило, денегъ не было и теперь уже не Обломовъ торопилъ объясненіемъ съ теткою, а Ольга, Возвратившись домой Обломовъ рѣшилъ не ѣздить къ Ольгѣ до полученія извѣсгій изъ деревни и остался дома, написавъ ей письмо, что онъ не совсѣмъ здоровъ. Между тѣмъ Нева собиралась замерзнуть, мосты сняли и Илья Ильичъ засѣлъ на Выборгской. Дни его проходили теперь совершенно однообразно: онъ скучалъ, ходилъ по улицѣ, а дома заглядывалъ въ дверь хозяйки, чтобы, отъ скуки, перемолвить слова два. Прошла недѣля, навели и мосты, а Обломовъ все еще не былъ у Ильинскихъ.

«Подожду еще,—думалъ онъ: авось письмо придетъ завтра или послѣ завтра». И онъ принимался разсчитывать, когда должно придти въ деревню его письмо, сколько времени можетъ промедлить его сосѣдъ и какой срокъ понадобится для присылки отвѣта. «Въ эти три, много четыре дня должно придти; подожду ѣхать къ Ольгѣ,» рѣшилъ онъ, «тѣмъ болѣе, что она едва-ли знаетъ, навели-ли мосты.»

А Ольга, напротивъ того, лишь только просыпалась, тотчасъ же справлялась о мостахъ, и какъ только узнала, что они наведены, такъ и зардѣлась радостію, разцвѣла отъ восторга. Къ увеличенію ея счастія, какъ нарочно въ этотъ же самый день, она узнала, что дѣло о ея наслѣдственномъ имѣніи должно окончиться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ ея пользу. Подъ вліяніемъ этой вѣсти, Ольга стала мечтать о томъ, какъ она вдругъ неожиданно скажетъ Обломову, что и у нея есть живописное помѣстье, съ садомъ и павильономъ на горѣ; ей

хотѣлось бы въ эти минуты, чтобы у Обломова не было собственнаго имѣнія, потому что тогда онъ лучше бы оцѣнилъ болѣе то, что у нея свой домъ, садъ, помѣстье... Ольга мечтала и ждала пріѣзда Обломова, но онъ не являлся.

«Онъ боленъ, онъ одинъ; онъ не можетъ даже писать,» мелькнуло у ней въ головѣ, и эта мысль не дала ей заснуть цѣлую ночь; утромъ она встала, хотя блѣдная, но такая покойная и рѣшительная.

На другой день утромъ хозяйка заглянула къ Обломову и сказала, что его спрашиваетъ какая-то дѣвушка: это была Катя, горничная Ильинскихъ.

— Барыня здѣсь, шопотомъ отвѣтила она Обломову на его вопросы: «какъ ты? что ты?»

Илья Ильичъ и изумился и испугался; онъ принялся сбывать Захара, гоня его насильно въ гости; но Захаръ упирался. Кое-какъ, наконецъ, онъ спровадилъ его, давъ ему двугривенный на пиво и принялся за кухарку Анисью. Съ нею онъ окончилъ впрочемъ скорѣе, не смотря на то, что и она вначалѣ стала было возражать на его приказаніе идти на рынокъ за спаржею и не возвращаться ранѣе, какъ черезъ два часа; но Обломовъ прикрикнулъ на нее и она покорилась барскому приказанію.

Спустя нѣсколько минутъ вошла Ольга: она была одна. Катя дожидалась ее въ каретѣ.

Съ перваго-же взгляда она догадалась, что Обломовъ не былъ боленъ и она начала доспрашиваться о причинѣ молчанія. Обломовъ или молчалъ или отвѣчалъ на ея вопросы косвенно, но наконецъ, какъ ни старался Илья Ильичъ избѣжать разъясненія, ему все-таки пришлось прямо сознаться, что онъ нездоровъ и не былъ, а не пріѣзжалъ къ ней потому, что боялся толковъ и сплетней.

Обломовъ разсказалъ ей и то, что онъ слышалъ самъ, какъ какіе-то знакомые франты толковали о немъ въ театрѣ и то, что слышалъ отъ Захара. Но Ольга отнеслась ко всему

этому совершенно равнодушно; она напомнила ему только о томъ, что она рѣшила на этой недѣлѣ объявить о свадьбѣ теткѣ. Отвѣтъ Обломова, что надо подождать до полученія письма повѣреннаго, заставилъ Ольгу вздохнуть.

— Еслибъ я не знала тебя, въ раздумьи говорила она,— я Богъ знаетъ, что могла бы подумать.... Боялся тревожить меня толками лакеевъ, а не боялся сдѣлать мнѣ тревогу! Я перестаю понимать тебя!

Обломовъ сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ опасался, что ихъ болтовня взволнуетъ ее.

— Я давно знаю, что они говорятъ, сказала она.

Обломова озадачилъ этотъ отвѣтъ, а когда Ольга сказала ему, что Катя и няня спрашивали его о немъ и поздравляли ее, онъ посмотрѣлъ на нее испуганными и изумленными глазами.

Разговоръ перешелъ на то, что дѣлалъ Обломовъ во время ея отсутствія.

— Читалъ, писалъ, думалъ о тебѣ,—отвѣтилъ онъ на вопросъ Ольги; но Ольга какъ нарочно взяла со стола книгу: она была развернута и страница покрылась пылью.

Она окинула взорами кругомъ, пошевелила перомъ въ узкой черниницѣ и съ изумленіемъ поглядѣла на него.

— Ты не читалъ и не писалъ! сказала она. — Ты спалъ послѣ обѣда,—добавила она такъ положительно, что, послѣ минутнаго колебанія, онъ тихо отвѣчалъ:

— Спалъ...

— Зачѣмъ же?

— Чтобы не замѣчать времени: тебя не было со мной, и жизнь скучна, несносна безъ тебя!...

Онъ остановился, а она строго глядѣла на него. Ольга стала упрекать Обломова за его неподвижность и апатію. «Это не любовь,» говорила она. Онъ оправдывался и страстно увѣрялъ ее въ своей любви.

— Ольга, Ольга! шепталъ онъ:—ты прекраснѣе всего въ мірѣ,-ты первая женщина, ты... ты...

Онъ припалъ къ ея рукѣ лицомъ и замеръ. Слова не шли болѣе съ языка. Онъ прижалъ руку къ сердцу, чтобъ унять волненіе, устремилъ на Ольгу свой страстный, влажный взглядъ и сталъ неподвиженъ.

«Нѣженъ, нѣженъ, нѣженъ!» мысленно твердила Ольга, но со вздохомъ, не какъ, бывало, въ паркѣ, и погрузилась въ глубокую задумчивость.

— Мнѣ пора! очнувшись сказала она ласково.

Онъ вдругъ отрезвился и ему снова стало страшно за Ольгу,—за то, что она у него.

Ольга уѣхала, и Обломовъ опять ожилъ и опять въ его воображеніи зароились мечты, рисовавшія его будущую жизнь съ Ольгою.

III.

Наконецъ, давно ожидаемое письмо отъ сосѣда, повѣреннаго Обломова, было получено.

«Прошу покорно передать довѣренность другому лицу (писалъ сосѣдъ), а у меня накопилось столько дѣла, что, по совѣсти сказать, не могу какъ слѣдуетъ присматривать за вашимъ имѣніемъ. Всего лучше вамъ самимъ пріѣхать сюда, и еще лучше поселиться въ имѣніи. Имѣніе хорошее, но сильно запущено, «и т. д. все въ томъ же родѣ. «Хлѣбъ, говорилось далѣе въ письмѣ, «былъ хорошъ и въ цѣнѣ, и въ мартѣ или апрѣлѣ вы получите деньги, если сами присмотрите за продажею. Теперь же денегъ наличныхъ нѣтъ ни гроша.» Какъ и слѣдовало ожидать, письмо это просто срѣзало съ ногъ Обломова: всѣ его надежды рушились, онъ сталъ думать, какъ бы уладить дѣло и додумался до того, что велѣлъ попросить къ себѣ брата хозяйки. Тотъ пришелъ, выслушалъ разсказъ

Ильи Ильича о печальномъ положеніи его дѣлъ и сознаніе въ неумѣньи устроить ихъ самому и, въ концѣ концовъ, предложилъ послать въ Обломовку своего пріятеля, Исая Ѳомича Затертаго. Обломовъ обрадовался: онъ и не подозрѣвалъ того, что̀ за человѣкъ былъ Затертый.

Между тѣмъ Иванъ Матвѣевичъ, сидя въ тотъ же день вечеромъ въ трактирѣ съ Тараньтьевымъ, заранѣе распивали магарычи, по случаю поѣздки Затертаго. Братъ Пшеницыной былъ глубоко убѣжденъ, что если Исай Ѳомичъ только поѣдетъ въ Обломовку, то онъ выжметъ изъ нея всѣ соки и что отъ этого дѣльца и на его долю перепадетъ немалая-толика.

IV.

Обломовъ поѣхалъ къ Ольгѣ. Онъ засталъ ее одну.

— Я получилъ письмо изъ деревни, — сказалъ онъ монотонно, и прочелъ ей его въ слухъ.

— Что-жъ теперь? спросила она, помолчавъ.

Обломовъ передалъ ей свои намѣренія.

— Чужому, незнакомому человѣку—съ удивленіемъ возразила Ольга:—собирать оброкъ, разбирать крестьянъ, смотрѣть за продажей хлѣба!?.

Илья Ильичъ сталъ говорить о рекомендаціи брата хозяйки.

Ольга молчала и сидѣла потупя глаза.

— Иначе вѣдь самому надо ѣхать, сказалъ Обломовъ:— мнѣ бы, признатья, этого не хотѣлось. Я совсѣмъ отвыкъ ѣздить по дорогамъ, особенно зимой.... никогда даже не ѣзжалъ.

Она все глядѣла внизъ, шевеля носкомъ ботинки.

— Если даже я и поѣду,—продолжалъ Обломовъ,—то вѣдь изъ этого рѣшительно ничего не выйдетъ: я толку не добьюсь; мужики меня обманутъ; староста скажетъ что хочетъ,—я дол-

женъ вѣрить всему; денегъ дастъ, сколько вздумаетъ. Ахъ! нѣтъ здѣсь Андрея: онъ бы все уладилъ,—съ огорченіемъ прибавилъ Обломовъ.

Ольга усмѣхнулась, то-есть у ней усмѣхнулись только губы, а не сердце: на сердцѣ ея была горечь. Она начала глядѣть въ окно, прищуря немного одинъ глазъ и слѣдя за каждой проѣзжавшей каретой.

— Къ тому же, повѣренный этотъ управлялъ большимъ имѣніемъ,—продолжалъ Обломовъ: помѣщикъ отослалъ его только потому, что заикается. Я далъ ему довѣренность, передамъ и планы: онъ распорядится закупкой матеріаловъ для постройки дома, соберетъ оброкъ, продастъ хлѣбъ, привезетъ деньги, и тогда... Какъ я радъ, милая Ольга, сказалъ онъ, цалуя у ней руки: — что мнѣ не нужно покидать тебя! Я бы не вынесъ разлуки; безъ тебя въ деревнѣ, одному... это ужасъ! Но только теперь намъ надо быть очень осторожными.

Ольга взглянула на него такимъ большимъ взглядомъ и ждала.

— Да,—началъ онъ говорить медленно, почти заикаясь:— нужно видѣться рѣже: вчера опять заговорили у насъ, даже на хозяйской половинѣ, — а я не хочу этого... Какъ только всѣ дѣла устроятся, повѣренный распорядится стройкой и привезетъ деньги.... все это кончится въ какой-нибудь годъ... тогда нѣтъ болѣе разлуки, мы скажемъ все теткѣ, и... и....

Онъ взглянулъ на Ольгу: она безъ чувствъ! Голова у ней склонилась на сторону, изъ-за посинѣвшихъ губъ видны были зубы. Онъ не замѣтилъ, въ избыткѣ радости и мечтаній, что при словахъ: «когда устроятся дѣла, повѣренный распорядится», Ольга поблѣднѣла и не слыхала заключенія его фразы.

— Ольга!.. Боже мой! ей дурно!... сказалъ онъ и дернулъ звонокъ.

Ольга очнулась, встала, съ помощью Кати и Обломова, съ кресла и, шатаясь, пошла къ себѣ въ спальню.

— Это пройдетъ, слабо сказала она:—это нервы; я дурно спала ночь. Катя, затвори дверь, а вы подождите меня: я оправлюсь и выйду.

Обломовъ остался одинъ.

Много передумалъ онъ въ эти полтора часа наединѣ! много измѣнилось въ его мысляхъ, много принялъ онъ новыхъ рѣшеній! Наконецъ, онъ остановился на томъ, что самъ поѣдетъ съ повѣреннымъ въ деревню, но прежде выпроситъ согласія тетки на свадьбу, обручится съ Ольгой, Ивану Герасимовичу поручитъ отыскать квартиру и даже займетъ денегъ... немного, чтобъ свадьбу сыграть.

Вдругъ ему стало такъ легко, такъ весело: онъ началъ ходить изъ угла въ уголъ, даже пощелкивалъ тихонько пальцами, чуть не закричалъ отъ радости, подошелъ къ двери Ольги и тихо подозвалъ ее веселымъ голосомъ: «Ольга, Ольга! что̀ я вамъ скажу!» говорилъ онъ, приложивъ губы сквозь двери: «вы никакъ не ожидаете....»

Онъ даже рѣшилъ не уѣзжать сегодня отъ нея, а дождаться тетки. «Сегодня же объявимъ ей и я уѣду отсюда женихомъ!...»

Дверь тихо отворилась, и явилась Ольга; онъ взглянулъ на нее и вдругъ упалъ духомъ; радость его какъ въ воду канула: Ольга какъ-будто немного постарѣла: блѣдна, но глаза блестятъ; въ замкнутыхъ губахъ, во всякой чертѣ таится внутренняя напряженная жизнь, окованная точно льдомъ, насильственнымъ спокойствіемъ и неподвижностью. Во взглядѣ ея онъ прочелъ рѣшеніе, но какое—еще не зналъ, только сердце у него стукнуло, какъ никогда не стучало. Такихъ минутъ не бывало еще въ его жизни!

— Послушай, Ольга, не гляди на меня такъ: мнѣ страшно! сказалъ онъ.—Я передумалъ: совсѣмъ иначе надо устроить... продолжалъ потомъ, постепенно понижая тонъ, останавливаясь и стараясь вникнуть въ этотъ новый для него смыслъ ея глазъ, губъ и говорящихъ бровей: я рѣшилъ самъ ѣхать

въ деревню, вмѣстѣ съ повѣреннымъ... чтобы тамъ... едва слышно досказалъ онъ.

Она молчала, глядя на него пристально, какъ привидѣніе. Онъ смутно догадывался, какой приговоръ ожидалъ его, и взялъ шляпу, но медлилъ спрашивать: ему страшно было услыхать роковое рѣшеніе, и, можетъ быть, безъ апелляціи. Наконецъ, онъ пересилилъ себя.

— Такъ ли я понялъ?.. спросилъ онъ ее измѣнившимся голосомъ.

Она медленно, съ кротостью наклонила, въ знакъ согласія, голову. Онъ хотя до этого угадалъ ея мысль, но поблѣднѣлъ и все стоялъ передъ нею. Она была нѣсколько томна, но казалась такою покойною и неподвижною, какъ будто каменная статуя. Это былъ тотъ сверхъ-естественный покой, когда сосреточенный замыселъ, или пораженное чувство, даютъ человѣку вдругъ всю силу, чтобы сдержать себя, но только на одинъ моментъ. Она походила на раненаго, который зажалъ рану рукою, чтобы досказать, что нужно, и потомъ—умереть.

— Ты не возненавидишь меня? спросилъ онъ.

— За что? сказала она слабо.

— За все, что я сдѣлалъ съ тобою....

— Что ты сдѣлалъ?

— Любилъ тебя,— это оскорбленіе!

Она съ жалостью улыбнулась.

— За то, говорилъ онъ, поникнувъ головою, что ты ошибалась.... Можетъ быть, ты простишь меня, если вспомнишь, что я предупреждалъ,—ка́къ тебѣ будетъ стыдно, ка́къ ты станешь раскаяваться...

— Я не раскаяваюсь. Мнѣ только больно, такъ больно... сказала она и остановилась, чтобъ перевести духъ.

— Мнѣ хуже! отвѣчалъ Обломовъ, — но я стою этого! за что ты мучишься?

— За гордость — сказала она, — я наказана: я слишкомъ понадѣялась на свои силы—вотъ въ чемъ я ошиблась, а не въ

томъ, чего ты боялся: не о первой молодости и красотѣ мечтала я! я думала, что оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня, а ты давно ужъ умеръ! Я не предвидѣла этой ошибки, я все ждала, надѣялась... и вотъ!... съ трудомъ, со вздохомъ досказала она.

Она молчала, потомъ сѣла.

— Я не могу стоять: ноги дрожатъ. Камень ожилъ бы отъ того, что я сдѣлала,—продолжала она томнымъ голосомъ.— Теперь не сдѣлаю ничего, ни шагу, даже не пойду въ Лѣтній Садъ: все безполезно — ты умеръ! Ты согласенъ со мной, Илья? прибавила она потомъ, помолчавъ: — не упрекнешь меня никогда, что я по гордости или по капризу разсталась съ тобою?

Онъ отрицательно покачалъ головою.

— Убѣжденъ ли ты, что намъ ничего болѣе не осталось,— никакой надежды?

— Да, сказалъ онъ: — это правда... Но, можетъ быть... нерѣшительно прибавилъ потомъ: черезъ годъ... У него недоставало духа нанести рѣшительный ударъ своему счастью.

— Уже-ли ты думаешь, что черезъ годъ ты устроишь свои дѣла и жизнь? спросила она.—Подумай!

Онъ вздохнулъ и задумался, борясь самъ съ собой. Она прочла эту борьбу на лицѣ его.

— Послушай,—сказала она:—я сейчасъ долго смотрѣла на портретъ своей матери и, кажется, заняла въ ея глазахъ совѣта и силы. Если ты теперь, какъ честный человѣкъ... Помни, Илья, мы не дѣти и не шутимъ: дѣло идетъ о цѣлой жизни! Спроси же строго у своей совѣсти и скажи — я повѣрю тебѣ, я тебя знаю. станетъ ли тебя на всю жизнь? Будешь ли ты для меня тѣмъ, что мнѣ нужно? Ты меня знаешь, слѣдовательно понимаешь, что я хочу сказать. Если ты скажешь смѣло и обдуманно да!—я беру назадъ свое рѣшеніе: вотъ моя рука, и пойдемъ, куда хочешь, за границу, въ деревню, даже на Выборгскую Сторону.

Онъ молчалъ.

— Еслибъ ты знала, какъ я люблю...

— Я жду не увѣреній въ любви, а короткаго отвѣта, — перебила она почти сухо.

— Не мучь меня, Ольга! съ уныніемъ умолялъ онъ.

— Что-жъ, Илья, права я или нѣтъ?

— Да,—внятно и рѣшительно сказалъ онъ:—ты правда!

— Такъ намъ пора разстаться,—рѣшила она, пока не застали тебя и не видали, какъ я разстроена.

Онъ все не шелъ.

— Еслибъ ты и женился, что потомъ? спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты засыпалъ бы съ каждымъ днемъ все глубже, — не правда ли? А я? Ты видишь, какая я! Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо дня въ день, ждать Рождества, потомъ масляницы, ѣздить въ гости, танцовать и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпались бы съ желаніемъ, чтобъ сегодня походило на вчера... вотъ наше будущее — да? Развѣ это жизнь? Я зачахну, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ?...

Онъ мучительно провелъ глазами по потолку, хотѣлъ сойти съ мѣста, бѣжать—ноги не повиновались. Хотѣлъ сказать что-то: во рту было сухо, языкъ не ворочался, голосъ не выходилъ изъ груди. Онъ протянулъ ей руку.

— Стало быть...—началъ онъ упавшимъ голосомъ, но не кончилъ, и взглядомъ досказалъ: «прости!»...

И она хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, протянула ему руку, но рука, не коснувшись его руки, упала; хотѣла было также сказать «прощай», но голосъ у нея на половинѣ слова сорвался и взялъ фальшивую ноту; лицо исказилось судорогой; она положила руку и голову ему на плечо и зарыдала. У ней какъ будто вырвали оружіе изъ рукъ. Умница пропала—явилась просто женщина, беззащитная противъ горя!..

— Прощай, прощай!... вырывалось у ней среди рыданій.

Онъ молчалъ и въ ужасѣ смотрѣлъ на ея слезы, не смѣя мѣшать имъ. Онъ не чувствовалъ жалости ни къ ней, ни къ себѣ: онъ былъ самъ жалокъ. Она опустилась въ кресло и, прижавъ голову къ платку, оперлась на столъ и плакала горько. Слезы текли не какъ мгновенно вырвавшаяся жаркая струя отъ внезапной и временной боли, какъ тогда въ паркѣ, а изливались безотрадно, холодными потоками, какъ осенній дождь, безпощадно поливающій нивы.

— Ольга! наконецъ сказалъ онъ: — за что ты терзаешь себя? Пусть я не стою счастья, но пощади себя! Ты меня любишь, ты не перенесешь разлуки! Возьми меня, какъ я есть, люби во мнѣ что есть хорошаго.

Она отрицательно покачала головой, не поднимая ее.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. силилась выговорить потомъ:—за меня и за мое горе ты не бойся. Я знаю себя: я выплачу его и потомъ ужъ больше плакать не стану. А теперь, не мѣшай плакать... уйди... Ахъ, нѣтъ, постой!.. Богъ наказываетъ меня!.. мнѣ больно, ахъ, какъ больно... здѣсь... у сердца...

Рыданія возобновились.

— А если боль не пройдетъ — сказалъ онъ—и здоровье твое пошатнется? Такія слезы ядовиты. Ольга! ангелъ мой! не плачь... забудь все...

— Нѣтъ, дай мнѣ плакать! Я плачу не о будущемъ, а о прошедшемъ... выговаривала она съ трудомъ:—оно «поблекло, отошло»... Не я плачу,—воспоминанія плачутъ... Лѣто и паркъ... помнишь? Мнѣ жаль нашей аллеи, сирени... Это все приросло къ сердцу... больно отрывать!..

Она въ отчаяніи качала головой и рыдала, повторяя:

— О, какъ больно, больно!

— Если ты умрешь!... вдругъ съ ужасомъ сказалъ онъ. — Подумай, Ольга...

— Нѣтъ, перебила она, поднявъ голову и стараясь взглянуть на него сквозь слезы.—Я узнала недавно только, что я

любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ, какъ голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... Да я не такова: мнѣ мало этого,—мнѣ нужно чего-то еще, —а чего—не знаю. Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ; можетъ ли дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ее нѣтъ!

У Обломова подкосились ноги, онъ сѣлъ въ кресло и отеръ платкомъ руки и лобъ.

Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова: внутри оно будто обожгло его, снаружи—повѣяло на него холодомъ. Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно - стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули за его наготу. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: «да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня! .»

Ольга вдругъ увидѣла, сколько яду было въ ея словѣ; она стремительно бросилась къ нему.

— Прости меня, мой другъ! заговорила она нѣжно, будто слезами:—я не помню, что говорю,—я безумная! Забудь все; будемъ по прежнему; пусть все останется, какъ было...

— Нѣтъ! сказалъ онъ, вдругъ вставъ и устраняя рѣшительнымъ жестомъ ея порывъ:—не останется! Не тревожься, что сказала правду: я стою... прибавилъ онъ съ унынiемъ.

— Я мечтательница, фантазерка! говорила она:—несчастный характеръ у меня. Отчего другiя, отчего Соничка такъ счастлива...

Она заплакала.

— Уйди! рѣшила она, терзая мокрый платокъ руками: —я не выдержу; мнѣ еще дорого прошедшее...

Она опять закрыла лицо платкомъ и старалась заглушить рыданiя.

*

— Отчего погибло все? вдругъ, поднявъ голову, спросила она:—кто проклялъ тебя, Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу...

— Есть! сказалъ онъ чуть слышно.

Она вопросительно, полными слезъ глазами, взглянула на него.

— Обломовщина! прошепталъ онъ; потомъ взялъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать, но не могъ, а только прижалъ крѣпко къ губамъ, и горячія слезы закапали ей на пальцы. Не поднимая головы и не показывая ей лица, онъ обернулся и пошелъ.

V.

Богъ знаетъ, гдѣ онъ бродилъ, что дѣлалъ цѣлый день, но домой вернулся поздно ночью. Хозяйка первая услыхала стукъ въ ворота и лай собаки, и растолкала отъ сна Анисью и Захара, сказавъ, что баринъ воротился.

Илья Ильичъ почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него.... халатъ!

— Что это? спросилъ онъ, только поглядѣвъ на халатъ.

— Хозяйка сегодня принесла; вымыли и починили халатъ, сказалъ Захаръ.

Обломовъ какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ. Все погрузилось въ сонъ и мракъ около него. Онъ сидѣлъ опершись на руку, не замѣчая мрака, не слыша боя часовъ. Умъ его утонулъ въ хаосѣ безобразныхъ, неясныхъ мыслей; онѣ неслись, какъ облака въ небѣ, безъ цѣли и безъ связи—онъ не ловилъ ни одной. Сердце его было убито: тамъ на время затихла жизнь. Возвращеніе къ жизни, къ порядку, къ теченію правильнымъ путемъ скопившагося напора жизненныхъ силъ совершалось медленно. Приливъ былъ очень жестокъ, и Обломовъ не чувствовалъ тѣла на себѣ, не чувствовалъ ни уста-

лости, никакой потребности. Онъ могъ лежать, какъ камень, цѣлыя сутки, или цѣлыя сутки идти, ѣхать, двигаться, какъ машина. Понемногу, труднымъ путемъ выработывается въ человѣкѣ или покорность судьбѣ—и тогда организмъ медленно и постепенно вступаетъ во всѣ свои отправленія, — или горе сломитъ человѣка и онъ не встанетъ больше, смотря по горю, и по человѣку тоже. Обломовъ не помнилъ, гдѣ онъ сидѣлъ, даже сидѣлъ ли онъ; машинально смотрѣлъ и не замѣчалъ, какъ забрезжилось утро; слышалъ и не слыхалъ, какъ раздался сухой кашель старухи, какъ сталъ дворникъ колоть дрова на дворѣ, какъ застучали и загремѣли въ домѣ, видѣлъ и не видалъ, какъ хозяйка и Акулина пошли на рынокъ, какъ мелькнулъ пакетъ мимо забора. Ни пѣтухи, ни лай собаки, ни скрипъ воротъ не могли вывести его изъ столбняка. Загремѣли чашки, зашипѣлъ самоваръ...

Наконецъ, часу въ десятомъ, Захаръ отворилъ подносомъ дверь въ кабинетъ, лягнулъ, по обыкновенію, назадъ ногой, чтобъ затворить ее и, по обыкновенію, промахнулся, но удержалъ, однакожъ, подносъ: наметался отъ долговременной практики, да при томъ зналъ, что сзади смотритъ въ дверь Анисья, и только урони онъ что-нибудь, она сейчасъ подскочитъ и сконфузитъ его. Онъ благополучно дошелъ, уткнувъ бороду въ подносъ и обнявъ его крѣпко, до самой постели, и только располагалъ поставить чашки на столъ подлѣ кровати и разбудить барина—глядь, постель не измята, барина нѣтъ! Онъ встрепенулся, и чашка полетѣла на полъ, за ней сахарница. Онъ сталъ ловить вещи на воздухѣ и качалъ подносомъ, другія летѣли. Онъ успѣлъ удержать на подносѣ только ложечку.

— Что это за напасть, такая? говорилъ онъ, глядя, какъ Анисья подбирала куски сахару, черепки чашки, хлѣбъ.—Гдѣ же баринъ?

А баринъ сидитъ въ креслѣ и лица на немъ нѣтъ. Захаръ посмотрѣлъ на него съ разинутымъ ртомъ.

— Вы зачѣмъ это, Илья Ильичъ, всю ночь просидѣли въ креслѣ, не ложились? спросилъ онъ.

Обломовъ медленно обернулъ къ нему голову, разсѣянно посмотрѣлъ на Захара, на разлитый кофе, на разбросанный по ковру сахаръ.

— А ты зачѣмъ чашку-то разбилъ? сказалъ онъ и потомъ подошелъ къ окну.

Снѣгъ валилъ хлопьями и густо устилалъ землю.

— Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ! твердилъ онъ безсмысленно, глядя на снѣгъ; легъ въ постель и заснулъ свинцовымъ, безотраднымъ сномъ. Ужъ было за полдень, когда его разбудилъ скрипъ двери съ хозяйской половины; изъ двери просунулась обнаженная рука съ тарелкой; на тарелкѣ дымился пирогъ.

— Сегодня воскресенье, говорилъ ласково голосъ: пирогъ пекли; не угодно ли закусить.

Но онъ не отвѣчалъ ничего: у него была горячка.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Со времени болѣзни Ильи Ильича прошелъ годъ.

Повѣренный Затертый отправился въ деревню и прислалъ вырученныя за хлѣбъ деньги сполна и былъ изъ нихъ удовлетворенъ прогонами, суточными деньгами и вознагражденіемъ за трудъ Что касается оброка, то Затертый писалъ, что денегъ этихъ собрать нельзя, что мужики частью разорились, частью ушли по разнымъ мѣстамъ и гдѣ находятся — неизвѣстно, и что онъ собираетъ на мѣстѣ дѣятельныя справки. О дорогѣ, о мостахъ писалъ онъ, что время терпитъ, что мужики охотнѣе предпочитаютъ переваливаться черезъ гору и черезъ оврагъ до торговаго села, чѣмъ работать надъ устройствомъ новой дороги и мостовъ. Словомъ, свѣдѣнія и деньги получены удовлетворительныя, и Илья Ильичъ не встрѣтилъ крайней надобности ѣхать самъ и былъ съ этой стороны успокоенъ до будущаго года. Повѣренный распорядился и насчетъ постройки дома: опредѣливъ, вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, количество нужныхъ матеріаловъ, онъ оставилъ старостѣ приказъ—съ открытіемъ весны возить лѣсъ и велѣлъ построить сарай для кирпича, такъ что Обломову оставалось только пріѣхать весной и, благословясь, начать стройку при себѣ. Къ тому времени предполагалось собрать оброкъ и, кромѣ того, было въ виду заложить деревню, слѣдовательно, расходы было изъ чего покрыть. Послѣ болѣзни Илья Ильичъ долго былъ

мраченъ, по цѣлымъ часамъ повергался въ болѣзненную задумчивость и иногда не отвѣчалъ на вопросы Захара, не замѣчалъ, какъ онъ ронялъ чашки на полъ и не сметалъ со стола, или хозяйка, являясь по праздникамъ съ пирогомъ, заставала его въ слезахъ. Потомъ, мало-по-малу, мѣсто живаго горя заступило нѣмое равнодушіе: Илья Ильичъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ падалъ снѣгъ и наносилъ сугробы на дворѣ и на улицѣ, какъ покрылъ дрова, курятники, конуру, садикъ, гряды огорода, какъ изъ столбовъ забора образовались пирамиды, какъ все умерло и окуталось въ саванъ. По долгу слушалъ онъ трескъ кофейной мельницы, скаканье на цѣпи и лай собаки, чищенье сапогъ Захаромъ и мѣрный стукъ маятника. Къ нему, по прежнему, входила хозяйка съ предложеніемъ купить что-нибудь, или откушать чего-нибудь; бѣгали хозяйскія дѣти: онъ равнодушно-ласково говорилъ съ первой, последнимъ задавалъ уроки, слушалъ какъ они читаютъ, и улыбался на ихъ дѣтскую болтовню вяло и нехотя. Но гора осыпалась понемногу, море отступало отъ берега, или приливало къ нему, и Обломовъ мало-по-малу входилъ въ прежнюю нормальную свою жизнь. Осень, лѣто и зима прошли вяло, скучно. Наступала весна. Онъ бродилъ по саду.

Съ Агафьей Матвѣевной совершилась въ это время метаморфоза. Она съ нѣкоторыхъ поръ стала сама не своя. Теперь, если Обломовъ поѣдетъ въ театръ или засидится у Ивана Герасимовича и долго не ѣдетъ—ей не спится, она ворочается съ боку на бокъ, крестится, вздыхаетъ, закрываетъ глаза — нѣтъ сна, да и только. Чуть застучатъ на улицѣ, она подниметъ голову, иногда вскочитъ съ постели, отворитъ форточку и слушаетъ—не онъ ли. Если застучатъ въ ворота, она накинетъ юпку и бѣжитъ въ кухню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота. Когда Обломовъ сдѣлался боленъ, она никого не впускала къ нему въ комнату, устлала ее войлоками и коврами, завѣсила окна, просиживала у его постели цѣлыя ночи, не спуская съ него глазъ до ранней обѣдни, а

потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ «Илья,» бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь, помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголъ, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу; потомъ поспѣшно шла на рынокъ и съ боязнью возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи: «что?» а когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ нею—она похудѣла, на нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нехоть ко всему. Но только Обломовъ ожилъ, только появилась у него добрая улыбка, только онъ началъ смотрѣть на нее, по прежнему, ласково, заглядывать къ ней въ дверь и шутить—она опять пополнѣла, опять хозяйство ея пошло живо, бодро, весело, съ маленькимъ оригинальнымъ оттѣнкомъ; бывало, она движется цѣлый день, какъ хорошо устроенная машина, стройно, правильно. Однимъ словомъ, она стала жить по-своему, полно и разнообразно. Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ. Она полюбила Обломова просто, какъ-будто простудилась и схватила неизличимую лихорадку. Она сама не подозрѣвала ничего: еслибъ это ей сказать, то это было бы для нея новостью—она бы усмѣхнулась и застыдилась.

Агафья Матвѣевна мало прежде видѣла такихъ людей, какъ Обломовъ, а если видѣла, такъ издали, и, можетъ быть, они нравились ей, но жили они въ другой, не въ ея сферѣ, и не было никогда случая къ сближенію съ ними. Илья Ильичъ ходитъ не такъ, какъ ходилъ ея покойный мужъ, коллежскій секретарь Пшеницынъ, мелкой, дѣловой прытью, не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ

осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ онъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ. Лицо у него не грубое, не красноватое, а бѣлое, нѣжное; руки не похожи на руки брата—не трясутся, не красныя, а бѣлыя, небольшія. Сядетъ онъ, положитъ нога на ногу, подопретъ голову рукой—все это дѣлаетъ такъ вольно, покойно и красиво; говоритъ такъ, какъ не говорятъ ея братецъ и Тарантьевъ, какъ не говорилъ мужъ; многаго она даже не понимаетъ, но чувствуетъ, что это умно, прекрасно, необыкновенно; да и то, что она понимаетъ, онъ говоритъ какъ-то иначе, нежели другіе. Бѣлье носитъ тонкое, мѣняетъ его каждый день, моется душистымъ мыломъ, ногти чиститъ, весь онъ такъ хорошъ, такъ чистъ, можетъ ничего не дѣлать и не дѣлаетъ,—ему дѣлаютъ все другіе: у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ... Онъ баринъ, онъ сіяетъ, блещетъ! притомъ онъ такъ добръ: какъ мягко онъ ходитъ, дѣлаетъ движенія, дотронется до руки—какъ бархатъ, а тронетъ, бывало, рукой мужъ, какъ ударитъ! И глядитъ онъ и говоритъ также мягко, съ такой добротой... Она не думала, не сознавала ничего этого, но еслибъ кто другой вздумалъ услѣдить и объяснить впечатлѣніе, сдѣланное на ея душу появленіемъ въ ея жизни Обломова, тотъ бы долженъ былъ объяснить его такъ, а не иначе.

Илья Ильичъ понималъ, какое значеніе онъ внесъ въ этотъ уголокъ, начиная съ братца до цѣпной собаки, которая, съ появленіемъ его, стала получать втрое больше костей; но онъ не понималъ, какъ глубоко пустило корни это значеніе и какую неожиданную побѣду онъ сдѣлалъ надъ сердцемъ хозяйки. У Обломова не были открыты глаза на настоящее свойство ея отношеній къ нему, и онъ продолжалъ принимать это за характеръ. И чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой. Оно было, въ самомъ дѣлѣ, безкорыстно, потому что она ставила свѣчку въ церкви, поминала Обломова за здравіе затѣмъ только, чтобъ онъ выздоро-

вѣлъ, и онъ никогда не узналъ объ этомъ. Сидѣла она у изголовья его ночью и уходила съ зарей, и потомъ не было разговора о томъ. Его отношенія къ ней были гораздо проще: для него въ Агафьѣ Матвѣевнѣ, въ ея вѣчно движущихся локтяхъ, въ заботливо-останавливающихся на всемъ глазахъ, въ вѣчномъ хожденіи изъ шкафа въ кухню, изъ кухни въ кладовую, оттуда въ погребъ, во всезнаніе всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ удобствъ, воплощался идеалъ того необозримаго, какъ океанъ, и ненарушимаго покоя жизни, картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ, подъ отеческою кровлею.

Онъ каждый день все болѣе и болѣе дружился съ хозяйкой: о любви къ ней и въ умъ ему не приходило, то-есть о той любви, которую онъ недавно перенесъ, какъ какую-нибудь оспу, корь или горячку, и содрогался когда вспоминалъ о ней. Онъ сближался съ Агафьей Матвѣевной какъ-будто подвигался къ огню, отъ котораго становится все теплѣе и теплѣе, но котораго любить нельзя.

Итакъ, онъ подвигался къ ней, какъ къ теплому огню, и однажды подвинулся очень близко, почти до пожара, по крайней мѣрѣ до вспышки.

Онъ ходилъ по своей комнатѣ и, оборачиваясь къ хозяйской двери, видѣлъ, что локти ея дѣйствуютъ съ необыкновеннымъ проворствомъ.

— Вѣчно заняты! сказалъ онъ, входя къ хозяйкѣ. — Что это такое?

— Корицу толку, отвѣчала она, глядя въ ступку, какъ въ пропасть, и немилосердно стуча пестикомъ.

— А если я вамъ помѣшаю? спросилъ онъ, взявъ ее за локти и не давая толочь.

— Пустите! еще надо сахару натолочь, да вина отпустить на пуддингъ.

Она все держалъ ее за локти, и лицо его было у ея затылка.

— Скажите, что еслибъ я васъ... полюбилъ?

Она усмѣхнулась.

— А вы бы полюбили меня? опять спросилъ онъ.

— Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить.

— А если я поцѣлую васъ? шепнулъ онъ, наклонясь къ ея щекѣ, такъ-что дыханіе его обожгло ей щеку.

— Теперь не святая недѣля, сказала она съ усмѣшкой.

— Ну, поцѣлуйте же меня!

— Вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до пасхи, такъ поцѣлуемся,— сказала она, не смущаясь, не робѣя, а стоя прямо и неподвижно, какъ лошадь, на которую надѣваютъ хомутъ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ шею.

II.

Былъ Ильинъ день. Въ домѣ Пшеницыной справляли имянины Ильи Ильича; обѣдали въ саду, въ бесѣдкѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхалъ экипажъ и кто-то спросилъ Обломова. Всѣ рты разинули. Вслѣдъ за тѣмъ въ бесѣдку вошелъ Штольцъ. При его появленіи Иванъ Матвѣевичъ и Тараньтьевъ исчезли; хозяйка тоже было попыталась ускользнуть, но Обломовъ удержалъ ее. Послѣ обѣда, когда Штольцъ и Илья Ильичъ остались въ бесѣдкѣ одни, первый пристально и долго глядѣлъ на Обломова молча.

— Ну, Илья! сказалъ наконецъ Штольцъ строго и такъ вопросительно, что Обломовъ смотрѣлъ внизъ и молчалъ.

— Стало быть «никогда?»

— Что «никогда?» спросилъ Обломовъ, будто не понимая.

— Ты ужъ забылъ: «теперь или никогда?»

Обломовъ сталъ оправдываться, что онъ не лежитъ праздно, что планъ почти оконченъ, что онъ выписываетъ два журнала и что оставленные Штольцомъ книги всѣ прочиталъ.

Незамѣтно бесѣда друзей коснулась Ольги. Илья Ильичъ узналъ отъ Штольца, что она въ Швейцаріи, весела и даже счастлива. Обломовъ обрадовался и прослезился.

— Ну, слава Богу! произнесъ онъ:—какъ я радъ, Андрей! позволь поцѣловать тебя и выпьемъ за ея здоровье.

Они выпили по бокалу шампанскаго.

Наконецъ разговоръ перешелъ на дѣло Обломова. Штольцъ выслушалъ разсказъ Ильи Ильича и всплеснулъ руками.

— Ты ограбленъ кругомъ! сказалъ онъ.

Почти насильно Штольцъ увезъ его къ себѣ, заставилъ написать довѣренность на свое имя и объявилъ, что беретъ Обломовку въ аренду, до тѣхъ поръ, пока Обломовъ самъ пріѣдетъ въ деревню и привыкнетъ къ хозяйству.

Это обстоятельство снова свело, на другой день Ильина дня, Тараньтьева и Ивана Матвѣевича въ трактирѣ и опять началось совѣщаніе объ ускользавшемъ изъ ихъ рукъ, благодаря вмѣшательству Штольца, источникѣ поживы. Вино мало-по-малу развеселило собесѣдниковъ и пробудило въ Иванѣ Матвѣевичѣ задремавшую было на мгновеніе изобрѣтательность казуиста.

Планъ, созданный братцомъ г-жи Пшеницыной и Тараньтьевымъ, на этотъ разъ былъ достойнымъ произведеніемъ его авторовъ.

По этому плану предполагалось—припугнуть Обломова тѣмъ, что онъ нерѣдко долго вечеромъ засиживается у Агафьи Матвѣевны и тѣмъ безчеститъ ее; въ случаѣ надобности—пригращать судомъ, увѣривъ, что за нимъ подглядѣли и есть свидѣтели и, наконецъ, подъ этимъ предлогомъ взять съ него на имя сестры заемное письмо тысячъ въ десять.

Тараньтьевъ выслушалъ Ивана Матвѣевича и все-таки не понялъ его замысловъ.

— Что-жъ толку-то, кумъ? Я не пойму: деньги достанутся сестрѣ и ея дѣтямъ. Гдѣ-жъ могарычъ?

— А сестра мнѣ дастъ заемное письмо на такую же сумму; я дамъ ей подписать.

— А если она не подпишетъ,—упрется?

— Сестра-то!

И Иванъ Матвѣевичъ залился тоненькимъ смѣхомъ; онъ зналъ, что сестра безпрекословно подпишетъ всё, что онъ ей не прикажетъ.

Друзья разстались, выпивъ за здоровье своего новаго предпріятія.

III.

Что же сталось съ Ольгою? какъ она перенесла свое разочарованіе въ Обломовѣ? Разойдясь съ нимъ, она уѣхала съ теткою за границу. Въ Парижѣ съ нею встрѣтился Штольцъ. Ольга обрадовалась ему, какъ родному брату; что касается до Штольца, то его поразила перемѣна, совершившаяся съ Ольгою: она стала не та,—на все лицо ея легло облако тумана или печали. Полгода Ильинскіе и Штольцъ прожили въ Парижѣ, и въ эти полгода Штольцъ до того свыкся, до того привязался къ Ольгѣ, что, наконецъ, онъ понялъ, что началъ жить не одинъ, а вдвоемъ, и рѣшилъ, что отнынѣ безъ Ольги ему жить нельзя. Рѣшивъ этотъ вопросъ, Штольцъ началъ рѣшать вопросъ о томъ, можетъ ли жить безъ него Ольга. Но этотъ вопросъ не давался ему такъ легко: Ольга была съ нимъ довѣрчива, искренна, но, происходило-ли это отъ любви?.. Попробовалъ Штольцъ уѣхать изъ Парижа въ Лондонъ и пришелъ сказать ей объ этомъ въ самый день отъѣзда, не предупредивъ ее заранѣе. Она крѣпко пожала ему руку, опечалилась, но не испугалась, не измѣнилась въ лицѣ: онъ былъ въ отчаяніи!

Штольцъ долго бился надъ томившимъ его вопросомъ и все-таки не находилъ на него отвѣта. «Нѣтъ, я по-

ложу конецъ этому», сказалъ онъ наконецъ:—«я загляну ей въ душу, какъ прежде, и завтра—или буду счастливъ, или уѣду! Нѣтъ силъ!» говорилъ онъ дальше глядясь въ зеркало: «Я ни на что не похожъ... Довольно!...» Онъ пошелъ прямо къ цѣли, т. е. къ Ольгѣ.

А Ольга? она и сама не знала: любитъ-ли она Штольца? и также безплодно пыталась разрѣшить этотъ вопросъ, какъ и онъ. Анализируя свое чувство къ нему она вспомнила неумолимый приговоръ мыслителей о любви, приговоръ, который изрекъ ей разъ и Обломовъ: «женщина истинно любитъ однажды» и, основываясь на немъ, пришла къ тому заключенію, что она любила Обломова, слѣдовательно къ Штольцу питаетъ не любовь, а дружбу. Этотъ выводъ заставилъ ее глубоко задуматься и ей было жаль разстаться съ Штольцомъ и въ то же время она считала себя обязанною высказаться съ нимъ искренно; но всего болѣе смущало ее то, что съ нѣкоторыхъ поръ она стала стыдиться не только за свой прошлый романъ, но и за его героя. Ольга мучилась не находя выхода изъ лабиринта терзавшихъ ее сомнѣній. Пришолъ Штольцъ,—она встрѣтила его спокойно, но когда онъ серьезно замѣтилъ, что ему нужно переговорить съ ней,—она вздрогнула и онѣмѣла на мѣстѣ.

— Вы, конечно, угадываете, Ольга Сергѣевна, о чемъ я хочу говорить? сказалъ Штольцъ, глядя на нее вопросительно.

— Какъ я могу знать? отвѣчала она тихо.

— Не знаете? сказалъ простодушно Штольцъ: хорошо, я скажу...

— Ахъ, нѣтъ! вдругъ вырвалось у ней.

Она схватила его за руку и глядѣла на него какъ будто моля о пощадѣ.

— Вотъ, видите, я угадалъ, что вы знаете. — Отчего же «нѣтъ?» съ грустью прибавилъ онъ.

Она молчала.

— Если вы предвидѣли, что я когда-нибудь выскажусь, то знали, конечно, что̀ и отвѣчать мнѣ? спросилъ онъ.

— Предвидѣла и мучилась!

— Мучились!.. Это страшное слово почти шопотомъ произнесъ онъ:—Это Дантово: «оставь надежду навсегда.» Мнѣ больше и говорить нечего: тутъ все! Но благодарю и за то, прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—я вышелъ изъ хаоса, изъ тмы и знаю, по крайней мѣрѣ, что̀ мнѣ дѣлать. Одно спасеніе бѣжать скорѣе.

Онъ всталъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! Пожалѣйте меня! что со мною будетъ?

Онъ сѣлъ и она тоже.

Штольцъ прямо сказалъ ей, что̀ онъ ее любитъ сильно. Ольга измѣнилась въ лицѣ.

— Уѣзжайте! сказала въ отвѣтъ на его признаніе съ достоинствомъ подавленной обиды и вмѣстѣ глубокой печали, которой не могла скрыть.

Штольцъ въ слухъ сталъ обсуждать свое положеніе; незамѣтно онъ довелъ Ольгу до того, что она искренно созналась, что и сама не понимаетъ, что съ нею?

Для отвѣта на этотъ вопросъ Штольцъ потребовалъ отъ нее полной исповѣди, подробнаго отчета о томъ, что было съ нею.

Какъ ни тяжело было это для Ольги, но она разсказала ему все безъ утайки, до самыхъ мелочныхъ подробностей.

Штольцъ всталъ, когда она кончила, совершенно спокойный. «Если бы я зналъ, сказалъ онъ, что дѣло идетъ объ Обломовѣ,—мучился ли бы я такъ!» Затѣмъ онъ взялъ письмо Обломова и прочиталъ его фразу. «Вы ошиблись: предъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Подождите, онъ придетъ, и тогда вы очнетесь, вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку...»

— Видите, онъ былъ правъ, замѣтилъ Штольцъ: а вы ему не повѣрили, и въ этомъ вся ваша вина.

Долго еще продолжалась бесѣда Штольца съ Ольгою; онъ разбивалъ одно сомнѣніе ея за другимъ и она, по мѣрѣ того, становилась спокойнѣе и веселѣе.

— Какъ сонъ, какъ будто ничего не было! говорила она задумчиво, едва слышно, удивляясь своему внезапному возрожденію:—вы вынули не только стыдъ, раскаяніе, но и горечь, боль—все... Какъ вы это сдѣлали? тихо спросила она. И все это пройдетъ, эта.... ошибка?

— Да ужъ я думаю и прошло! сказалъ онъ взглянувъ на нее въ первый разъ глазами страсти и не скрывая этого:—то-есть все, что было.

— А что.... будетъ.... а не ошибка.... истина? спрашивала она, не договаривая.

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ снова письмо Обломова и прочиталъ слова его: «Передъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали: онъ придетъ и вы очнетесь».... И,—добавилъ Штольцъ—такъ полюбите, что мало будетъ не года, а цѣлой жизни для той любви, только не знаю.... кого? досказалъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

Они обмѣнялись еще нѣсколькими фразами, полными чувства. «Вѣдь намъ, замѣтилъ Штольцъ, послѣ нынѣшняго разговора, надо быть иначе другъ съ другомъ: мы оба ужъ не тѣ, что были вчера.

— Я не знаю... шептала она, еще болѣе смущенная.

— Позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ?

— Говорите.... я слѣпо исполню,—почти съ страстною покорностію прибавила она.

— Выйдите за меня замужъ, въ ожиданіи, пока *онъ* придетъ!

— Еще не смѣю.... шептала она, закрывая лицо руками, въ волненіи, но счастливая.

— Отчего же не смѣете? шопотомъ же спросилъ онъ, наклоняя ея голову къ себѣ.

— А это прошлое? шептала она опять, кладя ему голову на грудь, какъ матери.

— Поблекнетъ, какъ ваша сирень! заключилъ онъ.—Вы взяли урокъ: теперь настала пора пользоваться имъ. Начинается жизнь: отдайте мнѣ ваше будущее и не думайте ни о чемъ—я ручаюсь за все. Пойдемте къ теткѣ.

Штольцъ ушелъ поздно домой, довольный и счастливый. А Ольга? И она тоже испытывала счастье, но такое тихое, такое простое, что она безъ трепета гордости, а только съ глубокимъ умиленіемъ прошептала: «я его невѣста!»

IV.

Прошло года полтора послѣ имянинъ, когда къ Обломову нечаянно пріѣхалъ обѣдать Штольцъ. Въ этотъ промежутокъ времени измѣнилось весьма многое. Илья Ильичъ обрюзгъ, скука въѣлась въ его глаза и выглядывала оттуда какъ немочь какая-нибудь; въ квартирѣ его все смотрѣло мрачно и скучно. Нужда проникла, наконецъ, и въ домъ Пшеницыной и проникла потому именно, что доходы съ Обломовки, исправно присылаемые Штольцомъ, поступаютъ на удовлетвореніе претензіи по заемному письму, данному Обломовымъ хозяйкѣ. Агафья Матвѣевна, и сама того не подозрѣвая, помогла устроить братцу и Тараньтьеву задуманное ими дѣльцо, т. е. когда заемное письмо на ея имя было выдано Обломовымъ, она, подъ диктовку братца, безпрекословно, подписала такое же на имя этого послѣдняго. Совершивъ эту операцію, Иванъ Матвѣевичъ задумалъ жениться, нанялъ особую квартиру и переѣхалъ отъ сестры.

Въ началѣ у Обломова были деньги и все шло по старому, но вышли они, и Агафьѣ Матвѣевнѣ пришлось призадуматься.

Любовь ея къ Ильѣ Ильичу выражалась до того времени не въ ласкахъ и поцѣлуяхъ, а въ качествѣ и количествѣ изготовляемыхъ ею блюдъ, и вотъ теперь она лишалась возможности заявлять этимъ путемъ свою страсть къ нему. Мудрено-ли, что перебиваясь изо-дня-въ-день, то закладывая, то продавая свои вещи—она похудѣла и постарѣла.

Въ такомъ-то положеніи засталъ Штольцъ Обломова, когда онъ явился къ нему въ этотъ разъ также неожиданно, какъ и въ первый. Штольцъ тотчасъ-же понялъ, что дѣла Ильи Ильича плохи: начались допросы и, мало-по-малу, истина раскрылась для Штольца. Онъ энергически взялся за дѣло. Агафья Матвѣевна, по его требованію, дала безъ сопротивленія свидѣтельство, что она никакой денежной претензіи на Обломова не имѣетъ, и Ивану Матвѣевичу волею-не волею пришлось отказаться отъ дальнѣйшей претензіи на доходы съ Обломовки.

V.

Штольцъ нѣсколько лѣтъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ; онъ жилъ съ женою на южномъ берегу Крыма.

Штольцъ часто вспоминалъ объ Обломовѣ и мысленно представлялъ себѣ картину той жизни, на которую была-бы обречена Ольга, если бы она стала женою Ильи Ильича. При этихъ думахъ ему становилось невольно страшно и грустно,

— Бѣдный Илья! сказалъ однажды Штольцъ вслухъ, въ одну изъ подобныхъ минутъ.

Ольга при этомъ имени вдругъ опустила руки съ вышиваньемъ на колѣни, откинула назадъ голову и глубоко задумалась. Восклицаніе Штольца вызвало ея воспоминаніе.

— Что съ нимъ? спросила она потомъ:—уже-ли нельзя узнать?

Андрей пожалъ плечами.

— Подумаешь, сказалъ онъ,—что мы живемъ въ то время, когда не было почтъ, когда люди, разъѣхавшись въ разныя стороны, считали другъ друга погибшими, и въ самомъ дѣлѣ пропадали безъ вѣсти.

— Ты бы написалъ опять къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей: узнали-бы по крайней мѣрѣ....

— Ничего не узнали бы, кромѣ того, что мы уже знаемъ: живъ, здоровъ, на той же квартирѣ: это я и безъ пріятелей знаю. А что̀ съ нимъ? какъ онъ переноситъ свою жизнь? умеръ ли онъ нравственно, или еще имѣется искра жизни—этого посторонній не узнаетъ.

— Ахъ, не говори такъ, Андрей: мнѣ страшно и больно слушать! Мнѣ хотѣлось-бы, и боюсь знать....

Она готова была заплакать.

— Весной будемъ въ Петербургѣ,—узнаемъ сами.

— Этого мало, что узнаемъ: надо сдѣлать все....

— А я развѣ не дѣлалъ? Мало-ли я его уговаривалъ, хлопоталъ за него, устроивалъ дѣла—а онъ хоть бы откликнулся на это! При свиданіи готовъ на все, а чуть съ глазъ долой— и прощай: опять заснулъ. Возишься какъ съ пьяницей!

— Зачѣмъ съ глазъ долой? нетерпѣливо: возразила Ольга: съ нимъ надо дѣйствовать рѣшительно: взять его съ собою въ карету и увезти. Теперь же мы переселяемся въ имѣніе; онъ будетъ близко отъ насъ.... мы возьмемъ его съ собой.

— Вотъ далась намъ съ тобою забота! разсужалъ Андрей, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ:—и конца ей нѣтъ!

— Ты тяготишься ею? сказала Ольга:—это новость! Я въ первый разъ слышу твой ропотъ на эту заботу.

— Я не ропщу, отвѣчалъ Андрей,—а разсуждаю.

— А откуда взялось это разсужденіе? Ты сознался себѣ самому, что это скучно, безпокойно—да?

Она поглядѣла на него пытливо. Онъ покачалъ отрицательно головою.

— Нѣтъ, не безпокойно, а безполезно: это я иногда думаю.

— Не говори, не говори! остановила его она. Я опять, какъ на той недѣлѣ, буду цѣлый день думать объ этомъ и тосковать. Если въ тебѣ погасла дружба къ нему, такъ изъ любви къ человѣку ты долженъ нести эту заботу. Если ты устанешь, я одна пойду и не выйду безъ него: онъ тронется моими просьбами; я чувствую, что я заплачу горько, если увижу его убитаго, мертваго! Можетъ быть, слезы....

— Воскресятъ, ты думаешь? перебилъ Андрей.

— Нѣтъ, не воскресятъ къ дѣятельности, по крайней мѣрѣ заставятъ его оглянуться вокругъ себя и перемѣнить свою жизнь на что-нибудь лучшее. Онъ будетъ не въ грязи, а близъ равныхъ себѣ,—съ нами. Я однажды только появилась къ нему, онъ въ одну минуту очнулся и застыдился....

— Ужъ не любишь-ли ты его попрежнему? спросилъ Андрей, шутя.

— Нѣтъ!—не шутя, задумчиво, какъ бы глядя въ прошедшее, говорила Ольга:—я люблю его не по прежнему, но есть что-то, что̀ я люблю въ немъ, чему я, кажется, осталась вѣрна и не измѣнюсь, какъ иные....

Штольцъ сталъ возражать ей противъ ея колкаго намека, на то, что онъ измѣнилъ Обломову.

— Хочешь, сказалъ онъ, я скажу тебѣ, отчего онъ тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его?

И на ея утвердительный знакъ головою, онъ отвѣтилъ на свой вопросъ:

— За то, что въ немъ дороже всякаго ума: честность, вѣрное сердце!

— Такъ-ли это? угадалъ-ли я? заключилъ онъ свою рѣчь. Ольга молчала, потупя глаза на работу. Андрей задумался.

— Ужели не все тутъ? Что еще? Ахъ!.... очнувшись,

весело прибавилъ потомъ: — совсѣмъ забылъ — «голубиную нѣжность».

Ольга ожила, засмѣялась, бросила работу и обвила шею Андрея руками. Ей вспомнился Обломовъ и ей стало жаль его... Она стала просить мужа не покидать его и когда они будутъ въ Петербургѣ—взять ее къ Обломову. Штольцъ отговаривался, но Ольга вынудила у него согласіе.

— Помни-же,—заключила она,—садясь на свое мѣсто: что ты отступишься только тогда, когда «откроется бездна или встанетъ стѣна между нимъ и тобою». Я не забуду этихъ словъ.

VI.

Бездна между Обломовымъ и Штольцомъ открылась.

Когда Штольцъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вошелъ въ квартиру Обломова, оставивъ жену въ каретѣ у воротъ, и заговорилъ о томъ, что онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы увезти его къ себѣ, въ деревню, Илья Ильичъ встревожился: онъ остановилъ его на первыхъ же словахъ и сталъ упрашивать говорить тише.

«Услышатъ....» говорилъ онъ: «хозяйка подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу уѣхать....»

Штольцъ попытался еще разъ было заговорить о томъ же предметѣ, но Обломовъ перебилъ его.

— Послушай, Андрей! вдругъ сказалъ онъ рѣшительно, небывалымъ тономъ:—не дѣлай напрасныхъ попытокъ, не уговаривай меня,—я останусь здѣсь.

Штольцъ сталъ настаивать на своемъ, почти повелительно-строго, деспотически потребовалъ удаленія Обломова изъ той среды, въ которой онъ оставался до этого дня.

— Да ты оглянись, гдѣ и съ кѣмъ ты? говорилъ онъ.

Но все напрасно.

— Можетъ быть,—сказалъ наконецъ Обломовъ, въ отвѣтъ на его увѣщанія,—въ послѣдній разъ было еще возможно. Теперь.... (онъ опустилъ глаза и промолчалъ съ минуту), теперь.... поздно.... Иди и не останавливайся надо мною. Я стою твоей дружбы—это видитъ Богъ, но не стою твоихъ хлопотъ.

Штольцъ обратился къ послѣднему средству; онъ сказалъ прямо Обломову, что его дожидается у воротъ Ольга и что онъ позоветъ ее къ нему.

Илья Ильичъ, просто, испугался.

— Оставь меня совсѣмъ.... забудь! умолялъ онъ, обнимая Штольца.

— Какъ, навсегда? съ изумленіемъ спросилъ Штольцъ, устраняясь отъ его объятій и глядя ему въ лицо.

— Да! прошепталъ Обломовъ.

Штольцъ отступилъ отъ него на шагъ.

— Ты ли это, Илья? упрекалъ онъ:—ты отталкиваешь меня и для нея, для этой женщины.... Боже мой! почти закричалъ онъ какъ отъ внезапной боли:—этотъ ребенокъ, что я сейчасъ, видѣлъ.... Илья, Илья! бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Какъ ты палъ! Эта женщина.... что она тебѣ....

— Жена! спокойно произнесъ Обломовъ.

Штольцъ окаменѣлъ.

— А этотъ ребенокъ—мой сынъ! Его зовутъ Андреемъ, въ память о тебѣ,—досказалъ Обломовъ, разомъ и покойно перевелъ духъ, сложивъ съ себя бремя откровенности.

Между Обломовымъ и Штольцемъ воздвигнулась каменная стѣна. Они обнялись молча, крѣпко, какъ обнимаются передъ смертью.

— Не забудь моего Андрея! были послѣднія слова Обломова, сказанныя угасшимъ голосомъ.

На вопросъ Ольги, Штольцъ отвѣчалъ коротко и не опредѣленно.

— Да что такое тамъ происходитъ? спросила Ольга наконецъ.

— Обломовщина! мрачно отвѣчалъ Андрей, и на дальнѣйшіе распросы Ольги хранилъ до самаго дома угрюмое молчаніе.

—

Пять лѣтъ спустя, Обломова не было уже на свѣтѣ: онъ покоился мирнымъ сномъ на ближайшемъ кладбищѣ. Агафья Матвѣевна живетъ и теперь такъ же, какъ она жила до появленія въ ея домѣ Обломова, т. е. среди безпрерывныхъ хлопотъ по хозяйству. Для нея существовала теперь только отрада— это любовь къ Андрюшѣ, воспитывавшемся у Штольца.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА.

Ѳ. М. Достоевскаго. (*)

I.

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. За его воротами былъ свѣтлый, вольный міръ; тамъ жили люди, какъ и всѣ; но по сю сторону ограды о томъ мірѣ представляли себѣ какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что не похожій: тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Всего въ острогѣ насъ помѣщалось человѣкъ двѣсти пятьдесятъ—цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было!

Помню, какъ я вошелъ въ этотъ острогъ. Уже смеркалось; народъ возвращался съ работы; готовились къ повѣркѣ. Усатый

(*) «Записки изъ мертваго дома» представляютъ собою отрывочные эпизоды изъ жизни каторжныхъ, почему мы и не передаемъ вполнѣ содержанія ихъ, а заимствуемъ изъ оныхъ только два-три наиболѣе выдающіеся эпизода.

унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ, наконецъ, двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынесть столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія.

Первое впечатлѣніе мое при поступленіи въ острогъ, вообще, было самое отвратительное; но, не смотря на то,—странное дѣло! — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогою. Арестанты, хоть и въ кандалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногіе), а по ночамъ иные заводили картежъ.

Самая работа, напримѣръ, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы—не столько въ трудности ея, сколько въ томъ, что она принужденная, обязательная, изъ-подъ палки.

Помню первое мое утро въ казармѣ. Въ кордегардіи у острожныхъ воротъ барабанъ пробилъ зорю и, минутъ черезъ десять, караульный унтеръ-офицеръ началъ отпирать казармы. При тускломъ освѣщеніи сальной, шестериковой свѣчи, вставали арестанты съ своихъ нарѣ, дрожа отъ холода. Они зѣвали, потягивались и морщили свои клейменые лбы. Иные крестились, другіе уже начинали вздорить. Затѣмъ арестанты столпились у ведеръ съ водой; поочереди брали ковшъ, набирали въ ротъ воды и умывали себѣ руки и лицо изо рта. Изъ-за ковша, который былъ одинъ, начались немедленно ссоры; но, какъ я впослѣдствіи узналъ, всѣ подобныя сцены были чрезвычайно невинны и до драки никогда не доходили.

Умывшись, арестанты стали готовиться къ повѣркѣ; въ кухнѣ набралась густая толпа народу. Здѣсь арестантамъ кашевары раздавали хлѣбъ.

На самыхъ же первыхъ порахъ я замѣтилъ, что нѣкоторые

изъ арестантовъ смотрѣли на меня косо. Впрочемъ, какъ я убѣдился въ-послѣдствіи, это дѣлалось несознательно, а такъ, совершенно искренно, по безсознательно недружелюбному отношенію ко всѣмъ бывшимъ дворянамъ, надъ которыми они издѣвались и глумились при каждомъ удобномъ случаѣ. Для того, чтобы пріобрѣсти расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжниковъ и заслужить передъ ними право на названіе хорошаго человѣка, мнѣ нужно было прожить почти два года въ острогѣ.

Изъ русскихъ дворянъ, кромѣ меня, было еще четверо, и въ томъ числѣ Акимъ Акимычъ, отличавшійся нѣмецкою аккуратностію.

Акимъ Акимычъ служилъ прапорщикомъ на Кавказѣ и занималъ тамъ мѣсто старшаго начальника какого-то укрѣпленія. Одинъ сосѣдній мирный князекъ зажегъ его крѣпость и сдѣлалъ на нее ночное нападеніе; оно не удалось, дѣло свалили на немирныхъ, а черезъ мѣсяцъ Акимъ Акимычъ, знавшій дѣйствительнаго виновника поджога, зазвалъ его къ себѣ въ гости, выстроилъ свой отрядъ, уличилъ князька передъ отрядомъ, и затѣмъ, разстрѣлявъ его, послалъ обо всемъ немедленно подробное донесеніе начальству. Его отдали подъ судъ и приговорили къ двѣнадцати-лѣтней каторжной работѣ въ крѣпостяхъ.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ Акимъ Акимычъ, и потому у него водились деньжонки, которыя онъ постоянно употреблялъ на улучшеніе своего быта. Онъ помѣщался въ одной со мною казармѣ и многимъ мнѣ услужилъ въ первые дни моей каторги.

Главнымъ нашимъ начальникомъ былъ маіоръ — человѣкъ безпорядочный и злой. Къ арестантамъ онъ относился вообще враждебно и наказывалъ ихъ нерѣдко ни за что, ни про что. Лицо у него было багровое и злобное.

Любовныя похожденія тоже не были чужды острога; героинями ихъ являлись калашницы, приходившія въ мастерскія. По-

сѣщенія ихъ начинались съ дѣтскихъ лѣтъ. Войдя въ возрастъ, онѣ продолжали ходить, но уже безъ калачей. Впрочемъ, до женщинъ арестантамъ добираться было трудно и вообще это требовало, относительно, значительной траты денегъ. Но все-таки, мнѣ удавалось впослѣдствіи иногда быть и свидѣтелемъ любовныхъ сценъ и объясненій арестантовъ съ какою-нибудь наигрязнѣйшею дѣвицею въ мірѣ, въ родѣ Чекунды или Двугрошовой.

Въ острогѣ были изъ арестантовъ и свои цѣловальники, продававшіе водку, не смотря на строжайшее запрещеніе торговать, и свои ростовщики.

Цѣловальникъ, наторговавъ огромную сумму, нѣсколько десятковъ рублей, заготовляетъ въ послѣдній разъ вино и уже не разбавляетъ его водой, потому что назначаетъ его для себя; довольно торговать: пора и самому попраздновать! Начинается кутежъ, питье, ѣда, музыка. Средства большія. Задобривается даже и ближайшее, низшее острожное начальство. Кутежъ иногда продолжается по нѣскольку дней. Разумѣется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идетъ къ другимъ цѣловальникамъ, которые уже поджидаютъ его, и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не пропиваетъ всего до копѣйки. Какъ ни оберегаютъ арестанты гуляющаго, но иногда онъ попадается на глаза высшему начальству, маіору или караульному офицеру. Его берутъ въ кордегардію, обираютъ его капиталы, если найдутъ ихъ на немъ, и, въ заключеніе, сѣкутъ. Встряхнувшись онъ приходитъ обратно въ острогъ и чрезъ нѣсколько дней снова принимается за ремесло цѣловальника. Иные изъ гулякъ, разумѣется богатенькіе, мечтаютъ и о прекрасномъ полѣ. За большія деньги они пробираются иногда, тайкомъ, вмѣсто работы, куда-нибудь изъ крѣпости на форштатъ, въ сопровожденіи подкупленнаго конвойнаго. Тамъ, въ какомъ-нибудь укромномъ домикѣ, гдѣ-нибудь на самомъ краю города, задается пиръ на весь міръ, и ухлопываются дѣйствительно

большія суммы. За деньги и арестантомъ не брезгаютъ; конвойный же подбирается какъ-нибудь заранѣе, съ знаніемъ дѣла.

Но опишу вкратцѣ составъ всей нашей казармы. Въ ней приходилось мнѣ жить много лѣтъ и это все были мои будущіе сожители и товарищи. Слѣва отъ моего мѣста, на нарахъ, помѣщалась кучка кавказскихъ горцевъ, присланныхъ, большею частью, за грабежи и на разные сроки. Одинъ изъ лезгинцевъ, Нурра, произвелъ на меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе, своею веселостію, привѣтливостію, безропотностію и спокойствіемъ. Его любили всѣ арестанты. Въ первые полчаса, какъ я пришелъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ меня по плечу, добродушно смѣясь мнѣ въ глаза; на другой и на третій день повторилось тоже. Это означало съ его стороны, какъ я узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ, какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочетъ показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестанскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ и еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Я полюбилъ его отъ всей души. Въ каторгу Алея привела покорность къ старшимъ, и именно то, что, по приказанію старшаго брата, онъ послѣдовалъ за нимъ и другими братьями и не зная того самъ, что они ѣдутъ на разбой, на которомъ они и подстерегли богатаго армянскаго купца, перерѣзали сопровождавшій его конвой, зарѣзали армянина, и разграбили его товаръ. Во все время своей каторги Алей удивительнымъ образомъ сохранилъ необыкновенную мягкость сердца, честность, задушевность и симпатичность: онъ не загрубѣлъ и не развратился въ ней. Подъ моимъ руководствомъ Алей, по русскому переводу Новаго Завѣта, безъ азбуки, въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать и въ два мѣсяца хорошо писатьоп-

русски. Чтеніе Евангелія произвело на него сильное впечатлѣніе. «Иса святой пророкъ, говорилъ онъ по прочтеніи Нагорной проповѣди. Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо! Онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ!»

Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. «Ты для меня столько, столько сдѣлалъ, — говорилъ онъ,—что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали! ты меня человѣкомъ сдѣлалъ! Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...»

Кромѣ черкесовъ, въ нашей казармѣ была еще кучка поляковъ, но они жили особнякомъ, не сообщаясь съ русскими. Изъ всѣхъ каторжныхъ нашей казармы они любили только одного жида, и то, можетъ быть, потому, что онъ ихъ забавлялъ; впрочемъ, жида этого любили также и другіе арестанты, хотя рѣшительно всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ. Остальное населеніе нашей казармы состояло изъ нѣсколькихъ старообрядцевъ, двухъ-трехъ мрачныхъ малороссовъ, молоденькаго каторжнаго, уже убившаго восемь душъ, кучки фальшивыхъ монетчиковъ и, наконецъ, нѣсколькихъ мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритыхъ и обезображенныхъ, молчаливыхъ и завистливыхъ, съ ненавистью изъ-подлобья смотрѣвшихъ кругомъ себя и намѣревавшихся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавистничать еще долгіе годы, — весь срокъ своей каторги.

II.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани.

Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была нумерная, съ платою по 50 копѣекъ за нумеръ и устроенная для лицъ

высокаго полета. Другая же баня была по преимуществу простонародная,—ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели нашъ острогъ.

Было морозно и солнечно; арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ на городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряженными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны: вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покамѣстъ первая смѣна мылась, что необходимо было сдѣлать за тѣснотою бани. Но, не смотря на то, баня была до того тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина-то нашихъ могла въ ней умѣститься. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ, безъ моего приглашенія, подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. Вмѣстѣ съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ, арестантъ изъ особаго отдѣленія. котораго звали у насъ піонеромъ и о которомъ какъ-то я понималъ какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потому что, по непривычкѣ, я раздѣвался долго, а въ предбанникѣ было холодно, чуть-ли не такъ же какъ на дворѣ. Кстати: арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Во-первыхъ, нужно умѣть скоро расшнуровывать подкандальники. Эти подкандальники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре длиною, и надѣваются на бѣлье, прямо подъ желѣзное кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандальниковъ стоитъ не менѣе шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ разумѣется, потому-что безъ подкандальниковъ невозможно ходить. Кандальное кольцо неплотно охватываетъ ногу, и между кольцомъ и ногой можетъ пройти палецъ; такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, третъ ее и въ одинъ день арестантъ безъ подкандальниковъ успѣлъ бы натереть себѣ раны. Но снять подкандальники

еще не трудно,—труднѣе научиться ловко снимать изъ-подъ кандаловъ бѣлье. Это цѣлый фокусъ: снявъ нижнее бѣлье, положимъ, хоть съ лѣвой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандальнымъ кольцомъ; потомъ, освободивъ ногу, продѣть это бѣлье назадъ сквозь тоже кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой ноги, продернуть сквозь кольцо на правой ногѣ; а затѣмъ все, продѣтое сквозь правое кольцо, опять продѣть къ себѣ обратно. Такая же исторія и съ надѣваньемъ новаго бѣлья. Новичку даже трудно и догадаться какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ всему этому арестантъ Кореневъ, въ Тобольскѣ, бывшій атаманъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арестанты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я далъ Петрову нѣсколько копѣекъ, чтобъ запастись мыломъ и мочалкой; арестантамъ выдавалось, правда, и казенное мыло, на каждаго по кусочку, величиною съ двукопѣечникъ, а толщиною съ ломтикъ сыра, подаваемаго по вечерамъ на закуску у «средняго рода» людей. Мыло продавалось тутъ же, въ передбанникѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячею водою. На каждаго арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани, только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться почище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, которая и передавалась въ самую баню, чрезъ особо устроенное для того окошко изъ передбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подъ-руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ. «Вы ихъ кверху потяните, на икры», приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька:—«а вотъ тутъ осторожнѣе, тутъ порогъ». Мнѣ даже совѣстно было; хотѣлось увѣрить Петрова, что я и одинъ съумѣю пройти; но онъ этому бы не повѣрилъ, онъ обращался со мною рѣшительно какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ, которому всякій обязанъ помогать. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга; разобидь я его—онъ бы зналъ какъ со мною поступить. Денегъ

за услуги я ему вовсе не обѣщалъ, да онъ и самъ не просилъ. Что же побуждало его такъ ходить за мною?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣнадцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось, можетъ быть, до ста человѣкъ разомъ, и ужъ по крайней мѣрѣ, навѣрно, восемьдесятъ, потому-что арестанты раздѣлены были всего на двѣ смѣны, а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человѣкъ. Паръ, застилающій глаза, копоть, грязь, тѣснота до такой степени большая, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ тотчасъ же ободрилъ меня. Кое-какъ, съ величайшими затрудненіями, протѣснились мы до лавокъ черезъ головы разсѣвшихся на полу людей, прося ихъ нагнуться, чтобы намъ можно было пройти. Но мѣста на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За копѣйку тотъ уступилъ свое мѣсто, немедленно получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ несъ зажавъ въ кулакѣ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость наросла вездѣ чуть не на полпальца. Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстечка въ ладонь, гдѣ бы не сидѣли скрючившись арестанты, плескаясь изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между нихъ торчкомъ и, держа въ рукахъ свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На полкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли съежившись и скрючившись мывшіеся. Но мылись мало: простолюдины мало моются горячею водою и мыломъ; они только страшно парятся и потомъ обливаются холодною водою,—вотъ и вся баня. Вѣниковъ пятьдесятъ на полкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьяненія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужъ не жаръ; это было пекло.

Все это орало и гоготало, при звукѣ ста цѣпей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, запутывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами задѣвали по головамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окошка въ передбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, цѣлая свалка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ-нѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь выглянетъ усатое лицо солдата, съ ружьемъ въ рукѣ, высматривающаго нѣтъ ли безпорядковъ. Обритыя головы и распаренныя докрасна тѣла арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь всѣ эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня морозъ пошелъ по кожѣ смотря на нихъ. Поддадутъ—и паръ застелетъ густымъ, горячимъ облакомъ всю баню; все загогочетъ, закричитъ. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрученныя руки, ноги; а въ довершеніе, Исай Ѳомичъ гогочетъ во все горло, на самомъ высокомъ полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но, кажется, никакой жаръ не можетъ насытить его; за копѣйку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ наконецъ не выдерживаетъ, бросаетъ вѣникъ и бѣжитъ отливаться холодною водою. Исай Ѳомичъ не унываетъ и нанимаетъ другаго, третьяго: онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на издержки, и смѣняетъ до пяти парильщиковъ. «Здоровъ париться! молодецъ Исай Ѳомичъ!» кричали ему снизу арестанты. Исай Ѳомичъ самъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и заткнулъ всѣхъ ихъ за поясъ; онъ торжествуетъ, и рѣзкимъ, сумашедшимъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ляля, покрывающую всѣ голоса. Мнѣ пришло на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то

оно очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не вытерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня, но онъ усѣлся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баклушинъ между тѣмъ покупалъ намъ воду и подносилъ ее по мѣрѣ надобности. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что «будете совсѣмъ чистенькіе,» и усиленно звалъ меня париться. Париться я не рискнулъ. Петровъ вытеръ меня всего мыломъ. «А теперь я вамъ ножки вымою,» прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что ноги могу вымыть и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ уменьшительномъ «ножки» рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской: просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами, вѣроятно потому, что у другихъ, у настоящихъ людей—ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, т. е. съ поддержками и съ предостереженіями на каждомъ шагу, точно я былъ фарфоровый, доставилъ меня въ передбанникъ и помогъ надѣть бѣлье, и уже когда совершенно кончилъ со мною, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю онъ не отказался,—выпилъ и поблагодарилъ. Мнѣ пришло въ голову раскошелиться и попотчивать его косушкой. Косушка нашлась и въ нашей казармѣ. Петровъ былъ отмѣнно доволенъ, выпилъ—крякнулъ, и замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, поспѣшно отправился въ кухню, какъ-будто тамъ безъ него чего-то никакъ не могли рѣшить. Вмѣсто него ко мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

III.

Я не знаю характера милѣе Баклушина; правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ, чтобъ вмѣшивались въ его дѣла,—однимъ словомъ, умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился не надолго, и, кажется, всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ коверкалъ тогда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хохотать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ за то, что онъ «пустой и безполезный» человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще съ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ распрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, разсказавъ, какъ поручикъ Ш. отдѣлалъ утромъ нашего плацъ-маіора и, сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что, кажется, театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались помаленьку декораціи. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей, даже для женскихъ; даже, черезъ посредство одного деньщика, надѣялись достать офицерскій костюмъ съ эксельбантами. Только бы плацъ-маіоръ не вздумалъ запретить, какъ въ прошломъ году. Но тогда, на

Рождествѣ, маіоръ былъ не въ духѣ: гдѣ-то проигрался, да и въ острогѣ, къ тому же, нашалили, вотъ онъ со зла и запретилъ, а теперь, можетъ быть, не захочетъ стѣснять. Однимъ словомъ, Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Видно было, что онъ одинъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово непремѣнно побывать на этомъ представленіи.

Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу. Слово за слово, и мы разговорились. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что не все служилъ въ Петербургѣ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его послали въ Р., впрочемъ унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный баталіонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужъ и прислали сюда, замѣтилъ Баклушинъ.

— Да за что же это? спросилъ я.

— За что? какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, зачто? Вѣдъ за то, что влюбился!

— Ну, за это еще не пришлю сюда, возразилъ я смѣясь

— Правда, прибавилъ Баклушинъ, — правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрелилъ. Да вѣдь стоитъ ли ссылать изъ-за нѣмца, посудите сами!

— Однакожъ, какъ же это? разскажите, это любопытно.

— Пресмѣшная исторія, Александръ Петровичъ.

— Тѣмъ лучше. Разсказывайте.

— Аль разсказывать? Ну такъ ужъ слушайте....

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ смѣшную, но зато довольно странную исторію одного убійства.

«Дѣло это было вотъ какъ,—началъ Баклушинъ: Какъ послали это они меня въ Р.; вижу, городъ хорошій, большой, только нѣмцевъ много. Ну я, разумѣется, еще молодой человѣкъ, у начальства на хорошемъ счету, хожу шапку на бекрень, время провожу значитъ. Нѣмкамъ подмигиваю. И понравилась тутъ одна нѣмочка, Луиза. Она и ея тетка обѣ

были прачки, что ни на-есть для самаго чистаго бѣлья. Тетка-то была старая, фуфырная такая, а жили онѣ зажиточно. Я сначала мимо оконъ концы давалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и по-русски говорила хорошо, только такъ какъ-будто картавила,—это была милашка, что я и не встрѣчалъ еще такой никогда. Я было сначала того да сего, а она мнѣ: «нѣтъ, этого не моги, Саша, потому я хочу всю невинность свою сохранить, чтобъ тебѣ же достойной женой быть», и только ласкается, смѣется таково звонко.... да чистенькая такая была, я ужъ и не видалъ такихъ кромѣ нея. Сама же взманила меня жениться. Ну какъ не жениться, подумайте! Вотъ я готовлюсь съ просьбой идти къ подполковнику.... Вдругъ, смотрю—Луиза разъ на свиданіе не была, другой не пришла, на третій не бывала.... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣта. Чтожъ это, думаю? То-есть, кабы обманывала она меня, такъ ухитрилась бы, и на письмо бы отвѣчала и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не съумѣла; такъ, просто, отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ: она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то есть тихими стопами.

«Я какъ угорѣлый хожу; написалъ послѣднее письмо и говорю: «коли не придешь, самъ къ теткѣ приду.» Испугалась, пришла. Плачетъ; говоритъ: одинъ нѣмецъ, Шольцъ, дальній ихъ родственникъ, часовщикъ, богатый и ужъ пожилой, изъявилъ желаніе на ней жениться, чтобы, говоритъ, и меня осчастливить, и самому на старости безъ жены не остаться, да и любитъ онъ меня, говоритъ, и давно ужъ намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, собирался. Такъ вотъ, говоритъ, Саша: онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужели же ты меня моего счастья хочешь лишить?» Я смотрю,—она плачетъ, меня обнимаетъ....

«Эхъ, думаю, вѣдь резонъ же она говоритъ! Ну, что толку за солдата выдти, хотя я былъ и унтеръ?

— «Ну, говорю, Луиза, прощай, Богъ съ тобою; нечего мнѣ тебя твоего счастія лишать. А что онъ, хорошъ?

— «Нѣтъ, говоритъ, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама разсмѣялась. Ушолъ я отъ нее; чтожъ, думаю: не судьба! На другое это утро пошелъ я подъ его магазинъ, улицу-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло: сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, лѣтъ этакъ сорока пяти, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротничкахъ, такихъ длинныхъ, важный такой. Я такъ и плюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить.... да что, думаю, нечего трогать, пропало какъ съ возу упало! Пришолъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ вѣрите ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу....

«Ну, проходитъ этакъ день, другой, третій. Съ Луизой не вижусь. А межъ тѣмъ услыхалъ отъ одной кумы (старая была, тоже прачка, къ которой Луиза тогда хаживала), что нѣмецъ про нашу любовь знаетъ, потому-то и рѣшилъ поскорѣе свататься. А то бы еще года два подждалъ. Съ Луизы будто бы онъ клятву такую взялъ, что она меня знать не будетъ; и что будто онъ ихъ, и тетку и Луизу, покуда еще въ черномъ тѣлѣ держитъ; что можетъ дескать еще и раздумать, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣзавтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофе звалъ и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдный-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служитъ. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они, можетъ быть, все дѣло рѣшатъ, такъ меня такое зло взяло, что я и совладать съ собой не могъ. И весь этотъ день и весь слѣдующій только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца!...

«Въ воскресенье утромъ еще я ничего не зналъ, а какъ обѣдни отошли,—я вскочилъ, натянулъ шинель да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ застать. И почему я от-

правился къ нѣмцу, и что тамъ сказать хотѣлъ—самъ не знаю. А на всякій случай пистолетъ въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолетишко такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужъ было. Однакожъ, я его пулей зарядилъ; думаю: станутъ выгонять, грубить—я пистолетъ выну, я ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ всѣ въ задней комнатѣ. Окромя ихъ — ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она же и кухарха. Я прошелъ магазинъ; вижу—дверь туда заперта, да старая этакая дверь, на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остановился, слушаю: говорятъ по-нѣмецки. Я какъ толкну ногой изо всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Смотрю, столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и кофе на спиртѣ кипитъ; сухари стоятъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ нихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный, во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А съ боку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужъ, толстый, сѣдой, и молчитъ. Какъ вошелъ я, Луиза такъ и поблѣднѣла. Тетка привскочила было да и сѣла, а нѣмецъ нахмурился. Такой сердитый всталъ и на встрѣчу:

— Что вамъ, говоритъ, угодно?

Я сконфузился, да злость ужъ меня сильно взяла.

— Чего, говорю, угодно! а ты гостя принимай, водкой подчуй. Я къ тебѣ въ гости пришолъ.

Нѣмецъ подумалъ и говоритъ:—садит-сь.

Сѣлъ я.—Давай же, говорю, водки-то.

— Вотъ, говоритъ, водка; пейте пожалуй.

— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай.

Злость-то значитъ меня ужъ очень беретъ.

— Это хорошая водка.

Обидно мнѣ стало, что ужъ слишкомъ онъ такъ меня низко ставитъ. А всего пуще, что Луиза смотритъ. Выпилъ я, да и говорю:

— Да ты чтожъ такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мною подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришолъ.

— Я не могу быть вашъ другъ, говоритъ: вы простой солдатъ.

Ну, тутъ я и взбѣсился.

— Ахъ ты чучела, говорю, калбасникъ! Да знаешь ли ты, что отъ сей минуты я все, что хочу съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь изъ пистолета тебя застрѣлю?

Вынулъ я пистолетъ, всталъ передъ нимъ, да и поставилъ дуло ему прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ сидятъ ни живы, ни мертвы; пикнуть боятся; а старикъ, такъ тотъ какъ листъ трясется, молчитъ, поблѣднѣлъ весь.

Нѣмецъ удивился, однакожъ опомнился.

— Я васъ не боюсь, говоритъ: и прошу васъ, какъ благородный человѣкъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совсѣмъ не боюсь.

— Ой, врешь, говорю, боишься! А чего! самъ головы изъ подъ пистолета пошевелить не смѣетъ; такъ и сидитъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ви это никакъ ни смѣетъ сдѣлать.

— Да почему-жъ, говорю, не смѣетъ-то?

— А потому, говоритъ, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказать за это будутъ.

То есть, чортъ этого дурака нѣмца знаетъ! Не подж͡егъ бы онъ меня самъ, былъ бы живъ до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

— Такъ не смѣю, говорю, по твоему?

— Нѣт-тъ!

— Не смѣю?

— Ви это совершенно не смѣйтъ со мной сдѣлать....

— Ну, такъ вотъ же тебѣ, колбаса! Да какъ цапну его,— онъ и покатился на стулѣ. Тѣ закричали.

«Я пистолетъ въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входить, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолетъ и бросилъ въ крапиву.

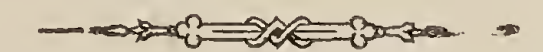
«Пришелъ я домой, легъ на койку и думаю: вотъ сейчасъ возьмутъ. Часъ проходитъ, другой—не берутъ. И ужъ этакъ передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я; безпремѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошолъ я мимо часовщика. Смотрю: тамъ народъ, полиція. Я къ кумѣ: вызови Луизу! Чуть-чуть подождалъ, вижу: бѣжитъ Луиза; такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: «Всему я, говоритъ, виновата, что тетки послушалась.» Сказала она мнѣ тоже, что тетка тотчасъ же послѣ давѣшняго домой пришла и такъ струсила, что заболѣла и— молчокъ: и сама никому пе объявила, и мнѣ говорить запретила; боится; какъ угодно, пусть тамъ и дѣлаютъ. Насъ, говоритъ, Луиза, никто давича не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, какъ бы узнала, что онъ жениться хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было, всѣхъ удалилъ. Самъ и кофей сварилъ, самъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый ушолъ. И вѣрно молчать будетъ, сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли,—вѣрьте не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастіе мое испыталъ. Каждый день съ Луизой сходились. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: «я, говоритъ, за тобой, куда тебя сошлютъ, пойду; все для тебя покину!» Я ужъ думалъ всей жизни моей тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а черезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и доказали на меня....»

— Но, постойте, прервалъ я Баклушина:—васъ за это только могли всего-то лѣтъ на десять, ну, на двѣнадцать, на

полный срокъ, въ гражданскій разрядъ прислать; а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну ужъ это другое вышло дѣло, сказалъ Баклушинъ:— Какъ привели мена въ судную коммисію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами: Я не стернѣлъ, да и говорю ему:

«Ты что ругаешься-то? развѣ не видишь, подлецъ, что передъ зерцаломъ сидишь!» Ну, тутъ ужъ и пошло по другому, по новому стали судить, да за все вмѣсѣ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня—по зеленой улицѣ, а его—лишить чиновъ и на Кавказъ, въ солдаты.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ ОЧЕРКИ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ

РУССКИХЪ РОМАНИСТОВЪ.

I.

Гончаровъ и Тургеневъ принадлежатъ несомнѣнно къ числу писателей, выдвинувшихъ романъ и повѣсть на первое мѣсто въ ряду произведеній изящной словесности и доставившихъ имъ совершенно новое значеніе. Вотъ что говорилъ, еще въ 1848 году, извѣстный нашъ критикъ Бѣлинскій:

«Романъ и повѣсть стали теперь во главѣ всѣхъ другихъ родовъ поэзіи. Въ нихъ заключилась вся изящная литература‘ такъ-что всякое другое произведеніе кажется при нихъ чѣмъ-то исключительнымъ и случайнымъ. Причины этого—въ самой сущности романа и повѣсти, какъ рода поэзіи. Въ нихъ лучше, удобнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ родѣ поэзіи, вымыселъ сливается съ дѣйствительностію, художественное изобрѣтеніе смѣшивается съ простымъ, лишь бы вѣрнымъ, списываньемъ съ натуры. Романъ и повѣсть, даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейскаго быта, могутъ быть представителями крайнихъ предѣловъ искусства, высшаго творчества; съ другой стороны, отражая въ себѣ только избранныя, высокія мгновенія жизни, они могутъ быть лишены всякой поэзіи, всякаго искусства... Это самый широкій, всеобъемлющій родъ поэзіи; въ немъ талантъ чувствуетъ себя безгранично свободнымъ. Въ немъ соединяются всѣ другіе роды поэзіи—и лирика, какъ изліяніе чувствъ автора по поводу описываемаго имъ событія, и драматизмъ, какъ болѣе яркій и рельефный способъ заставлять высказываться данные характеры. Отступленія, разсужденія, дидактика, нетерпимыя въ другихъ

родахъ поэзіи, въ романѣ и повѣсти могутъ имѣть законное мѣсто. Романъ и повѣсть даютъ полный просторъ писателю въ отношеніи преобладающаго свойства его таланта, характера, вкуса, направленія, и т. д. Вотъ почему въ послѣднее время такъ много романистовъ и повѣствователей. И потому же теперь самые предѣлы романа и повѣсти раздвинулись, кромѣ «разсказа», давно уже существовавшаго въ литературѣ, какъ низшій и болѣе легкій видъ повѣсти, недавно получили въ литературѣ право гражданства такъ называемыя физіологіи, характеристическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта, Наконецъ, самые мемуары, совершенно чуждые всякаго вымысла, цѣнимые только по мѣрѣ вѣрной и точной передачи ими дѣйствительныхъ событій,—самые мемуары, если они мастерски написаны, составляютъ какъ послѣднюю грань въ области романа, замыкая ее собою. Что же общаго между вымыслами фантазіи и строго историческимъ изображеніемъ того, что было на самомъ дѣлѣ? Какъ что?—художественность изложенія! Недаромъ же историковъ называютъ художниками. Кажется, что бы дѣлать искусству (въ смыслѣ художества) тамъ, гдѣ писатель связанъ источниками, фактами, и долженъ только о томъ стараться, чтобы воспроизвести эти факты какъ можно вѣрнѣе? Но въ томъ-то и дѣло, что вѣрное воспроизведеніе невозможно при помощи одной эрудиціи, а нужна еще фантазія. Историческіе факты, содержащіеся въ источникахъ, не болѣе, какъ камни и кирпичи: только художникъ можетъ воздвигнуть изъ этого матеріала изящное зданіе. Вѣрно списывать съ натуры также нельзя безъ творческаго таланта, какъ и создавать вымыслы, похожіе на натуру. Сближеніе искусства съ жизнію, вымысла съ дѣйствительностію, въ нашъ вѣкъ особенно выразилось въ историческомъ романѣ. Отсюда былъ только шагъ до истиннаго воззрѣнія на мемуары, въ которыхъ такую важную роль играютъ очерки характеровъ и лицъ. Если очерки живы, увлекательны, значитъ—они не копіи, не списки, всегда блѣдные, ничего не выражающіе, а художественное вос-

произведенie лицъ и событiй. Такъ дорожатъ портретами Фанъ-Дейковъ, Тицiановъ и Веляскесовъ, вовсе не интересуясь знать, съ кого были писаны эти портреты: ими дорожатъ, какъ картинами, какъ художественными произведенiями. Такова сила искусства: лицо, ничѣмъ не замѣчательное само по себѣ, получаетъ чрезъ искусство общее значенie, для всѣхъ равно интересное, и на человѣка, который, при жизни, не обращалъ на себя ни чьего вниманiя, смотрятъ вѣка, по милости художника, давшаго ему своею кистью новую жизнь! Тоже самое и въ мемуарахъ, и въ разсказахъ, и во всякаго рода снимкахъ съ натуры. Тутъ степень достоинства произведенiя зависитъ отъ степени таланта писателя. И вы можете въ книгѣ любоваться человѣкомъ, съ которымъ не захотѣли бы нигдѣ встрѣтиться, котораго, можетъ быть, всегда знали бы, какъ самое пустое и скучное созданie.—Запоздалые эстетики утверждаютъ, что и поэзiя не должна быть живописью, потому что въ живописи все дѣло въ вѣрномъ изображенiи предмета, схваченнаго въ одномъ извѣстномъ моментѣ. Но если поэзiя берется изображать лица, характеры, событiя,—то въ такомъ случаѣ она беретъ на себя ту же самую обязанность, что и живопись, т. е. быть вѣрною дѣйствительности, которую взялась воспроизводить. И эта вѣрность есть первое требованie, первая задача поэзiи. О поэтическихъ талантѣ автора тутъ должно судить прежде всего основываясь на томъ, до какой степени удовлетворяетъ онъ этому требованiю, рѣшаетъ эту задачу. Если онъ не живописецъ: явный знакъ, что онъ и не поэтъ; что у него вовсе нѣтъ таланта. Но что поэзiя не должна быть только живописью, это опять другое дѣло, и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ картинахъ поэта должна быть мысль; производимое ими впечатлѣнie должно дѣйствовать на умъ читателя, должно давать то или другое направленie его взгляду на извѣстныя стороны жизни. Для этого романъ и повѣсть, съ однородными имъ произведенiями, самый удобный родъ поэзiи. На его долю преимущественно досталось изображенie

картинъ общественности, поэтическій анализъ общественной жизни.

«Поэтъ-художникъ—болѣе живописецъ, нежели думаютъ. Чувство формы—въ этомъ вся натура его. Вѣчно соперничать съ природою въ способности творить—его высочайшее наслажденіе. Схватить данный предметъ во всей его истинѣ, заставить его, такъ сказать, дышать жизнію—вотъ въ чемъ его сила, торжество, удовлетвореніе, гордость. Но поэзія выше живописи, предѣлы ея обширнѣе, нежели предѣлы всякаго другаго искусства. И потому поэтъ, разумѣется, не можетъ ограничиться одною живописью. Но какія бы ни были другія превосходныя, возбуждающія восторгъ и удивленіе качества его твореній,—все-таки главная сила его въ въ поэтической живописи. Онъ обладаетъ способностію быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всякій характеръ, во всякую личность,—и для этого ему нужны не опытъ, не изученіе, а достаточно иногда одного намека или одного быстраго взгляда. Два, три факта—и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, съ свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье наукою дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ геній, развитый и вспомоществуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, свой поэтическій инстинктъ.

«Другой разрядъ поэтовъ можетъ изображать вѣрно только тѣ стороны жизни, которыя особенно почему бы то ни было поразили ихъ мысль, и особенно знакомы имъ. Они не понимаютъ наслажденія представить вѣрно явленіе дѣйствительности для того только, чтобы вѣрно представить его. У нихъ недостанетъ ни охоты, ни терпѣнія на такой, по ихъ мнѣнію, безполезный трудъ. Для нихъ важенъ не предметъ, а смыслъ предмета,—и ихъ вдохновеніе вспыхиваетъ только для

того, чтобы, черезъ вѣрное представленіе предмета, сдѣлать въ глазахъ всѣхъ очевиднымъ и осязательнымъ смыслъ его. У нихъ, стало быть, опредѣленная и ясно сознанная цѣль впереди всего, а поэзія—только средство къ достиженію этой цѣли. Поэтому, доступный ихъ таланту міръ жизни опредѣляется ихъ задушевною мыслію, ихъ взглядомъ на жизнь; это магическій кругъ, изъ котораго они не могутъ выйти безнаказанно, т. е. не теряя вдругъ способности изображать дѣйствительность поэтически вѣрно. Отнимите у нихъ эту одушевляющую ихъ мысль, заставьте отказаться отъ ихъ взгляда на предметы,—и у нихъ нѣтъ больше и таланта; тогда какъ талантъ поэта-художника всегда съ нимъ, пока вокругъ него движется жизнь, какая бы она ни была.»

II.

Мнѣнія нашихъ авторитетнѣйшихъ критиковъ о произведеніяхъ Гончарова не только далеко не одинаковы, но даже и совершенно противоположны. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ привести о нихъ отзывы того и другаго рода.

Вотъ что писалъ Бѣлинскій о Гончаровѣ, по поводу появленія его «Обыкновенной исторіи»:

«Онъ поэтъ-художникъ—и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ; они его не веселятъ, не сердятъ; онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей, онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто, кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ та-

ланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя: ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что общаго между грубой и злой, но по своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами? И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе.

Мать молодаго Адуева и мать Надиньки—обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ, это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціяльная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства; словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая—барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства; словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. Въ изображеніи такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой симостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше выказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Что общаго между этою живою, вѣтреною, своенравною и немножко лукавою Надинькою, и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутреннимъ огнемъ Лизою? Тетка героя романа—лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа! Мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры; о женскихъ мы не могли не замѣтить, потому, что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей — женщина

или приторно сантиментальное существо, или семинаристъ въ юпкѣ, съ книжными фразами. Женщины г. Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія. Это новость въ нашей литературѣ.

Обратимся къ двумъ главнымъ мужскимъ лицамъ романа—молодому Адуеву и его дядѣ, Петру Иванычу; о послѣднемъ нельзя не сказать, хотя нѣсколько словъ, говоря о первомъ, потому что онъ, противоположностію своею, еще болѣе оттѣняетъ героя романа. Говорятъ, типъ молодого Адуева — устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси—Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гетевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая.... Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какою радостію обниметъ онъ своего обожаемаго дядю и въ какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя. Онъ останавливается въ трактирѣ — и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему. Холодный пріемъ дяди разсѣеваетъ его провинціальныя мечты. До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше провинціаломъ, нежели романтикомъ. Онъ даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя назвалъ дуракомъ Заѣзжалова и дурою деревенскую тетку, съ ея жолтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціялы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка, мелка, всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ; среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастія въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересу-

ются, провожають его, желають ему всякаго счастія, просять не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ; родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ имена и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились уже. По ихъ письмамъ онъ видитъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать. Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ: вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою — тамъ считается священнѣйшею обязанностію. Если кому-нибудь перестанутъ надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціялу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькій домикъ въ боченокъ, набитый сельдями, онъ, по наружности, не знаетъ какъ и радоваться, съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ, попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужъ патріархальная логика провинціи! И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ

иногда провинціялъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ у него есть родственникъ, который лѣтъ ужъ двадцат какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ-давно перезабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Нашъ провинціялъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ милыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведѣніямъ, и обожаемою супругою, которая пріѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ. Раздаются охи, ахи, крикъ, пискъ, визгъ. «А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!»

Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ что дѣлать, онъ похожъ на жителя города, взятаго непріятелемъ, къ которому въ домъ ворвалась толпа предавшихся грабежу непріятельскихъ солдатъ. А между тѣмъ, ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ, и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непремѣнно поможетъ опредѣлить Костиньку, Петиньку, Ѳединьку, Митеньку — по корпусамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Таничку — въ институтъ. Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты зависитъ его гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холодною вѣжливостію объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ никакъ не можетъ принять ихъ къ себѣ въ домъ, что его квартира тѣсновата и для его собственнаго семейства, что въ корпуса и институты дѣти принимаются по экзамену и по узаконенному порядку, что тутъ не поможетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или если дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ, или не выдержатъ экзамена, а тѣмъ болѣе протекція такого незначительнаго человѣка, какъ онъ, который, сверхъ того, служитъ совсѣмъ по другому вѣдомству и незнакомъ ни съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Разочарованные провинціалы удаляются въ бѣшенствѣ, вопіютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія и говорятъ о своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ. А между тѣмъ, это можетъ быть очень по-

рядочный человѣкъ; вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей квартиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ собственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы въ тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, или близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и такимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишеніямъ для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми бы онъ не захотѣлъ вести обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ, и эти провинціялы, по своему, люди добрые и даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найти въ ней, за исключеніемъ огромности, великолѣпія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми же нравами, обычаями и понятіями. Они по своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкуса, при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и гостиную; о кабинетѣ не имѣютъ и понятія и не знаютъ зачѣмъ онъ; спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты; имъ ничего не стоитъ потѣсниться и пожаться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ; они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее по пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Иваныча, хоть ночью ужинъ состряпаютъ. По замѣчанію его племянника, эта черта составляетъ добродѣтель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Иванычъ рѣшительно несогласенъ.

«Какая тутъ добродѣтель, говоритъ онъ:» Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ.... Препротивная добродѣтель!» Петръ Иванычъ выразился немножко жостко, но не совсѣмъ несправедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціяльное больше всего основываются на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ,

не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужъ непремѣнно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить, — и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались, подняли носъ, презираете провинціялами. А у нихъ первая добродѣтель—ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣхъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ добродѣтельною готовностію съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ, эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ, но въ провинціи это дѣлается съ истинно-аркадскою наивностію. «Э, братецъ (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, — аль недоволенъ мной, или плохо кормлю; кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты гороховый!» Бѣднякъ слегка конфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ. «Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба соли откушать,—обѣдъ готовъ». И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу

совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно, все сказанное теперь отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціяламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціяловъ бываютъ не чужды провинціяльныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются пріѣхавши въ столицу. Тутъ все дико имъ, все не такъ какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, на распашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду, въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работу дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу — нѣтъ никого, въ гостиную — тоже никого, онъ въ спальню — и вдругъ тамъ раздается визгливое «ахъ»; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: «извините-съ», медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ, все назаперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: «какъ прикажете доложить»? а потомъ, то дома нѣтъ, то нездоровъ, то проситъ извинить — заняты; а когда примутъ, то, конечно, вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, — никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ....»

Но, обратимся къ герою «Обыкновенной исторіи». Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Еслибъ онъ сдѣлалъ хорошую при-

вычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ пораздумался бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другаго пріема, кромѣ какъ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но, къ несчастію, онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился къ дядѣ провинціяломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди—ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое и грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ—по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобы сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ съ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодаго Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей, похожихъ на него какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрекъ.

«Эта порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (susceptibilite). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это—наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ

друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ также мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ неспособенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже выработывать посредственное содержаніе. Изо всѣхъ умственныхъ способностей въ такихъ людяхъ сильно развиваются воображеніе и фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшею жизнію, недоступною для презрѣнной толпы, парить горе, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ; но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ «пошлому здравому смыслу—этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго»; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ,—естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возъ-

имѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ, это—слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблются, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ неспособенъ ни къ какому,—что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобы имъ на первый случай дали подъ команду хоть небольшую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать).

Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніяльные скачки для такихъ геніяльныхъ людей, и требуетъ, чтобы всякій начиналъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: су-

хая и скучная матерія! надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что всего хуже и обиднѣе для романтиковъ,—сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго. Остается поэзія—и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху, и еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще не въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самого таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслію, такъ-что разочароваться въ ней значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говорить въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество, или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по-крайней-мѣрѣ гораздо легче, нежели провести безъ сна хотя одну ночь у постели труднаго больнаго. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну

чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому-что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живаго изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. — Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки; хотя въ нихъ и довольно риторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли),—словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность. Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время чѣмъ-то, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ ничего; сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а наконецъ—и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностію: его не допустили до этого—время, въ которое онъ вышелъ съ своими стихами, и умный, откровенный дядя. Его несчастіе состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому-что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи.

«Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобъ быть истиннымъ, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но, во всякомъ слу-

чаѣ, она—чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другаго во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга что могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобы не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какія самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: «вотъ каковъ я въ дружбѣ!» или: «вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!» Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностію опредѣлены сущность, права и обязанности дружбы; они только не заключаютъ контрактовъ съ своими друзьями! Имъ дружба нужна, чтобы удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность къ симпатіи, столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрестанно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для излія-

нія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лахань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому-что друзья ихъ скоро оказываются неблагородными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ....»

«Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Обыкновенно любовь раздѣляютъ на многіе роды и виды; всѣ эти раздѣленія, большею частію, нелѣпы, потому что надѣланы людьми, которые способнѣе мечтать и разсуждать о любви, нежели любить. Прежде всего раздѣляютъ любовь на матеріальную или чувственную, и платоническсую или идеальную, презираютъ первую и восторгаются второю..: Человѣкъ не звѣрь и не ангелъ: онъ долженъ любить не животно и не платонически, а человѣчески. Какъ бы ни идеализировали любовь, но какъ же не видѣть, что природа одарила людей этимъ прекраснымъ чувствомъ сколько для ихъ счастія, столько для размноженія и поддержанія рода человѣческаго. Родовъ любви также много, какъ много на землѣ людей, потому что каждый любитъ сообразно съ своимъ темпераментомъ, характеромъ, понятіями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по своему, лишь бы только она была въ сердцѣ, а не въ головѣ. Но романтики особенно падки къ головной любви. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой—любятъ пока какую-нибудь: имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастія, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей програмы. Главная ихъ забота—являться въ любви великими, и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людь-

ми. И, однакожъ, въ любви молодаго Адуева къ Надинькѣ было столько истиннаго и живаго чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ бы могъ быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Надинька была умнѣе его, а главное—попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону, и потому любила какъ будто шутя: шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ «горестно и трудно»: весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Надинькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Надинька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ наяву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякій соперникъ, — пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Надиньки прелесть новости, а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограничен-

ной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Надинькою и потомъ въ разговорѣ съ дядею! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди, и, между тѣмъ, все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстію, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Надинька, которая еще недавно была въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, еслибъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать «своею нарядною печалью!»

Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Надиньку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: «я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ; любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мною, для нея потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другаго; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, разсчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ—презрѣть самую смерть,—вотъ любовь!»

Какъ эта галиматья похожа на слова восточнаго деспота,

который говоритъ своему главному евнуху: «если одна изъ моихъ одалискъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ,—сейчасъ же въ мѣшокъ и въ морѣ!» Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; а между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя: способенъ ли самъ заплатить такою же любовью; чувство увѣряло его, что онъ способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣческая, а звѣриная,—взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ она подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ: чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т. е. чѣмъ прозаичнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь, это—цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужь не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ: «май жизни и цвѣтетъ только разъ.» Шекспиръ недаромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи; черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апо-

ѳеозою; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.»

«Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т. е. такую же, какъ онъ, испорченную, съ вывороченнымъ наизнанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у нея каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство? Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодою женщиною, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не чувствовалъ никакихъ влеченій... Ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!... Это, впрочемъ, понятно: сильная наклонность къ идеализму и романтизму почти всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи истинной страсти. Мы понимаемъ это трепетное, робкое обожаніе женщины, въ которое не входитъ ни одно дерзкое желаніе, но это не платонизмъ: это первый моментъ первой, свѣжей, дѣвственной любви,—это не отсутствіе страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себѣ. Любовь имѣетъ свои законы развитія, свои возрасты, какъ цвѣты, какъ жизнь человѣческая. У ней есть своя роскошная весна, свое жаркое лѣто, наконецъ осень, которая для однихъ бываетъ теплою, свѣтлою и плодородною, для другихъ холодною, гнилою и безплодною. Но нашъ герой не хотѣлъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, онъ сочинилъ для нихъ свои собственные, онъ гордо признавалъ существующій міръ призракомъ, а созданный его фантазіею призракъ—дѣйствительно существующимъ міромъ. На зло возможности, онъ упорно хотѣлъ оставаться въ первомъ моментѣ любви на всю жизнь свою. Однакожъ, сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для но-

выхъ мечтаній. Между тѣмъ, Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ, за то, что уже не любилъ ее. Еще прежде этого онъ ужъ начиналъ понимать, что свобода въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть вправѣ пройтись по Невскому, когда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ,—что, наконецъ, при любви можно не бросать и службы. Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше ея,—онъ рѣшился, наконецъ, сказать себѣ, что онъ ее не любитъ, и что ему пора покончить съ нею. Такимъ образомъ, его глупый идеалъ любви былъ въ дребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслуги, и неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе словно громомъ прошибло его, но не заставило его искать примиренія съ жизнію, пойти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Послѣдняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную, страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки, и не могъ бы въ этомъ покушеніи оправдаться даже бѣшенствомъ чувственныхъ желаній, хотя и это плохое оправданіе, особенно когда есть для этого путь болѣе прямой и честный. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но струсилъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія

мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Здѣсь онъ обвинилъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Дядя, по своему, дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ тутъ былъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ что бываютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина:

«Художникъ варваръ кистью сонной»...

Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ—такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась,—мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ не объяснилъ. Онъ наконецъ понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что еслибъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это также, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста — свидѣтели его дѣтства—расшевелилили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно отъ того, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный, поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда

какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто, потомъ, не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно, романтики—гибнутъ отъ нея...

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла,—это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ, за тѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ—не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ

Иванычъ, по своему, человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому-что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое; онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Иванычъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ,—на него можно положиться: онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ дай Богъ чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху, правда, одну только, но зато какую широкую! Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи,—и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ. Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла. Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба, Видно, и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ

удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ разсчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, еслибъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи, въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его, напр., славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и, между тѣмъ, думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы меч-

тать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ—вражда; о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ.

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому-что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самого конца; въ отношеніи же къ герою романа, эпилогъ хоть не читать.... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую страшную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли—и пересталъ быть поэтомъ. Авторъ «Обыкновенной исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта.

«Не смотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ, между прочимъ, языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ г. Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, не идущаго къ дѣлу; это—не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравствен-

ное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести г. Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную саму по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера.»

Со взглядомъ Бѣлинскаго на талантъ Гончарова сходится и другой изъ нашихъ критиковъ, у котораго, мы заимствуемъ разборъ романа Гончарова: «Обломовъ» (*). «Есть авторы, говоритъ онъ, которые сами на себя берутъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь разсказъ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мысли. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно недогадливости, чтобы не понять ихъ.... За то плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное (смотря по степени таланта автора) согласіе съ идеею, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улетучивается черезъ два часа по прочтеніи книги. У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ вамъ не даетъ и, повидимому, не хочетъ дать никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужъ ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужъ ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ. У него нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть. Тургеневъ, напримѣръ, разсказываетъ о своихъ

(*) См. Современ. № 5., 1859 года.

герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему, выхватываетъ изъ груди ихъ горячее чувство и съ нѣжнымъ участіемъ, съ болѣзненнымъ трепетомъ слѣдитъ за нимъ, самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными, самъ увлекается тою поэтическою обстановкою, которою любитъ всегда окружать ихъ... И его увлеченіе заразительно: оно неотразимо овладѣваетъ симпатіей читателя, съ первой страницы приковываетъ къ разсказу мысль его и чувство, заставляетъ и его переживать, перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются передъ нимъ тургеневскія лица. И пройдетъ много времени,—читатель можетъ забыть ходъ разсказа, потерять связь между подробностями происшествій, упустить изъ виду характеристику отдѣльныхъ лицъ и положеній, можетъ, наконецъ, позабыть все прочитанное; но ему все-таки будетъ памятно и дорого то живое, отрадное впечатлѣніе. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваетесь и вслушиваться, задумается... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько.... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то.... Вы холодно всматриваетесь въ неясные еще черты.... Вотъ онѣ дѣлаются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе.... и вдругъ, неизвѣстно—какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ передъ вами и роза, и соловей, со всею своею прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, слышатся соловьиные звуки.... Пойте лирическую пѣснь, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону,—болѣе онъ ничего не прибавитъ.... «И напрасно было бы прибавлять, думаетъ онъ: если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?..»

Въ этомъ умѣньи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его—заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ особенно отличается среди современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ

остальныя свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его передъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучь жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что-нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ-нибудь особенно поразилъ его. Смотря по свойству поэтическаго таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ съуживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже, выраженіе ихъ—страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ-нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно-полномъ и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художническую силу. Такъ являются художники, сливающіе внутренній міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмою господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ у однихъ все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ по преимуществу рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ, во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и соціальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерцанія. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно, или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одною стороною предмета, однимъ моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ со-

вершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей, и ровная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа.

Вотъ отчего нѣкоторымъ кажется романъ Гончарова растянутымъ. Онъ, если хотите, дѣйствительно растянутъ. Въ первой части Обломовъ лежитъ на диванѣ; во второй ѣздитъ къ Ильинскимъ и влюбляется въ Ольгу, а она въ него; въ третьей она видитъ, что ошибалась въ Обломовѣ, и они расходятся; въ четвертой она выходитъ замужъ за друга его, Штольца, а онъ женится на хозяйкѣ того дома, гдѣ нанимаетъ квартиру. Вотъ и все. Никакихъ внѣшнихъ событій, никакихъ препятствій (кромѣ развѣ разведенія моста черезъ Неву, прекратившаго свиданія Ольги съ Обломовымъ), никакихъ постороннихъ обстоятельствъ не вмѣшивается въ романъ. Лѣнь и апатія Обломова—единственная пружина дѣйствія во всей его исторіи. Какъ же это можно было растянуть на четыре части! Попадись эта тема другому автору, тотъ бы обдѣлалъ ее иначе: написалъ бы страничекъ пятьдесятъ, легкихъ, забавныхъ, сочинилъ бы милый фарсъ, осмѣялъ бы своего лѣнивца, восхитился бы Ольгой и Штольцомъ, да на томъ бы и покончилъ. Разсказъ никакъ бы не былъ скученъ, хотя и не имѣлъ бы особеннаго художественнаго значенія. Гончаровъ принялся за дѣло иначе. Онъ не хотѣлъ отстать отъ явленія, на которое однажды бросилъ свой взглядъ, не прослѣдивши его до конца, не отыскавши его причинъ, не понявши связи его со всѣми окружающими явленіями. Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы случайный образъ, мелькнувшій передъ нимъ, возвести въ типъ, придать ему родовое и постоянное значеніе. Поэтому, во всемъ, что касалось Обломова, не было для него вещей пустыхъ и ничтожныхъ. Всѣмъ занялся онъ съ любовью, все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ

жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ мечталъ жить; не только халатъ его, но сѣрый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара; не только писаніе письма Обломовымъ, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему — все приведено и изображено съ полною отчетливостью и рельефностью. Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого-нибудь барона фонъ-Лангвагена, не играющаго никакой роли въ романѣ; и о баронѣ напишетъ онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, если бы не успѣлъ исчерпать его на одной. Это, если хотите, вредитъ быстротѣ дѣйствія, утомляетъ безучастнаго читателя, требующаго, чтобы его неудержимо завлекали сильными ощущеніями. Но, тѣмъ не менѣе, въ талантѣ Гончарова — это драгоцѣнное свойство, чрезвычайно много помогающее художественности его изображеній. Начиная читать его, находишь, что многія вещи какъ будто не соображены съ вѣчными требованіями искусства. Но вскорѣ начинаешь сживаться съ тѣмъ міромъ, который онъ изображаетъ, невольно признаешь законность и естественность всѣхъ выводимыхъ имъ явленій, самъ становишься въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и какъ-то чувствуешь, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ положеніи иначе и нельзя, да какъ будто и не должно дѣйствовать. Мелкія подробности, безпрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ, производятъ наконецъ какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ, вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго лица, каждаго предмета. И послѣ прочтенія всего романа вы чувствуете, что въ сферѣ вашей мысли прибавилось что-то новое, что къ вамъ въ душу глубоко запали новые образы, новые типы. Они васъ долго преслѣдуютъ, вамъ хочется думать надъ ними, хочется выяснить значеніе и отношеніе къ вашей собственной жизни, характеру, наклонностямъ. Куда дѣнется ваша вялость и утомленіе: бо-

дрость мысли и свѣжесть чувства пробуждаются въ васъ. Вы готовы снова перечитать многія страницы, думать надъ ними, спорить о нихъ. Такое обаятельное значеніе имѣютъ эти подробности, которыми авторъ обставляетъ ходъ дѣйствія и которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, растягиваютъ романъ!

Такимъ образомъ Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ сомнѣніямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ ходожнической дѣятельности, или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспріимчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и, во всякомъ случаѣ, былъ бы несправедливъ, безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это—нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей—даже въ чувствахъ. Приписывать автору слабую степень воспріимчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ—несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимическаго паѳоса. Если человѣкъ умѣетъ выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его,—это значитъ, что у него чуткая воспріимчивость соеди-

няется съ глубиною чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это

«Какъ-то чудно,
Живетъ въ душевной глубинѣ».

Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя, недвижныя формы — всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить самую жизнь, навсегда укрѣпить и поставить передъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, поучаясь или наслаждаясь.

Такое могущество, въ высшемъ своемъ развитіи, стоитъ, разумѣется, всего, что мы называемъ симпатичностью, прелестью, свѣжестью или энергіей таланта. Но и это могущество имѣетъ свои степени, и, кромѣ того—оно можетъ быть обращено на предметы различнаго рода, что тоже очень важно. Здѣсь мы расходимся съ приверженцами такъ называемаго искусства для искусства, которые полагаютъ, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности.

Какъ же выразился, на что потратился талантъ Гончарова? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ служить разборъ содержанія романа.

Повидимому, не обширную сферу избралъ Гончаровъ для своихъ изображеній. Исторія о томъ, какъ лежитъ и спитъ добрякъ-лѣнивецъ Обломовъ, и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его, — не Богъ вѣсть какая важная исторія. Но въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правильностью; въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это— «обломовщина»: оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти. Въ типѣ Обломова, и во всей этой обломовщинѣ, мы видимъ нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ—произведеніе русской жизни, знаменіе времени.

Обломовъ есть лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось предъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, и затѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что это коренной, народный нашъ типъ, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серьезныхъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла—это всегда составляло громадную задачу, и талантъ,

умѣвшій сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ «Обломовымъ.»

Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеній, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію — онъ баринъ, «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ,» по выраженію автора. Преимущество своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

«Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется: подать, сдѣлать, — есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?... И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мною? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не заработывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался.»

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать и сдѣлать есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите, пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго въ такихъ условіяхъ?

«Захаръ,—какъ, бывало, нянька,—натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддаетъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ ко-

лотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру—умыться, и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое, четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь да недостанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ,— ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ:

«Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!..»

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать:

«Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!»

Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!...» Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: «ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего-нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку, и т. п.

Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченокъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а въ сущности онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что-нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться? Некому, что ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?... Поэтому онъ надъ работой себя убивать не станетъ, чтобы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видѣлъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе,—что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою.... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится въ тупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ выростаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серьезной и самостоятельной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они взглянутъ на жизнь навыворотъ,—такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что; но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ-нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и не допуская ихъ уложиться на дно души.... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку придетъ и рѣшимость сдѣлать что-нибудь, да не знаетъ онъ, что ему начать, куда обратиться.... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что можетъ сдѣлать; за то онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ.... А Обломовъ.... онъ не привыкъ дѣлать что-нибудь, слѣдовательно не можетъ хорошенько опредѣлить, что̀ онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ,—слѣдовательно не можетъ и серьезно, дѣятельно захотѣть чего-нибудь.... Его желанія являются только въ формѣ: «а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось»; но какъ это можетъ сдѣлаться — онъ не знаетъ. Отъ того онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого-нибудь другаго, а если нѣтъ никого, то на авось....

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истиной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой-нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, коренную черту. Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ; отъ природы онъ человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій берез-

някъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: взбѣгалъ на галлерею (куда не позволялось ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), вбѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ. А то—«забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька.» Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не безсмысленно-лѣниваго. Притомъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ, есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное, точно также, какъ и нахальство, и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи, никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше—онъ не встрѣчалъ бы себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого-нибудь звѣрства натуры: и ему самому, и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, необходимымъ.... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ-нибудь иначе. Но — къ несчастью иль къ счастью—Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей ассиг-

націями, и, вслѣдствіе того, могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. За то въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. «Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, предъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруслапъ Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напр., народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія.» А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа. и всѣ покланяются ему.... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ тоже чего-то ищущій въ своей жизни, о чемъ-то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ, развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства. Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ они взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую-нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи.... Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется, кому бы и наслаждаться свободою, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе.... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ «другимъ», которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не поработаютъ, такъ и не поѣдятъ.... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовѣ Пшеницыной именно тѣмъ, что онъ баринъ, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ и говоритъ такъ вольно и не-

зависимо, что онъ «не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ.» И, однако же, вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую-нибудь самобытность. Онъ рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ крѣпостнаго своего Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другаго. По крайней мѣрѣ, чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать; а чего захочетъ Захаръ, то сдѣлаетъ противъ воли барина, и баринъ покорится.... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что-нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Нечего уже и говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣевичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ что хотятъ, не смотря на то, что сами и по умственному развитію, и по нравственнымъ качествамъ гораздо ниже его... Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочь отъ дѣятельности — до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ онъ создаетъ планъ устройства имѣнія и очень усердно занимается имъ, — только «подробности, смѣты и цифры» пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что гдѣ же ему съ ними возиться!... Онъ баринъ, какъ объясняетъ самъ Ивану Матвѣичу: «кто я? что такое? спросите вы.... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите: на то наука!» И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы, старается

прикрыть незнаніемъ свою лѣнь! Нѣтъ, онъ дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло. Относительно своего имѣнія (для преобразованія котораго сочинилъ уже планъ) онъ такимъ образомъ признается въ своемъ невѣдѣніи Ивану Матвѣичу: «я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ или буду нищій—я ничего не знаю!... Слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку...» Иначе сказать: будьте надо мною господиномъ, распоряжайтесь моимъ добромъ, какъ вздумаете, удѣляйте мнѣ изъ него сколько найдете для себя удобнымъ.... Такъ на дѣлѣ-то и вышло: Иванъ Матвѣичъ совсѣмъ-было прибралъ къ рукамъ имѣніе Обломова, да Штольцъ помѣшалъ, къ несчастью.

И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда не шло!... Но вотъ въ чемъ главная бѣда: онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя. Въ Обломовкѣ никто не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ жизнь, что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе? Обломовцы очень просто понимали ее, и какъ идеалъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ.

Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ. Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключался не въ чемъ другомъ, какъ въ сытной жизни,—съ оранжереями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощу и т. п., — въ халатѣ, въ

крѣпкомъ снѣ, да для промежуточнаго отдыха—въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ. Разсудокъ Обломова успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ этого statu quo, не смотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задавалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?... Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ—и не могъ понять, зачѣмъ это бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выдти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ—и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество,—и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ, однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать женщинъ.. Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ «къ муравьиной работѣ людей», убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего...

Предъидущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ.

Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ отъ того, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ,—раскройте, напр. «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда»,—въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

...А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, неимѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, подобно Печорину, своихъ желаній:онъ хочетъ непремѣнно обладать женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала, что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе: ему стало недовольно согласія Ольги, и онъ... что бы вы думали?... онъ началъ пытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницею! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная сцена успокоили его... А все-таки онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться: прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ по-

нять Ольгѣ, что она можетъ его компрометировать и т. д. И все отчего? оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости дѣла, того, что не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина: у него были болѣе патріархальныя привычки.

Но Ольга захотѣла, чтобы онъ предъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнію; это ужъ была бы жертва, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ между тѣмъ очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину въ пору была бы. Ему вообразилось, что онъ недовольно хорошъ собою и вообще недовольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное, рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Натальѣ, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: «я дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другаго, болѣе достойнаго.»

Всѣ Обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ тою цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, предъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Пигасовъ выражается: «начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ,—ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже; словно горькой водкой себя поподчивалъ!» Такъ и Онѣгинъ, послѣ ругательствъ на себя, рисуется предъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и Обломовъ, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, «что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ»... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же нравоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: «исторія со мною пусть, говоритъ, послужитъ вамъ руководствомъ въ бу-

дущей, нормальной любви», и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ уничтоженія передъ Ольгой: онъ бросился подсмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо: увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и—не могъ удержаться, чтобы не предстать предъ нею въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ «изъ заботы объ ея счастьи.» Тутъ уже онъ окончательно спасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ Обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

Во всемъ, что мы говорили, замѣчаетъ критикъ, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента, напр., у Печорина и Обломова, также точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ, и у Рудина съ Бельтовымъ... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онѣгинъ былъ бы истинно добрымъ малымъ. Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, а нашли бы себѣ какое-нибудь полезное занятіе.... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ всѣхъ одна общая черта — безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выдти, но не выйдетъ ничего... Въ этомъ они поразительно сходятся. «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно она

существовала и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій,—лучшій цвѣтъ жизни.» Это—Печоринъ... А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ Рудинъ. «Да, природа мнѣ много дала, но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ...» Илья Ильичъ тоже не отстаетъ отъ прочихъ: и онъ «болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячею монетою. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища.» Видите,—сокровища были зарыты въ его натурѣ, только раскрыть ихъ предъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, «по свѣту рыщутъ.» Обломовъ тоже мечталъ въ молодости «служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разработыванія неистощимыхъ источниковъ....» Да и теперь онъ не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ, и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ. А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе, — не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньемъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали

выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавленными неблагопріятною обстановкою, а этотъ— байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Но, во-первыхъ, — у Обломова темперамент слишкомъ вялый, и потому естественно, что онъ, для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвиническій Онѣгинъ или желчный Печоринъ. Въ сущности же они всѣ равно несостоятельны предъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьезная дѣятельность. Въ чемъ обстоятельства Обломова открывали ему благопріяное поле дѣятельности? У него было имѣніе, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіею характера и ясностью взгляда и которая нѣжно полюбила его.... Да скажите, у кого же изъ обломцевъ не было всего этого, и что̀ всѣ они изъ этого сдѣлали? И Онѣгинъ, и Тентентниковъ хозяйничали въ своемъ имѣніи, а о Тентентниковѣ мужики даже говорили сначала: «экой востроногій!» Но скоро тѣ же мужики смекнули, что баринъ ихъ, хоть и прытокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого не сдѣлаетъ.... А дружба? что они всѣ дѣлаютъ съ своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго.... Да и мало ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?... Что̀ же они? Соединились ли они другъ съ другомъ для одного общаго дѣла; образовали ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было.... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось тою же обломовщиной.... О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше

Печорина, и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобы она сама прогнала его.... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ,—они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя-тремя годами постарше Обломова; говоримъ о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени,—стало быть онъ уже для молодаго поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы. Онъ въ университетѣ, какихъ-нибудь 17 — 18 лѣтъ, прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него было только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность,—не языкомъ, а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему: скверно, но, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ лжи и обморачиванья. Еслибъ онъ, подобно своимъ братцамъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чѣмъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испыталъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома — очистить квартиру. Прежде съ любовію, съ благоговѣніемъ слушали фразеровъ, толкующихъ о необходимости того и другаго, о высшихъ стремленіяхъ и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить... Но теперь всякаго фразера и прожектера встрѣчаютъ требованіемъ: «а неугодно ли попробовать?» Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести...

Въ самомъ дѣлѣ,—какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда, по прочтеніи Обломова, думаешь, что̀ вызвало въ литературѣ этотъ типъ? Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта, и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы и у авто-

ровъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что было тогда въ зародышѣ, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе; явилась въ самомъ обществѣ потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ, люди съ стремленіями, дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій, невѣдомый лѣсъ, шли по топкому, опасному болоту, видѣли подъ ногами разныхъ гадовъ и змѣй, и лѣзли на дерево,—отчасти, чтобъ посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобы отдохнуть и хоть на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что̀ они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей, шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались: лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ! Между тѣмъ, взлѣзая на дерево, они изцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки.... Они страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ-нибудь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы; они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и разчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмостились съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу? Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ разчисткѣ лѣса: на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толку въ этомъ не вышло—не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ ав-

торовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединялось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ-нибудь выходъ изъ лѣсу на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало-по-малу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они разсуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣсу; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого, избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже Обломовы въ собственномъ смыслѣ... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ: ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья... Наконецъ, толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево; но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежнія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ расчисткой трудиться нечего. Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: «э, да вы всѣ Обломовы!» И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ, образуютъ тропинку, бьютъ змѣй и гадовъ, попавшихся на ней, не заботясь болѣе объ этихъ умникахъ, объ этихъ сильныхъ натурахъ,—Печориныхъ и Рудиныхъ, на которыхъ прежде надѣялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрятъ на общее движеніе, но потомъ, по своему обыкновенію, трусятъ и начинаютъ кричать... «Ай, ай,—не дѣлайте этого, оставьте!» кричатъ они, видя, что подсѣкается дерево, на которомъ они сидятъ.—«Помилуйте, вѣдь мы можемъ убиться, и вмѣстѣ съ на-

ми погибнутъ тѣ прекрасныя идеи, тѣ высокія чувства, тѣ гуманныя стремленія, то краснорѣчіе, тотъ паѳосъ, любовь ко всему прекрасному и благородному, которыя въ насъ всегда жили... Оставьте, оставьте! Что̀ вы дѣлаете?...» Но путники уже слыхали тысячу разъ всѣ эти прекрасныя фразы и, не обращая на нихъ вниманія, продолжаютъ работу. Обломовцамъ еще есть средство спасти себя и свою репутацію: слѣзть съ дерева и приняться за работу вмѣстѣ съ другими. Но они, по обыкновенію, растерялись и не знаютъ, что̀ имъ дѣлать... «Какъ же это такъ вдругъ?» повторяютъ они въ отчаяніи и продолжаютъ посылать безплодныя проклятія глупой толпѣ, потерявшей къ нимъ уваженіе.

А вѣдь толпа права! Если ужъ она сознала необходимость настоящаго дѣла, такъ для нея совершенно все равно, — Печоринъ ли передъ нею, или Обломовъ. Мы не говоримъ опять, чтобы Печоринъ въ данныхъ обстоятельствахъ сталъ дѣйствовать именно такъ, какъ Обломовъ; онъ могъ самыми этими обстоятельствами развиться въ другую сторону. Но типы, созданные сильнымъ талантомъ, долговѣчны: и нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина, и пр. и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермантовымъ, Тургеневымъ. Только въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе и болѣе превращаются въ Обломова. Нельзя сказать, чтобы превращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ, и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла. Но что превращеніе это начинается—доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ. Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознаніе о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде они покрывались разными мантіями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ раз-

ными талантами; но теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный, какъ онъ есть,—молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантіи только просторнымъ халатомъ. Вопросъ: что̀ онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни? — поставленъ прямо и ясно, не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или настаетъ неотлагательно, время работы общественной...

Кто же, наконецъ, сдвинетъ съ мѣста Обломовцевъ всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ!» говоритъ онъ устами Штольца, и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

«Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это есть природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пой-

детъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно,... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупить ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться.»

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо дѣйствительно: то, что онъ не усиливался надувать другихъ, а ужъ такъ и являлся въ натурѣ—лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него можно положиться? Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно. Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ,—онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ. Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это дѣйствительно трудно. Грязь къ нему не пристанетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ—брр.! какая отвратительная гадость начинается около Обломова! Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что, ни про что. Онъ все это терпитъ безмолвно, и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще по прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла насъ, и не оставила даже теперь, въ настоящее время, когда и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

«Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безъименныя страданія и тоску, и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преобразятся въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ.... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день ужъ клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!»

Не правда ли, образованный и благородно мыслящій читатель! вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности. Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привставалъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ

далеко не заходятъ: у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ какъ волны въ морѣ (такихъ бо̀льшая часть); у другихъ мысли выростаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало)....

Отдавая дань своему времени, г. Гончаровъ вывелъ и противоядіе Обломову—Штольца. Но, по поводу этого лица, мы должны еще разъ повторить наше постоянное мнѣніе,—что литература не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни. Штольцевъ, людей съ цѣлымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло,—еще нѣтъ въ жизни нашего общества, (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно попадаются). Самъ авторъ сознавалъ это, говоря о нашемъ обществѣ: «вотъ, глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса.... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!» Должно явиться ихъ много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но теперь пока для нихъ нѣтъ почвы. Оттого-то изъ романа Гончарова мы и видимъ только, что Штольцъ человѣкъ дѣятельный, все о чемъ-то хлопочетъ, бѣгаетъ, пріобрѣтаетъ, говоритъ, что жить—значитъ трудиться, и пр. Но что̀ онъ дѣлаетъ и какъ онъ ухитряется дѣлать что-нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать—это для насъ остается тайною. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича,—какъ? этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича;—какъ? это мы знаемъ. Поѣхалъ къ начальнику Ивана Матвѣича, которому Обломовъ далъ вексель, поговорилъ съ нимъ дружески,—Ивана Матвѣича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже и изъ службы выходить приказали. И по дѣломъ ему, разумѣется; но, судя по этому случаю,

Штольцъ не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣятеля. Да и нельзя еще: рано!

И мы не понимаемъ, какъ могъ Штольцъ въ своей дѣятельности успокоиться отъ всѣхъ стремленій и потребностей, которыя одолѣвали даже Обломова; какъ могъ онъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, успокоиться на своемъ одинокомъ, отдѣльномъ, исключительномъ счастьи?... Не надо забывать, что подъ нимъ болото, что вблизи находится старая Обломовка, что нужно еще разчищать лѣсъ, чтобы выйти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины. Дѣлалъ ли что-нибудь для этого Штольцъ, что̀ именно дѣлалъ и какъ дѣлалъ?—мы не знаемъ. А безъ этого мы не можемъ удовлетвориться его личностью... Можемъ сказать только то, что не онъ тотъ человѣкъ, который съумѣетъ, на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово: «впередъ!»

Переходя къ Ольгѣ, тотъ же рецензентъ говоритъ: «Ольга, по своему развитію, представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она, необыкновенною ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться въ ея даже поэтической правдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ!» Но, слѣдя за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то, болѣе нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину.... Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразованіе.... Долго и упорно, съ любовью и нѣжною заботливостью трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе,

она дѣлаетъ для него все, пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему, одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшъ, проявлявшуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывая себя, жертвуя собою, и т. д.—«Нѣтъ, отвѣчаетъ она,—неправда: еслибы вы думали только о моемъ счастьи и считали для него необходимою разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ.» Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она со временемъ пойметъ, что ошибалась въ немъ, разлюбитъ его и полюбитъ другаго. Она спрашиваетъ, въ отвѣтъ на это: «Гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другаго, и, значитъ, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь.» Эта простота и ясность мышленія заключаютъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество.... Потомъ, какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, не смотря на всѣ посторонніе непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности. Тогда она прямо объявляетъ ему, что ошиблась въ немъ, и уже не можетъ рѣшиться соединить съ нимъ свою судьбу. Она еще хвалитъ и ласкаетъ его и при этомъ отказѣ, и даже послѣ; но своимъ поступкомъ она уничтожаетъ его, какъ ни одинъ изъ обломовцевъ не былъ уничтожаемъ женщиною.

Она просто и кротко сказала ему: я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья, ты нѣ-

женъ... какъ голубь; ты спрячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковатьподъ кровлею... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю!» И она оставляетъ Обломова, она стремится къ своему чему-то, хотя еще и не знаетъ его хорошенько. Наконецъ она находитъ его въ Штольцѣ, соединяется съ нимъ,—счастлива; но и тутъ не останавливается, не затираетъ. Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее, она чего-то допытывается. Авторъ не раскрылъ предъ нами ея волненій во всей ихъ полнотѣ, и мы можемъ ошибиться въ предположеніи на счетъ ихъ свойства. Но намъ кажется, что это въ ея сердцѣ и головѣ вѣяніе новой жизни, къ которой она несравненно ближе Штольца. Думаемъ такъ потому, что находимъ нѣсколько намековъ въ слѣдующемъ разговорѣ:

— «Что же дѣлать? поддаться и тосковать, спросила она.

— «Ничего, сказалъ онъ:—вооружаться твердостью и спокойствіемъ. Мы не титаны съ тобой, продолжалъ онъ обнимая ее:—мы не пойдемъ, съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и намъ опять улыбнется жизнь, счастье и...

— «А если они ни когда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?... спрашивала она.

— «Чтожь? примемъ ее, какъ новую стихію жизни.... Да, нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля.... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, — когда нѣтъ опоры. А у насъ....»

Онъ не договорилъ, что у насъ.... Но ясно, что это онъ не хочетъ «идти на борьбу съ мятежными вопросами», онъ рѣшается «смиренно склонить голову»... А она готова на эту борьбу, тоскуетъ по ней и постоянно страшится, чтобъ ея тихое счастье съ Штольцемъ не превратилось во что-то, подходящее къ обломовской апатіи. Ясно, что она не хочетъ

склонять голову и смиренно переживать трудныя минуты, въ надеждѣ, что потомъ опять улыбнется жизнь. Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты — принять ихъ, какъ новую стихію жизни и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она съумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобъ произнести надъ нею судъ безпощадный....

III.

Приведемъ воззрѣнія на произведенія Гончарова критиковъ одного лагеря; мы переходимъ къ отзыву о нихъ противоположной партіи, представителемъ которой является Писаревъ.

«Гончаровъ» говоритъ онъ, «написалъ только два капитальные романа: «Обыкновенную исторію» и «Обломова». Первый изъ этихъ романовъ сразу поставилъ его въ ряды первоклассныхъ русскихъ литераторовъ и его «Очерки кругосвѣтнаго плаванія» и «Обломовъ» были встрѣчены журналами и публикою съ такою радостью, съ какою рѣдко встрѣчаются на Руси литературныя произведенія. Мнѣ кажется, причины этого замѣчательнаго явленія заключаются преимущественно въ томъ, что Гончаровъ по плечу всякому читателю, т. е. для всякаго ясенъ и понятенъ. Онъ вездѣ стоитъ на почвѣ чистой современной практичности, и притомъ практичности не западной, не европейской, а той практичности, которою отличаются образованные петербургскіе чиновники, читающіе помѣщики, разсуждающія о современныхъ предметахъ барыни и т. п. Прочтите Гончарова отъ начала до конца, и вы, по всей вѣроятности, ничѣмъ не увлечетесь, ни надъ чѣмъ не замечтаетесь, ни о чемъ горячо не заспорите съ авторомъ, не назовете его

обскурантомъ, ни рьянымъ прогрессистомъ, и, закрывая послѣднюю книгу, скажете очень хладнокровно, что Гончаровъ очень умный и основательно разсуждающій господинъ. У Гончарова нѣтъ никакого конька, никакой любимой идеи; утопія всякаго рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлеченію онъ относится съ легкимъ и вѣжливымъ оттѣнкомъ ироніи; онъ скептикъ, не доводящій своего скептицизма до крайности; онъ практикъ и матеріалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ и идеалистомъ; онъ эгоитъ, не рѣшающійся взять на себя крайнихъ выводовъ своего міросозерцанія, и выражающій свой эгоизмъ въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ, или даже, гдѣ возможно, въ игнорированіи человѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. Этотъ эгоизмъ проглядываетъ во всѣхъ его произведеніяхъ; кто читалъ «Фрегатъ Палладу» и «Обломова», тотъ не найдетъ удивительнымъ мое мнѣніе. Постоянно спокойный, никѣмъ не увлекающійся, романистъ нашъ развязно подходитъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной и частной жизни своихъ героевъ и героинь; безстрастно и безпристрастно осматриваетъ онъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣнія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по своему всѣхъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, но всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора. Прочитавши «Обыкновенную исторію», читатель не можетъ сказать, чтобы авторъ сочувствовалъ старшему Адуеву, и не можетъ также сказать, чтобы онъ находилъ его неправымъ; сочувствія къ младшему Адуеву также не видно ни въ ту минуту, когда онъ составляетъ совершенную противоположность съ своимъ дядей, ни въ тотъ моментъ, когда онъ становится на него похожимъ. Вслѣдствіе этого, оканчивая послѣднюю страницу романа, читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. «Обыкновенная исторія» производитъ такое впечатлѣніе, какое могла бы произвести

отлично нарисованная, но неясно освѣщенная картина; мы чувствуемъ, что авторъ романа — человѣкъ умный, наблюдательный и способный осмысливать свои наблюденія; этотъ человѣкъ говоритъ съ нами о явленіяхъ нашей жизни, описываетъ ихъ подробно и наглядно, изображаетъ вліяніе этихъ явленій на молодое существо, знакомящееся съ жизнью, но изображаетъ чисто внѣшнимъ образомъ, перечисляя только симптомы перемѣнъ, происходящихъ въ его героѣ. Очень естественно, что читатель, заинтересованный на столько же личностью разсказчика, насколько нитью самаго разсказа, ждетъ на каждой страницѣ, чтобы авторъ, въ постановкѣ образовъ, или въ лирическомъ отступленіи выразилъ бы свои воззрѣнія, сказалъ бы: я считаю это хорошимъ, а то дурнымъ, по такимъ-то причинамъ. Мнѣ могутъ возразить на это, что объективность — высшее достоинство эпическаго поэта; я отвѣчу, что это одна изъ тѣхъ наслѣдованныхъ отъ прошедшаго фразъ, которыми пробавляются, за неимѣніемъ лучшаго, эстетика и критика,-одна изъ тѣхъ фразъ, въ которыхъ многіе свѣдущіе, но робкіе люди видятъ предѣлъ, «его же не прейдеши». Во-первыхъ, эпическая поэзія въ чистомъ видѣ своемъ теперь невозможна; попробуйте разсказывать событія безъ основной мысли, не группируя ихъ такъ, чтобы читатель могъ видѣть просвѣчивающую идею, — вы собьетесь на Дюма-отца, Феваля и и компанію, и ни одинъ развитой человѣкъ не раскроетъ вашей книги и не скажетъ вамъ спасибо за ваше эпическое спокойствіе. Разсказывать что-нибудь безъ особенной цѣли даже своимъ знакомымъ — свойственно только праздному болтуну или дряхлѣющему старцу, а разсказывать для процесса разсказыванія всей читающей публикѣ — просто недобросовѣстно и невѣжливо; надо помнить, что публика за разсказы платитъ деньги и на чтеніе ихъ тратитъ время. Зачѣмъ же такъ безцеремонно обращаться съ достояніемъ ближняго? Я этимъ не хочу сказать, чтобы необходимо было читать публикѣ нравоученія и наставленія. Боже упаси! Это еще скучнѣе,

Но дѣло въ томъ, что, собираясь разсказывать что-нибудь, писатель долженъ же самъ имѣть въ головѣ понятіе о томъ, что онъ будетъ сообщать другимъ. Если ему приходится описывать явленіе, зависящее отъ другаго явленія, то долженъ же онъ объяснить одно другимъ, вывести одно изъ другаго, показать, что такая-то причина должна привести и приводитъ къ такому-то слѣдствію. Слѣдовательно, разсказчикъ долженъ раскрыть передъ читателемъ свой процессъ мысли. Кромѣ того, читателю невольно придетъ въ голову вопросъ: да съ какой стати г. N. разсказываетъ мнѣ эти событія? что, кромѣ желанія получить авторскій гонораръ, побудило его написать нѣсколько страницъ, вывести на сцену десятка полтора лицъ, и слѣдить за ними въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ихъ жизни?

Отвѣта на эти естественные вопросы надо искать въ самомъ произведеніи; если произведеніе вылилось изъ души, то писатель, конечно, въ этомъ произведеніи говоритъ о томъ, что такъ или иначе интересуетъ его лично, что затрогиваетъ его за живое, что онъ горячо любитъ или горячо ненавидитъ. Если предметъ его разсказа для него равнодушенъ, то какъ объяснить себѣ то, что онъ обратилъ на него вниманіе, сталъ надъ нимъ задумываться, сталъ уяснять его самому себѣ, и, наконецъ, довелъ его до такой степени наглядности, что онъ и для другихъ людей сталъ замѣтенъ, понятенъ и осязателенъ. А если ничего этого не было, если писатель не вдумывался, не уснялъ себѣ и т. д., то разсказъ выйдетъ блѣдный и скучный; его дѣйствующія лица будутъ тѣни или маріонетки, но никакъ не живые люди, писанные на заказъ, безъ внутренняго желанія, безъ живаго участія къ предмету. Для того, чтобы печатныя строки казались намъ рѣчами и поступками живыхъ людей, необходимо, чтобы въ этихъ печатныхъ строкахъ сказалась живая душа того, кто ихъ писалъ; только въ этомъ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью писателя и заключается обаятельное дѣйствіе поэзіи; живопись говоритъ глазу, музыка уху, а поэзія (творчество)—чисто одному мозгу; вы ви-

дите глазомъ черные значки на бѣломъ полѣ и, при помощи этихъ значковъ, узнаете то, что думалъ человѣкъ, котораго вы, можетъ быть, никогда въ глаза не видали; на васъ дѣйствуетъ чисто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ личныя; слѣдовательно, что же останется отъ поэтическаго произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора? вполнѣ объективная картина—фотографія; вполнѣ объективный разсказъ, показаніе свидѣтеля, записанное стенографомъ; вполнѣ объективная музыка—шарманка. Добиться этой объективности значитъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искусство, даже науку, даже всякое движеніе мысли. Личность автора для меня интересна, какъ всякая человѣческая личность, и, кромѣ того, какъ личность, чувствующая потребность высказаться, слѣдовательно, воспринявшая въ себя рядъ извѣстныхъ впечатлѣній и переработавшая ихъ силою собственной мысли. Личности же вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ я только терплю и допускаю какъ выраженіе личности автора, какъ форму, въ которую ему заблагоразсудилось вложить свою идею. Если я съ идеею согласенъ, если я ей сочувствую, а выведенныя личности оказываются блѣдными и неестественными, то я скажу, что авторъ неопытный музыкантъ, что чувство въ немъ есть, а техническаго умѣнья мало; замѣтивши этотъ недостатокъ, я все-таки буду, можетъ быть, нѣкоторые отрывки читать съ удовольствіемъ, вѣроятно тѣ отрывки, въ которыхъ сила внутренняго убѣжденія и воодушевленія укрѣпляетъ неопытныя руки виртуоза и заставляетъ его на нѣсколько мгновеній побѣдить трудности техники. «Ничего, со временемъ будетъ прокъ, явится навыкъ», можно будетъ сказать, закрывая книгу, написанную такимъ образомъ, т. е. съ неподдѣльною теплотою, но безъ достаточнаго знанія жизни; читатель съ добрымъ чувствомъ разстанется съ такимъ писателемъ, и съ радостью встрѣтится съ нимъ въ другой разъ. Но если въ разсказѣ, великолѣпно обставленномъ живыми подробностями, не видно идеи и чув-

ства, не видно личности творца, то общее впечатлѣніе будетъ совершенно неудовлетворительно. Вамъ покажется, что передъ вами играетъ на фортепіано какой-нибудь заѣзжій искусникъ, выдѣлывающій удивительныя штуки пальцами, исполняющій съ быстротою молніи невообразимыя трели и рулады, возбуждающій ваше искренне изумленіе бѣглостью рукъ, но ничѣмъ не дающій вамъ почувствовать, что онъ человѣкъ. Тутъ ужъ нѣтъ никакой надежды; тутъ годы не принесутъ пользы; пріобрѣсти фактическія знанія можно, усвоить технику какого угодно исскуства тоже небольшая трудность; но откуда же взять свѣжести чувства, самодѣятельной энергіи мысли, той электрической, непонятной силы, которая берется въ насъ Богъ вѣсть откуда и уходитъ съ годами Богъ вѣсть куда?»

Словомъ, только личное воодушевленіе автора грѣетъ и раскаляетъ его произведеніе; гдѣ этого личнаго воодушевленія незамѣтно, тамъ, какъ бы ни были вѣрно подмѣчены и искусно сгруппированы подробности, тамъ, повторяю, нѣтъ истинной силы, нѣтъ истинно обаятельнаго вліянія поэзіи, нѣтъ сочувствія между поэтомъ и читателемъ.

Между публикою и любимымъ писателемъ почти всегда устанавливаются извѣстныя отношенія, основанныя на сочувствіи и довѣріи.

Любя произведенія какого-нибудь N. N., невольно составляешь себѣ понятіе о его личности, допускаешь въ ней тѣ или другія свойства и рѣшительно отвергаешь разныя темныя пятна. Иногда случается разочароваться, и часто подобное разочарованіе бываетъ также тяжело, какъ разочарованіе въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ. Гончаровъ — писатель, любимый публикою; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а между тѣмъ—странное дѣло!—между нимъ и публикою положительно нѣтъ подобныхъ отношеній; его человѣческой личности никто не знаетъ по его произведеніямъ; даже въ дружескихъ письмахъ, составившихъ собою «Фрегатъ Палладу», не сказались его убѣжденія и стремленія; выразилось только то настроеніе,

подъ вліяніемъ котораго писаны письма; настроеніе это переходитъ отъ спокойно-лѣниваго къ спокойно-веселому, и больше намъ не представляется никакихъ данныхъ для обсужденія личнаго характера нашего художника. Во всякомъ случаѣ, если два большіе романа, которыхъ сюжеты взяты изъ современной жизни, не выражаютъ ясно даже отношеній автора къ идеямъ и явленіямъ этой жизни, — это значитъ, что въ этихъ романахъ есть умышленная или нечаянная недоговорѣнность, и что эти романы продуманы и состроены, а не прочувствованы и созданы. Бѣглый взглядъ на оставъ «Обыкновенной исторіи» и «Обломова» подтвердитъ эту мысль. «Обыкновенная исторія» говоритъ намъ: вотъ что дѣлается изъ молодаго человѣка, подъ вліяніемъ нашей петербургской жизни. Ну что же такое? спрашиваетъ читатель. Что она его формируетъ или портитъ? Что она сама хороша или дурна? На второй вопросъ Гончаровъ отвѣчаетъ такъ: Петербургская жизнь вотъ какая, и описываетъ наружность этой жизни, тщательно избѣгая какихъ бы то ни было отношеній къ этой наружности. Положимъ, у васъ спрашиваютъ: хороша такая-то женщина? вы отвѣчаете: носъ у нея такой-то длины и такой-то ширины, ротъ такой-то величины; зубовъ столько-то, такого-то цвѣта глаза, столько-то линій въ длину и столько-то въ разрѣзѣ, цвѣтъ ихъ такой-то и т. д. Согласитесь, что изъ подобнаго безпристрастнаго описанія не вынесешь сколько-нибудь цѣлостнаго понятія о характерѣ физіономіи, какимъ бы увлекательнымъ языкомъ ни были записаны эти статистическія данныя. Точно также описаніе петербургскаго житья-бытья у Гончарова выходитъ не яркимъ потому, что авторъ рѣшительно не хочетъ выразить своего мнѣнія, своего взгляда на вещи.

На вопросъ о томъ, формируетъ или портитъ эта жизнь молодаго Александра Адуева, Гончаровъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ намъ разсказываетъ въ концѣ романа, что Александръ пріобрѣлъ лысину, почтенную полноту и житейскую опытность, охладившую его мечтательность; — тѣмъ дѣло и кончается.

*

Читатель вправѣ сказать: г. Гончаровъ, я самъ очень хорошо знаю, что у человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ вылѣзаютъ волосы, что сидячая жизнь увеличиваетъ въ насъ количество жира, и что съ годами мы становимся опытнѣе. Вы описали все это чрезвычайно подробно, вѣрно и наглядно, но вы не сказали намъ ничего новаго, и скрыли отъ насъ внутренній смыслъ вашихъ сценъ и картинъ. Дѣйствительно, крупныя, типическія черты нашей жизни почти умышленно сглажены писателемъ и, слѣдовательно, ускользаютъ отъ читателя,—зато отдѣлка подробностей тонка, красива, какъ брюссельскія кружева и, по правдѣ сказать, почти также безполезна; Александръ приходитъ въ соприкосновеніе съ миромъ чиновниковъ — объ этомъ сказано вскользь, и потомъ сообщенъ результатъ, что онъ привыкъ къ канцелярской работѣ и сталъ получать порядочное жалованье. Александръ вступаетъ въ сношенія съ журналами,— объ этомъ тоже упоминается мимоходомъ, и только для того, чтобы отмѣтить приращеніе его годоваго дохода. Двѣ такія важныя стороны нашей жизни, какъ бюрократія и періодическая литература, не удостоиваются внимательнаго разсмотрѣнія, а между тѣмъ приводятся отъ слова до слова длиннѣйшіе разговоры между Петромъ Ивановичемъ и Александромъ, между Александромъ и Наденькою, Александромъ и Тафаевою, и т. п.

Это — ошибка, какъ передъ изображеніемъ самой жизни, такъ даже и передъ личностью самого героя; положимъ, старшіе родственники и любимыя женщины имѣютъ значительное вліяніе на формированіе характера и убѣжденій; но вѣдь все-таки формируетъ-то самая жизнь, столкновеніе съ ея дрязгами, съ ея сѣрыми, трудовыми сторонами; намъ любопытно видѣть, какъ живутъ герои Гончарова, а онъ намъ показываетъ, какъ они резонерствуютъ о жизни или мечтаютъ о ней, сидя рядомъ съ героинями, гдѣ-нибудь подъ кустомъ сирени, въ тѣнистой бесѣдкѣ. Это очень хорошо и трогательно, но это не жизнь, а развѣ — крошечный уголокъ жизни. Ко-

нечно, таланту Гончарова должно отдать полную дань удивленія: онъ умѣетъ удерживать насъ на этомъ крошечномъ уголкѣ въ продолженіе цѣлыхъ сотень страницъ, не давая намъ ни на минуту почувствовать скуку или утомленіе; онъ чаруетъ насъ простотою своего языка и свѣжею полнотою своихъ картинъ; но, если вы, по прочтеніи романа, захотите отдать себѣ отчетъ въ томъ, что вы вмѣстѣ съ авторомъ пережили, передумали и перечувствовали, то у васъ въ итогѣ получится очень немногое. Гончаровъ открываетъ вамъ цѣлый міръ, но міръ микроскопическій; какъ вы приняли отъ глаза микроскопъ, такъ этотъ міръ исчезъ, и капля воды, на которую вы смотрѣли, представляется вамъ снова простою каплею. Еслибы эта сила анализа, невольно подумаете вы, была направлена не на мелочи, а на жизнь во всей ея широтѣ, во всемъ ея пестромъ разнообразіи,—какія бы чудеса она могла произвести! — Эта мысль ошибочна: кто останавливается на анализѣ мелочей, тотъ, стало быть, и неспособенъ идти дальше и подниматься выше. Гончаровъ останется на анализѣ мелочей потому, что у него нѣтъ побудительной причины перейти къ чему-либо другому; онъ холоденъ, его не волнуютъ и не возмущаютъ крупныя нелѣпости жизни; микроскопическій анализъ удовлетворяетъ его потребности мыслить и творить, на этомъ поприще онъ пожинаетъ обильные лавры,—стало быть, о чемъ же еще хлопотать, къ чему еще стремиться? Словомъ, г. Гончаровъ, какъ художникъ, тоже самое, что г. Срезневскій, какъ ученый; первый творитъ для процесса творчества, не заботясь о степени важности тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ, не спрашивая себя о томъ, высѣкаетъ-ли онъ своимъ рѣзцомъ великолѣпную статую или вытачиваетъ красивую бездѣлушку для письменнаго стола богатаго барина; второй точно также изслѣдуетъ для процесса изслѣдованія, не спрашивая себя о томъ, стоитъ-ли игра свѣчей, и выйдетъ-ли изъ его трудовъ какой-нибудь осязательный результатъ Обѣ эти личности, представители одного типа, выработались подъ влі-

яніемъ извѣстныхъ условій, сжились съ ними, и, почисливъ вопросы жизни рѣшеными вполнѣ удовлетворительно, обратили дѣятельность свою на шлифованіе подробностей, не имѣющихъ даже относительной важности. Какъ, спроситъ съ негодованіемъ мой читатель? И Обломовъ — шлифованіе подробностей? Да, отвѣчу я съ подобающею скромностью. Обломовъ, какъ нравописательный романъ, не что иное, какъ шлифованіе подробностей. Типъ Обломова не созданъ Гончаровымъ; это повтореніе Бельтова, Рудина и Бешметева; но Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ приведены въ связь съ коренными свойствами и особенностями нашей зачинающейся цивилизаціи, а Обломовъ поставленъ въ зависимость отъ своего неправильно сложившагося темперамента. Бельтовъ и Рудинъ сломлены и помяты жизнію, а Обломовъ просто лѣнивъ, потому что лѣнивъ. Вліяніе общества на личность героя здѣсь, какъ и въ «Обыкновенной исторіи», скрыто отъ глазъ читателя; авторъ понимаетъ, что оно должно существовать, но онъ держитъ его гдѣ-то за кулисами, и изъ-за этихъ кулисъ его герой выходитъ совершенно готовымъ и начинаетъ разсуждать и ходить по сценѣ. Если читатель возразитъ мнѣ, что «сонъ Обломова» объясняетъ намъ процессъ его развитія, то я на это отвѣчу, что «сонъ» говоритъ только о младенческихъ годахъ нашего героя. Никакой характеръ не оказывается сложившимся въ десяти или двѣнадцати-лѣтнемъ мальчикѣ; тѣмъ болѣе не могъ сложиться въ такіе годы характеръ Обломова, котораго и въ тридцать пять лѣтъ можно было ворочать куда угодно; стало быть, зачѣмъ же авторъ, заговоривши о воспитаніи и развитіи своего героя, не далъ намъ сценъ изъ его гимназической, студенческой, чиновнической жизни? Вѣдь это, воля ваша, было бы не только плодотворнѣе, но даже интереснѣе многихъ сценъ между Обломовымъ и Захаромъ. Вѣдь любопытно знать, что именно формируетъ у насъ Обломовыхъ, гораздо любопытнѣе чѣмъ смотрѣть на то, какъ уже сформированные Обломовы, т. е. люди, на которыхъ надо махнуть рукою, валяются на диванѣ и плю-

ютъ въ потолокъ. Но, какъ вездѣ, интересный, живой вопросъ обойденъ, а подробностей—гибель.

Изображая личность Обломова, Гончаровъ могъ еще ограничиться тѣсною сферою, не выходить за предѣлы кабинета и спальни, и занимать своего читателя пересказываніемъ того, что говорили между собою Илья Ильичъ и Захаръ. Но вотъ нашъ художникъ хочетъ противопоставить своему лѣнивому герою лицо дѣятельное, весело и дѣльно смотрящее на жизнь, и энергически расправляющееся съ ея дрязгами и невзгодами. Является Андрей Ивановичъ Штольцъ, о которомъ даже самъ авторъ возвѣщаетъ не безъ торжественности, говоря, что это человѣкъ будущаго, что много Штольцевъ кроется подъ русскими именами, что люди такого закала будутъ дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ. О, думаете вы, вотъ тутъ-то Гончаровъ выскажетъ то, что у него на душѣ! тутъ-то онъ воспользуется всѣми собранными матеріалами, чтобы дать плоть и кровь этому человѣку будущаго! тутъ-то онъ приведетъ своего любимаго героя въ столкновеніе съ разными сторонами и типическими особенностями нашей жизни. Вы продолжаете читать съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, и убѣждаетесь въ томъ, что Штольцъ ведетъ себя точно также, какъ всѣ гончаровскіе герои, т. е. много говоритъ, хорошо округляетъ періоды, самодовольно развертываетъ передъ слушателемъ свои убѣжденія, и ничего не дѣлаетъ; о его дѣятельности, которая составляетъ сущность его характера и замѣчательнѣйшее его достоинство, авторъ разсказываетъ намъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Штольцъ представленъ внѣ жизни. А Штольцъ безъ жизни все равно, что рыба безъ воды; онъ выведенъ изъ своего естественнаго положенія, и потому самъ блѣденъ и неестественъ до крайности. Такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ не дѣйствуетъ, то ему, чтобы зарекомендовать себя читателю, поневолѣ приходится говорить самому о себѣ: я, дескать, человѣкъ дѣятельный, вѣрьте мнѣ на-слово; автору точно также приходится обращаться къ вѣрѣ читателя и говорить ему: «Штольцъ у меня человѣкъ

дѣятельный; дѣятельности его вы не увидите, но онъ, право, постоянно занятъ.» Читатель, расположенный къ скептицизму, подумаетъ при этомъ такъ: «если романистъ приписываетъ одному изъ своихъ героевъ какое-нибудь качество, а между тѣмъ это качество не выражается въ его дѣйствіяхъ, то я, читатель, имѣю право заключить, что у автора не хватило силъ вложить въ образы то, что онъ выразилъ въ отвлеченной фразѣ.» Дѣятельный Штольцъ принадлежитъ къ разряду лицъ, подобныхъ добродѣтельному становому г. Львова, и знаменитому чиновнику его сіятельства графа Соллогуба. Читатель-скептикъ не ошибется въ своемъ предположеніи. Впрочемъ, то обстоятельство, что Гончаровъ взялся за сооруженіе своего Штольца, и то обстоятельство, что это сооруженіе вышло до крайности неудачнымъ, такъ характерны, что о нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Дѣйствующія лица романовъ Гончарова постоянно вращаются въ безразличной атмосферѣ, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, въ которыя не проникаетъ русскій духъ, и становятся другъ къ другу въ такія отношенія, которыя зависятъ отъ особенностей ихъ личнаго характера, а не отъ условій мѣста и времени. Декораціи у Гончарова русскія; для обстановки онъ выводитъ русскаго лакея, русскую кухарку, но это—аксессуары, которые могутъ быть устранены, не нарушая завязки романа; главныя дѣйствующія лица созданы головою автора, а не навѣяны впечатлѣніями живой дѣйствительности. Задавшись своею идеею, набросавъ ее въ общихъ чертахъ, г. Гончаровъ потомъ уже съ натуры подрисовываетъ подробности, и все вмѣстѣ выходитъ очень удовлетворительно и на первый взглядъ кажется романомъ, взятымъ изъ русской жизни и воспроизводящимъ русскіе типы. Но это только на первый взглядъ. Отдѣлайтесь только отъ обаянія великолѣпнаго языка, отбросьте аксессуары, не относящіеся къ дѣлу, обратите все ваше вниманіе на тѣ фигуры, въ которыхъ сосредоточивается смыслъ романа, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, и, кромѣ того, ничего типичнаго. Если мы посту-

нимъ такимъ образомъ съ «Обыкновенной исторіей», то увидимъ, что смыслъ романа лежитъ въ двухъ фигурахъ, въ дядѣ и въ племянникѣ, и что изъ этихъ двухъ фигуръ, одна невѣрна и неестественна, а другая совершенно пассивна и безцвѣтна.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя,—невѣренъ съ головы до ногъ. Это какой-то англійскій джентльменъ, пробившій себѣ дорогу въ люди силою своего ума, составившій себѣ карьеру и состояніе, и при этомъ нисколько не загрязнившійся. Въ нашемъ отечествѣ дорога къ почестямъ и деньгамъ усѣяна всякаго рода терніями. Кто хочетъ преуспѣть на томъ поприщѣ, по которому путешествовалъ Петръ Ивановичъ, тотъ немного сохранитъ въ себѣ гонора и фанаберіи; подъ старость непремѣнно дойдетъ до положенія Фамусова, а вѣдь между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ—огромная разница. Петра Ивановича видимо уважаетъ г. Гончаровъ, а къ Фамусову онъ, по всей вѣроятности, отнесся бы съ добродѣтельнымъ презрѣніемъ. Это видимое различіе между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ не можетъ быть объяснено различіемъ времени. Скажите по совѣсти, неужели мы такъ много ушли впередъ съ тѣхъ поръ, какъ была написана комедія Грибоѣдова. Неужели вы до сихъ поръ не встрѣчаете между вашими знакомыми Фамусова, Молчалина и Скалозуба? Формы стали дѣйствительно поприличнѣе, но что это за утѣшеніе! Неужели же г. Гончаровъ, выводя своего героя, обманулся внѣшнею благопристойностью формы, и не умѣлъ заглянуть поглубже и распознать подъ гладкими фразами Петра Ивановича родовыхъ свойствъ фамусовскаго типа? Врядъ-ли такой острый аналитикъ могъ впасть въ грубую ошибку, въ которой можетъ уличить его всякій школьникъ. Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что въ самомъ Фамусовѣ авторъ «Обыкновенной исторіи» осудилъ бы не сущность, а внѣшнее неблагообразіе. Потихоньку вести свои дѣла, заводить связи и поддерживать ихъ изъ чистаго разсчета, заниматься такимъ дѣломъ, къ которому не лежитъ сердце и котораго не оправдываетъ умъ, оставлять подъ спудомъ въ

практикѣ тѣ идеи, которыя исповѣдуешь въ теоріи, смотрѣть съ скептическою улыбкою на порывы молодежи, стремящейся обратить слово въ дѣло—всѣ эти вещи можно назвать благоразуміемъ, лишь бы онѣ не представлялись въ полной наготѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Своему герою г. Гончаровъ приписываетъ именно это благоразуміе, утаивая и сглаживая тѣ сѣренькія стороны, которыя неизбѣжно связаны съ этимъ благоразуміемъ. Но утаить и сгладить эту обратную сторону медали можно было только съ тѣмъ условіемъ, чтобы показывать читателямъ одну сторону дѣла. Еслибы г. Гончаровъ вздумалъ выдержать очерченный имъ характеръ, приведя его въ столкновеніе со всѣми фазами русской жизни, тогда ему пришлось бы всѣ эти фазы выдумать самому, и тогда вопіющая неестественность бросилась бы въ глаза каждому читателю. На этомъ основаніи надо было пройти молчаніемъ всѣ отношенія Петра Ивановича къ тому міру, который лежитъ за предѣлами его кабинета и спальни. На этомъ основаніи нельзя было сказать ни слова о томъ, какъ Петръ Ивановичъ вышелъ въ люди; даже тѣ средства и пути, которыми его племянникъ пріобрѣлъ себѣ независимое положеніе, покрыты мракомъ неизвѣстности. Петръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, какъ подчиненный, какъ начальникъ, какъ свѣтскій человѣкъ—не существуетъ для читателя «Обыкновенной исторіи», и не существуетъ именно потому, что автору предстояло рѣшить грозную диллему: или выдумать отъ себя всю русскую жизнь, и превратить Петербургъ въ Аркадію, или бросить грязную тѣнь на своего героя, какъ на человѣка, подкупленнаго этою жизнью и отстаивающаго ея нелѣпости ради своихъ личныхъ выгодъ. Чтобы не насиловать явленія жизни, чтобы не становиться къ нимъ въ ложныя отношенія, и чтобы не закидать грязью своего героя, г. Гончаровъ заблагоразсудилъ въ «Обыкновенной исторіи» совершенно отвернуться отъ явленій жизни. Отнестись къ нимъ съ тѣмъ суровымъ отрицаніемъ, съ которымъ относились къ нимъ всѣ честные дѣятели русской мысли, открыто заявить свое поп

conformity, г. Гончаровъ не рѣшился. Почему?—Отвѣчать на этотъ вопросъ не мое дѣло; пусть отвѣтитъ на него самъ романистъ. Во всякомъ случаѣ въ «Обыкновенной исторіи» онъ исполнилъ удивительный tour de force, и исполнилъ его съ безпримѣрною ловкостью; онъ написалъ большой романъ, не говоря ни одного слова о крупныхъ явленіяхъ нашей жизни; онъ вывелъ двѣ невозможныя фигуры и увѣрилъ всѣхъ въ томъ, что это дѣйствительно существующіе люди; онъ сталъ въ первый рядъ русскихъ литераторовъ, не откликаясь ни однимъ звукомъ на вопросы, поставленные историческою жизнью народа, пропуская мимо ушей то, что носится въ воздухѣ и составляетъ живую связь между живыми дѣятелями. Исполнить такого рода tour de force, и притомъ исполнить его на глазахъ Бѣлинскаго, удалось г. Гончарову только благодаря удивительному совершенству техники, невыразимой обаятельности языка, безпримѣрной тщательности въ отдѣлкѣ мелочей и подробностей. Герои г. Гончарова ведутъ между собою такіе живые разговоры, что, прислушиваясь къ нимъ, невольно забываешь невѣрность ихъ типа и невозможность ихъ существованія. А между тѣмъ, эта невѣрность и невозможность, не заявленныя положительно въ нашей критикѣ, заявляются въ ней отрицательно. Рудина, Лаврецкаго, Калиновича, Бешметева наши критики берутъ какъ представителей типовъ, какъ живыхъ людей, служащихъ образчиками русской натуры, а героевъ г. Гончарова никто не беретъ такимъ образомъ, потому что, повторяю, въ нихъ нѣтъ ничего русскаго и нѣтъ никакой натуры.

Оба Адуевы, дядя и племянникъ, не обратились и никогда не обратятся въ полу-нарицательныя имена, подобныя Онѣгину, Фамусову, Молчалину, Ноздреву, Манилову и т. п. Что сказать о личности Александра Өедоровича Адуева, племянника? Только и скажешь, что у него нѣтъ личности, а между тѣмъ даже и безличность или безхарактерность не можетъ быть поставлена въ число его свойствъ. Онъ молодъ, пріѣзжаетъ

въ Петербургъ съ большими надеждами и съ сильною дозою мечтательности; петербургская жизнь понемногу разбиваетъ его надежды и заставляетъ его быть скромнѣе и смотрѣть себѣ подъ ноги, вмѣсто того, чтобы носиться въ пространствахъ эѳира; онъ влюбляется; ему измѣняетъ любимая дѣвушка; онъ напускаетъ на себя хандру и понемногу отъ нея вылечивается; потомъ онъ влюбляется въ другую, и на этотъ разъ уже самъ измѣняетъ своей Дульцинеѣ; съ годами онъ становится разсудительнѣе; при этомъ онъ постоянно споритъ съ своимъ дядею и мало-по-малу начинаетъ сходиться съ нимъ во взглядѣ на жизнь; романъ кончается тѣмъ, что оба Адуевы сходятся между собою совершенно въ понятіяхъ и наклонностяхъ.—«Это канва романа, скажете вы; это общія черты, контуры, которыя можно раскрасить какъ угодно.» Это правда; и эти контуры такъ и остались не раскрашенными; блѣдность и недодѣланность ихъ опять-таки замаскированы тщательностью внѣшней отдѣлки.

Напримѣръ, Александръ ѣдетъ къ той дѣвушкѣ, которую онъ любитъ; онъ чувствуетъ сильное нетерпѣніе, и г. Гончаровъ чрезвычайно подробно разсказываетъ въ какихъ именно внѣшнихъ признакахъ проявлялось это нетерпѣніе, какъ сидѣлъ его герой, какъ онъ перемѣнялъ положеніе, какое впечатлѣніе производили на него окрестные виды; потомъ эта дѣвушка ему измѣнила, предпочла другаго—и г. Гончаровъ опять-таки съ дагерротипическою вѣрностью воспроизводитъ внѣшнія выраженія отчаянія, а потомъ апатіи своего героя. Онъ пишетъ вообще исторію болѣзни, а не характеристику больнаго, поэтому, если бы романъ г. Гончарова попался въ руки какому-нибудь разумному жителю луны, то этотъ господинъ могъ бы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ, какъ говорятъ, любятъ, живутъ, наслаждаются и страдаютъ на землѣ животныя, называемыя людьми. Но мы, къ сожалѣнію, все это знаемъ по горькому опыту, и потому тѣ общія черты, которыя нашъ романистъ разработываетъ съ замѣчательнымъ ис-

кустомъ, представляютъ для насъ мало существеннаго интереса. Мы знаемъ, что, отправляясь на свиданіе съ любимою женщиною, молодой человѣкъ чувствуетъ усиленное біеніе сердца; какъ подробно ни описывайте этого симптома, вы охарактеризуете только извѣстное физіологическое отправленіе, а не очертите личной физіоломіи. Описывать подобные моменты все равно, что описывать, какъ человѣкъ жуетъ или храпитъ во снѣ, или сморкается. Дѣло другое, если герой, отправляясь на свиданіе, перебираетъ въ головѣ такія идеи, которыя составляютъ его типовое или личное свойство, тогда его мысли стоитъ отмѣтить и воспроизвести. Но г. Гончаровъ думаетъ иначе: онъ съ зеркальною вѣрностью отражаетъ все, или, вѣрнѣе, все то, что находитъ удобо-отражаемымъ, все безцвѣтное, т. е. именно все то, чего не слѣдовало и не стоило отражать.

Условія удоботражаемости измѣняются съ годами: что было неудобно лѣтъ десять тому назадъ, сдѣлалось удобнымъ и общепринятымъ теперь. Вслѣдствіе этихъ измѣненій въ воздухѣ времени, измѣнилось и направленіе г. Гончарова. Его «Обыкновенная исторія», за исключеніемъ послѣднихъ страницъ, которыя какъ-то не вяжутся съ цѣлымъ и какъ-будто приклеены чужою рукою, говоритъ довольно прямо, хоть и очень осторожно: «эхъ, молодые люди, протестанты жизни! бросьте вы ваши стремленія вдаль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей! — все это пустяки, фантазерство! — надѣньте вицъ-мундиры, вооружитесь хорошо очиненными перьями, покорностью и терпѣньемъ; молчите, когда васъ не спрашиваютъ, говорите, когда прикажутъ и что̀ прикажутъ, скрипите перьями, не спрашивая, о чемъ и для чего вы пишете, — и тогда, повѣрьте мнѣ, всѣ будутъ вами довольны и вы сами будете довольны всѣмъ и всѣми». Эти мысли и воззрѣнія въ свое время были какъ нельзя болѣе кстати; ихъ надо было только выразить съ нѣкоторою осторожностью, чтобы не прослыть за послѣдователя почтеннѣйшаго Булгарина; а, какъ мы видѣли, дипломатической осторожности въ «Обыкновенной исторіи» дѣй-

ствительно гораздо больше, чѣмъ мысли, и несравненно больше, чѣмъ чувства. Но времена перемѣнились, и пришлось настраивать лиру на новый ладъ: всѣ заговорили о прогрессѣ, о разумѣ, и г. Гончаровъ также заблагоразсудилъ дать нашему обществу урокъ, наставить его на путь истины и указать ему на свѣтлое будущее. «Россіяне! говоритъ онъ въ своемъ Обломовѣ: всѣ вы спите. Всѣ вы равнодушны къ судьбѣ родины, всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна и заплыли жиромъ, что мнѣ, романисту, приходится, въ укоръ вамъ, брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе Славяне, изъ Нѣмцевъ призвали къ себѣ великаго князя, собирателя русской земли». И Россіяне, съ свойственною имъ однимъ добродушною наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова, и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: «да, да! вотъ наша язва, вотъ наше общее страданіе, вотъ корень нашихъ золъ — обломовщина!.. Всѣ мы Обломовы! всѣ мы ничего не дѣлаемъ! а дѣло ждетъ», и т. д. Добрые люди! напрасно вы такъ на себя ропщете; да что же вы будете дѣлать? Какая это вамъ пригрезилась работа? Это, должно быть, одно изъ слѣдствій вашего продолжительнаго сна; перевернитесь на другой бокъ и усните опять. Вы можете быть или Обломовыми, или Молчалиными, Фамусовыми и Петрами Ивановичами; первые—байбаки, тряпки; вторые—положительные дѣятели; но всякій порядочный человѣкъ скорѣе согласится быть Обломовымъ, чѣмъ Фамусовымъ. Г. Гончаровъ, какъ авторъ «Обломова» (*), думаетъ иначе: онъ думаетъ, что дѣло ждетъ, а работники спятъ, такъ что приходится нанимать ихъ за границею; спятъ они не потому, что ихъ измучила работа, не потому, что ихъ истомила жажда и пропекли жгучіе лучи солнца,

---

(*) Какъ авторъ «Обыкновенной исторіи» г. Гончаровъ думаетъ совсѣмъ не то: тамъ онъ думаетъ, что все хорошо и всѣ хороши, стоитъ только приглядѣться, да втянуться.

а потому, что они негодящій народъ, лентяи, увальни, жиромъ заплыли! Вотъ ужъ это дешевая клевета, пустая фраза, разведенная на цѣлый, огромный романъ! Г. Гончаровъ, какъ Паншинъ въ романѣ Тургенева «Дворянское гнѣздо», думаетъ, что стоитъ только захотѣть, такъ сейчасъ и посыплются въ ротъ жареные рябчики, L'idée du cadastre будетъ популяризирована; вотъ поэтому его Обломовъ и относится къ тогдашнему пробужденію дѣятельности, какъ замѣчаніе начальника, высказанное подчиненному: «что жъ вы, дескать, любезный мой, спите? вѣдь такъ нельзя? вы видите, я самъ не жалѣю силъ». Г. Гончаровъ, очевидно, думалъ этою мыслію попасть въ ноту, и дѣйствительно, многимъ показалось, что онъ попалъ; а на повѣрку выходитъ, что пѣніе было фальшивое, да и подтягивалъ-то онъ не теноромъ, а фистулою. Дѣло въ томъ, что Обломовъ похожъ на Бельтова, Рудина и Бешметева, только гораздо рѣзче обрисованъ; вотъ многимъ, если не всѣмъ, и покажись въ то время, что г. Гончаровъ говоритъ тоже самое, что Тургеневъ и Писемскій; а г. Гончаровъ говорилъ другое, только съ свойственною ему осторожностью. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ доходятъ до своей дрянности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ — вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ — люди измятые и изковерканные жизнью, а Обломовъ—человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ — организація самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др. наше общество нуждается въ реформахъ; по мнѣнію г. Гончарова — мы всѣ больные, нуждающіеся въ лекарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то же самое. Вотъ изъ этого-то взгляда и вытекла попытка г. Гончарова соорудить нелѣпую фигуру Штольца. Положительныхъ дѣятелей нѣтъ: это фактъ, который рѣшается признать нашъ романистъ; но почему ихъ нѣтъ? спрашиваетъ онъ. Дать на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ онъ боится, потому что такой отвѣтъ можетъ повести ужасно далеко, по русской посло-

вицѣ: языкъ до Кіева доводитъ. Вотъ онъ и отвѣчаетъ: «дѣятелей нѣтъ, потому что мы страдаемъ обломовщиною.» Это не отвѣтъ, это повтореніе вопроса въ другой формѣ, а между тѣмъ фраза облетѣла всю Россію. Обломовщина вошла въ языкъ, и даже талантливый критикъ Современника посвятилъ цѣлую критическую статью на разборъ вопроса: что такое Обломовщина? Далѣе, г. Гончаровъ разсуждаетъ такъ: если мы страдаемъ припадками болѣзни, то, чтобы изобразить положительнаго дѣятеля, стоитъ только представить здороваго человѣка; въ насъ недостаетъ энергіи, стало быть, если приписать энергію какому-нибудь джентльмену, если заставить его ходить большими шагами, говорить рѣшительно и громко, рѣшать, не задумываясь, теоретическіе вопросы—великая задача будетъ рѣшена, ключь найденъ, рецептъ положительнаго дѣятеля составленъ; остается только послать въ аптеку, чтобы тамъ подписали ordinavit nobis doctor vitae russicae I. Gontcharow. А-ну, какъ въ аптекѣ не найдется матеріаловъ? Что, если провизоръ усмѣхнется, прочитавъ рецептъ и отвѣтитъ ученому доктору, что такихъ специй въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что такія химическія соединенія невозможны ни подъ какою широтою? Что тогда? Ничего. Докторъ умоетъ руки, скажетъ, что больной непремѣнно выздоровѣлъ бы, если бы можно найти было птичье молоко, о которомъ толкуетъ его рецептъ. Въ дѣйствительности, больной не поправится, но зато докторъ будетъ правъ: онъ не задумался, онъ рѣшилъ вопросъ; его ли вина, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ теоріи, или, вѣрнѣе, въ фантазіи? Да и всего вѣрнѣе, что робкій провизоръ не отвѣтитъ доктору такъ рѣзко, какъ мы это предположили. Благоговѣя передъ репутаціею ученаго мужа, онъ начнетъ смѣшивать и размѣшивать, и, если у него не выйдетъ требуемаго соединенія, отнесетъ свою неудачу на счетъ собственной неловкости, вмѣсто того, чтобы обличить эскулапа въ невѣжествѣ и шарлатанствѣ. Благоговѣніе передъ авторитетами, общими и частными, одинаково сильно: въ аптекахъ и въ журналахъ. Если

откинуть это благоговѣніе, то надо будетъ сказать напрямикъ, что весь Обломовъ—клевета на русскую жизнь, а Штольцъ—просто faux fuyant, подставное рѣшеніе вопроса, вмѣсто истиннаго, попытка разрубить фразами тотъ узелъ, надъ которымъ, не жалѣя глазъ и костей, трудятся въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій истинно добросовѣстные дѣятели. Да! Авторъ «Обыкновенной исторіи» напрасно прикинулся прогрессистомъ: обращаясь къ нашему потомству, г. Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!»

Останавливаясь на женскихъ личностяхъ романовъ Гончарова, Писаревъ признаетъ заслуживающею анализа только личность Ольги.

«Въ доброе старое время, говоритъ онъ, когда литература считалась роскошью и забавою жизни, отъ автора романа требовали только блестящаго вымысла и разнообразія картинъ; самые строгіе цѣнители требовали отъ него нравственнаго поученія, и совершенно удовлетворялись его произведеніемъ, если оно изображало борьбу добра и зла, и выводило на сцену воплощенія разныхъ добродѣтелей и пороковъ; одни критики требовали, чтобы непремѣнно торжествовало добро; другіе, болѣе догадливые, позволяли злу одерживать побѣду, но желали только, чтобы зло, подавленное или торжествующее, было представлено въ очень отвратительномъ видѣ, «во всей наготѣ своего безобразія», какъ выражались съ добродѣтельнымъ негодованіемъ эти догадливые цѣнители. Для однихъ романъ былъ источникомъ благородной забавы, пособіемъ для успѣшнаго пищеваренія, чѣмъ-нибудь въ родѣ хорошей сигары, рюмки ликера или коньяка; для другихъ—романъ былъ нравоученіемъ въ лицахъ, и эти другіе смотрѣли на первыхъ какъ на жалкихъ умственныхъ недорослей, какъ на людей пустыхъ и ничтожныхъ. Эти другіе, считавшіе себя солью земли и свѣтилами міра, очень много толковали объ идеалахъ, и искали идеаловъ въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ. Подъ именемъ идеала они ра-

зумѣли что-то очень высокое и хорошее; идеаломъ человѣка они называли совокупленіе въ одномъ вымышленномъ лицѣ всевозможныхъ хорошихъ качествъ и добродѣтельныхъ стремленій; чѣмъ больше такихъ качествъ и стремленій романистъ нанизывалъ на своего героя, тѣмъ ближе онъ подходилъ къ идеалу, и тѣмъ больше похвалъ заслуживалъ онъ со стороны этихъ высоко развитыхъ цѣнителей. Цѣнители эти хотѣли, чтобы читатель, закрывая книгу, могъ сказать съ сердечнымъ умиленіемъ: «да! вотъ какіе должны быть люди! Увы! зачѣмъ это я не похожъ на этого героя, и зачѣмъ это въ моей супругѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ изящною личностью этой героини».

Доброе, старое время, о которомъ я говорю, время Грандисоновъ и Клариссъ, для многихъ добродушныхъ людей еще не миновалось, и для многихъ никогда не минуетъ. До сихъ поръ есть такіе высоконравственные люди, которые смотрять на литературу какъ на проповѣдь, возвышающую душу и очищающую нравственность; есть и такіе, которые видятъ въ ней весьма позволительную забаву; есть даже и такіе, которые видять въ ней источникъ всякаго зла. Люди послѣдней категоріи не читаютъ ничего, кромѣ календарей и дѣловыхъ бумагъ; но зато люди первыхъ двухъ категорій съ наслажденіемъ читаютъ «Обломова»; людей, наслаждающихся чтеніемъ романовъ послѣ сытнаго обѣда нѣжитъ обаятельность языка и спокойствіе разсказа; сверхъ того, ихъ радуетъ и умиляетъ тщательная отдѣлка мелочей; нужны ли эти мелочи для пониманія дѣла—объ этомъ они не спрашиваютъ; ощущеніе, доставляемое имъ романомъ, — пріятно, и они совершенно довольны. Люди, ищущіе назиданія, восхищаются фигурою Ольги и видятъ въ ней идеалъ женщины; каюсь, господа читатели, года два тому назадъ и я принадлежалъ къ числу этихъ людей, и я восторгался Ольгою, какъ образцомъ русской женщины. Но нашъ желѣзный вѣкъ, вѣкъ демоническихъ сомнѣній и грубо реальныхъ требованій, образуетъ мало-по-малу такихъ

людей которые даже романисту не позволяютъ быть фантазеромъ, и даже ученому спеціалисту не позволяютъ быть буквоѣдомъ. Мы нуждаемся—говорятъ эти люди—въ рѣщеніи самыхъ элементарныхъ вопросовъ жизни, и намъ нѣкогда заниматься тѣмъ, что не имѣетъ прямаго отношенія къ этимъ вопросамъ. Мы жить хотимъ, и, слѣдовательно, назовемъ дѣятелемъ жизни, науки или литературы, только того человѣка, который помогаетъ намъ жить, пуская въ ходъ всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи. Но созданія г. Гончарова не выясняютъ намъ ни одного явленія жизни, и, слѣдовательно, мы можемъ взглянуть на всю его дѣятельность какъ на явленіе чрезвычайно оригинальное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высокой степени безполезное. Мы не требуемъ отъ художника мелкаго обличенія, но полагаемъ, что пониманіе жизни и ясныя, сознательныя и, притомъ, искреннія отношенія къ поставленнымъ имъ вопросамъ представляютъ необходимую принадлежность художника. Г. Гончаровъ попытался нарисовать образъ русской дѣвушки, одаренной отъ природы значительными умственными силами и поставленной при самыхъ выгодныхъ условіяхъ развитія. Картинка вышла, на первый взглядъ, очень красивая. Благодаря пластичности гончаровскаго изложенія, большинство читателей приняло Ольгу за живую личность, возможную при условіяхъ нашей жизни. Первое впечатлѣніе говоритъ въ пользу героини «Обломова», но стоитъ только, не останавливаясь на мелочахъ, взглянуть на крупныя черты этого характера, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ выдумалъ, какъ и все то, что когда-нибудь выходило изъ подъ пера г. Гончарова. При первомъ своемъ появленіи на сцену, Ольга выходитъ изъ головы автора совершенно сформированною, въ полномъ вооруженіи, подобно тому, какъ въ доброе старое время «Паллада Афина» вышла изъ черепа Зевеса. Авторъ пытается объяснить происхожденіе выведеннаго имъ женскаго характера, но попытки эти оказываются совершенно неудачными. Говоря вскользь о развитіи Ольги, г. Гончаровъ указываетъ только на два обстоятель-

ства, отличавшія собою ея жизнь отъ жизни другихъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ тому же слою общества. Первымъ обстоятельствомъ является отрицательное вліяніе тетки, вторымъ — положительное вліяніе Штольца. Тетка, замѣнившая Ольгѣ родителей, не мѣшала ей дѣлать что угодно, а Штольцъ, въ досужныя минуты, училъ ее уму-разуму; первое обстоятельство довольно правдоподобно: сироты обыкновенно ростутъ свободнѣе, чѣмъ дѣти, воспитывающіеся въ родительскомъ домѣ: они терпятъ больше горя, но зато развиваются самобытнѣе и становятся тверже, именно потому, что ихъ не охватываетъ со всѣхъ сторонъ разслабляющая атмосфера слѣпой любви и неотразимаго деспотизма. Ольгѣ было удобнѣе развиваться подъ надзоромъ тетки, чѣмъ подъ руководствомъ матери; но вѣдь тетка могла дать только отрицательный элементъ; она могла до извѣстной степени не мѣшать развитію, а условія жизни, выборъ чтенія, кружокъ знакомыхъ должны были направлять силы молодаго ума въ ту или другую сторону. Что̀ могъ сдѣлать Штольцъ? Если бы даже онъ съ упорнымъ вниманіемъ слѣдилъ за проявленіями мысли и чувства въ молодой дѣвушкѣ, то и тогда ему одному было бы довольно трудно составлять противовѣсъ всему вліянію домашней и общественной обстановки. Но, кромѣ того, Штольцъ—«человѣкъ дѣятельный»: онъ съ утра до вечера бѣгаетъ по городу, онъ постоянно находится въ разъѣздахъ; гдѣ же ему быть руководителемъ и воспитателемъ молодой дѣвушки? Сверхъ того, Штольцъ относится къ Ольгѣ какъ къ ребенку даже во время той сцены, послѣ которой онъ предлагаетъ ей руку и сердцѣ; когда Ольга говоритъ ему о своемъ романѣ съ Обломовымъ; онъ ей отвѣчаетъ на ея признанія: «васъ за это надо оставить безъ сладкаго блюда за обѣдомъ». Если этотъ дѣловой господинъ, сильно смахивающій вообще на commis voyageur, относится такъ шутливо къ серьезному разсказу дѣвушки о серьезныхъ чувствахъ, и о дѣйствительныхъ, пережитыхъ ею страданіяхъ, то можно себѣ представить, съ какою покровительственною

улыбкою онъ относился къ этой дѣвушкѣ, когда она ходила въ коротенькихъ платьяхъ, и когда она, какъ умный, развивающійся ребенокъ, всего болѣе нуждалась въ дружескомъ совѣтѣ и въ уваженіи со стороны взрослаго. Кромѣ того, Штольцъ и самъ не отличается значительною высотою развитія; когда Ольга, сдѣлавшаяся уже его женою, жалуется ему на какія-то стремленія, на какую-то неудовлетворенную тоску, Штольцъ говорилъ на это: «мы не боги», и совѣтуетъ ей покориться, помириться съ этою тоскою, какъ съ неизбѣжною принадлежностью жизни. Штольцъ, очевидно, не понимаетъ смысла и причины этой тоски, но какъ человѣкъ самолюбивый и самонадѣянный, онъ не рѣшается признаться въ своемъ непониманіи и пускается въ фразерство. Человѣкъ, не способный понять такую простую вещь,—человѣкъ, неспособный въ рѣшительную минуту поддержать и разумнымъ образомъ успокоить женщину, опирающуюся на него съ полнымъ довѣріемъ, конечно, не можетъ имѣть на развитіе молодаго существа того рѣшительнаго и благотворнаго вліянія, которое приписано Штольцу въ романѣ г. Гончарова. Если Штольцъ не умѣетъ направить къ разумной дѣятельности силы женщины, уже сложившейся и окрѣпшей, то какимъ же образомъ можетъ этотъ самый Штольцъ пробудить и вызвать къ жизни силы, еще дремлющія въ мозгу ребенка? Есть, конечно, такіе люди, которые могутъ расшевелить, но потомъ не въ силахъ поддержать довѣрившуюся имъ женщину; къ числу такихъ людей принадлежатъ: Рудинъ, Шамиловъ, герой стихотворенія Некрасова. «Саша», такіе люди слабы и порывисты, а Штольцъ твердъ и спокоенъ; такіе люди очень хорошо знаютъ, что̀ надо дѣлать, но у нихъ не хватаетъ силъ, на то, чтобы исполнить сознанное дѣло. Штольцъ, напротивъ того, могъ бы все сдѣлать, но онъ не знаетъ, что̀ надо дѣлать. Изъ всего этого видно, что Штольцъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми рудинскаго типа; мало того, онъ поставленъ въ противоположность къ этому типу; онъ, по мнѣнію г. Гончарова, яв-

ляется живымъ укоромъ этимъ людямъ. Спрашивается, какъ же этотъ высоко развитой, металлически твердый, трезво и спокойно размышляющій человѣкъ оказался неспособнымъ вывести жену свою изъ лабиринта осадившихъ ее сомнѣній и стремленій? Тѣ эпитеты, которые я здѣсь придаю Штольцу, не выражаютъ моего личнаго мнѣнія объ этой фигурѣ; этими эпитетами я обозначаю только тѣ свойства, которыя г. Гончаровъ хотѣлъ придать своему созданію; я же съ своей стороны не считаю Штольца ни высокоразвитымъ, ни металлически твердымъ, ни спокойно размышляющимъ; всѣ эти свойства могутъ быть приписаны человѣку, а я не считаю Штольца за человѣка. Я вижу въ немъ довольно искусно выточенную маріонетку, двигающуюся взадъ и впередъ по произволу выточившаго ее мастера. Еще гораздо искуснѣе маріонетки Штольца выточена другая, очень красивая маріонетка, Ольга Сергѣевна Ильинская; но жизни нѣтъ ни въ той, ни въ другой. Поэтому, говоря о гончаровскихъ лицахъ, намъ приходится только слѣдить за процессомъ мыслительной дѣятельности въ головѣ автора; намъ приходится не обсуживать выведенныя имъ стороны жизни, а просто рѣшать вопросъ: послѣдовательны-ли и пригодны-ли его сужденія. Беру я на себя этотъ трудъ потому, что имя г. Гончарова пользуется значительною извѣстностью, и, слѣдовательно, мнѣнія его могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе на мысли читателей. Итакъ, мы видѣли, что г. Гончаровъ думаетъ о развитіи женщины; онъ полагаетъ, что дѣвушкѣ достаточно пользоваться нѣкоторою независимостью и встрѣчаться порою съ умнымъ и твердымъ мужчиною, для того, чтобы вполнѣ развить свои природныя силы. Тѣ предѣлы, которыхъ должна достигнуть эта независимость, не обозначены ясно, потому что отношенія Ольги къ теткѣ совершенно не обрисованы, и отношенія ея къ обществу оставлены въ тѣни съ тѣмъ замѣчательнымъ умѣньемъ, съ которымъ г. Гончаровъ всегда набрасываетъ покрывало на то, о чемъ, по его мнѣнію, неудобно распространяться. Тѣ размѣры, въ которыхъ должны проявлять-

ся умъ и твердость мужчины, также не опредѣлены съ достаточною ясностью; г. Гончаровъ не далъ себѣ труда подумать о томъ, чѣмъ могутъ быть искреннія и разумныя отношенія между развитымъ мужчиною и развитою женщиною и, вслѣдствіе этого отношенія, отношенія эти вышли блѣдны и фальшивы, какъ казенная фраза на избитую тему. Въ самомъ характерѣ Ольги встрѣчаются внутреннія противорѣчія, которыя ясно показываютъ, до какой степени туманны и сбивчивы понятія автора о томъ идеалѣ женщины, который онъ самъ себѣ составилъ и который онъ хотѣлъ выяснить читателямъ своего романа.

Возьмемъ отношенія Ольги къ Обломову. Ольгу заинтересовываетъ граціозность этой честной, мѣшковатой личности, которой наивность и природный умъ рѣзко отдѣляются отъ вычурности и безцвѣтности тѣхъ свѣтскихъ джентльменовъ, которыхъ до того времени приходилось видѣть Ольгѣ. Заинтерисовавшись Обломовымъ, Ольга начинаетъ въ него вглядываться убѣждается въ томъ, что онъ дѣйствительно уменъ, честенъ, мягокъ, симпатиченъ, и начинаетъ чувствовать къ нему влеченіе. Когда эта зародившаяся любовь сдѣлалась замѣтна для самой Ольги, то она взглянула на свое чувство довольно оригинально: она посмотрѣла на него, какъ на подвигъ, который посылаетъ ей судьба; она вообразила себѣ, что ей предстоитъ обновить Обломова, одряхлѣвшаго отъ умственнаго сна; воодушевить его новою энергіею, и сдѣлать его способнымъ къ дѣятельной, человѣческой жизни. Чтобы понимать такимъ образомъ свои отношенія къ любимому человѣку, надо стоять на высокой степени умственнаго развитія и обладать огромными природными силами. Кто стоитъ на такой степени и обладаетъ такими силами, тотъ неспособенъ затосковать безпредмѣтною тоскою и не понять причины своей тоски. Если Ольга понимаетъ, что Обломову необходима дѣятельность, то какъ же она можетъ не понять, что ей, какъ энергической личности, дѣятельность еще гораздо необходимѣе? Какъ же она не понимаетъ, что вся ея тоска съ любимымъ человѣкомъ, на южномъ берегу Крыма, среди роскошной цвѣту-

щей природы,—не что иное, какъ неудовлетворенная потребность разумной дѣятельности? Какъ, наконецъ, эта энергическая природа не рвется вонъ изъ душной атмосферы спокойнаго, соннаго счастья въ живую среду дѣятельности и тревоги? Какъ возможно, чтобы Ольга, рѣшившаяся такъ рѣзко разорвать свои отношенія съ Обломовымъ тогда, когда Обломовъ оказался тряпкою, чтобы эта самая Ольга, повторяю я, успокоилась на плоскомъ отвѣтѣ Штольца: «мы не боги», и помирилась съ такою жизнію, въ которой, сколько намъ извѣстно, по словамъ г. Гончарова, не было ничего, кромѣ воркованія любящаго супруга, няньчанья ребенка и заботъ по домашнему хозяйству? Энергическая женщина сама пробила бы себѣ дорогу къ дѣятельности и взглянула бы съ невольнымъ презрѣніемъ на того мужчину, который рѣшился бы увѣрять ее, что надо быть богомъ, чтобы работать и наслаждаться. Но г. Гончаровъ, расходясь съ своимъ мнѣніемъ, доказываетъ, кажется, совершенно противное; если сгруппировать въ общую картину всѣ черты, введенныя имъ въ фигуру Ольги, то смыслъ выйдетъ довольно оригинальный, гармонирующій съ основною идеею «Обыкновенной исторіи.» Ольга въ крайней молодости беретъ себѣ на плеча огромную задачу: она хочетъ быть нравственною опорою слабаго, но честнаго и умнаго мужчины; потомъ она убѣждается въ томъ, что эта работа ей не по силамъ, и находитъ гораздо болѣе удобнымъ самой опереться на крѣпкаго и здороваго мужчину. Положеніе ея очень прочно и комфортабельно, но, какъ вспышка молодости, у нея является припадокъ тоскливаго волненія. Этотъ припадокъ отъ времени до времени повторяется, постепенно ослабѣвая; наконецъ, молодая женщина совершенно излечивается, дѣлается спокойною и веселою, и жизнь ея начинаетъ струиться тихимъ, прозрачнымъ и отчасти усыпительно журчащимъ ручейкомъ. Г. Гончаровъ находитъ, что это самое спокойствіе должно быть признано счастіемъ. Я съ нимъ не буду спорить, потому что у каждаго свои понятія о счастьи; это дѣло личнаго вкуса.

Г. Гончаровъ въ изображеніи личности Ольги, точно также какъ и въ «Обыкновенной исторіи», производитъ варіаціи на извѣстныя русскія пословицы: «жгуча крапива, да уварится» или «кабы на горахъ да не морозъ, онѣ бы и тылъ переросъ»; онъ видитъ въ проявленіяхъ молодости и свѣжести дикія вспышки, безплодныя попытки—перекрутить все посвоему, и постепенно ослабѣвающіе припадки сумазбродства; онъ смотритъ на вещи трезвыми глазами благоразумнаго старца и считаетъ развитіе человѣка благополучно довершеннымъ въ ту эпоху, когда онъ начинаетъ располагать свои слова и поступки, сообразуясь съ внушеніями приличнаго разсчета. Знаете-ли, господа читатели, что̀ вышло бы изъ «Обломова», еслибы этотъ романъ былъ разсказанъ писателемъ, смотрящимъ на вещи не такъ благоразумно, какъ смотритъ г. Гончаровъ,—вышло бы вотъ что: Обломовъ оказался бы беззаботною головою, съ эстетическими стремленіями, не находящими себѣ удовлетворенія; онъ бы вышелъ похожимъ на Бельтова, и авторъ показалъ бы, что условія жизни, а не лимфатическій темпераментъ, мѣшаютъ ему развернуть свои способности и удовлетворить тѣмъ стремленіямъ, которыя отъ неудовлетворенія чахнутъ и мелѣютъ.

Ольга оказалась бы очень умною дѣвушкою, во всей личности которой совершается борьба между энергическимъ голосомъ чувственности съ одной стороны и разсчетомъ съ другой стороны. Ей нравится Обломовъ; она желала бы отдаться ему; ее привлекаетъ граціозная беззаботность, спокойная размашистость этой честной личности; но, съ другой стороны, эти самыя свойства внушаютъ ей серьезныя и благоразумныя опасенія. «Вѣдь этотъ Обломовъ, разсуждаетъ она, ужасный ротозѣй; его могутъ оплести и обмануть, такъ что онъ и ухомъ не поведетъ; растратитъ все состояніе, работать не съумѣетъ, служить не пойдетъ. потому что «прислуживаться тошно.» Что же я съ нимъ буду дѣлать? Онъ милый, хорошій; мнѣ его поцѣловать хочется, у мена къ нему сердце лежитъ, да вѣдь

страшно; вѣдь онъ поміру пуститъ.» Пока дѣвушка раскидываетъ такимъ образомъ своимъ рано созрѣвшимъ разсудкомъ, чувство симпатіи къ Обломову въ ней усиливается,—она увлекается пылкимъ темпераментомъ; случайно рука ея попадаетъ въ его руку, она наклоняется къ нему, слышится звукъ поцѣлуя; случай этотъ повторяется — она счастлива, потому что находится подъ обаяніемъ минуты, и потому что въ ней говоритъ громко голосъ здоровой природы... Но въ это время обаяніе вдругъ разрушается; ей дѣлаетъ предложеніе молодой человѣкъ, Штольцъ, находящійся на отличной дорогѣ, подвигающійся къ видному положенію въ обществѣ, отлично устроившій свое имѣніе и пользующійся репутаціею красиваго, умнаго и дѣльнаго джентльмена. «Изъ молодыхъ, да ранній», говорятъ объ этомъ юношѣ благоразумные старцы, и этотъ-то юноша съ подобающею солидностью выражаетъ Ольгѣ искренность и силу своего чувства, и, серьезно глядя ей въ глаза, предлагаетъ ей руку и сердце. Юноша Штольцъ дѣйствуетъ не безъ разсчета: онъ знаетъ, что Ольга можетъ разсчитывать на наслѣдство отъ какой-нибудь тетушки или бабушки; «кромѣ того, разсуждаетъ онъ, все же будетъ женщина въ домѣ; больше порядка, изящества, представительности; въ томъ положеніи, которое мнѣ въ скоромъ времени придется занимать, это даже необходимо.» Ну, да что тянуть разсказъ: разсчетъ у Ольги беретъ верхъ надъ чувствомъ; она круто обрываетъ отношенія съ Обломовымъ, называетъ его пустымъ человѣкомъ, хотя самой больно разстаться съ милою личностью, и, наконецъ, скрѣпя сердце, выходитъ замужъ за дѣльнаго Штольца, который представляетъ что-то среднее между Калиновичемъ Писемскаго и Паньшинымъ Тургенева. Апоѳеоза разсчета, скептическое отношеніе къ чувству—вотъ альфа и омега обоихъ романовъ г. Гончарова. Эти черты составляютъ остовъ характера Ольги: не та дѣвушка хороша, по мнѣнію Гончарова, которая любитъ сильно и безкорыстно, а та, которая умѣетъ выбирать себѣ мужа; не тотъ человѣкъ хорошъ, по мнѣнію г. Гонча-

рова, у котораго есть и теплое чувство, и свѣтлый умъ, и широкія стремленія, а тотъ, кто живя съ волками, умѣетъ выть по-волчьи.»

Итакъ, насчетъ Ольги Ильинской мы можемъ замѣтить, что это характеръ невѣрно понятый и ложно представленный авторомъ. Кто не можетъ ужиться съ нами, думаетъ г. Гончаровъ, тотъ и дрянь; кто живетъ припѣваючи, тотъ молодецъ. Коротко и ясно. Но справедливо ли будетъ, если я поступлю такъ: положимъ, я иду мимо высыхающаго прудка и вижу, что карась издыхаетъ отъ недостатка воды; въ это самое время сотни лягушекъ прыгаютъ и квакаютъ, пляшутъ отъ радости и съ наслажденіемъ таскаютъ червяковъ изъ жидкой грязи; я останавливаюсь надъ карасемъ и указываю ему на лягушекъ, начинаю ругать его, зачѣмъ онъ не веселится и не наслаждается благами жизни. Правъ ли я буду? Кажется, нѣтъ. Не виноватъ карась въ томъ, что онъ родился карасемъ, и небольшая заслуга лягушкамъ отъ того, что онѣ родились или сдѣлались лягушками. Одинъ дышетъ жабрами; другой легкими, одинъ любитъ свѣтлую воду, другой жидкую грязь. Ну, и съ Богомъ!

IV.

Дѣятельность и значеніе произведеній Тургенева охарактеризованы лучше всего Писаревымъ.

«Всѣ романы его, говоритъ онъ, слишкомъ глубоко прочувствованы или слишкомъ полно отражаютъ картины жизни, чтобы не показаться каждому читателю серьезнымъ и дѣльнымъ словомъ мыслящаго человѣка. Въ дѣятельности его до сихъ поръ нельзя отмѣтить ни одной фальшивой ноты, до его несчастнаго романа «Наканунѣ.» Онъ попробовалъ до этого времени представлять положительныхъ дѣятелей, т. е. такихъ героевъ, которымъ вполнѣ могли бы сочувствовать авторъ и чи-

татели; онъ не давалъ даже нелѣпыхъ обѣщаній, въ родѣ того, которое далъ Гоголь въ первой части «Мертвыхъ душъ», и которое онъ такъ уродливо выполнилъ во второй части своей поэмы. Тургеневъ стоялъ въ чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ нашей дѣйствительности; оба они скептически относились къ лучшимъ проявленіямъ нашей мысли, къ самымъ красивымъ представителямъ выработавшихся у насъ типовъ. Эти отрицательныя отношенія, этотъ скептицизмъ—величайшая ихъ заслуга передъ обществомъ. Сбить съ пьедестала пустаго фразера, показать ему, что онъ несетъ вздоръ, упиваясь звуками собственнаго голоса, что онъ только фразеромъ и можетъ быть—это чрезвычайно важно; это такой урокъ, послѣ котораго отрезвляется цѣлое поколѣніе; отрезвившись, оно всматривается въ окружающія явленія... Поколѣніе Рудиныхъ—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ — замысловатая таинственность, мирили насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами и всю свою жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. Развѣнчать этотъ типъ было также необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ красиваго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло, и который, живя однимъ воображеніемъ, прозябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣнчанъ Тургеневымъ. Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они люди безполезные; но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшнею эффектностью; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ; усиливъ въ нихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданія; словомъ, это

болотные огоньки, заводящіе ихъ въ трущобы и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе. Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ.

На словахъ эти люди, подобные Рудину, способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ, такъ, по крайней мѣрѣ, подумаетъ каждый обыкновенный смертный, слушая ихъ разглагольствованія о человѣкѣ, о гражданинѣ и другихъ тому подобныхъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ. На дѣлѣ, эти дряблыя существа, постоянно испаряющіяся въ фразы, неспособны ни на рѣшительный шагъ, ни на усидчивый трудъ. Вглядитесь въ Рудина: какъ онъ говоритъ о жизни, какъ его слова западаютъ въ душу двумъ молодымъ личностямъ, Наташѣ и Бельтову, какъ онъ самъ воодушевляется и становится почти великъ, когда его увлекаетъ потокъ его мыслей! И вдругъ, что же выходитъ на дѣлѣ? Рудинъ трусить передъ Волынцевымъ, трусить передъ Натальею, спотыкается о ничтожнѣйшія препятствія, падаетъ духомъ, выѣзжая изъ гостепріимнаго дома Дарьи Михайловны и, наконецъ, является передъ читателями измятымъ, забитымъ, безполезнымъ, какъ выжатый лимонъ; и тутъ онъ фразерствуетъ, только нѣсколькими тонами ниже. Но въ Рудинѣ есть выкупающія стороны: Рудинъ поэтъ, голова, сильно раскаляющаяся и быстро простывающая, для того, чтобы снова раскалиться отъ прикосновенія другихъ предметовъ. Онъ впечатлителенъ до крайности, и въ этой впечатлительности заключается и его обаятельность, и источникъ его страданій. Еслибы дѣло также скоро дѣлалось, какъ сказка сказывается, то Рудинъ могъ бы быть великимъ дѣятелемъ; въ ту минуту, когда онъ говоритъ, его личность выростаетъ выше обыкновенныхъ размѣровъ; онъ гальванизируетъ самого себя, онъ силенъ и вѣритъ въ свою силу, онъ готовъ пойти на открытый бой со всею неправдою земли; вотъ почему онъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ; но въ обыденной жизни нельзя устраивать свои дѣла однимъ взмахомъ руки,—ничто не приходитъ къ намъ по щучьему велѣнію; надо

выработать, надо срыть препятствія и разровнять себѣ дорогу; для этого необходима выдержка, устойчивость; взрывомъ кипучей отваги, вспышкою нечеловѣческой энергіи можно только ослѣпить зрителей: оно красиво, но безплодно. Рудинъ умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его не что иное какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей. Всего печальнѣе то, что эти миражи обманывали не его одного; съ нимъ вмѣстѣ, за него, и часто, сильнѣе его самого, страдали люди, принимавшіе его слова на вѣру, воспламенявшіеся вмѣстѣ съ нимъ и не умѣвшіе остыть тогда, когда остывалъ Рудинъ. Особенно вредно Рудины дѣйствуютъ на женщинъ; женщины въ нашемъ обществѣ нерѣдко до сѣдыхъ волосъ остаются дѣтьми; онѣ не знаютъ жизни, потому что сами не сталкиваются съ нею; онѣ не знаютъ того, какъ лгутъ въ жизни, поступками и словами, на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже лучшіе люди добросовѣстнѣйшіе дѣятели; онѣ видятъ этихъ людей и дѣятелей въ домашнемъ костюмѣ, когда вицмундиры смѣняются простыми сюртуками, онѣ слышатъ, какъ эти люди разсуждаютъ о своей дѣятельности и много фальшивой монеты принимаютъ за наличную; упоминая такимъ образомъ о женщинахъ, я, конечно, не говорю о тѣхъ несчастныхъ личностяхъ, которыхъ горькая нужда слишкомъ хорошо познакомила съ грязью жизни, или которыхъ уродливое воспитаніе сдѣлало нечувствительными къ какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ, кромѣ чисто физической боли и чисто физическаго наслажденія. Нѣкоторая независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ совершенно необходима для того, чтобы человѣкъ могъ мыслить и чувствовать; если человѣкъ цѣлый день работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода, и утоляетъ свой голодъ для того, чтобы завтра опять цѣлый день работать, то онъ прозябаетъ, а не живетъ; онъ черствѣетъ, тупѣетъ, покрывается какою-то ржавчиною; въ этомъ и заключается деторализирующее, опошляющее вліяніе пауперизма, котораго не испытываютъ живот-

ныя, и который страшнымъ бременемъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Слѣдовательно, говоря о психической жизни женщинъ, я поневолѣ принужденъ ограничиваться тѣми сферами, въ которыхъ эта психическая жизнь не подавлена и не забита ежечасною, тревожною заботою о кускѣ хлѣба; такія женщины, знающія жизнь на столько, насколько пожелаютъ показать имъ эту жизнь ихъ папеньки, опекуны или супруги, любятъ смѣлыя рѣчи Рудиныхъ; онѣ въ этихъ людяхъ надѣются увидѣть тѣхъ героевъ, къ которымъ инстинктивно стремятся ихъ желанія; онѣ надѣются черезъ нихъ познакомиться съ тою, болѣе полною и широкою жизнью; онѣ привязываются къ этимъ людямъ тою пылкою любовью, которою мы любимъ наши лучшія надежды, наши свѣтлыя мечты, наши благородныя стремленія; все то, что даетъ намъ силы переносить тягости жизни, все это воплощается для женщины въ образѣ того человѣка, который горячимъ словомъ шевельнулъ ея мозговые нервы; тутъ обмануться, тутъ разочароваться значитъ упасть съ страшной высоты; вынести такое паденіе, окрѣпнуть послѣ такого грубаго удара удается очень немногимъ. Вотъ въ какомъ отношеніи Рудины принимаютъ на себя страшную отвѣтственность; кто будитъ въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, тотъ долженъ и удовлетворить ихъ требованіямъ; кто ведетъ слабаго ребенка на крутую гору, тотъ можетъ сдѣлаться преступникомъ, если не поддержитъ до самаго конца горы это существо, вѣрующее въ его силу и смѣло пошедшее за нимъ по его призыву; оставить такое существо на половинѣ дороги, когда впереди страшная крутизна, а сзади страшный спускъ въ сырую трущобу— это непростительно: тутъ извиненіемъ не можетъ служить ни ошибка, ни слабость; когда берешься устроивать чужую жизнь, надо взвѣсить свои силы; кто этого не умѣетъ или не хочетъ сдѣлать, тотъ опасенъ, какъ слабоумный, или какъ эксплуаторъ.

Чтобы оттѣнить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить безпощадность своихъ отношеній къ ихъ чахлыхъ личностямъ и смѣшнымъ пре-

тензіямъ, Тургеневъ ставитъ ихъ съ простыми, очень неразвитыми смертными; и эти простые смертные оказываются выше, крѣпче и честнѣе полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ. Рудинъ пасуетъ передъ Волынцевымъ, передъ отставнымъ армейскимъ ротмистромъ, не получившимъ никакого образованія. Рудинъ гораздо образованнѣе и даже развитѣе тѣхъ личностей, которымъ онъ противополагается, а между тѣмъ неотесанныя натуры послѣднихъ внушаютъ гораздо больше довѣрія, уваженія и сочувствія: Отчего это происходитъ? Оттого, что въ фразерахъ мы ничего не видимъ, кромѣ извѣстной дрессировки, а на дѣлѣ видимъ человѣка, каковъ онъ есть, съ самородными достоинствами и съ прилипшими случайно странностями. Но теперь возникаетъ другой вопросъ: съ какою цѣлью Тургеневъ рѣшается дѣлать эти сопоставленія? Что̀ онъ хочетъ этимъ доказать? Неужели то, что образованіе вредно дѣйствуетъ на человѣка? На послѣдній вопросъ можно смѣло отвѣтить: нѣтъ. Тургенева, продолжаетъ Писаревъ нельзя упрекнуть въ тупомъ пристрастіи къ патріархальности; но, съ другой стороны, его нисколько не подкупилъ блескъ той цивилизаціи, которая дѣлаетъ чудеса въ Америкѣ и въ Англіи; «блестѣть-то она блеститъ, говоритъ онъ, да каково-то у насъ она принимается. Вѣдь теперь періодъ порыва и страсти, и много крикливыхъ диссонансовъ происходитъ отъ сшибки общечеловѣческаго элемента съ Домостроемъ. Что̀ дѣлать художнику въ такія эпохи? Что̀ дѣлать человѣку, горячо любящему человѣческіе интересы и сильно нуждающемуся въ нравственной опорѣ. На что ему надѣяться? На силу идеи, внесенной въ жизнь народа, или энергію народа, который переработаетъ доставшуюся ему идею и обратитъ ее въ свою полную умственную собственность, въ капиталъ, съ котораго онъ со временемъ будетъ брать богатые проценты? На что̀ ему надѣяться, повторяю я: на силу идеи, или на энергію человѣка? Конечно, на силу идеи, подхватятъ идеалисты, на силу истины, которая всегда восторжествуетъ и останется вѣчно истиною. Хорошо;

пускай себѣ идеалисты творятъ что имъ угодно, а я скажу, что надо надѣяться на силу человѣка, какъ живаго, органическаго тѣла, и со мною въ этомъ случаѣ согласенъ, по смыслу своихъ произведеній, Тургеневъ. Увлечься идеею не трудно, подчиниться идеѣ способенъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей, но такой человѣкъ не принесетъ идеѣ никакой пользы, и самъ не выжметъ изъ этой идеи никакихъ плодотворныхъ результатовъ; чтобы переработать идею, напротивъ того, необходимъ живой мозгъ; только тотъ, кто переработалъ идею, способенъ сдѣлаться дѣятелемъ или измѣнить условія своей собственной жизни подъ вліяніемъ воспринятой имъ идеи, т. е. только такой человѣкъ способенъ служить идеѣ и извлекать изъ нея для самого себя осязательную пользу. Подчиняются идеямъ многіе, овладѣваютъ ими—избранныя личности; оттого въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые показываютъ себя образованными, господствуютъ идеи, но эти идеи не живутъ; идея только тогда и живетъ, когда человѣкъ выработываетъ ее силами собственнаго мозга; какъ только она перешла въ категорическій законъ, которому всѣ подчиняются, тамъ она застыла, умерла и начинаетъ разлагаться. Столкнувшись съ цѣлымъ міромъ новыхъ, широкихъ идей, наши рудинствующіе молодые люди теряютъ всякую способность отнестись къ нимъ критически, и, слѣдовательно, всякую способность переработать ихъ въ плоть и кровь свою; они благоговѣютъ передъ тѣми идеями, которыхъ они наслушались, любуются на эти идеи, но жить ими не могутъ, потому что нельзя же жить такими вещами, на которыя смотришь издали и которыхъ не осмѣливаешься взять въ руки. Они сами по себѣ, а идеи ихъ сами по себѣ. Очень можетъ быть, что новыми идеями вообще увлекаются прежде другихъ натуры впечатлительныя, подвижныя, неспособныя къ критикѣ и, вслѣдствіе этого, ничтожныя въ дѣлѣ жизни; тѣ кряжистыя натуры, которыя противополагаются Рудинымъ, воспринимаютъ туго, недовѣрчиво, постепенно; но когда извѣстная идея, какъ извѣстный

пріемъ лекарства, расшевелила ихъ мозговыя нервы, тогда они начинаютъ дѣйствовать; мысль не расходится съ дѣломъ; они живутъ, вмѣсто того, чтобы разсуждать о жизни; такихъ людей у насъ немного, но ихъ начинаетъ признавать и уважать наше общество.

Переходя къ женскимъ типамъ Тургенева, Писаревъ относится къ нимъ съ особымъ сочувствіемъ. Вотъ извлеченіе изъ его отзыва:

«Въ повѣстяхъ и романахъ Тургенева, говоритъ онъ, много великолѣпно отдѣланныхъ женскихъ характеровъ. Я останавлюсь только на нѣкоторыхъ: возьму Асю, Наталью (изъ Рудина), Зинаиду (изъ Первой Любви), Вѣру (изъ Фауста), Лизу (изъ Дворянскаго Гнѣзда) и Елену (изъ Наканунѣ).

Ася—милое, свѣжее, свободное дитя природы; какъ незаконно рожденная дочь, она въ домѣ отца своего не пользовалась тѣмъ тщательнымъ надзоромъ, который душитъ въ ребенкѣ живыя движенія и превращаетъ здоровую дѣвочку въ благовоспитанную барышню. Свободно играла и рѣзвилась она, бывши ребенкомъ; свободно стала она развиваться подъ руководствомъ своего старшаго законнорожденнаго брата, добродушнаго молодаго человѣка,—весело, свѣтло и широко смотрящаго на жизнь. «Вы видите, говоритъ о ней ея братъ, Гагинъ, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разыгрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила... Полная независимость во всемъ, да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Что̀ тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ».

Эти слова Гагина характеризуютъ и того, кто ихъ произноситъ, и ту дѣвушку, о которой говорятъ. Мнѣ могутъ возразить, что изъ этихъ словъ не видно, чтобы Гагинъ смотрѣлъ на жизнь широко. На это возраженіе отвѣчу, что Гагинъ при-

надлежитъ къ числу людей мягкихъ, неспособныхъ вступить въ открытую борьбу съ существующимъ предразсудкомъ или завязать горячій споръ съ несоглашающимся собесѣдникомъ. Мягкость и добродушіе поглощаютъ въ немъ всѣ остальныя свойства; онъ изъ добродушія посовѣстится уличить васъ въ нелѣпости; онъ даже съ подлецомъ постарается разойтись помягче, чтобы не обидѣть его; самъ онъ не стѣсняетъ Аси ни въ чемъ, и даже не находитъ въ ея своеобразности ничего дурнаго, но онъ говоритъ о ней съ довольно развитымъ, но отчасти фешенебельнымъ господиномъ, и потому невольно, изъ мягкости, становится въ уровень съ тѣми понятіями, которыя онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ. Онъ высказываетъ о воспитаніи Аси тѣ понятія, которыя живутъ въ обществѣ: самъ онъ не сочувствуетъ этимъ понятіямъ; находя, на словахъ, что полную независимость вынести не легко, онъ самъ никогда не рѣшится стѣснить чью-нибудь независимость; зато и не рѣшится отстоять отъ притязаній общества свою или чужую независимость. Уступая требованіямъ общественныхъ приличій, онъ отдалъ Асю въ пансіонъ; когда же Ася, по выхотѣ изъ пансіона, поступила подъ его покровительство, онъ не могъ стѣснять ея свободы ни въ чемъ, и она стала дѣлать что ей было угодно. Что̀ же, спроситъ читатель, она, вѣроятно, надѣлала много непозволительныхъ вещей? О, да, отвѣчу я, ужасно много. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ! Она прочла нѣсколько страстныхъ романовъ, она одна ходила гулять по прирейнскимъ скаламъ и развалинамъ, она держала себя съ посторонними людьми то очень застѣнчиво, то весело и бойко, смотря потому, въ какомъ она была настроеніи, она... ну, да что же! Неужели вамъ этого мало? Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего и не должно бы знать въ ея годы. Полная независимость во всемъ! Да развѣ легко ее вынести? О, эти двѣ фразы имѣютъ великое значеніе!...»

Ася является въ повѣсти Тургенева восемнадцатилѣтнею дѣвушкою; въ ней кипятъ молодыя силы; ея кровь играетъ и

мысль бѣгаетъ; она на все смотритъ съ любопытствомъ, но ни во что не вглядывается: посмотритъ и отвернется, и опять взглянетъ на что-нибудь новое; она съ жадностью ловитъ впечатлѣнія, и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли и совершенно безсознательно; силъ много, но силы эти бродятъ. На чемъ онѣ сосредоточатся и что изъ этого выйдетъ,—вотъ вопросъ, который начинаетъ занимать читателя тотчасъ послѣ перваго знакомства съ этою своеобразною и прелестною фигурою.

Она начинаетъ кокетничать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ Гагинъ случайно знакомится въ нѣмецкомъ городкѣ. Кокетство Аси также своеобразно, какъ и вся ея личность; это кокетство безцѣльно и даже безсознательно; оно выражается въ томъ, что Ася, въ присутствіи посторонняго молодаго человѣка, становится еще живѣе и шаловливѣе; по ея подвижнымъ чертамъ пробѣгаетъ одно выраженіе за другимъ; она какъ-то вся въ его присутствіи живетъ ускоренною жизнью; она при немъ побѣжитъ такъ, какъ не побѣжала бы, можетъ быть, безъ него; она станетъ въ граціозную позу, которую не приняла бы, можетъ быть, если бы его тутъ не было,—но все это не разсчитано, не пригоняется къ извѣстной цѣли; она становится рѣзвѣе и граціознѣе потому, что присутствіе молодаго мужчины, незамѣтно для нея самой, волнуетъ ея кровь и раздражаетъ нервную систему; это не любовь, это — половое влеченіе, которое неизбѣжно должно явиться у здоровой дѣвушки, точно также какъ оно является у здороваго юноши. Это половое влеченіе, признакъ здоровья и силы, систематически забивается въ нашихъ барышняхъ образомъ жизни, воспитаніемъ, обученіемъ, пищею, одеждою; когда оно оказывается забитымъ, тогда тѣ же воспитательницы, которыя его забили, начинають обучать своихъ воспитанницъ такимъ маневрамъ, которыя до извѣстной степени воспроизводятъ его внѣшніе симптомы. Естественная грація убита,—на ея мѣсто подставляють искусственную; дѣвушка запугана и забита домашнею выправкою и дисциплиною, а ей велятъ при гостяхъ быть ве-

селою и развязною; проявленіе истиннаго чувства навлекаетъ на дѣвушку потокъ нравоученій, а между тѣмъ любезность ставится ей въ обязанность; однимъ словомъ, мы вездѣ и всегда поступаемъ такъ: сначала разобьемъ естественную, цѣльную жизнь, а потомъ изъ жалкихъ черепковъ и верешковъ начинаемъ клеить что-нибудь свое, и ужасно радуемся, если это свое издали почти похоже на натуральное. Ася—вся живая, вся натуральная, и потому-то Гагинъ считаетъ необходимымъ извиниться за нее передъ тою золотою серединою, которой лучшимъ и наиболѣе развитымъ представителемъ является г. И. Н., разсказывающій всю повѣсть отъ своего лица. Мы такъ далеко отошли отъ природы, что даже ея явленія мѣряемъ не иначе, какъ сравнивая ихъ съ нашими искусственными копіями; вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей случалось, глядя на закатъ солнца и видя такіе рѣзкіе цвѣта, которыхъ не рѣшился бы употребить ни одинъ живописецъ подумать про себя (и потомъ, конечно, улыбнуться этой мысли); что это, какъ рѣзко! Даже не натурально. Если намъ случается такимъ образомъ ломить на колѣнку явленія неодушевленной природы, которыя имѣютъ свое оправданіе въ самомъ фактѣ своего существованія, то можно ее представить, какъ мы, безсознательно, незамѣтно для самихъ себя ломаемъ и насилуемъ природу человѣка, обсуживая и перетолковывая вкривь и вкось явленія, попадающіяся намъ на глаза. Изъ того, что я до сихъ поръ говорилъ объ Асѣ, прошу не выводить того заключенія, будто это личность совершенно непосредственная. Ася настолько умна, что умѣетъ смотрѣть на себя со стороны, умѣетъ посвоему обсуживать свои собственные поступки и произносить надъ собою приговоръ. Напримѣръ, ей показалось, что она черезчуръ расшалилась,—на другой день она является тихою, спокойною, смиренною до такой степени, что Гагинъ говоритъ даже о ней:

«Ага! Постъ и покаяніе на себя наложила.»

Потомъ онъ замѣчаетъ, что въ ней что-то неладно, что она,

кажется, привязывается къ новому знакомому; это открытіе ее пугаетъ; она понимаетъ свое положеніе,—двусмысленное, по мнѣнію нашего общества; она понимаетъ, что между нею и любимымъ человѣкомъ можетъ появиться такая преграда, черезъ которую она, изъ гордости, не захочетъ перескочить и черезъ которую онъ, изъ робости, не посмѣетъ перешагнуть. Весь этотъ рядъ мыслей пробѣгаетъ въ ея головѣ чрезвычайно быстро и отдается во всемъ ея организмѣ; кончается тѣмъ, что она, какъ испуганный ребенокъ, порывисто отвертывается отъ неизвѣстнаго будущаго, которое является ей въ образѣ новаго чувства, и съ дѣтскимъ довѣріемъ, съ громкимъ плачемъ и, въ то же время, съ не дѣтскою страстностью кидается назадъ къ своему милому прошедшему, воплощающемуся для нея въ личности добраго, снисходительнаго брата.

— Нѣтъ, говоритъ она сквозь слезы:—я никого не хочу любить, кромѣ тебя; нѣтъ, нѣтъ, одного тебя я хочу любить—и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, говоритъ Гагинъ:—ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

— Тебя, тебя одного! повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цѣловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно,—твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.

Наша европейская цивилизація какъ-то такъ устроена, что она пугаетъ дикарей и мало-по-малу истребляетъ ихъ. Ася въ отношеніи этой цивилизаціи находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ можетъ быть поставленъ какой-нибудь краснокожій стрѣлокъ; ей предстоитъ рѣшить грозную дилемму: надо или отказаться отъ о тогчеловѣка, къ которому она начинаетъ чувствовать влеченіе, или стать во фронтъ, войти въ ранжиръ, отказаться отъ милой свободы; она инстиктивно боится чего-то, и инстинктъ ее не обманываетъ; она хочетъ воротиться къ прошедшему, а между тѣмъ будущее ма-

нитъ къ себѣ, и не отъ насъ зависитъ остановить теченіе жизни.

Настроеніе Аси, ея обращеніе къ прошедшему—скоро исчезаютъ безъ слѣда; приходитъ Н. Н., начинаетъ разговоръ, прихотливо перепрыгивающій отъ одного впечатлѣнія къ другому, и Ася вся отдается настоящему, и отдается такъ весело и беззаботно, что не можетъ даже скрыть ощущаемаго удовольствія; она болтаетъ почти безсвязный вздоръ, обаятельный какъ выраженіе ея свѣтлаго настроенія, и наконецъ прерывается и просто говоритъ, что ей хорошо. И это настроеніе совершенно неожиданно разрѣшается въ весьма естественномъ желаніи—повальсировать съ любимымъ человѣкомъ.

«Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, подъ нами: небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо!—также тихо отвѣтила она, не смотря на меня:—Еслибъ мы съ вами были птицы—какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ!... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырости,—возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживите, узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать.... Кажется, до-сихъ-поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю,—отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею, и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ, подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное близкое дыханіе, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзво обвѣянномъ кудрями. «Во всей этой сценѣ Ася, очевидно, находится въ напряженномъ состояніи; она переживаетъ новую для себя фазу развитія; она въ одно время и живетъ, и думаетъ о жизни, какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными свѣтлыми умственными способностями; она поддается новымъ впечатлѣніямъ, и, въ то же время, боится ихъ, потому что не знаетъ, что дадутъ они ей въ будущемъ; порою пересиливаетъ страхъ, порою одолѣваетъ желаніе. Чувство растетъ съ каждымъ днемъ. Ася объявляетъ г. Н., что крылья у нея выросли, да летѣть некуда, а потомъ признается брату, что она любитъ этого господина. «Увѣряю васъ, говоритъ Гагинъ въ разговорѣ съ Н.: мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства: это находитъ на нее также неожиданно и также неотразимо, какъ гроза.» Дѣйствительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами,—оно доводитъ ее до дѣйствія: забывая всякую предосторожность, оглагая въ сторону всякую ложную гордость, она назначаетъ любимому человѣку свиданіе, и тутъ-то, при этомъ случаѣ, высказывается въ полной яркости превосходство свѣжей, энергической дѣвушки надъ вялымъ продуктомъ великосвѣтской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чѣмъ рискуетъ Ася, и посмотрите, чего боится Н.? Идя на свиданіе, Ася, конечно, не знала, чѣмъ оно можетъ кончиться; свиданіе это было назначено безъ всякой цѣли, по неотразимой потребности сказать любимому человѣку наеди-

нѣ что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидѣвшись съ Н. у фрау Аризъ, она такъ безраздѣльно отдалась впечатлѣнію минуты, что потеряла и желаніе, и способность сопротивляться чему бы то ни было; она безусловно довѣрилась, не слыхавши отъ Н. ни одного слова любви; безсознательная робость молодой дѣвушки и сознательная боязнь лишиться добраго имени—все умолкло передъ настоятельными, неотразимыми требованіями чувства. Если можно благоговѣть передъ чѣмъ бы то ни было, то всего разумнѣе и изящнѣе будетъ съ благоговѣніемъ остановиться передъ этою силою чувства: это такой двигатель, для котораго не существуетъ непреодолимыхъ трудностей; при всякой борьбѣ между людьми, рано или поздно одолѣетъ та партія, на сторонѣ которой находится наибольшая сумма энергическаго чувства; человѣкъ, вносящій въ жизнь пылкое желаніе наслаждаться, горячую, энергическую любовь къ жизни, навѣрное достигнетъ желаемаго счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь нелѣпый камень. Только вялость и апатія вязнутъ въ трясинѣ, не умѣя осилить ни матеріальную нужду, ни людское доброжелательство. Femme le veut, Dieu le veut. Эта поговорка живетъ у Французовъ со временъ рыцарства и въ ней есть значительная доля правды; чего, чего не подѣлаетъ любящая женщина? Какія новыя силы не пробудятся въ ней подъ вліяніемъ ея чувства? Если бы, дѣйствительно, (какъ утверждаютъ противники такъ называемой эманципаціи женщинъ) у женщины не было ничего, кромѣ способности любить, то и тогда было бы еще неизвѣстно, чья природа оказалась бы крѣпче интеллектуальными дарами: природа мужчины или природа женщины? Въ разбираемой мною повѣсти — неразвитая, полудикая дѣвушка одною силою своего чувства становится неизмѣримо выше молодаго человѣка, у котораго есть и умъ, и образованіе, и современное развитіе. Она на все рѣшилась, не остановилась даже передъ тою мыслію, что можетъ огорчить брата,—единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго она любитъ; она пошла

на встрѣчу обсужденію и позору, страданіямъ и домашнему горю, а онъ, онъ... на чѣмъ онъ запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачѣмъ. На томъ, читатели, что его женѣ на визитныхъ карточкахъ, неудобно будетъ написать: M-me N. née une telle. На томъ, что онъ самъ, г. Н., затруднится отвѣчать на вопросъ какого-нибудь великосвѣтскаго хлыща: «какъ ваша супруга урожденная?» Потомъ онъ, послѣ двухдневной борьбы, одолѣваетъ это препятствіе; но эта побѣда оказывается несвоевременною. Кромѣ того, читатель, подумайте сами, если мы будемъ боротся съ такими плюгавыми препятствіями, какъ съ какимъ-нибудь дѣйствительно существующимъ колоссальнымъ врагомъ, то, неправда-ли, какъ мы далеко уйдемъ впередъ, какъ много сдѣлаемъ дѣльнаго, а главное,— какъ много успѣемъ насладиться жзинью! А жизнь, ей-Богу, коротка, и счастливыя стеченія обстоятельствъ бываютъ такъ рѣдки, что ими необходимо пользоваться, если не хочешь глупѣйшимъ образомъ прозѣвать жизнь. На личность г. Н. можно взглянуть еще съ одной очень поучительной стороны. Онъ приходитъ на свиданіе, съ твердымъ намѣреніемъ объявить Асѣ, что они должны разстаться. «Жениться на семнадцати-лѣтней дѣвочкѣ (прибавьте еще, г. Н., на незаконнорожденной дочери), говорилъ онъ самъ себѣ, съ ея нравомъ (тутъ г. Н., очевидно, боится, чтобы у него, вслѣдствіе этого нрава, не выросли рога), какъ это можно?» (Да и не бойтесь г. Н., вамъ, конечно, нельзя, да вы и не женитесь. Это вамъ сказалъ уже и Гагинъ). Твердое намѣреніе г. Н. начинаетъ колебаться: онъ видитъ грустную, робкую и обаятельную въ этой грустной робости фигуру Аси, которая старается улыбнуться и не можетъ, хочетъ сказать что-то и не находитъ ни словъ, ни голоса. Ему становится жаль этой милой, любящей дѣвушки; онъ снисходитъ къ ней и называетъ ее ласкательнымъ полуименемъ.

— «Ася», сказалъ я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взглядъ женщины, которая полюбила, кто̀ тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами, я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ...

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожавшей, руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Ка̀къ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ-будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все, я потянулъ ее къ себѣ—покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ, и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы...

— Ваша!.... прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана...»

«Ахти, бѣда! подумаетъ сердобольный читатель. Погубитъ онъ, озорникъ, бѣдную дѣвушку!» Да, дѣйствительно, всякій здоровый и крѣпкій человѣкъ увлекся бы до послѣднихъ предѣловъ, и, конечно, въ увлекающейся Асѣ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. Честный человѣкъ увлекся бы и отъ послѣдствій его увлеченія не пострадалъ бы никто; онъ женился бы на Асѣ на другой день послѣ свиданія, и самое свиданіе осталось бы въ жизни ѳбоихъ супруговъ свѣтлымъ, блестящимъ воспоминаніемъ. Энергическій негодяй, въ родѣ Василія Лучинова (въ повѣсти Тургенева: «Три портрета»), также не отказался бы отъ плодовъ свиданія, воспользовался бы всѣми наслажденіями, какія можно было-бы добыть отъ Аси, и потомъ бросилъ бы ее, какъ прочитанную записку. Первый поступилъ бы какъ порядочный человѣкъ, второй — какъ отъявленный негодяй. Что же касается до мѣстообразнаго г. Н., то онъ поступилъ такъ замысловато и, вслѣдствіе

этого, такъ глупо, какъ можетъ поступить только существо, лишенное плоти и крови, или одаренное весьма жалкою дозою крови плохаго достоинства. Онъ сначала было растаялъ, а потомъ спохватился. У него недостало мозгу, чтобы съ первой минуты окатить дѣвушку ушатомъ холодной воды, а потомъ недостало полнокровія, чтобы, не заботясь о послѣдствіяхъ, дать этой дѣвушкѣ и самому себѣ нѣсколько мгновеній жгучаго наслажденія. У него все перепутано: чувство врывается въ процессъ мысли, мысль парализируетъ чувство. Воспитаніе ослабило его тѣло и набило мозгъ его идеями, которыхъ тотъ не можетъ осилить и переварить. У него нѣтъ физическаго здоровья, физической силы, физической свѣжести; это — ходячая теорія, человѣческая голова на куриныхъ ножкахъ; выжатый лимонъ—безъ соку, безъ вкуса и безъ остроты. И таково большинство; и намъ этотъ типъ такъ привыченъ, что насъ даже не поражаютъ его вопіющіе недостатки; многіе читатели навѣрное сказали, по прочтеніи Аси, что Н. очень честный человѣкъ, которому не посчастливилось въ жизни. Да, честный. Никто у него и не отнимаетъ этой честности.

Ася такая личность, въ которой есть всѣ задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условій нашей жизни, она не заразилась ея нелѣпостями. Встрѣться она съ свѣжимъ мужчиною, она бы показала намъ, что̀ значитъ быть счастливою и дала бы намъ самый спасительный и плодотворный урокъ, котораго намъ до сихъ поръ никто не умѣлъ дать. Но гдѣ же взять такого мужчину? У насъ ихъ нѣтъ. И вотъ свѣжее, молодое, здоровое существо попало въ лазаретъ, въ которомъ стонутъ на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болѣзнями. Ну, конечно, изъ этого не могло выдти ничего путнаго; поневолѣ ей пришлось зачахнуть отъ аптечнаго воздуха или заразиться отъ дыханія окружающихъ субъектовъ. Виновата ли въ этомъ женщина?...

Наталья, въ Рудинѣ, похожа на Асю, или, вѣрнѣе, въ основу ихъ личностей положена авторомъ одна идея, разработанная

различно въ обоихъ романахъ. Въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья—сдержанностью и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ сильно и внезапно; дѣйствіе этого внутренняго огня тотчасъ отражается на ея физіономіи, въ ея поступкахъ, во всемъ ея поведеніи; въ Натантальѣ этотъ огонь разгарается медленно, и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ нея самой и отъ другихъ; а потомъ, когда она сама отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ настроеніи, она все-таки скрываетъ его отъ другихъ, и одна, безъ постороннихъ свидѣтелей, хозяйничаетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Различій, какъ видите, очень много, а между тѣмъ, сходство самое существенное: обѣ дѣвушки сохранили свѣжесть и здоровье помимо обстановки, помимо тѣхъ людей, которые считали себя вправѣ распоряжаться ихъ мыслями и чувствами. Натальѣ это было труднѣе сдѣлать, чѣмъ Асѣ, и потому Наталья вышла изъ своей борьбы крѣпче и вынесла изъ нея бо́льшій запасъ сознаннаго опыта. Наталья—старшая дочь богатой барыни, окруженная съ малолѣтства гувернантками, французскими грамматиками и душеспасительными наставленіями, произносимыми на разныхъ европейскихъ языкахъ.

Наталья, какъ умный ребенокъ, рано заявила свою умственную жизнь какимъ-нибудь озадачивающимъ вопросомъ, мѣткимъ замѣчаніемъ, вспышкой своеволія; это заявленіе, благодаря тупости воспитательницы, встрѣтило себѣ холодный или даже недоброжелательный пріемъ. На вопросъ отвѣчали вскользъ; на мѣткое замѣчаніе: «маленькія дѣвочки не должны такъ говорить,»—маленькая дѣвочка спросила: почему? Ей приказали молчать. Вспышку своеволія назвали капризомъ и подавили силою. Словомъ, такъ или иначе, воспитывающая сторона уронила себя въ глазахъ воспитывающейся стороны, а это, какъ извѣстно всѣмъ, занимавшимся когда-нибудь воспитаніемъ, вовсе не трудно сдѣлать, когда имѣешь дѣло съ умнымъ ребенкомъ.

Маленькая дѣвочка широко раскрыла свои умные глаза, съ удивленіемъ посмотрѣла на старшихъ недоумѣвающимъ взоромъ и подумала про себя: «какіе они странные»; а черезъ нѣсколько времени она подумала: «а, такъ вотъ они какіе!» Вотъ и вошелъ въ воспитаніе новый элементъ, котораго существованія не подозрѣваютъ воспитатели, и который, между тѣмъ, постоянно путаетъ алгебраическія выкладки педагогическихъ соображеній. Приказанія ихъ исполняются, но «формировать умъ и сердце» ребенка имъ не удается; приказанія ихъ не прохватываютъ въ глубь: маленькая дѣвочка, какъ улитка, ушла въ себя, и начинаетъ строить себѣ свой мірокъ, въ который она ни за какія коврижки не пуститъ ни мамашу, ни гувернантку; откровенность откладывается въ сторону, и чѣмъ умнѣе ребенокъ, тѣмъ безуспѣшнѣе оказываются попытки старшихъ разбить раковину улитки и подсмотрѣть нескромнымъ взоромъ тайну внутренняго развитія. Дѣти, начинающія развиваться помимо руководства наставниковъ, выбираютъ обыкновенно одинъ изъ двухъ путей: или они вступаютъ въ ожесточенную, отчаянную борьбу съ посягательствами взрослыхъ, или они, отказываясь отъ всякой борьбы, повинуются чисто внѣшнимъ образомъ и уже постоянно держатся на сторожѣ, постоянно относятся къ распоряженіямъ педагоговъ критически и скептически. Первые—будущіе Донъ-Кихоты жизни, всегда готовые ломать копье за свои идеи, всегда дѣйствующіе открыто и смѣло, и часто погибающіе за доброе дѣло; другіе—тѣ люди, о которыхъ говоритъ намъ народъ: «въ тихомъ омутѣ черти водятся.» Невозмутимо спокойные по наружности, глубокострастные въ душѣ, непоколебимые и неподкупные, эти люди дѣйствуютъ медленно, бьютъ навѣрняка и рѣдко промахиваются. Наталья принадлежала ко второй категоріи, а между тѣмъ—промахнулась. Она полюбила Рудина и ошиблась въ немъ, но кто же бы и не ошибся въ Рудинѣ? Кого бы не подкупили его рѣчи, если даже они подкупили Лежнева—мужчину, одареннаго значительною дозою скептизма и здраваго смысла. Причины

ошибки Натальи лежатъ не въ ней самой, а въ окружавшихъ ее обстоятельствахъ. Рудинъ былъ лучшимъ изъ окружавшихъ ее мужчинъ, она его и выбрала; что же дѣлать, если и лучшій оказался никуда негоднымъ? И Лежневъ, и Волынцевъ крѣпче Рудина—въ этомъ спору нѣтъ; но ни Волынцевъ, ни Лежневъ не могли шевельнуть молодую дѣвушку, находящуюся въ той порѣ жизни, когда умъ требуетъ яркости идей, и когда весь организмъ проситъ сильныхъ ощущеній. Романъ Натальи очень похожъ на романъ Аси: и та и другая искали въ любимомъ человѣкѣ жизни и силы; и та и другая наткнулись на вялое резонерство и на позорную робость.»

Этими двумя выписками изъ статьи Писарева мы заканчиваемъ отзывъ о сочиненіяхъ Тургенева, и заканчиваемъ ими потому именно, что они достаточно характеризуютъ художественность создаваемыхъ имъ типовъ.

V.

«Записки изъ Мертваго дома» принадлежатъ къ числу тѣхъ безхитростныхъ книгъ, которыя, не предъявляя никакихъ особенныхъ претензій, касаются однако предметовъ, въ высшей степени способныхъ занимать человѣческое вниманіе. Если новизна предмета и толковое обращеніе съ нимъ могутъ придавать интересъ книгѣ, то «Записки изъ Мертваго дома», безспорно, интересная книга. Судьба тѣхъ несчастныхъ, тѣхъ клейменыхъ отверженниковъ общества, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, давно уже въ наиболѣе развитыхъ человѣческихъ обществахъ обращаетъ на себя самое всестороннее вниманіе и не только вызвала очень много гуманныхъ и возвышенныхъ чувствъ и помысловъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, но и подверглась улучшеніямъ, вполнѣ сообразнымъ съ духомъ вѣка, въ который мы живемъ. У насъ судьбою этихъ несчастныхъ пишущіе люди занимались до сихъ поръ—и то чрезвы-

чайно мало и только съ самаго недавняго времени—лишь съ одной чисто внѣшней стороны: все, что мы имѣемъ, это нѣсколько высказанныхъ указаній на то, что эти несчастные подвергаются нѣкоторымъ совершенно излишнимъ и ни для кого ненужнымъ страданіямъ въ ихъ временныхъ тюрьмахъ, въ продолженіе ихъ безконечной подсудности и, особенно, въ продолженіе не менѣе безконечнаго пѣшеходнаго слѣдованія ихъ къ мѣсту ссылки,—страданіямъ, отъ которыхъ было бы справедливо и очень возможно ихъ избавить. Глубже этого мы еще не успѣли проникнуть въ предметъ. Немудрено. Такой предметъ, какъ клейменые каторжники, по необходимости, долженъ стоять во всякомъ человѣческомъ обществѣ на самой далекой очереди, такъ какъ онъ требуетъ отъ людей слишкомъ большаго развитія ума и сердца, чтобы сдѣлаться тревожнымъ для ихъ совѣсти. Поэтому, въ нашемъ равнодушіи къ предмету такого великаго интереса мы не видимъ благопріятнаго случая къ тому, чтобы обратиться съ укорами къ нашему обществу и къ нашей литературѣ. Если бы быть просвѣщенными и гуманными или оставаться невѣжественными и варварскими—зависѣло отъ выбора народовъ, тогда, конечно, тутъ было бы мѣсто самымъ энергическимъ укоризнамъ. Но количество просвѣщенія и гуманности, которымъ обладаетъ извѣстный народъ, опредѣляется его историческою судьбою, измѣряется продолжительностію его цивилизаціи и всего менѣе зависитъ отъ его произвола. Что бы ни разсказывалось о патріархальныхъ достоинствахъ нашихъ предковъ и о ихъ любовномъ житіи, но мы со всею точностію можетъ опредѣлить то не очень еще давнее время, когда эти патріархальные люди отличались такимъ жестокосердіемъ, что оставались совершенно хладнокровными при видѣ того, какъ ихъ ближнему за самый сущій вздоръ, даже за одно подозрѣніе въ какомъ-нибудь вздорѣ, отрѣзывали языкъ, давали проглотить растопленнаго металла, или прицѣпляли его желѣзными крючьями за ребра, ставили голыми ногами на раскаленныя жаровни и т. п. Такія жестокости на нашъ взглядъ

представляются злодѣйствомъ, превышающимъ всякое другое злодѣйство, за какое только человѣкъ можетъ попасться въ руки правосудія, и мы въ сравненіи съ нашими недавними предками можемъ считать себя гуманнѣйшими изъ людей. Если мы, въ свою очередь, за нѣкоторыя черты нашихъ нравовъ представляемся еще полуварварами для теперешнихъ передовыхъ народовъ, то это значитъ только, что эти передовые народы отдѣляются отъ своихъ варварскихъ предковъ болѣе длиннымъ рядомъ поколѣній, чѣмъ мы отъ своихъ. Въ этомъ сопоставленіи насъ съ передовыми народами для насъ нѣтъ ничего пріятнаго, но мы все-таки указываемъ на него не для укоризны, а скорѣе для нашего оправданія. Оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, выясняетъ для насъ фактъ, предъ которымъ мы должны смириться, сознавши настоящую степень своихъ успѣховъ въ нашемъ человѣческомъ развитіи. Общество часто слышитъ голоса,—особенно съ недавняго времени, — успокоительные для его statu quo и возвышаемые съ безпощадною бранью противъ достойныхъ людей, которые не умѣютъ видѣть его недостатковъ въ розовомъ свѣтѣ. Оно должно знать, что это голоса—сирены, пропитанные квинтъ-эссенціей мака, мандрагоры и опіума. Ихъ также опасно слушать, какъ, напримѣръ, напиваться пьянымъ для забвенія горя. Къ счастію, намъ, во всякую данную минуту, очень легко сдѣлать повѣрку надъ собою посредствомъ сличенія; если бы общества, имѣющія высшій уровень развитія и потому лучше устроенныя, существовали только въ теоріи, тогда относительно собственныхъ нашихъ совершенствъ или недостатковъ были бы возможны самыя жаркія контраверсіи; но такія общества существуютъ на самомъ дѣлѣ, и потому всѣ наши обольщенія собственными достоинствами могутъ быть разсѣяны самыми положительными аргументами.

Обращаясь къ нашему предмету, то есть—къ судьбѣ клейменыхъ каторжниковъ, мы должны признаться, что насъ не начинали тревожить, даже и смутнымъ образомъ, такіе вопросы: что̀ такое преступленіе? умышленная ли вражда противъ об-

щества, то есть: злодѣйство-ли чисто-на-чисто, или отчасти личное несчастіе преступника? Что̀ такое преступникъ: преднамѣренный злоумышленникъ противъ общества, или отчасти жертва извѣстныхъ соціальныхъ условій? Изъ какого принципа должно проистекать наказаніе: изъ того-ли, что оскорбленному обществу нужна безпощадная месть, которая должна преслѣдовать преступника и за предѣлами его политической смерти, или изъ того, что обществу нужна только безопасность, которая вполнѣ гарантируется отверженіемъ преступника отъ общества и уже не нуждается въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи его?

Книга нашего автора не поднимаетъ этихъ вопросовъ прямо; какъ произведеніе чисто беллетрическое, она не имѣетъ ничего общаго съ правильной теоретической аргументаціей. Тѣмъ не менѣе она вращается именно около этихъ вопросовъ и подкупаетъ вашъ умъ и ваше сердце къ рѣшенію ихъ въ гуманномъ духѣ. Авторъ избралъ благую часть: онъ не доказываетъ, а разсказываетъ, и на этомъ держится, главнымъ образомъ, интересъ его книги. И точно, всякій разъ, какъ только авторъ пытается сдѣлать выводъ изъ своихъ же собственныхъ наблюденій, онъ тотчасъ вызываетъ на споръ; теоретическія соображенія его вообще слабы и отзываются тѣмъ болѣзненнымъ расплывающимся гуманизмомъ, изъ котораго никакая правительственная мудрость не въ состояніи извлечь ничего примѣнительнаго въ практикѣ. Но авторъ рѣдко пускается въ такія соображенія. Онъ, большею частію, остается только разсказчикомъ и наблюдателемъ. Онъ знакомитъ васъ съ потрясающими подробностями жизни, которой вы не знали даже по слухамъ, потому что изъ «мертваго дома» не выходитъ и слуховъ; онъ даетъ вамъ проникать въ самыя мрачныя глубины человѣческой совѣсти и, на первый взглядъ, не имѣетъ другаго побужденія, кромѣ внутренняго интереса, заключающагося въ томъ, о чемъ онъ разсказываетъ. Но нѣкоторыя подробности его разсказа имѣютъ особый соціальный интересъ.

На этихъ-то подробностяхъ мы и намѣрены, преимущественно, остановить вниманіе читателя.

Но предварительно два слова о внѣшнемъ построеніи книги. Оно очень просто: авторъ, который называетъ себя только издателемъ, сдѣлался случайнымъ обладателемъ «Записокъ» человѣка, десять лѣтъ прожившаго въ «Мертвомъ домѣ». Онѣ показались ему интересными, и онъ ихъ обнародуетъ. Пріемъ этотъ у авторовъ, конечно, не новый, но за то чрезвычайно удобный во многихъ отношеніяхъ. Именно: если вы въ состояніи забыть, что книга все-таки принадлежитъ автору, хотя онъ и называетъ себя издателемъ, то ваше довѣріе къ нему будетъ совершенно полное; его наблюденія будутъ казаться вамъ непосредственными и самоличными, то есть имѣющими всѣ качества достовѣрнаго свидѣтельства. Если же вы не въ состояніи забыть авторской хитрости, то все-таки, къ лицу, говорящему не отъ своего имени, вы будете относиться съ меньшимъ скептицизмомъ и съ большимъ предрасположеніемъ вѣрить ему, чѣмъ если бы онъ говорилъ прямо отъ себя; вы видите, что авторъ избираетъ себѣ форму, которая избавляетъ его отъ многихъ книжныхъ стѣсненій, которая позволяетъ ему быть отрывочнымъ, забывать о хронологіи, объ искусственной послѣдовательности изображеній, и вы предполагаете, что онъ дѣлаетъ это съ единственною цѣлію, чтобы высказывать только то, что ему особенно хорошо извѣстно, и высказывать это безъ всякихъ искусственныхъ натяжекъ, не заботясь ни о какихъ условныхъ требованіяхъ и не придумывая насильственныхъ соотношеній между предметами тамъ, гдѣ истинныя отношенія между ними остались или скрытыми или не изученными. Но относительно откровеній изъ «Мертваго дома» и всѣхъ порядковъ, которые тамъ наблюдаются, литературный пріемъ, избранный нашимъ авторомъ, представляетъ особенное удобство. Можетъ быть, это единственная форма, въ которой онъ могъ предложить публикѣ свои наблюденія надъ жизнію въ «Мертвомъ домѣ»...

*

Съ наружной стороной самаго «Мертваго дома»,—съ чего начинаются «Записки» нашего автора, — мы можемъ познакомиться изъ слѣдующаго нехитраго описанія:

«Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь-ли хоть чего-нибудь?—и только увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые, и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно также пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленькій краешекъ неба,—не того неба, которое надъ острогомъ, а другаго, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ десять длины и шаговъ въ полтораста ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль), крытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды сдѣланы ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; ихъ отперли по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды о томъ мірѣ представляли себѣ какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что не похожій: тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особые.» (Томъ 1, стр. 9).

Это острогъ ссыльно-каторожныхъ. Десять лѣтъ постоянныхъ впечатлѣній, чувствъ и мыслей, испытанныхъ въ этомъ жилищѣ заживо-погребенныхъ людей, десять лѣтъ наблюденія надъ этими отверженниками общества во время ихъ работъ, отдыховъ, развлеченій, при взаимныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, въ состояніи сна и безсонницъ, въ больницахъ,

при упадкѣ всѣхъ силъ и обольщеніи себя несбыточными надеждами, въ минуты сердечной исповѣди и въ порывахъ звѣриной злобы на звуки страшныхъ наказаній и во время самаго исполненія ихъ, десять лѣтъ наблюденія надъ каторжниками въ такихъ разнообразныхъ положеніяхъ и составляютъ содержаніе «Записокъ изъ Мертваго Дома». Кажется, тутъ нельзя пожаловаться на то, чтобы предметъ не былъ достоинъ человѣческой любознательности, принимаемой даже въ смыслѣ простаго любопытства. И, прежде всего, нашей любознательности представляется вопросъ, возбуждаемый авторомъ почти на первыхъ страницахъ; какъ смотрятъ эти мрачныя совѣсти на тѣ преступленія, которыя тяготѣютъ на нихъ? да еще тяготѣютъ ли на нихъ преступленія? то есть: доступны-ли эти совѣсти какому-нибудь самоосужденію? Есть мнѣніе, по которому преступники будто-бы считаютъ себя протестаторами противъ того общественнаго порядка, при которомъ преступленія должны считаться наизбѣжными, и что, поэтому, на ихъ собственный взглядъ они всегда представляются правыми. Чрезвычайно любопытно и въ высшей степени важно́ знать: справедливо ли это мнѣніе и точно-ли оно есть мнѣніе воровъ и убійцъ о самихъ себѣ? Если грабежъ и убійство составляютъ сознательный протестъ, если каждый воръ и убійца есть въ то же время человѣкъ системы, или фанатикъ, дѣйствующій по убѣжденію, тогда громадное большинство общества, не ворующее и не убивающее, должно видѣть въ ворахъ и убійцахъ такихъ людей, которыхъ оно осуждаетъ и наказываетъ безъ всякаго другаго права, кромѣ права сильнаго,—это съ одной стороны; а съ другой, если мы перестанемъ видѣть въ ворахъ и убійцахъ существа падшія, доведенныя до своего паденія всего менѣе силою обдуманности и всего болѣе силою внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ быть дѣйствительно обусловленныхъ общественнымъ устройствомъ, и если мы, взамѣнъ такого взгляда, проникнемся убѣжденіемъ, что воръ и убійца есть человѣкъ партіи и что онъ и самъ смотритъ на себя, какъ на

такого, тогда всякое филантропическое чувство къ судьбѣ преступника, чувство, извѣстное всякому человѣку, вышедшему изъ дикаго состоянія, должно казаться жалкою и неумѣстною сантиментальностію:—неумѣстною, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока общество не будетъ олицетворять собою того плана общественнаго устройства, во имя котораго совершаются будто бы протесты грабежемъ и убійствами. Если же, напротивъ, мы будемъ думать, что воры и убійцы, рѣшаясь на свои подвиги, не укрѣпляютъ себя никакими философскими размышленіями о правотѣ своего дѣла, и если мы будемъ заподлинно знать, что они при своихъ грабежахъ и убійствахъ руководствуются не какими-нибудь соціальными соображеніями на счетъ общественнаго неустройства, а только самыми дикими и низкими побужденіями, тогда и уголовные законы получаютъ полное нравственное освященіе и остается мѣсто для состраданія къ несчастію, хотя бы это несчастіе выражалось въ тяжкомъ преступленіи. Очевидно, что и для честнаго большинства въ обществѣ, и для законопреступнаго меньшинства, не одно и тоже—будетъ-ли большинство видѣть въ ворахъ и убійцахъ сознательныхъ протестаторовъ, дѣйствующихъ по убѣжденію, для достиженія преднамѣренной цѣли, или будетъ смотрѣть на нихъ какъ на такихъ враговъ общественнаго порядка, которые потому только и враждуютъ противъ него, что, къ величайшему своему несчастію, ничего не понимаютъ въ законахъ общественнаго устройства. Кто же такіе убійцы и воры: сознательные протестаторы, ила люди жалчайшаго невѣжества и звѣрскихъ понятій?

Сантиментальные филантропы полагаютъ, что они очень много говорятъ въ пользу преступниковъ, возводя ихъ въ знаніе протестаторовъ. Въ сущности они взводятъ лишнюю клевету на совѣсть, и безъ того обремененную дѣйствительными преступленіям; желая быть адвокатами несчастія, они отнимаютъ у него единственный шансъ на человѣческое участіе,—именно тотъ шансъ, по которому преступникъ, если его преступле-

ніе вытекаетъ изъ грубѣйшаго невѣжества, предполагается способнымъ къ исправленію. На этомъ предположеніи, и единственно только на немъ, должны быть основаны всѣ истинно-гуманныя расположенія къ врагамъ нашей собственности и нашей личной безопасности. Но такое предположеніе объ исправленіи, конечно, не можетъ быть допущено относительно преступника — вора или убійца, который опираетъ свое ремесло на теоретическихъ основаніяхъ. Какой-нибудь Лезюркъ, если это не былъ своего рода жалчайшій фанфаронъ, безъ сомнѣнія, не возбудилъ бы ни въ одномъ, даже въ самомъ гуманномъ мыслителѣ, никакого ужаса къ смертной казни и никакого помышленія о противоестественности этого рода наказанія; онъ могъ бы сколько угодно служить предметомъ газетныхъ толковъ, украшать дамскіе альбомы и удивлять Парижъ своими развязными афоризмами на счетъ безгрѣшности воровства въ такомъ будто бы вавилонскомъ обществѣ, какъ французское, но его смерть на эшафотѣ все-таки никакъ не была бы способна возбудить болѣе жалости, чѣмъ кончина отравленной крысы. Если бы обществу было доказано, что всѣ ворующіе и убивающіе — болѣе или менѣе—Лезюрки, теоретики и систематики своего ремесла, оно имѣло бы право никогда не отказываться ни отъ одной свирѣпости испанскихъ инквизицій или венеціанскихъ трибуналовъ. Обществу прежде всего необходимо существовать; оно можетъ и должно выслушивать самыя смѣлыя указанія на свои несовершенства, проявляющіяся фактически подъ формою грабежа и убійства,—оно можетъ только свирѣпствовать. Поэтому мы полагаемъ, что возводить разбойника изъ глубочайшаго невѣжды въ сознательные протестаторы нисколько не гуманно, и, въ отношеніи къ самому разбойнику, въ высшей степени несправедливо. Отнимать у него его скотское невѣжество въ этомъ случаѣ значитъ посягать на его права. Это посягательство было бы еще не такъ страшно, если бы оно не было ни съ чѣмъ несооб-

разно; но романическое мнѣніе о томъ, будто грабежъ есть одна изъ формъ сознательнаго протеста есть чисто субъективное мнѣніе самихъ мыслителей, которые его выдумали; оно, очевидно, принадлежитъ честнымъ людямъ, имѣющимъ отличное знакомство съ различными соціальными теоріями, съ которыми разбойнику не было никакихъ средствъ познакомиться. Лезюркъ, конечно, не въ примѣръ. Онъ былъ въ свое время фельетонистомъ, можетъ быть и плохимъ, но все-таки имѣвшимъ возможность кое-чего наслушаться и начитаться. Онъ могъ глядѣть на свои мерзости съ теоретической точки зрѣнія, могъ критически относиться какъ къ своимъ грабежамъ и убійствамъ, которыя онъ сдѣлалъ, такъ и къ обществу, въ которомъ онъ ихъ сдѣлалъ. Но разбойникъ изъ фельетонистовъ долженъ считаться явленіемъ феноменальнымъ, изъ котораго невозможны никакія общія заключенія. Это случай—самъ по себѣ, такъ что всякій общій выводъ изъ него будетъ непремѣнно такимъ же субъективнымъ, какъ бываютъ субъективные цвѣта, субъективные звуки. Соотвѣтствія между сужденіемъ и сущностію обсуждаемаго предмета тутъ не будетъ. Точно такого свойства воззрѣніями на счетъ грабежа-протеста отличаются наши отечественные фалантропы, которые свои субъективныя мысли объ этомъ предметѣ приписываютъ поголовно всему русскому народу. Этотъ народъ, по ихъ мнѣнію, въ продолженіе всей своей исторіи, видѣлъ и продолжаетъ видѣть въ разбойникахъ какихъ-то непризнанныхъ борцовъ, которыхъ, если они попадутся, онъ будто бы разумѣетъ какъ несчастныя жертвы какого-то непонятнаго ему правосудія. Для доказательства этого ссылаются на добрыя и столь прославленныя чувства русскаго народа вообще ко всякому страданію, на ту всѣмъ извѣстную неохоту, съ которою нашъ простолюдинъ вызывается быть доказчикомъ и свидѣтелемъ преступленія, но болѣе всего на наши такъ называемыя разбойничьи пѣсни, въ которыхъ намъ велятъ видѣть не простую свободу народной фантазіи, а именно апоѳеозу разбойника. Эти именно аргументы, какъ

это довольно извѣстно, приводятся въ доказательство того, будто народъ нашъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ противъ общественной безопасности видитъ только протестъ, выражаемый во имя какого-то неписаннаго кодекса. Однако, аргументы эти доказываютъ совершенно другое, и, не смотря на то, что они приводятся съ выраженіемъ похвалъ извѣстнымъ чертамъ народнаго характера, въ сущности, они заключаютъ только справедливое указаніе на то обстоятельство, что народъ нашъ, какъ вообще и всюду народныя массы, еще не возвысился до критическаго взгляда на жизнь, что онъ остается еще въ невѣжествѣ и живетъ болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Это значитъ, что онъ живетъ безъ всякой системы—писанной или не писанной. Его таинственный неписанный кодексъ—это его непосредственное чувство. Въ этомъ чувствѣ заключается источникъ его глубочайшей доброты, но въ немъ же скрываются и причины его неистощимой свирѣпости. Это то самое чувство, которое приводитъ толпу въ умиленіе, при видѣ разбойника на крестѣ, и которое заставляетъ ее поджаривать честныхъ людей на огнѣ, при видѣ пожара, которое разливается жалобною пѣснію о свирѣпствахъ свекрови надъ невѣсткою и которое, однако, изъ каждой невѣстки дѣлаетъ, въ свою очередь, такую же свирѣпую свекровь; это то самое чувство, которое заставляетъ мужика называть свою рабочую скотину лошадушкой и кормилицей и по которому онъ забиваетъ ее чуть не до смерти, если она не въ состояніи везти непомѣрной тяжести; наконецъ, это то самое чувство, которое омрачаетъ печалію лицо всякаго простолюдина, при видѣ партіи ссыльно-каторжныхъ, и которое заставляетъ его людей этого сорта пристрѣливать, безъ всякой нужды, какъ зайцевъ, при встрѣчѣ съ ними въ лѣсу, какъ это нерѣдко случается въ Вятской губерніи, или убивать ихъ чѣмъ ни попало, заставши ихъ въ своей клѣти, какъ это случается повсюду, на всемъ протяженіи нашей земли, и тоже безъ всякой нужды и иногда съ полною возможностію задержать преступника, не подвергая его самосудомъ смертной казни. Правда,

есть одно обстоятельство, рѣшающее его на самосудъ. Это не какія-нибудь особенныя понятія о правѣ, не врожденное отвращеніе къ правосудію, а боязнь не найти его и опасеніе самому запутаться въ той процедурѣ, которая, подобно Державинской «Рѣкѣ временъ,»

....въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья

ихъ самыя справедливыя претензіи, ихъ самыя безотлагательныя требованія, увлекая, по дорогѣ, въ ту же самую пропасть ихъ лучшіе досуги, ихъ благосостояніе и, пожалуй, самое ихъ гражданское существованіе. И въ этомъ единственная причина неохоты быть свидѣтелемъ или обвинителемъ, которая одинаково дѣйствуетъ на всякаго русскаго человѣка, при всякомъ общественномъ положеніи. Вліяніе ея можетъ быть доказано на самомъ приличномъ господинѣ, у котораго украли часы изъ кармана, хотя бы онъ былъ притомъ самаго консервативнаго образа мыслей. На эту причину указываютъ въ газетахъ, ее приводятъ въ объясненіяхъ безуспѣшности своихъ дѣйствій наши недавніе судебные слѣдователи, которые, однако, во многихъ мѣстахъ успѣли уже возбудить довѣріе къ себѣ и собираютъ нужныя имъ доказательства безъ труда. Стало быть, неохота обвинять и свидѣтельствовать замѣченныя въ русскомъ человѣкѣ вовсе не такая соціальная добродѣтель, которою бы русскому народу прилично было гордиться и на которой можно было бы строить какія-нибудь теоріи, а скорѣе указаніе на такое соціальное зло, на которое русскій народъ можетъ только жаловаться и отъ котораго ему слѣдуетъ избавиться. И это не такое зло, о которомъ можно было бы спорить, а сознанное и провозглашенное зло, обратившее на себя вниманіе самаго правительства, у котораго, какъ слышно, уже находятся наготовѣ важныя судебныя реформы. Изъ всѣхъ игрушечныхъ мыслей, которыми мы любимъ обольщать, и очень часто не впопадъ, свою національ-

ную гордость, мысль о томъ, будто русскій народъ поголовно можно считать сознательнымъ потворщикомъ преступленія, враждебно расположеннымъ ко всякой судебной карѣ, ко всякому оффиціальному проявленію правосудія, есть мысль самая игрушечная. Онъ точно неохотникъ отыскивать возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ путемъ оффиціальнаго суда. Но если тутъ слѣдуетъ чему-нибудь удивляться, то, конечно, не этой неохотѣ, а скорѣе тому, что, по точнымъ справкамъ о возникновеніи уголовныхъ дѣлъ, непремѣнно должно сказаться, что самая бо̀льшая часть ихъ все-таки возникаетъ вслѣдствіе частныхъ обвиненій и ходатайствъ. Намъ очень лестно считать русскій народъ отъ природы надѣленнымъ всѣми соціальными добродѣтелями, которыя другими народами пріобрѣтаются путемъ хлопотливой цивилизаціи и государственныхъ переворотовъ; намъ въ особенности лестно считать его надѣленнымъ высочайшею изъ этихъ добродѣтелей, которая называется гуманностію. И мы даже глубоко убѣждены, что онъ точно обладаетъ этимъ качествомъ въ самомъ полномъ избыткѣ, наперекоръ всѣмъ патріотическимъ писателямъ различныхъ націй, которые позволяютъ себѣ думать, будто это качество въ самой высокой степени свойственно именно той націи, къ которой они имѣютъ честь принадлежать сами. Пусть знатоки человѣческой природы изъ нѣмцевъ полагаютъ, будто добросердечнѣе нѣмца нѣтъ существа во всемъ мірѣ; пусть они остаются въ этомъ ослѣпленіи до такой степени, что надъ избыткомъ этого качества въ своихъ единоплеменникахъ позволяютъ себѣ, подобно Гейне, горчайшіе сарказмы; пусть французы полагаютъ о себѣ, что нѣтъ никакой возможности быть гуманнѣе и великодушнѣе француза, который не выноситъ варварства и притѣсненія даже внѣ предѣловъ своего отечества и за гуманную идею всегда готовъ сражаться и переносить всѣ трудности самаго отдаленнаго похода; пусть люди еврейскаго племени остаются въ заблужденіи, будто они самые старые и величайшіе представители гуманности на зем-

лѣ; пусть Бичеръ-Стоу, со всѣмъ безкорыстіемъ честной писательницы, распинается за негровъ, утверждая, будто это самыя добрѣйшія существа на свѣтѣ, — мы имѣемъ твердое убѣжденіе, что это вздоръ и что пальма первенства относительно доброты и гуманности передъ всѣмъ народами принадлежитъ русскому народу. Но и при этомъ убѣжденіи мы не думаемъ, чтобы природная доброта русскаго народа потеряла часть своей цѣны, если мы не будемъ приписывать ему природной тупости ко всякому чувству права, или навязывать ему сознательнаго сочувствія къ злодѣйству,—разбойничьи пѣсни, конечно, составляютъ фактъ, требующій объясненія; но и разбойники Шиллера, и «Піччинно» Жоржъ-Занда, и «Вернеръ» Байрона составляютъ точно такой же фактъ. Если въ разбойничьихъ пѣсняхъ не видѣть заплатки для какой-нибудь натянутой теоріи, то они будутъ означать, что человѣческая фантазія, будетъ-ли она принадлежать народному пѣвцу или образованному поэту, способна поражаться всѣмъ необыкновеннымъ, въ томъ числѣ и удальствомъ разбойника. Разница здѣсь будетъ только та, что поэтъ образованный никогда не увлечется свирѣпостями разбойника; онъ непремѣнно сдѣлаетъ изъ него героя и придастъ ему лучшія качества человѣческаго сердца, а фантазія народнаго пѣвца способна увлекаться и самыми свирѣпостями, во всей ихъ непосредственности; у поэта образованнаго разбойникъ можетъ быть одушевленъ какими-нибудь высшими побужденіями, необыкновеннымъ чувствомъ правды или ненависти къ притѣсненію; а въ народныхъ пѣсняхъ всѣ дѣйствія разбойниковъ, обыкновенно, объясняются одною только покорностію непосредственному чувству. Если образованный поэтъ заставляетъ, напримѣръ, своего разбойническаго героя произвесть дѣйствіе мести, то изъ его рѣшительнаго удара, обыкновенно наносимаго съ быстротою молніи, онъ непремѣнно сдѣлаетъ ударъ правосудія; а народному пѣвцу никогда не бываютъ нужны такія затѣи: онъ добрымъ порядкомъ, не торопясь, дастъ вамъ пресытиться исполненіемъ самой ме-

сти, заставляя своего мстителя, какъ поется въ одной пѣснѣ, «изъ черепа своего врага — сдѣлалъ чашку для питья, изъ его рукъ, и ногъ — кровать сложить, изъ его сала — свѣчей налить, изъ его мяса—пироговъ напечь.» Въ первомъ случаѣ преобладаетъ идея, или выдуманный разбойникъ, во второмъ— непосредственное чувство, или разбойникъ настоящій. И это такъ и быть должно. Только не должно быть того, чтобы народъ, въ которомъ когда-то могли рождаться такія пѣсни, былъ судимъ до сихъ поръ, на основаніи ихъ, за свои симпатіи и юридическія понятія. Точно такъ и эпическіе разбойники, принадлежавшіе хаотическому обществу, не должны для насъ заслонять собою тѣхъ, которые теперь наполняютъ наши остроги и каторгу. Авторъ разбираемой нами книги занимается только послѣдними, и первыя его размышленія, какъ мы сказали, посвящены вопросу: сознаютъ ли преступники, что они преступны?

Положительный отвѣтъ его состоитъ въ томъ, что они этого не сознаютъ. Онъ приводитъ даже и объясненіе этого факта, который можно считать совершенно вѣрнымъ. По его мнѣнію, «преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому же, онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а черезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить, наконецъ, продолжаетъ авторъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть-ли не придется самого преступника...» (Томъ I, стр. 22). Здѣсь преступнику приписывается критическій взглядъ на свои отношенія къ обществу, онъ не потому преступникъ, что онъ существо падшее, достойное всего нашего состраданія, не потому что, при своей нравственной тупости, онъ неспособенъ имѣть и двухъ правильныхъ мыслей ни о своемъ значеніи въ обществѣ, ни о значеніи самого общества, а потому, что онъ человѣкъ, вооруженный аргументаціей, по которой онъ считаетъ себя правымъ, а общество виновнымъ; ему какъ-будто извѣстны даже и тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ чуть-ли не придется

оправдать преступника». Такія точки зрѣнія дѣйствительно существуютъ. Ихъ двѣ. Одна, которую можно назвать философской, состоитъ въ томъ, что человѣкъ признается одушевленною машиною, только обольщающею себя, будто она одарена свободною волею, а на самомъ дѣлѣ дѣйствующей совершенно непроизвольно, по законамъ строжайшей причинности, и потому, естественно, не подлежащей никакой отвѣтственности. Но эта точка зрѣнія составляетъ нетвердый предметъ философскаго спора; поэтому, разсуждать съ этой точки зрѣнія, когда самая постановка этой точки зрѣнія не имѣетъ и, можетъ быть, никогда не будетъ имѣть никакой научной прочности, можно только для своего удовольствія; самохраненіе общества, личная безопасность его членовъ, преступленіе и судьба людей, которые его совершаютъ, вовсе не такіе отвлеченные и далекіе отъ насъ предметы, чтобы о нихъ позволительно было разсуждать съ точки зрѣнія такой сомнительной вѣрности, что всѣ сужденія съ нихъ должны представляться только умственною гимнастикою. Другая точка зрѣнія, съ которой, выражаясь словами автора, «чуть-ли не придется оправдать преступника» и которую можно назвать соціальною, состоитъ въ томъ, что общество, въ которомъ существуетъ голодъ, невѣжество и неравноправность, само обвиняется во всѣхъ послѣдствіяхъ этихъ великихъ золъ, а въ томъ числѣ и въ преступленіяхъ всякаго рода. Но и эта точка зрѣнія, какова бы ни была ея безусловная справедливость, все-таки не обязываетъ общество выдавать ворамъ и убійцамъ похвальные листы только за то, что для ихъ преступныхъ дѣйствій существуютъ довольно вѣроятныя и естественныя причины; изъ этой точки зрѣнія могутъ быть выводимы, и совершенно логично, только смягчающія обстоятельства для преступленій, но не оправданіе ихъ; она располагаетъ общество къ милосердію, но не къ уничтоженію своихъ уголовныхъ законовъ; она отнимаетъ у него право свирѣпствовать противъ преступниковъ, отнимать у нихъ жизнь и произносить надъ ними вѣчные приговоры, но не уничтожаетъ его права

охранятъ свое существованіе. Путь преступленія избирается, конечно, не по доброй волѣ и не изъ обольщенія его прелестями, а вслѣдствіе стимуловъ, заключающихся въ общественномъ устройствѣ; общество должно сознавать это; но оно не можетъ сознавать и того, что и оно невиновато въ своихъ несовершенствахъ, для которыхъ тоже существуютъ самыя естественныя причины. Что дѣлать обществу съ такими естественными и расплывающимися во всѣ стороны причинами, которыми объясняется все на свѣтѣ? Жить и совершенствоваться, то есть дѣлать то, что волею или неволею суждено дѣлать всѣмъ обществамъ, вступившимъ на путь прогресса. А если прежде всего необходимо жить, то столько же необходимо, чтобы наша жизнь въ обществѣ была обезопасена и чтобы наши средства къ жизни находились подъ вѣрною защитою. Это самое вѣрное заключеніе, какое только можно сдѣлать изъ общей для всѣхъ насъ необходимости—жить. И, стало быть, воры и убійцы остаются неоправданными и съ соціальной точки зрѣнія, точно также, какъ они не могутъ быть оправданы съ философской, и если можно судить съ этихъ точекъ зрѣнія, или съ одной изъ нихъ, то для полученія совершенно другихъ выводовъ, а не того, который высказываетъ авторъ. Ронять громкія слова и бросать широкіе взгляды мимоходомъ, въ видѣ общихъ фразъ, стоитъ небольшаго труда, — на это способенъ теперь самый жалкій писака. Но путь авторъ указалъ бы кстати: какъ несовершенное общество, въ несовершенствахъ котораго заключаются, положимъ, причины преступленій нѣкоторыхъ изъ его членовъ, какъ оно должно поступать съ этими преступными своими членами, если оно будетъ считать ихъ правыми, а себя виноватымъ, и если оно, — какъ это достовѣрно извѣстно, — освободиться вдругъ отъ своихъ несовершенствъ никакимъ образомъ не можетъ, если притомъ еще не доказано, чтобы оно могло хоть когда-нибудь освободиться отъ нихъ вполнѣ, если, наконецъ, несомнѣнно вѣрно, что причина преступленій заключается не въ одниxъ несовершенствахъ обще-

ственнаго устройства, но вообще въ несовершенствахъ человѣческой природы и свойственныхъ ей страстяхъ? Каинъ убилъ своего брата изъ зависти, Отелло задушилъ свою Десдемону изъ ревности, Эрострать обратилъ въ пепелъ прекраснѣйшее общественное зданіе изъ тщеславія; въ самыхъ «Запискахъ изъ Мертваго дома», очень хорошо разсказана повѣсть глупѣйшаго преступленія: мужъ убилъ свою жену изъ раскаянія, что онъ слишкомъ долго обращался съ нею недостойнымъ образомъ. Стимулы всѣхъ этихъ преступленій нисколько не должны падать на общественную совѣсть, потому что всѣ эти преступленія могли быть совершены при всѣхъ извѣстныхъ и даже еще неизвѣстныхъ рядахъ общественнаго устройства. Здѣсь открывается цѣлая область преступленій, въ которыхъ общество не можетъ быть признано виноватымъ ни съ какой точки зрѣнія. Но главная сторона дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что указанныя нами двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ, по мнѣнію автора, «чуть-ли не придется оправдать преступника», у нашего автора предполагаются извѣстными самимъ разбойникамъ, на которыхъ по преимуществу простираются его наблюденія; эти люди обращаются въ философскихъ и соціяльныхъ мыслителей; у нихъ есть счеты и разсчеты съ обществомъ! они лишаются своихъ хаотическихъ понятій, своихъ звѣрскихъ позывовъ, своего грубѣйшаго умственнаго и нравственнаго помраченія и, вмѣсто всего этого, надѣляются ясными представленіями и опредѣленнымъ родомъ мыслей; ихъ грѣхи тяжкаго невѣденія обращаются въ обдуманныя дѣла; словомъ, для нихъ уничтожается единственная точка зрѣнія, разсуждая съ которой общество можетъ проникаться къ нимъ милосердіемъ и чувствовать себя обязаннымъ смягчать свои карательныя мѣры, замѣняя ихъ исправительными. Наблюдатель видѣлъ передъ собою фактъ, что эти грѣшники на его собственныхъ глазахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, оставались нераскаянными; изъ этого онъ заключилъ, что такое душевное настроеніе они поддерживаютъ въ себѣ аргументами въ пользу своей невинности.

Психологія позволяетъ, однако, объяснять подобное душевное состояніе совершеннымъ отупѣніемъ нравственнаго чувства и глубиною паденія, могущаго простираться до потери всякаго сознанія о добрѣ и злѣ,—и такое оскотѣненіе, безъ сомнѣнія, служитъ въ большинствѣ случаевъ нераскаянности гораздо вѣроятнѣйшимъ объясненіемъ, чѣмъ теоретическія соображенія, предполагаемыя въ разбойникахъ, о несовершенствахъ общественнаго устройства. Но мы уже сказали, что у нашего автора гораздо важнѣе то, что онъ разсказываетъ, чѣмъ то, что онъ думаетъ, и потому, признавая вполнѣ справедливымъ замѣченный имъ фактъ относительно нераскаянности преступниковъ, мы находимъ совершенно ложнымъ приведенное имъ объясненіе этого факта.

«Я сказалъ уже,—говоритъ авторъ, — что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи и что бо̀льшая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было во столько лѣтъ хоть что-нибудь замѣтить; поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было». (Томъ I, стр. 22).

Но этого не могло быть, прибавимъ мы отъ себя, и въ доказательство этихъ словъ приведемъ прекрасную характеристику этого кромѣшнаго общества, которую встрѣчаемъ у самого же автора:

«Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ страшномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего

острога.... Вообще, тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная.... Бывали характеры рѣзко выдающіеся... Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ будто въ бреду, въ чаду, часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, не смотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже некого, и непремѣнно старался и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшоннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать оффиціальное, какое-то спокойное резонерство: «Мы погибшій народъ,» говорили они: «не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды.»—«Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры.»—«Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ.» Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія, и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ-ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта преступленіемъ, выбранить его — ругательствамъ не будетъ и конца! А какіе они были мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство было возведено у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей,—а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту

науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался: если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе... «Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!» говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, ссоры, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ.» (Томъ 1, стр. 17—19).

И въ этомъ аду, въ этой кромѣшной тьмѣ, въ этой безднѣ оскотенѣнія и нравственнаго индефферентизма, насъ заставляютъ отыскивать какія-то философскія и соціальныя убѣжденія для объясненія нераскаянности! И на выдумкѣ этихъ убѣжденій строятъ философію преступленія! Нѣтъ тутъ никакихъ убѣжденій, никакихъ разсчетовъ съ обществомъ и никакого сознательнаго возстанія противъ него, а есть одно только нравственное одервененіе и привычка—до такой степени тупая, что преступленіе представляется поступкомъ не нравственно-свободнаго и размышляющаго существа, а скорѣе дѣйствіемъ автомата. Викторъ Гюго, заставившій Жанъ-Вальжана, въ своемъ послѣднемъ романѣ, обокрасть маленькаго савояра совершенно противъ воли, посредствомъ одного механическаго движенія, усвоеннаго привычкою, поступилъ какъ человѣкъ глубоко понимающій философію преступленія, потому что, дѣйствительно, преступленіе есть привычка, точно такая же привычка, какъ хожденіе въ должность, ремесло, нищенство и т. п. Но не всѣ Жанъ-Вальжаны встрѣчаются съ добродѣтельными епископами, отъ которыхъ они могли бы узнавать хотя и простую, но все-таки незнакомую для нихъ истину, что есть на свѣтѣ вещи честныя и безчестныя; самая большая часть Жановъ-Вальжановъ не имѣютъ никакой возможности возвышаться до критическаго взгляда на свои привычки; до острога для нихъ это совершенно невозможно, потому что не такова ихъ жизнь и

избранныя ими занятія, чтобы они располагали къ умозрѣніямъ; а въ самомъ острогѣ для нихъ это еще менѣе возможно, и опять-таки потому, что и острожно-каторжная жизнь очень мало располагаетъ къ умозрѣніямъ. Для этого нуженъ невозмутимый досугъ, хотя бы и не очень продолжительный; какъ можно болѣе вещей, располагающихъ къ серьезному настроенію, а главное—для всякаго умозрѣнія нужна прежде всего точка отправленія; оскотенѣвшему преступнику прежде всего нужно знать о существованіи добра и зла, чтобы дѣлать умственныя комбинаціи о значеніи своихъ поступковъ. Но картина, изображенная авторомъ въ приведенныхъ нами строкахъ, представляетъ совершенную противоположность всѣмъ этимъ требованіямъ: двумъ стамъ звѣроподобнымъ существамъ, заключеннымъ въ одной казармѣ, такъ много случаевъ развлечь себя и уклониться отъ всякихъ разсчетовъ съ нехорошими воспоминаніями, если они еще признаются за нехорошія! Въ одной кучкѣ ругаются только-что изобрѣтенными выраженіями, въ другой лѣзутъ въ драку изъ-за негодной тряпки и ужъ дѣло доходитъ до ножей, въ третьей клейменые игроки ведутъ азартную игру въ засаленныя карты, въ четвертой развлекаются зеленымъ виномъ, пронесеннымъ въ острогъ чуть не подъ страхомъ жизни—все это картины, нисколько не располагающія къ созерцательному настроенію. Есть-ли чему удивляться, что тутъ не замѣчается никакихъ признаковъ стыда и раскаянія? Скорѣе было бы удивительно, если бы здѣсь происходили случаи раскаянія, хотя бы самые рѣдкіе; такіе случаи были бы чисто феноменальныя явленія. Поэтому, мы опять должны упрекнуть нашего автора въ желаніи блеснуть передовымъ взглядомъ, находя у него выходку противъ такъ называемыхъ пенитенціарныхъ тюремъ.

«Я твердо убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее, и потомъ

нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія.» (Томъ I, стр. 23).

Точно, это самый передовой взглядъ, какой только можно имѣть относительно судьбы преступника. Онъ былъ бы и самый лучшій взглядъ, если бы не былъ составленъ по образцу очень многихъ передовыхъ взглядовъ, вытекающихъ единственно изъ того положенія, что люди не могутъ выдумать ничего совершеннаго. Съ этой точки зрѣнія, одиночное заключеніе, какъ исправительная мѣра, конечно, не есть безусловное совершенство: ее тоже придумали люди. Но, во-первыхъ: кто же не знаетъ этой голословной истины, хотя бы въ пользу ея не приводилось никакихъ другихъ аргументовъ, кромѣ одного только «твердаго убѣжденія?» А во-вторыхъ: если въ большинствѣ даже самыхъ образованныхъ человѣческихъ обществъ довольствуются только тѣмъ, что караютъ преступника, нисколько не помышляя о его исправленіи, если въ нашемъ родномъ обществѣ еще такъ мало распространены тѣ гуманныя и справедливыя мысли, что карать преступника и безполезно, и безчеловѣчно, а исправлять его—и выгодно, и согласно съ справедливостію, и если, наконецъ, въ нашемъ отечественномъ законодательствѣ преобладаетъ, по преимуществу, характеръ карательный, а не исправительвый, то голословное осужденіе одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ исправительныхъ мѣръ должно казаться какою-то слезливою сантиментальностію. Противъ одиночнаго заключенія, безъ сомнѣнія, существуютъ возраженія; главнѣйшее изъ нихъ состоитъ не въ томъ, будто «оно достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли,»—какъ съ твердымъ убѣжденіемъ выражается авторъ, — а въ томъ, что оно соединено съ страданіемъ, что оно есть наказаніе, которое стремятся замѣнить исправленіемъ. Цѣль достигается не обманчивая, а настоящая; это доказывается сотнями людей, бывшихъ прежде негодяями, а потомъ ставшихъ честными. Гуманныхъ мыслителей трогаетъ въ одиночномъ заключеніи только страданіе и та ни съ чѣмъ несравнимая скука, которую дол-

женъ испытывать одиночно заключенный. Но, съ одной стороны, самый актъ раскаянія,—все равно, въ тюрьмѣ или на волѣ,—долженъ сопровождаться страданіемъ, и притомъ самымъ тяжолымъ, исполненнымъ невыразимыхъ мученій: это мы должны предполагать; объ этомъ говорятъ всѣ легенды о покаявшихся грѣшникахъ и всѣ поэты, представлявшіе преступниковъ, терзаемыхъ своею совѣстію: неужели же мы будемъ столь неблагоразумны, что станемъ придумывать средства противъ этого рода страданія, происходящаго отъ раскаянія и безъ котораго самое раскаяніе совершенно немыслимо? Съ другой стороны, грабительство и душегубство всегда будутъ вести за собою лишеніе свободы; и хотя бы при этомъ имѣлось въ виду самое любезное обращеніе съ преступникомъ и самая нѣжная заботливость о его исправленіи, но это самое лишеніе, само по себѣ, есть уже величайшее наказаніе, и какъ бы ни была высока степень гуманности въ обществѣ, оно все-таки будетъ находиться вынужденнымъ подвергать преступниковъ наказанію этого рода: неужели же мы должны приходить въ отчаяніе отъ этой совершенной невозможности отдѣлить отъ лишенія свободы нанятіе о показаніи?

Намъ, впрочемъ, нечего оплакивать или оправдывать келейную систему: она не энервируетъ нашихъ преступниковъ, не дѣлаетъ изъ нихъ изсохшія муміи и не представляетъ ихъ за образецъ раскаянія и исправленія; наши ссыльно-каторжные живутъ цѣлыми колоніями, по двѣсти человѣкъ въ одной казармѣ, они сохраняютъ всю свою энергію буйства и оскотененія и ихъ нераскаянность есть одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ фактовъ. Однако, и при этой системѣ обращенія съ преступниками, какая господствуетъ у насъ и которая вытекаетъ изъ карательнаго духа нашего законодательства, наши каторжники могли бы представлять примѣры нравственнаго возрожденія. Для человѣка это возможно на всѣхъ ступеняхъ паденія, и, говоря вообще, это не составляетъ спорнаго предмета; но мы говоримъ, что это возможно и при нашей карательной

системѣ наказаній: для этого нужны только самыя небольшія уступки въ пользу человѣческаго званія преступниковъ, изъ котораго, въ сущности, ихъ не можетъ и не должно разжаловать никакое законодательство. Наши каторжники, кромѣ предварительныхъ каръ,—теперь, какъ слышно, значительно смягченныхъ, и даже предположенныхъ къ совершенной отмѣнѣ нашимъ правительствомъ, окончательно наказываются такою работою, которой они не понимаютъ ни цѣли, ни значенія, которой часто не предвидятъ конца, за которую подвергаются наказаніямъ, но не видятъ не только никакой прибыли, но даже похвалъ и поощренія, словомъ — наказываются каторжною работою. Эту работу они, естественно, ненавидятъ; она ихъ озлобляетъ до бѣшенства и отчаянія, окостеняетъ до безсмыслія, и дѣлаетъ еще глубже и безъ того глубокую пропасть ихъ паденія. Эта самая работа могла бы служить источникомъ ихъ нравственнаго возвышенія, и они могли бы любить ее до соперничества другъ передъ другомъ, и до всякаго предѣла, возможнаго на полной свободѣ. Нужно только, чтобы для нея назначались человѣческіе сроки, и чтобы она имъ приносила что-нибудь. Даже менѣе: по мнѣнію нашего автора, каторжники могли бы становиться нравственнѣе и дѣлаться болѣе человѣческими существами отъ одного того, если бы, кромѣ каторжной, неосмысленной и нескончаемой работы, имъ не запрещали еще работать—что они хотятъ и умѣютъ, и если бы имъ, отъ человѣческихъ правъ оставлено было хоть столько, чтобы они свои заработки могли считать своею неприкосновенною собственностью. Это требованіе слишкомъ ничтожно, не смотря на то, что оно могло бы имѣть своимъ постояннымъ результатомъ нравственное возрожденіе человѣческихъ душъ. Потребность произвольной, осмысленной работы намъ представляется до такой степени сильною въ клейменомъ казенно-крѣпостномъ работникѣ, что изъ нея можно было бы сдѣлать орудіе особой исправительной мѣры: за мелкіе проступки, совершаемые въ самомъ острогѣ, арестантовъ можно наказывать

лишеніемъ права на произвольную работу, на нѣсколько дней, и это было бы очень дѣйствительное наказаніе; и если бы этой потребности къ произвольной работѣ въ арестантахъ вовсе не замѣчалось, то нравственныя и административныя цѣли должны бы заставить непосредственное острожное начальство развить въ нихъ эту потребность, хотя бы для того, чтобы обратить ее въ свою пользу, усилить свой авторитетъ. Но эта потребность существуетъ, и притомъ въ самой высокой степени, и надъ нею тяготѣетъ запретъ. Слѣдующая прекрасная страница изъ нашего автора достаточно знакомитъ со всею неестественностію и нехорошими послѣдствіями такого запрета:

«Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностію: арестантъ отработывалъ свой урокъ, или отбывалъ законные часы работы и шолъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому бы онъ преданъ былъ всѣмъ умомъ, всѣмъ разсчотомъ своимъ, человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой (!), сильно пожившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужиться здѣсь нормально и правильно, своею волею и охотой? Отъ одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такія странныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности, человѣкъ не можетъ жить,—развращается, обращается въ звѣря. И потому, каждый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенною работою; въ короткую ночь едва было время выспаться, Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смерклось, уже долженъ быть запертъ въ острогъ. Что же дѣлать въ длинные, скучные часы зимняго вечера? И потому, почти каждая казарма, не смотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе

не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ въ острогѣ инструменты, а безъ этого невозможна была работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ, и потомъ выходили хорошими мастеровыми. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные и столяры, и слесаря, и рѣзчики и золотильщики. Всѣ они трудились и добывали копѣйку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человѣка, лишеннаго совершенно свободы, онѣ дороже вдесятеро. Если онѣ только брякаютъ у него въ карманѣ, онъ уже въ половину утѣшенъ, хотя бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Трубки были строжайше запрещены, но всѣ ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій: безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стклянкѣ. Не смотря на то, и работа и деньги запрещались. Нерѣдко по ночамъ дѣлались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное и-какъ ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему они и не береглись, а въ скорости пропивались: вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждаго обыска, виноватый, кромѣ того, что лишался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждаго обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горѣ Везувіѣ.» (Томъ I, стр. 26).

Существованіе запрета для преступниковъ заниматься произвольною работою имѣетъ два предлога. Первый тотъ, что право произвольнаго труда должно составлять только приви-

легію свободнаго и честнаго человѣка, такъ какъ произвольный трудъ не только есть благородное занятіе, но можетъ быть еще источникомъ чистѣйшихъ удовольствій, которыя для людей, лишенныхъ всѣхъ гражданскихъ правъ, должны считаться недоступными; кромѣ того, преступные работники, при извѣстной степени искусства, могли бы конкурировать съ работниками честными; а это для послѣднихъ было бы и оскорбительно, и, можетъ быть, соединено съ большими для нихъ невыгодами, такъ какъ трудъ преступнаго и обезпеченнаго человѣка непрестанно будетъ дешевле трудовъ всякаго честнаго и свободнаго работника. Но, съ одной стороны, возраженіе это отзывается жестокостію, недостойною самого послѣдняго изъ членовъ цивилизованнаго и христіанскаго общества; если трудъ можетъ быть источникомъ чистыхъ удовольствій и черезъ это самое возвышать человѣческое достоинство въ преступникѣ, то во всякомъ человѣческомъ обществѣ, вышедшемъ изъ состоянія варварства, это обстоятельство должно служить причиною и величайшимъ аргументомъ, почему именно этотъ родъ удовольствія не долженъ считаться запрещеннымъ для самаго тяжкаго изъ преступниковъ; а потому, собственно въ нашемъ отечествѣ, это возраженіе, на сколько оно основано на опасности конкуренціи, не имѣетъ никакого мѣста и значенія; какъ бы ни была велика и хороша производительность преступниковъ, во всякомъ случаѣ у насъ никому еще въ голову не приходило оплакивать недостатокъ работъ или избытокъ предложенія труда, кромѣ развѣ поэта, г. Некрасова, который, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, въ уста русскаго парня влагаетъ жалобы манчестерскаго работника. Другое возраженіе противъ дозволенія преступникамъ произвольной работы состоитъ въ томъ, что въ рукахъ такихъ мастеровыхъ, какъ ссыльно-каторжные, орудіе мастерства можетъ сдѣлаться орудіемъ новыхъ преступленій или побѣговъ. Но, во-первыхъ, на дѣлѣ оказывается, что погасить въ нихъ страсть къ произвольному занятію и отучить ихъ отъ обращенія съ рабочими инструмен-

тами, каковы: швейная игла, сапожное шило, золотильныя принадлежности и проч., нѣтъ никакой возможности; а во-вторыхъ, такіе инструменты, какъ топоръ, желѣзная лопата, ломъ, заступъ, которыми арестанты исправляютъ свои каторжныя работы, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе удобны для совершенія и побѣговъ и преступленій, чѣмъ швейная игла, сапожное шило или принадлежности золоченія. Такимъ образомъ, лишеніе арестантовъ права на произвольную работу остается чисто карательною мѣрою, которая столько же не вынуждается никакими требованіями, сколько она противна всякому человѣколюбію. Но обязанности человѣколюбія—вещь условная, и мы можемъ плакать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ другіе смѣются; поэтому мы должны еще прибавить, что лишеніе, о которомъ мы говоримъ, противно самой простой (даже не безусловной) справедливости. Съ точки зрѣнія карательнаго законодательства, ссыльно-каторжные признаются лишенными всѣхъ правъ: исполнители, непосредственно вліяющіе на судьбу преступниковъ, это самое и имѣютъ въ виду, не признавая за ними ни одного человѣческаго права и щадя въ нихъ одну только жизнь. Но если бы исполнители закона были съ тѣмъ вмѣстѣ и искусные толкователи его, то они могли бы понять, что лишеніе всѣхъ правъ есть только фраза, которая гораздо шире заключающагося въ ней смысла. Право жизни, хотя бы долженствующей пройти въ вѣчной каторгѣ, само собою обусловливаетъ и другія права, безъ которыхъ невозможно и совершенно немыслимо продолженіе жизни, оставляемой преступнику. Къ такимъ правамъ принадлежатъ: право пищи, одежды, помѣщенія и отдыха. Нечего и говорить, что эти права человѣка, лишеннаго всѣхъ правъ, будутъ нарушены, если пища будетъ недостаточна или нехорошаго качества, если одежда будетъ несоотвѣтственна временамъ года, или помѣщеніе будетъ лишено необходимой опрятности и чистаго воздуха; насъ въ эту минуту занимаетъ только отдыхъ, или время, свободное отъ каторжной работы. Это время безусловно при-

надлежитъ арестанту; оно не можетъ быть у него отнято безъ нарушенія его права, и оно, точно, принадлежитъ ему и фактически: онъ можетъ его проспать, какъ свою неотъемлемую собственность, можетъ провести его въ разговорахъ, въ ходьбѣ по своей казармѣ, даже въ цинической брани съ товарищами по острогу, и только не можетъ сдѣлать самаго лучшаго и желательнаго употребленія — провести его въ шитьѣ или золоченіи: тутъ онъ будетъ остановленъ, принадлежности его работы будутъ у него отобраны, и самъ онъ будетъ наказанъ. Въ сущности, это все равно, если бы арестанту мѣшали спать, если бы его будили всякій разъ, какъ только нападетъ на него дремота, и если бы его всякій разъ за это наказывали. Съ тѣмъ, кого считаютъ лишеннымъ всѣхъ правъ, конечно, можно дѣлать и это; но гдѣ же справедливость, и возможно-ли, чтобы этого требовалъ законъ?

Но лишеніе арестантовъ произвольной работы есть только одна изъ слабѣйшихъ подробностей карательной системы. Вредныя послѣдствія ея для нравственности арестантовъ не такъ очевидны, чтобы онѣ были яснѣе дня. Мы видимъ, конечно, что арестанты самою этою работою, которая имъ запрещена, занимаются воровскимъ образомъ, тогда какъ могли бы заниматься ею какъ всѣ добрые люди, что своя не обезпеченные заработки они тотчасъ употребляютъ на самыя циническія удовольствія, что, не желая подвергаться вѣроятному наказанію за произвольную работу, они начинаютъ обворовывать другъ друга, за что ихъ почти никогда не наказываютъ, словомъ — мы видимъ, что они развращаются и становятся еще каторжнѣе, но нравственность этихъ людей еще до каторги была такъ низка, что измѣрять степень пониженія ея въ каторгѣ могутъ одни только тонкіе психологи. Недостатки карательной системы, какъ въ каторгѣ, такъ и передъ нею, гораздо очевиднѣе обличаются на другихъ ея подробностяхъ, и всего ярче на тѣлесныхъ наказаніяхъ. Смыслъ этой карательной мѣры, какъ и всей системы, къ которой отно-

сится эта мѣра, состоитъ въ отмщеніи преступнику и въ устрашеніи примѣромъ его наказанія другихъ. Устрашаетъ-ли она кого-нибудь, и способствуетъ-ли хотъ въ какой-нибудь мѣрѣ къ уменьшенію преступленій — это навсегда останется непроницаемою тайною, недоступною никакому мыслителю, никакому законодателю, и которая можетъ быть извѣстна одной только совѣсти людей, удержанныхъ отъ преступленій страхомъ наказанія, если еще бываютъ такіе люди, или такіе случаи съ людьми, и, стало быть, устрашеніе есть одно только предположеніе, на которомъ основывать необходимость жесточайшей карательной мѣры въ обществѣ крайно не логично; кромѣ того, что есть самаго страшнаго въ устрашеніи этого рода, то остается опять-таки извѣстно одной только совѣсти преступника, на которомъ показываютъ примѣръ устрашенія; самое страшное въ наказаніи — это его ожиданіе; а весь этотъ адъ, эта бездна отчаянія, эти сердечныя судороги приговореннаго къ «зеленой улицѣ», остаются сокрытыми отъ всякаго посторонняго глаза, и потому лишены всякаго поученія; и если бы они были открыты обществу, то оно содрогнулось бы не передъ ужасами самой казни, а скорѣе передъ ужасами той отчаянной рѣшимости, съ которою приговоренный бываетъ готовъ на всевозможныя новыя преступленія, лишь бы затянуть свое дѣло; оно содрогнулось бы передъ тою жаждою, которою онъ томится о случаѣ и о полученіи возможности совершить безполезное преступленіе, чтобы отдалить минуту наказанія, и оно забыло бы и о своемъ устрашеніи и о своей предполагаемой мести, которая недостойна общества уже по одному тому, что оно слишкомъ велико и сильно, чтобы кипѣть злобою противъ одного бездѣльника. Вотъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ, безъ сомнѣнія, знакомый почти всякому судебному слѣдователю и караульному офицеру, и очень убѣдительно рѣшающій вопросъ о томъ, — сокращаетъ или плодитъ преступленія та карательная мѣра, которую мы здѣсь разумѣемъ.

Нашъ авторъ разсказываетъ:

«У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишенный правъ состоянія, присланный года на два въ острогъ по суду, фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ свой коротенькій срокъ и вышелъ опять въ линейный баталіонъ. Но такъ какъ всѣ ему подобные, посылаемые въ острогъ для исправленія, окончательно въ немъ развращаются, то, обыкновенно, и случается такъ, что они, побывъ на волѣ не болѣе двухъ трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужъ не на два или на три года, а во «всегдашній разрядъ», на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ-подъ замка, сверхъ того нагрубилъ и набуянилъ, былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія до-нельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ, наканунѣ того дня, когда его должны были прогнать сквозь строй, бросился съ ножемъ на вошедшаго въ арестантскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилитъ свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но разсчетъ былъ именно въ томъ, чтобъ хоть на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ отдалить страшную минуту наказанія!» (Томъ 1, стр. 86).

Говорятъ, что предсмертное укушеніе зайца смертельно и что къ образованію въ немъ яда способствуетъ сильнѣйшая степень испуга. Здѣсь мы видимъ случай, гдѣ смертельное уязвленіе покушается произвести заяцъ. Но безобидные и трусливые зайцы между арестантами, конечно, рѣдкое исключеніе; самая большая часть изъ нихъ, вѣроятно, тигры: раздражать ихъ тигровыя страсти,—будетъ ли это въ видахъ устрашенія, или мести, или абсолютной справедливости, значитъ — оказывать плохую услугу обществу.

Права общества надъ своими преступными членами, конеч-

но, менѣе всего подлежатъ спору, и права эти должны быть велики равно на столько, на сколько велика важность общественной безопасности. Но такъ какъ самое учрежденіе и существованіе общества объясняются тѣмъ, что оно приняло подъ свою защиту всѣ личныя, частныя и общественныя права своихъ членовъ и что оно сознало себя сильнымъ оказывать эту защиту, то общество оказывается измѣняющимъ своей цѣли, истощившимъ всѣ свои полномочія и впадающимъ въ несправедливость, какъ оно отнимаетъ свою покровительственную руку съ головы даже самаго тяжкаго преступника. Чтобы не впадать въ такую несправедливость и не подвергаться нареканію въ безсиліи, въ которомъ и дѣйствительно обвиняютъ его столь многія ложныя ученія, оно непремѣнно должно отыскать въ своемъ высокомъ призваніи какую-нибудь возможность—не отказывать въ своемъ покровительствѣ даже самому послѣднему изъ своихъ преступныхъ или заблуждающихся членовъ. Эта возможность состоитъ въ исправленіи.

Мы замѣтили, что нашъ авторъ очень горько высказывается противъ келейной системы исправленія; не смотря, однако, на это, мы встрѣчаемъ у него очень дѣльныя и вполнѣ раздѣляемыя нами мысли противъ неудобствъ казарменной арестантской республики, гдѣ безразлично сгруппированы люди по чрезвычайно различнымъ родамъ преступленій и далеко не одинаковаго нравственнаго и образовательнаго уровня. Онъ называетъ это, и совершенно справедливо, неравномѣрностію наказанія.

«Правда, — говоритъ онъ,—и преступленіе нельзя сравнять одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ: и по тому, и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ, посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримѣръ, зарѣзалъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу: онъ вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то всего одна луковица. «Что жъ, батька!

ты меня посылалъ на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то одну луковицу нашолъ.—Дуракъ! луковица-анъ копѣйка! Сто душъ—сто луковицъ, вотъ-те и рубль!»—(Острожная легенда). А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. И что же? И тотъ и другой попадаютъ въ ту же каторгу... Посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія, Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ чахнетъ, таетъ какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу не зналъ даже, что есть такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ, напримѣръ, человѣкъ образованный, съ развитою совѣстью, съ сознаніемъ, съ сердцемъ. Одна боль его собственнаго сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ ними другой, который даже и не подумаетъ о совершенномъ имъ убійствѣ во всю каторгу.» (Томъ I, стр. 81).

Это, точно, неравномѣрность наказаній; другаго слова для этого изобрѣтать не нужно. Но если осужденіе произнесено правильно, не только по закону, но и по совѣсти, со вниманіемъ ко всѣмъ смягчающимъ обстоятельствамъ, тогда неравномѣрность наказанія будетъ зависѣть отъ одного только сообщества человѣка совѣстливаго съ потерявшимъ всякую совѣсть, образованнаго—съ полудикимъ животнымъ, чистоплотнаго—съ самыми циническими неряхами, преступника по дѣламъ вѣры—съ душегубцемъ и разбойникомъ. Тутъ категоріи должны быть, и возраженіе противъ этого возможно сдѣлать только въ духѣ жестокости и безполезной мести. Самое введеніе этихъ категорій не представляетъ никакой трудности и не требуетъ никакихъ издержекъ. А между тѣмъ, одно введеніе этихъ категорій могло бы повести за собою возможность возврата въ общество для очень большаго числа преступниковъ. Какъ скоро явилось бы сознаніе, что преступникъ преступнику — рознь, и

какъ скоро установился бы фактъ, что бываютъ преступники не только безъ сбивчивыхъ понятій о человѣческой нравственности, но и раскаявающіеся въ своихъ преступленіяхъ съ той самой минуты, какъ только они подпали несчастію преступнаго дѣла, тогда общество, послѣ исправительнаго срока, могло бы принимать въ свою среду такихъ преступниковъ, безъ всякаго риска для своей безопасности. Безразличный взглядъ нашего законодательства на преступныя мѣстности, присужденіе ихъ къ неестественному сообществу посредствомъ группированія ихъ въ одной арестантской казармѣ, безъ всякаго вниманія къ ихъ званіямъ, образованію и нравственному уровню, есть, можетъ быть, такая черта нашего уголовнаго кодекса, которую правительство всего менѣе расположено отстаивать. Въ такомъ случаѣ, черта эта указана. Преступники, не утратившіе своего человѣческаго достоинства, могутъ быть ссылаемы въ особыя мѣстности или размѣщаемы въ особыхъ казармахъ. Нравственная ихъ оцѣнка, которая можетъ быть предоставлена только судомъ, конечно, представляетъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ несовершенства нашихъ судовъ не составляютъ никакой тайны и нѣтъ ничего труднаго, что судебное одобреніе можетъ сдѣлаться предметомъ торговли. Но если эти несовершенные суды завѣдуютъ всѣмъ нашимъ правосудіемъ, то возражать противъ нихъ, по поводу такой маленькой подробности, о которой мы говоримъ, совершенно неумѣстно. Все же лучше, если человѣческое достоинство оцѣнивается хоть какъ-нибудь, хоть не совсѣмъ правильно, чѣмъ если на него вовсе не обращается никакого вниманія, какъ это дѣлается теперь.

Мы не знаемъ, какого рода совершилъ преступленіе несчастный наблюдатель каторжной жизни, послѣ котораго г-ну Достоевскому привелось быть издателемъ «Записокъ изъ Мертваго дома», но каково бы ни было его преступленіе противъ общества, или одного только правительства, во всякомъ случаѣ человѣкъ его образа мыслей, его нравственныхъ понятій и

образованія, его общественнаго положенія, о которомъ можно догадываться, что оно было довольно высоко, можетъ служить лучшимъ примѣромъ и лучшимъ доказательствомъ того, что для иного каторжника настоящею каторгою слѣдуетъ считать циническое сообщество каторжниковъ, а самыя каторжныя работы и всѣ тягости безправнаго состоянія только прибавкою къ этому наказанію. Но положеніе образованнаго, нравственнаго и эстетически-развитаго человѣка въ средѣ отъявленныхъ душегубцевъ слишкомъ рельефно, чтобы не казаться несправедливостью для кого бы то ни было. Но вотъ примѣръ простаго человѣка, въ которомъ, однако, нѣтъ ни одной черты, которая бы ни говорила; что онъ не созданъ для сообщества каторжниковъ, въ ихъ теперешнемъ положеніи, что такое наказаніе для него слишкомъ жестоко и что отсутствіе людей, любящихъ добродѣтель, знающихъ Бога и имѣющихъ совѣсть для него выше всякой каторги.

«Это былъ старичекъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденькій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинами. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру», какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей. Но съ твердостію пошолъ въ ссылку, потому что, въ своемъ ослѣпленіи, считалъ

ее «мукою за вѣру». Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ». Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его выраженіяхъ. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся — не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шолъ къ его сѣдинамъ. Но, не смотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась глубокая, неизлечимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачъ. Старикъ сидѣлъ на печи и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: «Господи не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои милыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидѣться!» (Томъ I, стр. 61).

———

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОТЦЫ И ДѢТИ.

И, С. ТУРГЕНЕВА.

I.

ОТЦЫ И ДѢТИ.

И. С. Тургенева.

I.

Николай Петровичъ Кирсановъ, владѣлецъ очень хорошаго помѣстья, поджидалъ, вмѣстѣ съ слугою, на находящемся неподалеку отъ его имѣнія постояломъ дворѣ, пріѣзда своего сына студента. Слуга то и дѣло посматривалъ вдоль дороги и каждый разъ за этимъ взглядомъ слышался вопросъ барина: «Не видать?» и затѣмъ отвѣтъ слуги:

— Никакъ нѣтъ-съ, не видать!

Николай Петровичъ Кирсановъ былъ сынъ генерала 12-го года, человѣка полуграмотнаго; воспитывался онъ вдали отъ родительскаго дома, въ Петербургскомъ университетѣ. Почти тотчасъ же по полученіи кандидатскаго диплома, Кирсановъ влюбился въ дочку чиновника Преполовенскаго, прельстившую его своею развитостію, выражавшеюся въ чтеніи ею серьезныхъ статей нашихъ журналовъ. По смерти отца и матери, онъ тотчасъ же, по минованіи траура, женился на ней и принялся блаженствовать съ своею Машею, сперва на дачѣ, потомъ въ городѣ и, наконецъ, въ деревнѣ. Десять лѣтъ безмятежной жизни пролетѣли незамѣтно; по истеченіи ихъ жена

Кирсанова скончалась, оставивъ на рукахъ отца малолѣтнаго сына, Аркадія. Годъ уходилъ за годомъ, наступило наконецъ и время поступать послѣднему въ университетъ; Кирсановъ самъ отвезъ его въ Петербургъ и прожилъ здѣсь съ нимъ три зимы, почти исключительно въ кругу его молодыхъ товарищей. На четвертую зиму онъ остался въ деревнѣ, и вотъ мы видимъ его теперь ожидающимъ сына, только-что окончившаго университетскій курсъ, какъ и онъ самъ когда-то, со степенью кандидата.

Онъ ждалъ и думалъ о прошломъ, о женѣ, о своей жизни. «Не дождалась!» шепнулъ онъ уныло, но въ это время послышался стукъ колесъ, затѣмъ показался тарантасъ и черезъ нѣсколько минутъ отецъ сжимаетъ уже въ своихъ объятіяхъ сына.

II.

Молодой Кирсановъ пріѣхалъ не одинъ: онъ привезъ погостить къ себѣ своего пріятеля, Базарова. Послѣ обычныхъ разговоровъ съ сыномъ о хозяйствѣ и домашнихъ, Николай Петровичъ коснулся предмета довольно щекотливаго.

— Я тебѣ сейчасъ сказалъ, замѣтилъ онъ, что ты не найдешь въ Марьинѣ перемѣнъ.... это не совсѣмъ справедливо. Я считаю своимъ долгомъ предварить тебя, хотя....

Онъ задумался на мгновеніе и продолжалъ уже по-французски.

— Строгій моралистъ найдетъ мою откровенность неумѣстною, но, во-первыхъ, этого скрыть нельзя, а во-вторыхъ, тебѣ извѣстно, у меня всегда были особые принципы насчетъ отношеній отца къ сыну. Впрочемъ, ты, конечно, будешь въ правѣ осудить меня. Въ мои лѣта.... Словомъ.... Эта дѣвушка, про которую ты, вѣроятно, уже слышалъ.

— Ѳеничка? развязно спросилъ Аркадій.

Николай Петровичъ покраснѣлъ.—Не называй ее, пожалуйста, громко.... Ну, да, она теперь живетъ у меня. Я ее помѣстилъ въ домѣ.... тамъ были двѣ небольшія комнатки. Впрочемъ, это все можно перемѣнить.

— Послушай, папаша, зачѣмъ?

— Твой пріятель у насъ гостить будетъ.... неловко....

— На счетъ Базарова ты, пожалуйста, не безпокойся. Онъ выше всего этого.

— Ну ты, наконецъ, проговорилъ Николай Петровичъ:— Флигелекъ-то плохъ—вотъ бѣда.

— Послушай папаша, подхватилъ Аркадій:—ты какъ будто извиняешься; какъ тебѣ не совѣстно?

— Конечно, мнѣ должно быть совѣстно, отвѣчалъ Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе краснѣя.

Аркадій постарался разувѣрить отца, что извиняться ему ровно не въ чемъ, но Николаю Петровичу все-таки было какъ-то не ловко. Разговоръ перешелъ снова на хозяйственные вопросы; затѣмъ Аркадій сталъ присматриваться къ мѣстамъ, по которымъ они проѣзжали. Сперва передъ нимъ промелкнули деревеньки съ полуразвалившимися избами и оборванными мужичками, навѣявшіе на него ни веселые мысли; затѣмъ потянулись привольныя поля, деревья, кусты и травы, и Аркадій ожилъ. Еще четверть часа и они были уже дома— въ Марьинѣ.

III.

Отецъ Кирсановъ очень понравился Базарову. «Добрякъ, славный человѣкъ!» сказалъ онъ про него Аркадію. Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвелъ на него дядя, Павелъ Петровичъ Кирсановъ. «Чудаковатъ», замѣтилъ Базаровъ про этого послѣдняго:

«Ногти-то ногти, хоть на выставку посылай.» Послѣ двухъ недѣль въ Марьинѣ, всѣ привыкли къ Базарову, въ особенности освоилась съ нимъ Ѳеничка; за то Павелъ Петровичъ возненавидѣлъ его съ первыхъ же дней знакомства. Что касается до Николая Петровича, то онъ побаивался молодаго «нигилиста» и сомнѣвался въ пользѣ его вліянія на Аркадія; но охотно присутствовалъ при производимыхъ имъ физическихъ и химическихъ опытахъ. Прислуга полюбила его отъ души. Но что же за человѣкъ былъ Базаровъ? Онъ отрицалъ все, кромѣ полезнаго: искусство, поэзія, семья, любовь по теоріи—для него не существовали. «Мы сила» говорилъ онъ самъ о себѣ и отвергалъ то, что другіе признавали. Но, не смотря на это, и ему пришлось вынести борьбу съ тѣмъ, что онъ отрицалъ.

Борьба базаровскихъ теорій съ самимъ собою обнаружилась прежде всего при встрѣчѣ его съ Одинцовой, съ которой онъ или, лучше сказать, Аркадій познакомился на балу у губернатора.

Молодой Кирсановъ такъ много наговорилъ Аннѣ Сергѣевнѣ (Одинцовой) о своемъ пріятелѣ, что она заинтересовалась имъ и пригласила молодыхъ людей пріѣхать къ себѣ.

Анна Сергѣевна Одинцова родилась отъ Сергѣя Николаевича Локтева, извѣстнато красавца, афериста и игрока, который, продержавшись и прошумѣвъ лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, кончилъ тѣмъ, что проигрался въ прахъ и принужденъ былъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ, впрочемъ, скоро умеръ, оставивъ крошечное состояніе двумъ своимъ дочерямъ, Аннѣ—двадцати и Катеринѣ—двѣнадцати лѣтъ. Мать ихъ, изъ обѣднѣвшаго рода князей Х......ъ, скончалась въ Петербургѣ, когда мужъ ея находился еще въ полной силѣ. Положеніе Анны послѣ смерти отца было очень тяжело. Блестящее воспитаніе, полученное ею въ Петербургѣ, не подготовило ее къ перенесенію заботъ по хозяйству и по дому,—къ глухому деревенскому житью. Она не знала никого рѣшительно въ цѣ-

омъ околодкѣ, и посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Отецъ ея старался избѣгать сношеній съ сосѣдями: онъ ихъ презиралъ, и они его презирали, каждый по своему. Она, однако, не потеряла головы и немедленно выписала къ себѣ сестру своей матери, княжну Авдотью Степановну К......ю, злую и чванную старуху, которая, поселившись у племянницы въ домѣ, забрала себѣ всѣ лучшія комнаты, ворчала и брюзжала съ утра до вечера, и даже по саду гуляла не иначе, какъ въ сопровожденіи единственнаго своего крѣпостнаго человѣка, угрюмаго лакея, въ изношенной гороховой ливреѣ съ голубымъ позументомъ и въ треуголкѣ. Анна терпѣливо выносила всѣ причуды тетки, исподволь занималась воспитаніемъ сестры и, казалось, уже примирилась съ мыслію—увянуть въ глуши.... Но судьба сулила ей другое. Ее случайно увидѣлъ нѣкто Одинцовъ, очень богатый человѣкъ, лѣтъ сорока шести, чудакъ, ипохондрикъ, пухлый, тяжелый и кислый, впрочемъ, не глупый и не злой; влюбился въ нее и предложилъ ей руку. Она согласилась быть его женою,—а онъ пожилъ съ нею лѣтъ шесть и, умирая, упрочилъ за нею все свое состояніе. Анна Сергѣевна около года послѣ его смерти не выѣзжала изъ деревни, потомъ отправилась вмѣстѣ съ сестрой за границу, но побывала только въ Германіи, соскучилась и вернулась на жительство въ свое любезное Никольское, отстоявшее верстъ сорокъ отъ города ***. Тамъ у ней былъ великолѣпный, отлично убранный домъ, прекрасный садъ съ оранжереями: покойный Одинцевъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Въ городъ Анна Сергѣевна являлась очень рѣдко, большею частію по дѣламъ, и то не надолго. Ее не любили въ губерніи, ужасно кричали по поводу ея брака съ Одинцовымъ, разсказывали про нее всевозможныя небылицы, увѣряли, что она помогала отцу въ его шулерскихъ продѣлкахъ, что и за границу она ѣздила не даромъ, а изъ необходимости скрыть несчастныя послѣдствія.... «Вы понимаете.... чего?» договаривали негодующіе разскащики.

Всѣ эти толки доходили до нея, но она пропускала ихъ мимо ушей; характеръ у нея былъ свободный и довольно рѣшительный.

Аркадій, послѣ визита Одинцовой, влюбился въ нее окончательно; что же касается до Базарова, то, на вопросъ о ней своего товарища, онъ покраснѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько саркастическихъ замѣчаній въ родѣ: «эдакое большое тѣло, хоть сейчасъ въ анатомическій театръ!» Но все-таки замѣтилъ: надо будетъ поѣхать къ ней!» Борьба съ самимъ собою началась въ немъ, но онъ скрылъ ее и постарался подавить.

IV.

Молодые люди воспользовались приглашеніемъ Одинцовой и пріѣхали погостить къ ней въ усадьбу.

На этотъ разъ Базаровъ выразился о ней послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ ея домѣ, уже нѣсколько иначе: онъ открылъ въ ней и друія достоинства, помимо ея тѣла.

— Баба съ мозгомъ! сказалъ онъ. Я увѣренъ, что она и своимъ имѣніемъ распоряжается отлично. Но чудо не она, а ея сестра. Вотъ кѣмъ можно заняться! Изъ этой еще, что вздумаешь, то и сдѣлаешь, а та—тертый калачъ.

Аннѣ Сергѣевнѣ Базаровъ тоже понравился—отсутствіемъ кокетства и самою рѣзкостію сужденій. Она видѣла въ немъ что-то новое, съ чѣмъ ей не случалось встрѣчаться, а она была любопытна. «Странный человѣкъ этотъ лекарь!» думала она, лежа въ своей великолѣпной постели, на кружевныхъ подушкахъ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ.

Пятнадцать дней, проведенныхъ у Одинцовой, не остались безъ вліянія ни на Аркадія, ни на Базарова. Первый блаженствовалъ съ Катей, сестрой Анны Сергѣевны, такъ какъ блаженствуютъ всѣ влюбленные. Второй, напротивъ, мучился и бѣ-

сился отъ внушеннаго ему Одинцовой чувства, и онъ тотчасъ бы отказался отъ него съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бранью, если бы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что въ немъ происходило. Онъ былъ не поклонникъ сантиментальной любви. «Нравится тебѣ женщина,» говаривалъ онъ: «старайся добиться толку: а нельзя—ну, не надо, отвернись—земля не клиномъ сошлась.» Одинцова ему нравилась, но онъ скоро понялъ, что съ ней не добьется толку, а отвернуться отъ нея, онъ, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; онъ легко сладилъ бы съ своею кровью, но что-то другое въ него вселялось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость.

Разъ, гуляя съ Одинцовой въ саду, онъ проговорился, что ему надо скоро уѣхать къ отцу. Она поблѣднѣла, сердце ея вздрогнуло, чему она сама удивилась, а потомъ долго думала о томъ, чтобы это значило?

Вечеромъ въ тотъ-же день, сидя у себя въ комнатѣ съ Базаровымъ, Одинцова заговорила съ нимъ о его отъѣздѣ.

— Зачѣмъ ѣхать? сказала она.

Онъ взглянулъ на нее. Она закинула голову на спинку креселъ и скрестила на груди руки, обнаженныя до локтей. Она казалась блѣднѣе при свѣтѣ одинокой лампы.

— А зачѣмъ оставаться? отвѣчалъ Базаровъ.

Одинцова слегка повернула голову.—Какъ зачѣмъ? Развѣ вамъ у меня не весело? Или вы думаете, что о васъ здѣсь жалѣть не будутъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

Одинцова помолчала.—Напраено вы это думаете. Впрочемъ, я вамъ не вѣрю. Вы не могли сказать этого серьезно. Базаровъ продолжалъ сидѣть неподвижно.

— Евгеній Васильевичъ, что же вы молчите?

— Да что мнѣ сказать вамъ? О людяхъ вообще жалѣть не стоитъ, а обо мнѣ и подавно.

— Это почему?

— Я человѣкъ положительный, не интересный. Говорить не умѣю.

— Вы напрашиваетесь на любезность, Евгеній Васильевичъ.

— Это не въ моихъ привычкахъ. Развѣ вы не знаете сами, что изящная сторона жизни мнѣ недоступна, та сторона, которою вы такъ дорожите?

Одинцова покусала уголъ носоваго платка. — Думайте, что хотите, но мнѣ будетъ скучно, когда вы уѣдете.

Они говорили еще долго на эту же тему. Наконецъ, Базаровъ всталъ,—онъ хотѣлъ уйдти; но Анна Сергѣевна удержала его.

— Куда вы? медленно проговорила она.

Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ.

Одинцова стала говорить о себѣ: о своей жизни, о своихъ обманутыхъ надеждахъ, о томъ, что вспоминать ей нѣчего, а впереди длинный путь безъ цѣли.

— Развѣ я не могу полюбить? промолвила она наконецъ.

— Едва-ли! отвѣтилъ Базаровъ.

— Ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего дѣлать; а мнѣ!.... подумалъ онъ. Сердце у него дѣйствительно такъ и рвалось.

Онъ заговорилъ и заговорилъ вовсе не по-базаровски, объ умѣньи отдаться, не дорожа собою, не размышляя.

— Вы бы съумѣли отдаться? спросила она.

— Незнаю, хвастаться не хочу.

Одинцова не сказала ничего и Базаровъ умолкъ. Звуки фортепіано долетѣли до нихъ изъ гостиной.

Базаровъ торопливо сказалъ: «прощайте», сжалъ ей сильно руку и вышелъ. Она готова была остановить его, но въ комнату вошла горничная.

V.

На другой день, послѣ чаю, она позвала Базарова къ себѣ въ кабинетъ.

— Мнѣ хотѣлось возобновить нашъ вчерашній разговоръ, сказала она. Вы ушли такъ внезапно.... Вамъ не будетъ скучно?

— Я къ вашимъ услугамъ, Анна Сергѣевна. Но о чемъ, бишь, бесѣдовали мы вчера съ вами?

Одинцова бросила косвенный взглядъ на Базарова.—Мы говорили съ вами, кажется, о счастіи. Я вамъ разсказывала о самой себѣ. Кстати, вотъ я упомянула слово «счастіе». Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, напримѣръ музыкой, хорошимъ вечеромъ, разговоромъ съ симпатическими людьми, отчего все это кажется скорѣе намекомъ на какое-то безмѣрное, гдѣ-то существующее счастіе, чѣмъ дѣйствительнымъ счастіемъ, то-есть такимъ, которымъ мы сами обладаемъ? Отчего это? Или вы, можетъ быть, ничего подобнаго не ощущаете?

— Вы знаете поговорку: «тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ», отвѣтилъ Базаровъ.

Одинцова заговорила о Базаровѣ, о его карьерѣ, стала вызывать его на откровенность.

— Я увѣрена, сказала она, что ваша напряженность, сдержанность исчезнутъ, наконецъ.

— А вы замѣтили во мнѣ сдержанность.... какъ вы еще выразились—напряженность?

— Да.

Базаровъ всталъ и подошелъ къ окну.—И вы желали бы знать причину этой сдержанности: вы желали бы знать, что̀ во мнѣ происходитъ?

— Да, повторила Одинцова, съ какимъ-то ей еще непонятнымъ испугомъ.

— И вы не разсердитесь?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?—Базаровъ стоялъ къ ней спиною.—Такъ знайте же, что я люблю васъ глупо, безумно... Вотъ чего вы добились.

Одинцова протянула впередъ обѣ руки, а Базаровъ уперся лбомъ въ стекло окна. Онъ задыхался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это билась въ немъ страсть, сильная и тяжелая—страсть, похожая на злобу и, быть можетъ, сродни ей... Одинцовой стало и страшно, и жалко его.

— Евгеній Васильевичъ! проговорила она, и невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ.

Онъ быстро обернулся, бросилъ на нее пожирающій взоръ— и, схвативъ ея обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь...

Она не тотчасъ освободилась изъ его объятій; но спустя мгновеніе она уже стояла далеко въ углу, и глядѣла оттуда на Базарова.

Онъ рванулся къ ней...

— Вы меня не поняли, прошептала она съ торопливымъ испугомъ. Казалось, шагни онъ еще разъ, она бы вскрикнула... Базаровъ закусилъ губы и вышелъ.

Полчаса спустя, служанка подала Аннѣ Сергѣевнѣ записку отъ Базарова; она состояла изъ одной только строчки: «долженъ ли я сегодня уѣхать—или могу остаться до завтра?»—»Зачѣмъ уѣзжать? Я васъ не понимала—вы меня не поняли,» отвѣтила ему Анна Сергѣевна, а сама подумала: «я и себя не понимала.»

Базаровъ уѣхалъ отъ Одинцовой, вмѣстѣ съ Кирсановымъ къ отцу. На возвратномъ пути отсюда, они какъ-то почти невольно попали снова въ ея усадьбу; но на этотъ разъ она встрѣтила ихъ почти равнодушно. Только при самомъ про-

щаньи, прежнее дружелюбіе какъ будто шевельнулось въ ея душѣ.

— На меня теперь нашла хандра, сказала она:—но вы не обращайте на это вниманія и пріѣзжайте опять; я вамъ это обоимъ говорю, черезъ нѣсколько времени.

VI.

Базарову пришлось еще два раза встрѣтиться съ Одинцовой. Первый разъ опять въ ея усадьбѣ.

Одинцова приняла его не въ той комнатѣ, гдѣ онъ такъ неожиданно объяснился ей въ любви, а въ гостиной. Она любезно протянула ему кончики пальцевъ, но лицо ея выражало невольное напряженіе.

— Анна Сергѣевна, поторопился сказать Базаровъ: — прежде всего я долженъ васъ успокоить. Передъ вами смертный, который самъ давно опомнился, и надѣется, что другіе забыли его глупости. Я уѣзжаю надолго, и согласитесь, хоть я и не мягкое существо, но мнѣ было бы невесело унести съ собою мысль, что вы вспоминаете обо мнѣ съ отвращеніемъ.

Анна Сергѣевна глубоко вздохнула, какъ человѣкъ, только-что взобравшійся на высокую гору, и лицо ея оживилось улыбкою. Она вторично протянула Базарову руку, и отвѣчала на его пожатіе.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, сказала она,— тѣмъ болѣе что, говоря по совѣсти, и я согрѣшила тогда, если не кокетствомъ, такъ чѣмъ-то другимъ. Одно слово: будемте пріятелями, по прежнему. То былъ сонъ, не правда ли? А кто же сны помнитъ?

— Кто ихъ помнитъ? Да притомъ любовь... вѣдь это чувство напускное.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ очень пріятно это слышать.

Такъ выражалась Анна Сергѣевна, и такъ выражался Базаровъ: оба они думали, что говорили правду. Была ли правда, полная правда, въ ихъ словахъ? Они сами этого не знали. Но бесѣда у нихъ завязалась такая, какъ будто они совершенно повѣрили другъ другу.

Бесѣда Анны Сергѣевны съ Базаровымъ продолжалась недолго. Она начала задумываться, отвѣчать разсѣянно, и предложила ему наконецъ перейдти въ залу. «А гдѣ же Аркадій Николаевичъ?» спросила хозяйка и узнавъ, что онъ не показывался уже болѣе часа, послала за нимъ. Его не скоро нашли: онъ забрался въ самую глушь сада и, опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ думу. Эти думы, были глубоки и важны, но не печальны. Онъ зналъ, что Анна Сергѣевна сидитъ наединѣ съ Базаровымъ, и ревности онъ не чувствовалъ, какъ бывало; напротивъ, лицо его тихо свѣтлѣло; казалось, онъ и дивился чему-то, и радовался, и рѣшался на что-то.

Въ этотъ-же разъ, спустя нѣсколько дней, Анна Сергѣевна шла по саду въ сопровожденіи Базарова.

— Вотъ видите-ли, говорила она:—мы съ вами ошиблись. Мы оба уже не первой молодости, особенно я; мы пожили, устали! мы оба,—къ чему церемониться! умны: сначала мы заинтересовали другъ друга, любопытство было возбуждено,... а потомъ....

— А потомъ.... я выдохся, подхватилъ Базаровъ.

— Вы знаете, что не это было причиной нашей размолвки. Но какъ бы то ни было, мы не нуждались другъ въ другѣ, вотъ главное; въ насъ слишкомъ много было.... какъ бы это сказать.... однороднаго. Мы это не сразу поняли. Напротивъ, Аркадій....

— Вы въ немъ нуждаетесь? спросилъ Базаровъ.

— Полноте, Евгеній Васильичъ. Вы говорите, что онъ неровнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ самой всегда казалось, что я

ему нравлюсь. Я знаю, что я гожусь ему въ тетки, но я не хочу скрывать отъ васъ, что я стала чаще думать о немъ. Въ этомъ молодомъ и свѣжемъ чувствѣ есть какая-то прелесть....

— Слово *обаяніе* употребительнѣе въ подобныхъ случахъ, перебилъ Базаровъ; кипѣніе желчи слышалось въ его спокойномъ, но глухомъ голосѣ.—Аркадій что-то секретничалъ вчера со мною, и не говорилъ ни о васъ, ни о вашей сестрѣ.... Это симптомъ важный.

— Онъ съ Катей совсѣмъ какъ братъ, промолвила Анна Сергѣевна,—и это мнѣ въ немъ нравится, хотя, можетъ быть, мнѣ бы и не слѣдовало позволять такую близость между ними.

— Это въ васъ говоритъ.... сестра? произнесъ протяжно Базаровъ.

— Разумѣется.... Но что же мы стоимъ? Пойдемте. Какой странный разговоръ у насъ, не правда ли? И могла ли я ожидать, что буду говорить такъ съ вами! Вы знаете, что я васъ боюсь.... и, въ то же время, я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры.

— Во-первыхъ, я вовсе не добръ, а во-вторыхъ, я потерялъ для васъ всякое значеніе, и вы мнѣ говорите, что я добръ.... Это все равно, что класть вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову мертвеца.

— Евгеній Васильичъ, мы не властны.... начала было Анна Сергѣевна. но вѣтеръ налетѣлъ, зашумѣлъ листами и унесъ ея слова.—Вѣдь вы свободны, произнесъ, немного погодя, Базаровъ. Больше ничего нельзя было разобрать: шаги удалились.... все затихло.

А въ двухъ шагахъ отъ нихъ, въ эту же самую минуту, Аркадій и Катя взаимно признавались въ вѣчной любви и оба были счастливы.

На другой день онъ просилъ у Одинцовой ея руки.

*

— Вотъ какъ! проговорилъ Базаровъ, узнавъ объ этомъ: А вы, кажется, не далѣе какъ вчера полагали, что онъ любитъ Катерину Сергѣевну братскою любовью. Что вы намѣрены теперь сдѣлать?

— Что вы мнѣ посовѣтуете? спросила она смѣясь.

— Да, я полагаю,—отвѣтилъ Базаровъ тоже со смѣхомъ, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотѣлось смѣяться, также какъ и ей:—я полагаю, слѣдуетъ благословить молодыхъ людей. Партія во всѣхъ отношеніяхъ хорошая; состояніе Кирсанова изрядное; онъ одинъ сынъ у отца, да и отецъ добрый малый, прекословить не будетъ.

Одинцова прошлась по комнатѣ. Ея лицо попеременно краснѣло и блѣднѣло.

— Вы думаете? промолвила она.—Чтожъ? Я не вижу препятствія.... Я рада за Катю.... и за Аркадія Николаича. Разумѣется, я подожду отвѣта отца. Я его самого къ нему пошлю. Но вотъ и выходитъ, что я была права вчера, когда говорила вамъ, что мы оба уже старые люди.... Какъ это я ничего не видѣла? Это меня удивляетъ!

Анна Сергѣевна опять засмѣялась и тотчасъ же отворотилась.

— Нынѣшняя молодежъ больно хитра стала, замѣтилъ Базаровъ, и тоже засмѣялся. — Прощайте,—заговорилъ онъ опять, послѣ небольшаго молчанія:—Желаю вамъ окончитъ это дѣло самымъ пріятнымъ образомъ; а я издали порадуюсь.

Одинцова быстро повернулась къ нему.

— Развѣ вы уѣзжаете? Отчего же вамъ *теперь* не остаться? Останьтесь.... съ вами говорить весело.... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Останьтесь.

— Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣвна, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я ужъ и такъ слишкомъ долго вращался въ чужой для меня

сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ подержаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду: позвольте же и мнѣ плюхнуть въ мою стихію.

Одинцова посмотрѣла на Базарова. Горькая усмѣшка подергивала его блѣдное лицо. «Этотъ меня любилъ!» подумала она—и жалко ей стало его, и съ участіемъ протянула она ему руку.

Но и онъ ее понялъ.—Нѣтъ! сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ.—Человѣкъ я бѣдный, но милостыни еще до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ и будьте здоровы.

— Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся, произнесла Анна Сергѣевна съ невольнымъ движеніемъ.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! отвѣтилъ Базаровъ, поклонился и вышелъ.

VII.

Одинцова не ошиблась: ей пришлось встрѣтиться еще разъ съ Базаровымъ; но какъ? Базаровъ, поселившись у отца, дѣлая однажды вскрытіе трупа, порѣзался и заразился трупнымъ ядомъ. Болѣзнь разыгралась не на шутку; онъ понялъ, что отъ смерти ему не ускользнуть и что она недалека отъ него.

— Я хочу попросить тебя объ одной вещи..., сказалъ онъ отцу,—пока еще моя голова въ моей власти. Завтра или послѣ завтра, мозгъ мой, ты знаешь, подастъ въ отставку. Пошли нарочнаго къ Одинцовой, Аннѣ Сергѣевнѣ: тутъ есть такая помѣщица.... Знаешь? Евгеній, молъ, Базаровъ кланяться велѣлъ и велѣлъ сказать, что умираетъ. Ты это исполнишь?

Одинцова пріѣхала и не одна, а съ докторомъ нѣмцемъ. Врачъ осмотрѣлъ больнаго и порѣшилъ, что ему тутъ дѣлать нечего. Когда докторъ удалился, Анна Сергѣевна вошла въ комнату Базарова, взглянула на него и остановилась у двери:

до того поразило ее это воспаленное и, въ то же время, мертвенное лицо съ устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, еслибы точно его любила, мгновенно сверкнула у ней въ головѣ.

— Спасибо, усиленно заговорилъ онъ:—я этого не ожидалъ. Это доброе дѣло. Вотъ мы еще разъ и увидѣлись, какъ вы обѣщали.

— Ну, спасибо, повторилъ Базаровъ:—Это по-царски. Говорятъ, цари тоже посѣщаютъ умирающихъ.

— Евгеній Васильичъ, я надѣюсь....

— Эхъ, Анна Сергѣевна, станемте говорить правду.Со мной кончено. Попалъ подъ колесо. И выходитъ, что нечего было думать о будущемъ. Старая штука—смерть, а каждому вновѣ. До сихъ поръ не трушу.... а тамъ придетъ безпамятство и *фюитъ*! (Онъ слабо махнулъ рукою). Ну, что-жъ мнѣ вамъ сказать?... Что я любилъ васъ—это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ стоите, такая красивая....

Анна Сергѣевна невольно содрогнулась.

— Ничего, не тревожьтесь.... сядьте тамъ.... Не подходите ко мнѣ: вѣдь моя болѣзнь заразительная.

Анна Сергѣевна быстро перешла комнату и сѣла на кресло возлѣ дивана.

— Великодушная! шепнулъ Базаровъ.—Охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая.... въ этой гадкой комнатѣ!.. Ну, прощайте! живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время. Вы посмотрите, что̀ за безобразное зрѣлище—червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача гиганта какъ бы умереть прилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ.... Все равно: вилять хвостомъ не стану.

Базаровъ умолкъ и сталъ ощупывать рукой свой стаканъ. Анна Сергѣевна подала ему напиться, не снимая перчатокъ и боязливо дыша.

— Меня вы забудете, началъ онъ опять:—мертвый живому не товарищъ. Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ.... Это чепуха, но не разувѣряйте старика.... Чѣмь бы дитя ни тѣшилось.... вы знаете.... Я нуженъ Россіи!... Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто нуженъ? Сапожникъ нуженъ, портной нуженъ, мясникъ.... мясо продаетъ.... мясникъ.... постойте я путаюсь.... Тутъ есть лѣсъ....

Базаровъ положилъ руку на лобъ.

Анна Сергѣевна наклонилась къ нему.—Евгеній Васильичъ, я здѣсь.

Онъ разомъ принялъ руку и приподнялся.—Прощайте, проговорилъ онъ съ внезапною силою, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ. — Прощайте.... Послушайте.... вѣдь я васъ не поцѣловалъ тогда.... Дуньте на умирающую лампу и пусть она погаснитъ....

Анна Сергѣевна приложилась губами къ его лбу.

— И довольно! промолвилъ онъ, и опустился на подушку —Теперь.... темнота....

Анна Сергѣевна тихо вышла.—Что? спросилъ ее шетотомъ Василій Ивановичъ.

— Онъ заснулъ, отвѣчала она чуть слышно.

Базарову уже не суждено было просыпаться. Къ вечеру онъ впалъ въ совершенное безпамятство, а на слѣдующій день умеръ.

VIII.

Въ заключеніе намъ остается только сказать, что̀ сталось съ остальными героями романа. Николай Петровичъ женился на Ѳеничкѣ, Аркадій обвѣнчался съ Катею и занялся хозяйствомъ. Павелъ Петровичъ уѣхалъ доживать свои дни за границу, а Одинцова вышла замужъ, не по любви, но по убѣжденію, за одного изъ будущихъ русскихъ дѣятелей, человѣка очень умнаго, законника, съ крѣпкимъ практическимъ смысломъ, твердою волею и замѣчательнымъ даромъ слова,—человѣка еще молодаго, добраго и холоднаго какъ ледъ. Они живутъ въ большомъ ладу другъ съ другомъ и доживутся, пожалуй, до счастья, пожалуй—до любви.

II.

НѢМЕЦКІЕ ПІОНЕРЫ.

Романъ Фридриха Шпильгагена.

I.

Больше ста лѣтъ назадъ, весной 1758 года, въ ньюіоркской гавани стоялъ только-что прибывшій изъ Роттердама корабль съ нѣмецкими переселенцами, которыхъ нужда выгнала изъ отечества искать счастья въ чужой, новой землѣ. Корабль этотъ шелъ изъ Роттердама до Ньюіорка цѣлый годъ. Въ Ламаншскомъ каналѣ онъ потерпѣлъ бурю и долженъ былъ прозимовать въ Суатгемтонѣ, въ Англіи. Такое продолжительное плаваніе отозвалось очень печально на судьбѣ пассажировъ, которые, доѣвъ послѣднія крохи, должны были должать за кушанье корабельному буфету, и такимъ образомъ пріѣхали въ Америку неоплатными должниками. Въ тѣ времена кредиторы не любили шутить, и вскорѣ по приходѣ корабля, въ мѣстныхъ газетахъ было заявлено, а потомъ провозглашено съ барабаннымъ боемъ по улицамъ рыночными крикунами *о продажѣ съ публичнаго торга вновь пріѣхавшихъ нѣмецкихъ колонистовъ.*

Въ день продажи, въ гавани, въ виду стоявшаго корабля съ бѣдными, полуголодными переселенцами, представлявшими изъ себѣ родъ продажнаго товара, понятно, собрался народъ,

и, понятно, въ народѣ шли самые разнообразные толки. Нѣкоторыя мнѣнія клонились къ тому, что нѣмцы, какъ саранча, наводняютъ Америку только на бѣду этой страны.

— Что̀ они тутъ дѣлаютъ? горячо говорилъ одинъ толстякъ въ огромномъ парикѣ: что̀ имъ тутъ нужно? Развѣ они не могли остаться тамъ, гдѣ были? Что̀ намъ дѣлать съ голодною голью и сволочью, которая не приноситъ намъ ничего, кромѣ своихъ грязныхъ лохмотьевъ?

— И корабельной лихорадки, отъ которой упаси насъ Господи!—Я зажалъ себѣ ротъ и носъ, когда эти гадины проходили давеча мимо насъ.

— Это грѣхъ, замѣтилъ третій.

— Это срамъ, проворчалъ четвертый.

Толстякъ повернулся, и медленными шагами пошелъ по краю набережной.

— Именно срамъ мистеру Питчеру говорить такимъ образомъ, сказалъ кто-то, услыхавъ послѣднія слова удалявшагося джентльмена и подходя къ группѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать, мистеръ Браунъ?

— Развѣ это не срамъ, сказалъ мистеръ Браунъ, маленькій, старый, худощавый господинъ, говоря съ большою живостью и сильно жестикулируя своими худенькими ручками:— развѣ это не грѣхъ, не срамъ—выражаться такъ оскорбительно о своихъ землякахъ? Чѣмъ онъ лучше или хуже этихъ бѣдняковъ на кораблѣ? Развѣ не точно также его родители, въ 1710 году, когда Робертъ Гунтеръ былъ губернаторомъ, прибыли въ Нью-Йоркъ, вмѣстѣ съ многочисленными переселенцами изъ Пфальца? Это были славные, честные люди, которыхъ я коротко зналъ. Они трудились въ потѣ лица и честнымъ образомъ достигли своего послѣдующаго благосостоянія, и вотъ теперь ихъ сынъ, который на моихъ глазахъ бѣгалъ босикомъ по улицамъ, совсѣмъ забываетъ ихъ и позоритъ ихъ память, и изъ нѣмца Круга превратился въ англичанина Питчера. Хорошъ Питчеръ! хорошо обдѣлываетъ свои дѣла за од-

но съ голландскими барышниками и торгуетъ человѣческимъ мясомъ, какъ вы, сосѣдъ Флинтъ, говядиной, и вы сосѣдъ Билль, сыромъ и масломъ!

И старикъ съ гнѣвомъ воткнулъ свою бамбуковую трость въ грязь.

—Богъ да проститъ мистеру Питчеру,—возразилъ кто-то,—если онъ дѣйствительно занимается такимъ богопротивнымъ дѣломъ; а все-таки я не могу считать неправыми тѣхъ, которые называютъ переселеніе общественнымъ бѣдствіемъ и нарушеніемъ общаго благоденствія. Эта сволочь отнимаетъ у насъ хлѣбъ изо-рта, чтобы напихать имъ свои голодныя, немытыя пасти, будучи слишкомъ глупа и лѣнива, чтобы заработать шиллингъ.

— Видите вы вотъ того человѣка, который стоитъ на самомъ краю набережной, рядомъ съ мистеромъ Питчеромъ? спросилъ мистеръ Браунъ.

— Этотъ красивый молодой человѣкъ?

— Да, этотъ красивый молодой человѣкъ. Онъ тоже нѣмецъ, имя его Ламбертъ Штернбергъ. Живетъ онъ въ Канадской бухтѣ, на краю свѣта бѣлаго. Изъ моей конторы ему сейчасъ только выдали сто фунтовъ... У меня есть съ нимъ и еще кой-какія дѣла: нынѣшнею осенью онъ долженъ доставить для меня деготь и смолу, въ Альбени.

— Это счастливое исключеніе.

— Нѣт-съ, не исключеніе,—запальчиво возразилъ мистеръ Браунъ. Братья Штернберги уже шесть лѣтъ ведутъ отлично свои дѣла въ Канадской бухтѣ, Шогери и Могоукѣ, и также ведутъ свои дѣла дюжины другихъ семействъ, — фернеровъ, дровосѣковъ, звѣроловов. Это все нѣмцы. Они ведутъ свои дѣла на нашей землѣ честно и отлично!

— Что же вы хотите доказать этимъ, мистеръ Браунъ, какъ не то, что эти люди захватываютъ нашу землю? Хотѣлось бы мнѣ знать какъ можно иначе назвать это?

— Поддержкою, воскликнулъ мистеръ Браунъ:—поддержкою

и подкрѣпленіемъ общаго благосостоянія,—вотъ настоящее слово. Развѣ это не благодѣяніе для насъ всѣхъ, что на крайнихъ дальнихъ границахъ поселились эти бѣдные нѣмцы, и дай Богъ, чтобы они еще дальше расширили свои поселенія, постоянно сражаясь съ нашими исконными врагами, французами. Нѣмцамъ мы обязаны тѣмъ, что каждый изъ насъ можетъ спокойно заниматься здѣсь, въ Нью-Йоркѣ, своими дѣлами. Когда прошлую осень капитанъ Беллетръ съ своими разбойниками французами и индійцами ворвался въ Могоукскую долину, кто не допустилъ его проникнуть до Альбэни и еще дальше? Никакъ не мы, потому что два года тому назадъ у насъ отняли фортъ Освего, а генералъ Эберкромби, начальникъ въ Альбэни, до самаго октября, когда пришелъ Беллетръ, не сдѣлалъ ничего, рѣшительно ничего, для угрожаемыхъ мѣстностей. Кто помѣшалъ вторженію? спрашиваю я. Нѣмцы, которые, подъ предводительствомъ своего храбраго начальника Николая Геркгеймера, отбивались, какъ могли, и потеряли сорокъ человѣкъ убитыми, да сто двухъ плѣнными, не говоря уже о 50,000 долларахъ убытку, понесеннаго отъ этихъ воровъ и поджигателей. Однако, прощайте!

И старый холерикъ, покрѣпче нахлобучивъ себѣ на голову шляпу, чтобы ее не сорвалъ вѣтеръ, удалился поспѣшными шагами.

Молодой человѣкъ, Ламбертъ Штернбергъ, котораго онъ такъ хвалилъ, продолжалъ стоять на набережной, пристально глядя на корабль.

II.

Палуба корабля, къ которой прикованъ былъ взглядъ молодаго Ламберта Штернберга, представляла видъ страшнаго безпорядочнаго хаоса: тамъ, между тюками, веревками и разными снастями, сновали люди, кричали, ругались, толкались,

а подчасъ поднимались кулакъ или палка. Среди этого толпящагося хаоса Ламбертъ замѣтилъ дѣвушку: она стояла между тюками; правая рука ея, опиравшаяся на тюкъ, поддерживала ея склоненную голову; лѣвая свѣсилась въ изнеможеніи. Ея лицо, которое онъ видѣлъ съ боку, было такъ худо и блѣдно, что на немъ съ какою-то странною рѣзкостью обрисовывались длинныя черныя рѣсницы ея опущенныхъ глазъ. Ея глянцовитые, темные волосы изящными косами нѣсколько разъ обвивались вокругъ головы; ея платье, хотя бѣдное и поношенное, было сдѣлано съ большимъ вкусомъ и менѣе походило на костюмъ крестьянокъ, чѣмъ одежда другихъ женщинъ, отъ которыхъ она рѣзко отличалась выраженіемъ своего лица. Ламбертъ не могъ отвести глазъ отъ этого лица, точно прикованный къ нему могущественными чарами.

Однимъ прыжкомъ Ламбертъ очутился на палубѣ. Когда онъ отыскалъ дѣвушку, то замѣтилъ, что слезы катились по ея блѣднымъ щекамъ...

Дѣвушка эта оказалась Катериной Вейзе, дочерью пастора, который, утѣшая своихъ несчастныхъ товарищей путешествія и помогая имъ чѣмъ могъ, заболѣлъ самъ и умеръ во время дороги. Дѣвушка эта была тоже должна за путешествіе, и назначалась къ продажѣ. Явился уже и покупщикъ, какой-то фермеръ, который, впрочемъ, давалъ за нее всего 45 фунтовъ. Капитанъ корабля просилъ девяносто.

Ламбертъ купилъ Катерину Вейзе.

III.

Ламбертъ жилъ въ домѣ, построенномъ въ родѣ маленькой крѣпостцы, чуть ли не въ самой глухой мѣстности, на самомъ краю цивилизаціи, если можно такъ выразиться. Нужно было защищаться и отъ дикихъ индійцевъ и отъ французовъ, которые, въ союзѣ съ послѣдними, разрушали трудолюбивыя

гнѣзда нѣмецкихъ піонеровъ. Родители его умерли, и онъ жилъ въ этомъ домѣ, en deux, съ братомъ. Братъ этотъ, по имени Конрадъ, былъ болѣе чѣмъ замѣчательный человѣкъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ у своей тетки, Урсулы Дитмаръ, женщины тоже замѣчательной: отецъ не могъ съ нимъ ничего сдѣлать. Когда ему исполнилось два года, онъ снова возвратился, хотя тетка съ удовольствіемъ оставила бы его у себя; но отецъ не совсѣмъ ладилъ съ дядею, и ревновалъ ребенка, боясь, что его сдѣлаютъ совершенно чуждымъ ему. Конрадъ жилъ на попеченіи маленькаго Ламберта, никогда не разлучался съ нимъ, любилъ его, но былъ дикъ и неукротимъ какъ медвѣженокъ. Поэтому ему трудно было ладить съ отцомъ, человѣкомъ вспыльчивымъ и, подъчасъ, бѣшенымъ, и когда они однажды поссорились и отецъ поднялъ руку на одиннадцатилѣтняго мальчугана, храбраго и гордаго какъ взрослый мужчина, то онъ убѣжалъ въ лѣсъ и болѣе не вернулся, такъ что всѣ думали, не лишилъ ли онъ себя жизни или не растерзали ли его медвѣди. Въ это время мальчикъ проживалъ за озеромъ Онеидо у индійцевъ и его не видно и не слышно было цѣлыхъ три года; черезъ нѣсколько дней послѣ смерти отца, онъ внезапно вошелъ въ блокгаузъ, гдѣ Ламбертъ сидѣлъ, грустный и одинокій. Ламбертъ сначала совершенно не узналъ его: братъ его выросъ на двѣ головы и носилъ индійскій нарядъ; но Конрадъ бросился Ламберту на шею, горько заплакалъ и сказалъ: «я случайно узналъ, что отецъ при смерти и, не останавливаясь, бѣжалъ три дня и три ночи, чтобы еще разъ увидѣть его.» Но среди слезъ онъ вдругъ выпрямился, откинулъ голову назадъ и произнесъ съ сверкнувшими глазами, обращаясь къ Ламберту: «Но ты не думай, что я простилъ ему его побои и что жалѣю о своемъ побѣгѣ.»

Во время своего пребыванія, за озерами Онеидо, у дикарей, онъ оказалъ своей теткѣ Урсулѣ большую услугу, въ 1744 году, когда между англичанами и французами воз-

горѣлась война, называемая «войною короля Георга». Ни англичане, ни французы не могли собрать много людей, и поэтому должны были обратиться къ индійцамъ, которыхъ обѣ стороны старались всевозможными способами привлечь на свою сторону и натравить на противниковъ. Англичане съ давнихъ временъ состояли въ союзѣ съ шестью племенами, но теперь и эти племена стали уже колебаться и склоняться на сторону французовъ, которые умѣли лучше льстить имъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые отпали и открыто, или тайно, держали сторону враговъ нѣмецкой цивилизаціи. Нѣмцевъ, у Могоука, и въ особенности у бухты, не трогали, но опасность все приближалась, и тогда-то нѣмецкіе колонисты въ этихъ смутахъ пріучались ходить на работу съ ружьемъ за плечами, и отецъ Штернберговъ, съ помощью двухъ негровъ изъ Виргиніи, укрѣпилъ свой домъ, который до тѣхъ поръ былъ открытымъ блокгаузомъ. Николай Геркгеймеръ у Могоука и многіе другіе послѣдовали его примѣру; но большинство смотрѣло на вещи спокойнѣе, говоря: «пусть только придутъ французы съ индійцами, мы покажемъ имъ дорогу и прогонимъ ихъ съ окровавленными головами.» Изъ-за этого Штернберъ поссорился съ старымъ Дитмаромъ; онъ всегда страшно ненавидѣлъ французовъ, которыхъ зналъ уже давно: они сожгли домъ его родителей и выгнали ихъ изъ той мѣстности, гдѣ они прежде жили. Онъ говорилъ, что «если мы будемъ ждать, пока французы придутъ къ намъ, то будетъ уже слишкомъ поздно. Стыдно думать каждому только о себѣ одномъ; надобно соединиться всѣмъ, здѣсь, и на Могоукѣ, и въ Шогэрѣ и всюду, гдѣ есть нѣмцы. и никто не долженъ оставаться дома, если только умѣетъ стрѣлять. Всѣмъ слѣдуетъ идти противъ французовъ и на ихъ собственной территоріи отплатить имъ за то, что они прежде, и послѣ дѣлали противъ насъ, Нѣмцевъ.» Можетъ быть, старикъ былъ правъ, но никто его не слушалъ. Такъ наступилъ 1764 годъ, когда французы съ индійцами ворвались чрезъ долину Могоука въ Альбени и Шинктеди. Они разрушали и

грабили все, что попадалось имъ подъ руку, убивали, скальпирововали и дѣлали всевозможныя жестокости. Тогда Дитмаръ, шуринъ Урсулы, не вытерпѣлъ. Онъ отправился съ своими четырьмя сыновьями, изъ которыхъ старшему было двадцать-шесть, а младшему девятнадцать лѣтъ. Урсула жена его, не хотѣла оставаться дома и, съ ружьемъ за плечами, отправилась вмѣстѣ съ ними. Они вели войну сами по себѣ, убили множество французовъ и индійцевъ; но однажды, отдыхая въ небольшомъ кустарникѣ на открытой равнинѣ, они внезапно были окружены со всѣхъ сторонъ. Урсула видѣла, какъ, одинъ за другимъ, падали его сыновья, между тѣмъ какъ она заряжала ружья, а наконецъ, и старый Дитмаръ упалъ за-мертво къ ея ногамъ. Тогда Урсула еще разъ выстрѣлила изъ ружья, которое только что зарядила; этимъ выстрѣломъ положила одного француза на мѣстѣ, выскочила изъ-за кустовъ съ поднятымъ прикладомъ и начала махать имъ направо и налѣво, такъ что индійцы, удивляясь такой храбрости, не захотѣли убить ее. Связавъ ее и заткнувши ей ротъ, они потащили ее за собой, какъ плѣнницу, вмѣстѣ съ мужемъ, въ которомъ показались признаки жизни въ ту минуту, какъ одинъ индіецъ уже хотѣлъ его скальпировать. Можетъ быть, ихъ приберегали только для болѣе мучительной смерти, но до этого не дошло. Толпа, которая вела ихъ съ собою, подверглась нападенію другаго племени, держащаго сторону англичанъ, и была уничтожена до послѣдняго человѣка.

Въ племени этихъ индійцевъ, державшихъ сторону англичанъ, участвовалъ Конрадъ, въ то время проживавшій у дикарей и еще не успѣвшій возвратиться въ родительскій домъ. Его тетка и воспитятельница Урсула помнила эту услугу, и, очень естественно, любила его больше Ламберта. Конрадъ былъ сильный, красавецъ, гигантскаго роста, грубый и застѣнчивый дикарь, первый храбрецъ и первый стрѣлокъ во всей окрестности.

Къ нему-то въ домъ, т. е. правильнѣе сказать, въ своей

общій съ нимъ домъ, привезъ Ламбертъ свою покупку—Катерину Вейзе. Конрада не было дома. Сильно влюбленный Ламбертъ пошелъ убирать коня, и оставилъ въ пустомъ домѣ хорошенькую Катерину позаботиться объ ужинѣ.

Въ его отсутствіе вошелъ дикій Конрадъ, съ собакой и ружьемъ за плечами.

— Вотъ это Ламбертъ сдѣлалъ хорошо, сказалъ онъ:—а гдѣ же другая?

Надо замѣтить, что Конрадъ давно уже томился ожиданіемъ невѣсты, и даже заказалъ Ламберту привести двухъ дѣвушекъ изъ Ньюіорка, для себя и для него.

Катерина не отвѣчала; она не знала, что̀ означали слова молодаго человѣка, но они непріятно подѣйствовали на нее, и сердце ее вдругъ сильно забилось.

Молодой великанъ кругомъ оглядѣлъ комнату, точно отыскивая кого-нибудь спрятаннаго. Онъ проговорилъ сквозь бѣлые зубы:

— Ты прекрасна, дѣвушка; я еще не видалъ такой красоты. Какъ же тебя зовутъ?

— Катериной, сказала молодая дѣвушка, чувствуя, что она должна говорить:—Катерина Вейзе. Ты Конрадъ, братъ Ламберта, я вижу по сходству. Твой братъ Ламбертъ былъ очень добръ ко мнѣ, очень добръ. Мы только-что пріѣхали. Онъ пошелъ поставить лошадь въ конюшню. Онъ хотѣлъ сейчасъ же придти сюда; мнѣ кажется, что ты долженъ былъ встрѣтить его.

— Мнѣ бы хотѣлось встрѣтить Ламберта.

— Я пойду посмотрю, гдѣ Ламбертъ, сказала Катерина, и попыталась пройти къ двери мимо Конради. Ооъ заступилъ ей дорогу.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, раздражительно смѣясь:—значитъ, Ламбертъ привезъ тебя для себя, хитрецъ, а мнѣ приходится только смотрѣть на васъ! Ну, что-жъ, пусть будетъ

такъ! Я—младшій, и могу немного подождать; но поцѣловать ты должна меня, прекрасная невѣстка,—это самое меньшее.

И онъ протянулъ могучія руки, привлекъ къ себѣ дѣвушку, которая напрасно сопротивлялась его богатырской силѣ и разцѣловалъ ея зардѣвшіяся щоки.

Вырвалась ли Катерина, или была освобождена изъ объятій Конрада—этого она сама не знала; но теперь въ комнатѣ были двѣ фигуры, которыя боролись другъ съ другомъ, и изъ которыхъ одна принадлежала, вѣроятно, Ламберту. Ей также показалось, что Ламбертъ произноситъ ея имя; потомъ она опять услыхала свое имя.

Она выбѣжала на улицу и очувствовалась только въ объятіяхъ Ламберта, который едва съумѣлъ успокоить ее.

IV.

Братья, впрочемъ, въ этотъ разъ скоро помирились, и даже провели ночь вмѣстѣ, на верху. Катерина ночевала одна въ нижнемъ этажѣ; оба брата караулили ее очень бдительно: оба ее любили.

Утромъ, когда еще Ламбертъ спалъ, утомленный ночнымъ бдѣніемъ, Конрадъ вошелъ къ Катеринѣ, и устроилъ съ ней горячую, дикую сцену. Онъ объявилъ, что непрочь умереть самъ и убить Катерину и Ламберта.

Въ тотъ день, гуляя въ лѣсу, Катерина и Ламбертъ объяснились другъ другу въ любви. Это видѣлъ дикій Конрадъ и оригинальная его тетка Урсула, носившая всегда ружье за плечами.

V.

— Французы! крикнулъ подъѣхавшій всадникъ, когда влюбленные воротились домой, послѣ разговора съ теткою Урсулой, очень порицавшей Ламберта за то, что онъ привезъ дѣвушку и—какъ думалъ Ламбертъ—порицавшей его потому, что дѣвушка эта досталась ему, Ламберту, а не любимцу Урсулы, Конраду.

Ламберта звали на совѣтъ къ главному лицу колоніи, къ Геркгеймеру, отразившему уже разъ нападеніе безчеловѣчныхъ французовъ.

Ламбертъ, какъ честный нѣмецъ, исполняетъ свой долгъ. Онъ оставляетъ любимую Катерину одну въ пустынѣ, и отправляется на совѣтъ.

VI.

Когда Ламбертъ пріѣхалъ на ферму Геркгеймера, тамъ собралось уже много народу.

Скоро среди бушевавшей толпы, на столъ начали взлѣзать ораторы. Первый взлѣзъ пасторъ, и произнесъ чувствительную рѣчь, которая, впрочемъ, вызвала сильный шумъ.

— Тише! раздалось вдругъ. Геркгеймеръ хочетъ говорить! дайте говорить Геркгеймеру!

Геркгеймеръ началъ разсказывать свой планъ защиты отъ французовъ.

— Мы слишкомъ слабы, говорилъ онъ, для того, чтобы вступить въ открытую борьбу съ врагомъ, который далеко превосходитъ насъ численностью, и который, притомъ, можетъ выбрать часъ и мѣсто для нападенія. Намъ не остается ничего болѣе, какъ устроить правильные патрули, чтобы знать, по возможности, о его движеніяхъ, для того, чтобы прежде, чѣмъ послѣдуетъ дѣйствительное нападеніе, мы могли ретироваться

къ нашимъ укрѣпленнымъ пунктамъ. Первый изъ нихъ есть, разумѣется, фортъ, находящійся въ хорошемъ положеніи относительно защиты. Второй пунктъ—мой домъ, за который я ручаюсь, на который враги и въ прошломъ году не осмѣлились напасть. Для того, чтобы всѣ какъ можно скорѣе могли быть извѣщены, по рѣкѣ вверхъ и внизъ надо устроить сигналы: днемъ посредствомъ дыма, а ночью—посредствовъ огней. Затѣмъ мы должны устроить маленькіе верховые отряды, которые могли бы быстро переноситься на угрожаемые пункты, и отвлекать врага до тѣхъ поръ, пока женщины и дѣти не успѣютъ устроить свое бѣгство. Скотину и все другое, что слѣдуетъ припрятать, мы заранѣе должны отправить въ безопасное мѣсто. Существуетъ большая вѣроятность, что враги изберутъ мѣсто нападенія бухту. Они пощадили ее въ прошломъ году, поэтому они тѣмъ болѣе будутъ надѣяться найти тамъ добычу. Къ тому же, 'они воображатъ, что мы здѣсь, на могаукѣ, лучше приготовлены, и болѣе способны къ защитѣ, чѣмъ на бухтѣ. Послѣднее, дѣйствительно, такъ и есть. Обитатели бухты живутъ слишкомъ далеко въ странѣ, и поэтому не въ состояніи отретироваться сюда, или къ форту съ какой-нибудь надеждой на успѣхъ. Отецъ Штернберговъ человѣкъ умный, очень хорошо это понималъ, и домъ укрѣпленъ такъ, что онъ можетъ держаться нѣсколько дней съ помощью небольшаго числа людей, достаточно снабженныхъ провіантомъ и боевыми снарядами, даже противъ значительной банды. Вотъ на этомъ-то я и построилъ свой планъ. Конрадъ Штернборгъ самый лучшій стрѣлокъ во всей колоніи. Я дамъ братьямъ Штернбергамъ еще двухъ или трехъ человѣкъ, по выбору Ламберта Штернберга и тогда это будетъ ихъ дѣло защищать себя и своихъ ближайшихъ сосѣдей: Дитмаровъ, Тейхертовъ и Фольцовъ, которые могутъ добраться до ихней крѣпостцы.

Ламбертъ Штернбергъ! мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ, на какой отвѣтственный и опасный постъ я тебя ставлю. Отъ вашей бдительности зависитъ не только жизнь вашихъ сосѣдей,

но, можетъ быть, даже судьба всѣхъ насъ, находящихся здѣсь. Съ другой стороны, можетъ также случиться, что мы, даже съ помощью милиціи изъ Альбени, не будемъ въ состояніи отбиться отъ врага, и такимъ образомъ или совсѣмъ не придемъ къ вамъ на помощь, или же не подоспѣемъ во время. Согласенъ ли ты, Ламбертъ Штернбергъ, принять на себя это дѣло?

— Согласенъ,—отвѣчалъ Ламбертъ.

Не смотря на грозящую близкую опасность, въ средѣ маленькой нѣмецкой колоніи, дѣло не обошлось безъ раздоровъ. Одинъ ораторъ защищалъ свой перевозъ и свой шинокъ, такъ какъ, по плану Геркгеймера, монополія этого почтеннаго оратора на перевозъ и шинокъ могла нарушиться; другой говорилъ о крупномъ и мелкомъ рогатомъ скотѣ, котораго у него, яко бы, имѣется десятью головами больше, чѣмъ у Геркгеймера, а потому ему очень обидно, что Геркгеймеръ не спросилъ прежде, чѣмъ говорить, у него добраго совѣта, и проч., и проч. Поднялся шумъ.

На сцену выступилъ сумасшедшій старикъ, избитый до умопомѣшательства все тѣми же злобными французами, противъ которыхъ готовилась защита — Христіанъ Дитмаръ, несчастный мужъ оригинальной Урсулы, не разстающейся съ ружьемъ. Онъ широко распростеръ свои костлявыя руки, точно для заклинанія, между тѣмъ, какъ его сѣдые волосы, выбившіеся безобразными прядями изъ подъ большой мѣховой шапки, волновались отъ вѣтра вокругъ его призрачнаго лица. Христіанъ Дитмаръ возвысилъ голосъ, звучавшій подобно раскатамъ грома, и заговорилъ:

— Итакъ, должно исполниться слово, и грѣхи отцовъ будутъ взысканы на сынахъ до третьяго и четвертаго колѣна! Да, грѣхи нашихъ отцовъ! Они припирались и ссорились, и подымали руки другъ на друга въ то время, какъ франкскіе волки выли вокругъ нѣмецкой овчарни. И волки ворвались въ овчарню, душили и рѣзали и насыщали свою злобу. У меня они убили родителей, братьевъ и сестеръ... Я видѣлъ это мо-

ими собственными глазами; я видѣлъ, какъ запылали дома моихъ сосѣдей, и городъ превратился въ груду развалинъ и пепла,—прекрасный, величавый городъ на берегу Неккара!—а между развалинами блуждали рыдающія женщины, отыскивая подъ пепломъ скелеты своихъ мужей и братьевъ и воскицали: «Увы! увы! будьте прокляты палачи и убійцы-поджигатели!» И я, слабый мальчикъ, повторялъ эти проклятія вмѣстѣ съ ними. И много лѣтъ спустя, я прибылъ сюда, и снова нашелъ наглыхъ франкскихъ волковъ, которые выли вокругъ нѣмецкой овчарни. И снова поднялись въ ней междоусобія и ссоры, и я ссорился также, какъ и другіе, отдѣлился отъ другихъ и съ женою и дѣтьми отправился, чтобы отомстить тѣмъ, которые убили моихъ родителей. Какой же видъ имѣла эта месть? Она имѣла видъ четырехъ прекрасныхъ юношей, лежавшихъ на травѣ у ногъ отца, каждый съ пулею въ груди!

Вы глупцы и безумцы! вы точно также, какъ пришли съ разныхъ сторонъ, хотите разбрестись: одинъ сюда, другой туда, для того, чтобы волкамъ было легко справиться съ вами. Пусть же падетъ на васъ кровь ваша и дѣтей вашихъ, подобно тому, какъ кровь моихъ дѣтей и моя собственная пала на меня. Вотъ, взгляните!

И Христіанъ Дитмаръ сорвалъ съ головы мѣховую шапку. Широкій, ужасный рубецъ, подобно кровавому потоку, опоясывалъ его высокій, обнаженный лобъ отъ одного виска до другаго.

— Вотъ здѣсь, повтодилъ онъ, проведя указательнымъ пальцемъ по кровавому слѣду.—Здѣсь, здѣсь!

Онъ обѣми руками схватился за голову и упалъ съ глухимъ крикомъ, страшно раздавшимся среди всеобщаго безмолвія. Эти вѣщія слова «полуумнаго Христіана» нѣсколько успокоили и примирили самолюбивыя партіи. Всѣ приняли планъ Геркгеймера.

По окончаніи сходки, Ламбертъ возвращался домой съ великимъ нетерпѣніемъ: его томило какое-то предчувствіе.

VII.

Покуда ѣздилъ Ламбертъ, Катерина отыскала двѣ старыхъ книги его отца: одна была библія, другая: «Описаніе разрушенія города Гейдельберга французами 22 и 23 мая 1869 года».

Она стала читать сперва машинально, но мало-по-малу начала понимать, что она читаетъ, и вскочила съ крикомъ ужаса. Великій Боже! что̀ прочла она! Развѣ возможно, чтобы люди свирѣпствовали такъ другъ противъ друга? Возможно ли, чтобы существовали изверги, которые не щадили ни старческихъ сѣдинъ, ни непорочности дѣвушекъ, ни невинной улыбки ребенка, для которыхъ не было ничего священнаго? Неужели это возможно!

Почему же нѣтъ? Развѣ шайки Субиза, которыя свирѣпствовали въ городахъ и деревняхъ ея отечества, и которыхъ холодная жестокость и дикое нахальство изгнали ея стараго отца, ее самое, и всѣхъ ихъ сосѣдей, и друзей изъ милой родины за море; — развѣ эти люди не были достойными сыновьями и внуками тѣхъ извергов, которые, подъ начальствомъ Мелака и Деборжа, сожгли Пфальцъ и превратили Гейдельбергъ въ груду развалинъ?

Почему же нѣтъ? Развѣ они, эти французы, не также распоряжались здѣсь въ прошломъ году, вмѣстѣ съ своими союзниками и единомышлениками, здѣсь въ этихъ горахъ, лѣсахъ и долинахъ,—тѣ самые французы, которые теперь угрожаютъ снова, и которыхъ приближеніе уже возвѣщено? Ужасно, ужасно!

Подъ вліяніемъ разныхъ мыслей, заволновавшихся въ умѣ Катерины и подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія Ламберта, она вышла изъ дома и машинально вошла въ лѣсъ.

— Катерина? окликнулъ ее кто-то.

Передъ нею стоялъ Конрадъ.

Всѣ ея прежнія горькія мысли о томъ, что она принесла

въ этотъ домъ раздоръ между двумя любящими братьями. воскресли теперь съ поразительной живостью, и въ сердцѣ ея родилась твердая рѣшимость какъ-нибудь выйти изъ своего непріятнаго положенія.

— Я ожидала тебя, тихо сказала она Конраду.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я должна сказать тебѣ о томъ, что случилось послѣ твоего ухода: мы помолвлены. Я сама не знаю, какъ это случилось. А теперь....

— А теперь? спросилъ Конрадъ.

— А теперь я должна бѣжать отсюда, если ты не будешь тѣмъ добрымъ братомъ, котораго такъ любитъ Ламбертъ, если злыя слова, которыя ты сказалъ сегодня утромъ, ты превратишь въ злыя дѣла. Какъ могу я оставаться и видѣть, что я посѣяла раздоръ между братьями, въ то время, когда вы оба должны стоять рука-объ-руку другъ съ другомъ противъ врага? Куда идти мнѣ—этого я не знаю; знаю только, что не могу оставаться, пока ты сердишься на брата изъ-за меня. Я тебя люблю, какъ брата....

Глухой стонъ вырвался изъ груди Конрада Штернсберга.

— Если ты образумишься,—Ламбертъ, котораго ты такъ любишь, будетъ радъ отъ души....

— Не называй его имени! крикнулъ Конрадъ, сверкая глазами. Сестра! Мнѣ—сладкія слова, а ему—поцѣлуй! съ дикимъ хохотомъ рычалъ бѣшеный Конрадъ. Я видѣлъ, какъ вы сегодня цѣловались въ лѣсу.

Въ это время залаяла собака; подъѣзжалъ Ламбертъ. Что выйдетъ, если теперь встрѣтятся оба брата?

— Конрадъ! воскликнула Катерина. Это твой братъ.

Она бросилась къ его ногамъ и охватила его колѣни.

— Оставь меня! крикнулъ Конрадъ.

— Не оставлю, пока ты не поклянешься мнѣ, что не сдѣлаешь ему никакого зла.

— Оставь меня! закричалъ Конрадъ, и съ силою вырвался отъ нея.

Голова Катерины ударилась о дерево. Она чуть не потеряла сознанія; но, сдѣлазъ неимовѣрное усиліе, встала, когда услыхала гнѣвные голоса, и бросилась между братьями.

— Ламбертъ! Конрадъ! Ради Бога! Лучше убейте меня, но разойдитесь! Конрадъ, вѣдь это твой братъ! Ламбертъ, онъ не знаетъ, что̀ дѣлаетъ!

Братья оставили другъ друга, и, задыхаясь, смотрѣли одинъ на другаго сверкающими глазами. Ружье Ламберта во время борьбы упало на землю. Конрадъ держалъ свое приподнятымъ въ сильныхъ рукахъ.

— Ну, сказалъ Ламбертъ: отчего ты не стрѣляешь?

— Я не желаю твоей смерти; еслибы я желалъ отнять у тебя жизнь, то могъ бы это сдѣлать сегодня утромъ.

— Чего же ты хочешь?

— Отъ тебя—ничего. Зачѣмъ ты явился именно теперь? Намъ не слѣдовало видѣться другъ съ другомъ; но такъ какъ мы уже сошлись, то я тебѣ скажу, что это должно быть въ послѣдній разъ. Иди своею дорогою, а я пойду своею.

И онъ рѣзкимъ движеніемъ перекинулъ за спину ружье, и повернулся, чтобы уйти. Ламбертъ загородилъ ему дорогу.

— Конрадъ, сказалъ онъ:—ты не долженъ уходить. Я забуду, что ты поднялъ руку на меня; забудь и ты, что я сдѣлалъ тоже самое. Заклинаю тебя памятью отца и матери: не уходи изъ родительскаго дома.

— Онъ слишкомъ малъ для всѣхъ насъ, возразилъ Конрадъ, съ горькою ироніею.

— Такъ мы оставимъ его; я охотно это сдѣлаю, если ты останешься здѣсь.

— Мнѣ не нужно никакого дома,—сказалъ Конрадъ.

— Но домъ нуждается въ тебѣ: ты долженъ защищать его противъ враговъ. Или ты хочешь, чтобы онъ былъ уничтоженъ пламенемъ? Ты знаешь, что французы приближаются,—

знаешь объ этомъ, можетъ быть, больше насъ всѣхъ, и мы сегодня съ большимъ сожалѣніемъ чувствовали твое отсутствіе. Неужели ты хочешь измѣнить общему дѣлу,—твоему брату, твоимъ друзьямъ, женщинамъ и дѣтямъ? Конрадъ, ты не долженъ уходить.

— Для того, чтобы вы могли спрятаться также, какъ въ прошлый разъ? воскликнулъ Конрадъ:—а я не хочу прятаться: я буду сражаться открыто, одинъ, самъ по себѣ, а вы хоть пропадайте здѣсь въ своихъ берлогахъ,—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Пусть кровь моя падетъ на меня, если я когда-нибудь снова переступлю черезъ этотъ порогъ!

Онъ надвинулъ на глаза мѣховую шапку, позвалъ свою собаку, и когда она пришла, толкнулъ ее съ такою силою, что она завизжала, и отскочила.

— Ты можешь оставаться здѣсь, закричалъ онъ.—Будьте вы всѣ прокляты!...

VIII.

Назначенные Геркгеймеромъ помощники Ламберту для защиты дома явились. Явилась и тетка Урсула съ своимъ полупомѣшаннымъ старикомъ Дитмаромъ; сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія къ предстоящей борьбѣ; но всѣхъ очень огорчало отсутствіе Конрада именно въ ту минуту, когда онъ всего болѣе былъ нуженъ. Его помощь, какъ лучшаго стрѣлка и могущественнаго бойца, давно привыкшаго ко всевозможнымъ опасностямъ цѣнились всѣми очень высоко.

Тетка Урсула рѣшилась помочь общему горю.

Въ сопровожденіи одного только старика пастора, она безстрашно отправилась въ лѣсъ, и ей удалось, послѣ долгихъ поисковъ, встрѣтить наконецъ своего любимца, Конрада. Онъ очень обрадовался теткѣ. но рѣшительно отказывался воротиться домой.

Пасторъ началъ убѣждать его.

— Тебѣ, Конрадъ, говорилъ онъ, даны отъ Бога всѣ средства для защиты ближнихъ. Вѣдъ ты знаешь, Конрадъ, кому много дано, отъ того и потребуется много. Всѣ мы подобны рядовымъ солдатамъ и не должны стыдиться этого; а ты избранъ для болѣе великаго дѣла, и мнѣ стоитъ только назвать его тебѣ, чтобы ты пришелъ въ себя. Ты не испугаешься задачи, которую исполнить способенъ только ты одинъ изо всѣхъ насъ. Николай Геркгеймеръ узналъ, что между нашими врагами и онеидами происходятъ переговоры, и что они откладываютъ свое нападеніе только до тѣхъ поръ, пока не заключенъ союзъ для того, чтобы обрушиться на насъ непобѣдимою силою. Ты знаешь, что образъ дѣйствій онеидовъ будетъ служить примѣромъ для всѣхъ другихъ племенъ у озеръ; ты знаешь, что они до сихъ поръ были нашею защитою, и что за ними мы находились въ относительной безопасности. Ты многіе годы прожилъ между онеидами, ты говоришь на ихъ языкѣ; ты пользуешься у нихъ большимъ уваженіемъ; ты знаешь, какимъ образомъ можно имѣть доступъ къ ихъ сердцамъ. Итакъ Конрадъ, желаніе и воля Геркгеймера, нашаго начальника, состоитъ въ томъ, чтобы ты немедленно отправился къ нимъ.

— Теперь уже слишкомъ поздно, проговорилъ Конрадъ беззвучнымъ голосомъ.

— Почему же слишкомъ поздно?

— То, чего вы опасались, уже случилось. Онеиды соединились съ французами и онондагами. Сегодня утромъ, даже еще часъ тому назадъ, я могъ бы незамѣтно добраться до нихъ и выполнить ваше порученіе; теперь это невозможно.

— Откуда ты знаешь это, Конрадъ? въ одинъ голосъ спросили пасторъ и тетка Урсула.

— Пойдемте, сказалъ Конрадъ.

Онъ перебросилъ ружье черезъ плечо и пошелъ теперь впереди ихъ прямо черезъ лѣсъ, который ежеминутно становился все рѣже и рѣже, наконецъ высокія деревья стали по-

падаться изрѣдка между низкими кустарниками. Наконецъ, онъ опустился на колѣни, осторожно раздвинулъ кусты и подалъ другимъ знакъ приблизиться такимъ же образомъ. Сдѣлавъ это, они взглянули въ отверстіе куста и увидали странное зрѣлище.

Непосредственно подъ ними, у подошвы крутой скалы, на краю которой они стояли, лежала широкая луговая долина, на которой былъ раскинутъ лагерь, дымились костры, и видно было множество толпящихся разнородныхъ фигуръ. Тутъ были и французы, частью принадлежащіе къ милиціи, частью къ регулярнымъ войскамъ и дикіе индѣйцы съ ярко-раскрашенными тѣлами.

— Они,—мрачно сказалъ Конрадъ,—по всей вѣроятности, явятся къ вамъ завтра въ полдень.

— Къ *вамъ*? съ удареніемъ переспросилъ пасторъ. — Ты, Конрадъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: *къ намъ*?

Конрадъ не отвѣчалъ; онъ поднялся на ноги и быстро пошелъ назадъ. Пасторъ и тетка Урсула послѣдовали его примѣру.

Такимъ образомъ они прошли около двухъсотъ шаговъ и достигли мѣста, гдѣ раскрывалась глубокая разщелина, образовавшая нѣчто въ родѣ естественной лѣстницы, ведущей съ вершины въ долину. Тамъ, гдѣ лѣстница выходила вверхъ, узкая глубокая тропинка была совершенно загромождена заваломъ, искусно устроеннымъ изъ древесныхъ стволовъ, камней и хвороста. Другіе камни, и между ними нѣкоторые громадной величины по бокамъ завала, были придвинуты такъ близко къ краю, что при малѣйшемъ прикосновеніи ноги могли быть сброшены на тѣхъ, которые стали бы взбираться по тропинкѣ. Казалось, что цѣлая дюжина сильныхъ людей должна была трудиться въ продолженіе нѣсколькихъ дней, для сооруженія подобной вещи. Конрадъ съ своею исполинскою силою сдѣлалъ это одинъ въ нѣсколько часовъ.

— Вотъ здѣсь, сказалъ онъ, обратясь съ особеннаго рода улыбкою къ своимъ удивленнымъ спутникамъ,—я хотѣлъ бы

держаться до послѣдняго сброшеннаго камня и до послѣдняго выпущеннаго заряда.

— А затѣмъ? спросила тетка Урсула.

— Затѣмъ я сломалъ бы свое ружье на головахъ первыхъ появившихся непріятелей.

— А теперь? спросилъ пасторъ, взявъ за руку молодаго дикаря:—а теперь, Конрадъ?

— Теперь я исполню приказаніе Геркгеймера.

— Избави Господи! воскликнула тетка Урсула:—это была бы неминуемая погибель для тебя; онондаги, твои смертельные враги, разорвутъ тебя на куски.

— Ну, врядъ-ли, возразилъ Конрадъ:—онеиды не допустили бы этого; безъ брани и ссоры дѣло никакъ бы не обошлось. А этимъ было бы много выиграно, и я, такимъ образомъ, задержалъ бы ихъ долѣе, чѣмъ еслибы вздумалъ удерживать ихъ здѣсь, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ все-таки попалъ бы къ нимъ въ руки. Прощайте.

IX.

Извѣстіе, сообщенное теткой Урсулой о близкомъ нападеніи враговъ, заставило Ламберта очень и очень призадуматься. Передъ нимъ грозно стояла унылая мысль: не предстотъ ли ему, вмѣстѣ съ Катериной и другими товарищами по несчастію, пасть жертвой предстоящей неровной борьбы?

Съ этой невеселой думой Ламбертъ стоялъ у опушки лѣса, когда услышалъ тяжелые шаги. Эти шаги могли принадлежать только одному человѣку въ мірѣ—его брату, Конраду.

— Конрадъ! вскричалъ онъ: Конрадъ! и бросился впередъ, чтобы заключить своего брата въ объятія. Забыто все: будемъ жить и умремъ вмѣстѣ!—Они идутъ, Конрадъ,—да?

— Черезъ часъ мы ихъ увидимъ: они будутъ здѣсь.

— Пойдемъ, Конрадъ! Какъ тебѣ обрадуются всѣ наши!

Ламбертъ поспѣшно пошелъ впередъ; тихими нерѣшительными шагами послѣдовалъ за нимъ Конрадъ. Было ли это изнеможеніе послѣ страшнаго бѣга? не его ли собственною кровью было запятнано его кожаное платье?

Такъ спрашивалъ Ламбертъ, но не получилъ отвѣта; теперь они подошли къ подвижному мосту, и друзья, стоявшіе на стѣнѣ, привѣтствовали ихъ громкимъ ура. Ламбертъ поспѣшно взбѣжалъ наверхъ и, въ избыткѣ радости, сталъ пожимать руки всѣхъ друзей. Конрадъ все еще стоялъ въ нерѣшимости у моста. Лицо его было блѣдно и искажено, какъ будто вслѣдствіе физическаго страданія, или внутренней борьбы. Онъ произнесъ страшную клятву—никогда не переступать черезъ порогъ родительскаго дома, въ противномъ случаѣ пусть кровь его падетъ на него самого! Мужественное, неукротимое сердце сжалось у него въ груди. Его кровь... какое ему дѣло до нея? онъ никогда не берегъ ее; онъ рисковалъ ею не болѣе, какъ четверть часа тому назадъ въ такой борьбѣ, какую выдержать и довести до счастливаго конца могъ только онъ одинъ. Но его слово! слово, котораго онъ еще никогда не нарушалъ, и которое принужденъ и долженъ нарушить: это говоритъ ему его здравый умъ, внушаетъ благородное сердце — во что бы то ни стало!

Но все-таки, ко всеобщей радости, Конрадъ воротился; радоваться однако-жъ было некогда. Надо было позаботиться о приготовленіяхъ къ предстоящей близкой борьбѣ.

X.

Приготовленія сдѣланы: на галлереѣ верхняго этажа позади бруствера, положивъ стволы хорошихъ ружей въ отверстія бойницъ, лежатъ Ламбертъ и его товарищи: Ричардъ, Геркгеймеръ, Фрицъ, Фольцъ, Якобъ Эрлихъ, Антонъ Бирманъ; на чердакѣ у отверстій высокой крыши стоятъ: Конрадъ, тетка

Урсула и старый Христіанъ, котораго далеко хватавшее ружье въ свое время было предметомъ ужаса для враговъ. Съ ними пасторъ, который, не будучи хорошимъ стрѣлкомъ, умѣетъ, однако же быстро и ловко заряжать ружье. Катерина будетъ приносить пищу и питье сражающимся. Всѣ заклинаютъ ее не выдвигаться впередъ и, въ случаѣ нужды, схвативъ ружье, лежащее безъ употребленія, послѣдовать примѣру тетки Урсулы, — что̀ храбрая дѣвушка давно рѣшила въ тихомолку.

Въ домѣ царствуетъ глубокое молчаніе.

Но вотъ раздается протяжный многоголосный крикъ, отъ котораго кругомъ пошли страшные отголоски; изъ лѣса выскакиваютъ разомъ пятьдесятъ полу-нагихъ, расписанныхъ пестрыми красками индѣйцевъ. Они потрясаютъ своими ружьями и томагауками и дикими прыжками мчатся черезъ равнину; нѣкоторые изъ нихъ прямо направляются къ блокгаузу, другіе описываютъ кругомъ его дугообразныя линіи, чтобы поскорѣе окружить его со всѣхъ сторонъ; но блокгаузъ остается, по прежнему, бемолвнымъ: нѣтъ никакого отвѣта на вызовъ, который, въ виду рѣзкаго крика и завыванія, непрестанно повторяется со стороны враговъ. Уже первые изъ нихъ приблизились на разстояніе сотни шаговъ къ дому — и вотъ послышался отвѣтъ: короткій, рѣзкій звукъ четырехъ нѣмецкихъ ружей, выстрѣлившихъ за одинъ разъ, такъ что слышенъ былъ только одинъ звукъ, но четыре индѣйца надаютъ ницъ и уже не встаютъ. Другіе только ускоряютъ свой бѣшеный бѣгъ; они почти уже достигли вала; тутъ слышится выстрѣлъ еще четырехъ ружей и опять падаютъ четыре индѣйца; одинъ изъ нихъ, раненый въ сердце, высоко подпрыгиваетъ, точно олень.

— Ихъ сто человѣкъ, сказала тетка Урсула.

— Девяносто два, поправилъ Антонъ Бирманъ: восемь лежать уже мертвыми.

Нападающихъ было въ сущности больше девяноста двухъ и сотни; только они раздѣлились на два отряда, изъ которыхъ бо̀льшій, состоящій изъ сотни французовъ, такого же числа

онондаговъ и, по меньшей мѣрѣ, двухсотъ онеидовъ, отправился на Могаукъ и, вѣроятно, уже теперь пришелъ на мѣсто. Но онеиды неохотно взялись за это дѣло и, по крайней мѣрѣ, существуетъ возможность, что въ рѣшительную минуту они отпадутъ отъ новыхъ союзниковъ и обратятся къ старымъ.

Свѣдѣнія эти сообщила тетка Урсула, несомнѣнно получивши ихъ изъ вѣрныхъ устъ Конрада.

— Если это такъ, то мы можемъ еще надѣяться на подкрѣпленіе со стороны моего отца, замѣтилъ Ричардъ Геркгеймеръ.

— Намъ не слѣдуетъ надѣяться ни на кого, кромѣ на самихъ себя, сказалъ Ламбертъ.

— Что̀ они такое затѣваютъ? спросилъ Антонъ Бирманъ.

Изъ лѣсу, въ которомъ полчаса тому назадъ совершенно исчезли враги, вышло три человѣка: французъ и два индѣйца. Они отложили оружіе въ сторону, а взамѣнъ его имѣли въ рукахъ длинные шесты, на верху которыхъ были прикрѣплены бѣлые платки. Они приближались медленными шагами, какъ бы съ неувѣренностью и точно желая убѣдиться, соласна ли противная сторона признать парламентерскій флагъ. Антонъ Бирманъ и Яковъ Эрлихъ не чувствовали къ этому никакого расположенія. Они говорили, что какъ къ прошломъ году, такъ и въ прежнее время, эти негодяи сами никогда не давали пощады парламентерамъ и не обращали вниманія на бѣлыя тряпки, и хотя теперь ихъ только трое на лицо, но все-таки не мѣшаетъ потратить на нихъ три заряда. Ламберту стоило большаго труда успокоить взволнованныхъ товарищей и внушить имъ, что не принято стрѣлять въ безоружныхъ, и что имъ, какъ нѣмцамъ, не слѣдуетъ брать на себя въ этомъ почина.

Между тѣмъ, парламентеры приблизились къ дому на довольно близкое разстояніе. Ламбертъ появился на галлереѣ, запретивъ другимъ показываться, и проговорилъ:

— Стой!

Всѣ трое остановились.

— Что̀ вамъ нужно?

Французъ, высокій, черноватый, принялъ по возможности театральную позу, воткнувъ парламентерскій знакъ лѣвою рукою въ землю, а правую поднялъ къ небу, и воскликнулъ:

— Между вами находится извѣстный злодѣй Конрадъ Штернбергъ. Я обѣщаю не тронуть ни одного волоса на вашей головѣ, и дать вамъ въ придачу сто луидоровъ, если вы выдадите этого Конрада.

— Человѣкъ, о которомъ вы говорите,—возразилъ Ламбертъ,—находится между нами, и вы уже дважды слышали выстрѣлъ изъ его ружья, и, если вамъ угодно, еще не разъ услышите его.

— Но этотъ Конрадъ предатель, который обманулъ насъ самымъ постыднымъ образомъ,—закричалъ французъ.

— Я не предатель, воскликнулъ Конрадъ, внезапно очутившись рядомъ съ Ламбертомъ:—я говорилъ вамъ, что выйду на свободу, какъ только буду въ состояніи это сдѣлать. Если вы думали, что шестеро изъ васъ въ состояніи удержать меня, то въ другой разъ дадите мнѣ дюжину караульныхъ.

— На слѣдующій разъ я начну съ того, что сначала сниму съ тебя скальпъ, а затѣмъ голову, завизжалъ французъ въ самомъ высокомъ тонѣ.

— Довольно! воскликнулъ Ламбертъ:—я даю вамъ десять минутъ срока для возвращенія въ лѣсъ, а тотъ изъ васъ, который еще покажется послѣ того, сдѣлаетъ это на свой рискъ.

Французъ сжалъ свой кулакъ, но затѣмъ, вспомнивъ, чѣмъ французъ при всякихъ обстоятельствахъ обязанъ себѣ относительно нѣмецкихъ медвѣдей, и, граціозно раскланившись, снялъ большую треугольную шляпу, потомъ повернулся на каблукахъ и направился къ лѣсу сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, пока, наконецъ, не перешелъ къ правильной рыси, очевидно для того, чтобы избавить нѣмцевъ отъ позора до прошествія назначенныхъ десяти минутъ выстрѣлить въ посланника его христіаннѣйшаго величества.

— Боже милосердый! вскричалъ Антонъ: — теперь-то я

только узналъ его! Знаешь ли, Яковъ, вѣдь это тотъ самый французъ, который три года тому назадъ приходилъ просить у насъ милостыни, и послѣ того еще цѣлыхъ полгода шлялся по сосѣдству. Онъ называлъ себя monsieur Эмилемъ и говорилъ, что убилъ товарища на дуэли, и поэтому долженъ былъ бѣжать. Другіе же разсказывали, что онъ бѣглый каторжникъ. Потомъ онъ хотѣлъ жениться на Салли, цвѣтной служанкѣ Іозефа Клеемана, но она сказала, что считаетъ себя слишкомъ хорошею для такого проходимца, и Гансъ Кессель, возлюбленный Салли, однажды страшно избилъ его, послѣ чего тотъ исчезъ. А теперь онъ выдаетъ себя за лейтенанта, говоритъ о христіаннѣйшемъ величествѣ, и желаетъ пощадить нашу жизнь,—этотъ безстыжій лизоблюдъ! висѣльникъ!

Начался приступъ.

Враги появились разомъ со всѣхъ сторонъ; они точно выросли мгновенно изъ ручья, луговъ и лѣса; они приближались дикими прыжками, размахивая топорами, ружьями и связками хвороста; французы и индѣйцы—всѣ кричали, визжали и выли. Въ одно мгновеніе перенеслись они черезъ небольшое пространство, бросились въ ровъ, вверхъ по стѣнѣ, цѣпляясь ногтями, влѣзая на плечи другъ друга, все вверхъ, все вверхъ!

Да, вверхъ, но не черезъ стѣну! по крайней мѣрѣ не посчастливилось первымъ. Какъ только показывается голова, упирается пара локтей, появляется грудь, тотчасъ же летитъ смертоносная пуля, и храбрецъ назадъ катится въ ровъ; первый и второй, третій и четвертый подвергаются одинаковой участи, пятому и шестому удается перепрыгнуть, потомъ разомъ цѣлой полдюжинѣ, да еще нѣсколькимъ въ другомъ мѣстѣ. Этого довольно цѣль достигнута. Раздаются слова команды. Тѣ, которые находятся еще по ту сторону стѣны, снова ретируются, становятся по два въ рядъ, образуя замкнутое кольцо вокругъ дома и, продолжая постоянную стрѣльбу для того, чтобы уже въ послѣдній разъ сдѣлать нападеніе, какъ только тѣ, которые проникли въ домъ, исполнятъ свое дѣло.

А оно скоро будетъ исполнено. Острые топоры вонзаются въ дверь; люди, владѣющіе этими топорами, мастера своего дѣла; они дѣлывали проломы во многихъ запертыхъ домахъ. Тѣ, которые находятся на другой, открытой для вѣтра сторонѣ, знаютъ свое дѣло не хуже; много поджигали они домовъ, которыми не могли овладѣть инымъ образомъ. Хотя осажденные и стрѣляютъ сверху въ круглое отверстіе галлереи и одинъ или двое изъ находящихся внизу враговъ должны поплатиться жизнью за свою предпріимчивость,—но другихъ прикрываетъ галлерея, и градъ пуль, которымъ они осыпаютъ домъ, раздѣляетъ силы осажденныхъ, принужденныхъ обращаться одновременно во всѣ стороны. Еще нѣсколько ударовъ—и дверь разлетится въ дребезги, а изъ густаго дыма, поднимающагося съ другой стороны, скоро появится пламя.

Осажденные знаютъ это. Попытка отстранить, хотя на время, грозящую опасность, должна быть сдѣлана. Слѣдуетъ отважиться на вылазку: двое должны устроить это. Кто именно?

— Я, воскликнулъ храбрый пасторъ.—Кому я нуженъ на свѣтѣ?

— Я, воскликнулъ Конрадъ:—это мое дѣло.

— Это дѣло Конрада, и мое, воскликнулъ Ламбертъ сильнымъ голосомъ,—и болѣе ни чье! Прочь всѣ другіе: всякій на свое мѣсто. Вы, Ричардъ съ Фрицемъ, защищайте дверь, вотъ топоры, а теперь—съ Богомъ!

Бревна, которыми изнутри заложена была дверь, были сняты; осталась одна доска, которая закрываетъ отверстіе и на которую падаютъ всѣ удары, такъ-какъ настоящая дверь уже разломана. Снимаютъ послѣднее бревно; доска падаетъ, образуется требуемая брешь и изъ нея выскакиваетъ, оттолкнувъ Конрада и Ламберта, старый Христіанъ Дитмаръ, высоко поднявъ топоръ въ мускулистыхъ рукахъ и воскликнулъ: «Да здравствуетъ Германія!»

Это первое слово, которое онъ произнесъ сегодня, и послѣднее — на сегодня и навсегда! Онъ падаетъ, пронзенный

разомъ тремя пулями, растерзанный въ клочья дюжиною ударовъ топоровъ и ножей. Онъ сломилъ первую силу натиска; онъ проложилъ дорогу двумъ молодымъ людямъ, слѣдовавшимъ за нимъ. Они бросаются по этой дорогѣ: ничто не въ состояніи сопротивляться гигантской силѣ Конрада. Какъ градъ падаютъ его удары, онъ свирѣпствуетъ точно ягуаръ въ стадѣ овецъ. Да, это ягуаръ, напавшій на враговъ; всѣ, живущіе у озеръ, зовутъ его большимъ ягуаромъ, растерзавшимъ уже многихъ изъ племени онондаговъ. Они готовы сражаться съ самимъ злымъ духомъ, но не могутъ выносить сверкающихъ глазъ большаго ягуара: они ничего же не могутъ сдѣлать противъ большаго ягуара! Они бѣгутъ прочь, бросаются къ стѣнѣ, перескакиваютъ черезъ нее въ ровъ, преслѣдуемые Корадомъ. Ламбертъ, уже успѣвшій разметать огонь, кричитъ ему, чтобы онъ не шелъ дальше,—зоветъ его назадъ. Остальные враги, видя постыдное бѣгство своихъ товарищей, направили свои выстрѣлы на двухъ братьевъ; пуля за пулей вонзается около Ламберта въ стѣну; онъ какимъ-то чудомъ остается невредимъ и живъ до сихъ поръ. Но онъ нисколько не помышляетъ о себѣ; онъ думаетъ только о храбромъ братѣ. Онъ бросается къ безумному, который бьется у стѣны съ тремя индѣйцами,—послѣдними оставшимися внутри ея. Они не должны уйти назадъ. Онъ схватываетъ одного, кружитъ его въ воздухѣ и бросаетъ его объ стѣну, на которой несчастный остается лежать съ переломленною шеею; двое другихъ, воспользовавшись этою минутою, перелѣзаютъ черезъ стѣну; одинъ изъ нихъ, прежде чѣмъ соскользнуть въ ровъ, стрѣляетъ изъ своего ружья.

— Ради Бога, пойдемъ домой Конрадъ, зоветъ Ламбертъ.

Онъ схватываетъ Конрада за руку и уводитъ за собою. Они почти уже достигли двери; вдругъ Конрадъ начинаетъ шататься, точно пьяный. Ламбертъ поддерживаетъ его. «Это ничего, милый братъ», говоритъ Конрадъ и выпрямляется; но

въ дверяхъ онъ падаетъ: потокъ крови льется у него изо рта и обагряетъ порогъ, черезъ который онъ поклялся никогда не переступать, говоря, что пусть собственная кровь падетъ на него.

Дверь снова задѣлана еще крѣпче прежняго. Огонь, разбросанный Ламбертомъ, безсильно потухаетъ около дома. Домъ спасенъ; на долго ли? Маленькая горсть его защитниковъ уменьшилась двумя бойцами; остальные смертельно измучены страшною работою; снаряды почти всѣ растрачены, ихъ хватитъ еще на нѣсколько выстрѣловъ, а солнце освѣщаетъ послѣдними красноватыми лучами уединенное мѣсто битвы въ лѣсу. Черезъ нѣсколько минутъ оно зайдетъ, наступитъ ночь — послѣдняя ночь.

— Твой братъ умеръ! сказалъ пасторъ Ламберту.

— Онъ предшествуетъ намъ, отвѣчалъ Ламбертъ. — Оставайся около меня, Катерина!

— Ѣдутъ, ѣдутъ! крикнулъ кто-то изъ защитниковъ несчастнаго, горѣвшаго дома.

Всѣмъ видно съ галлереи, какъ стремглавъ къ нимъ летитъ на помощь кавалькада всадниковъ. Подъ копытами двадцати, тридцати лошадей дрожитъ земля. Всадники махаютъ ружьями, и ихъ громкое ура доносится до осажденныхъ.

— У всѣхъ ли васъ заряжены ружья? Отправляемся всѣ! то-то зададимъ мы имъ гонку!

По равнинѣ, окутанной вечернимъ сумракомъ, начинается бѣшеная погоня за индѣйцами и французами, которые въ стремительномъ бѣгствѣ бросились въ лѣсъ, преслѣдуемые выстрѣлами нѣмецкихъ ружей.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ЭПИЛОГЪ.

Прошло пять лѣтъ, Миръ былъ, наконецъ, заключенъ на землѣ, которая семь лѣтъ была обагряема кровію своихъ дѣтей; старый Фрицъ справился съ своими врагами и вложилъ мечъ въ ножны.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы непріязненныя дѣйствія шли довольно туго. Съ тѣхъ поръ, какъ весною 1758 года, приступъ французовъ съ индѣйцами былъ такъ энергически отбитъ нѣмцами, враги не отваживались болѣе производить нападенія на границу, защищаемую такимъ воинственнымъ племенемъ, какъ нѣмцы, въ числѣ не болѣе десятка, съумѣвшихъ отразить нападеніе нѣсколькихъ сотъ французовъ и индѣйцевъ...

Въ годовщину этого событія всѣ собрались у Геркгеймера; былъ, между прочими, и Ламбертъ, имѣвшій уже четверыхъ дѣтей отъ своей жены, Катерины. Здѣсь онъ встрѣтилъ маленькаго фелерика мистера Брауна—американца, но, какъ извѣстно читателю, горячаго поклонника нѣмецкой цивилизаціи. Браунъ пріѣхалъ по порученію правительства, сознавшаго наконецъ пользу нѣмецкой колонизаціи въ Америкѣ, и рѣшившагося дать нѣмцамъ нѣкоторыя льготы.

— Вы помните, Ламбертъ, говорилъ мистеръ Браунъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ вы были въ Нью-Йоркѣ, и мы, стоя на набережной, смотрѣли на высаживаніе съ корабля бѣдняковъ, вашихъ соотечественниковъ. Теперь, расхаживая здѣсь, я постоянно думалъ о томъ утрѣ и говорилъ себѣ: какая огромная жизненная сила должна таиться въ этой породѣ, которой нужно только одно поколѣніе, чтобы изъ полу-голодныхъ, запуганныхъ, всетерпящихъ рабовъ превратиться въ здоровыхъ, широкоплечихъ, ни на кого не обращающихъ вниманія, свободныхъ людей!

Этотъ романъ, внушенный грубостью нѣмецкаго, самаго узкаго патріотизма, далеко не лучшее произведеніе Ф. Шпильгагена и вовсе не дѣлаетъ чести автору «Загадочныхъ натуръ,» «Двухъ поколѣній» «Гогенштейновъ» и проч. Мы приводимъ его здѣсь потому только, что это одно изъ послѣднихъ произведеній помянутаго автора, интересующее русскую публику, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ его прежніе, гораздо болѣе замѣчательные труды. Дѣло въ томъ, что этотъ романъ имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе съ недавно минувшею французско-прусскою войною, и до нѣкоторой степени характеризуетъ отношеніе германской литературы, а, пожалуй, и всей Германіи къ совершившемуся факту. Если такой чуткій и талантливый писатель, какъ Фридрихъ Шпильгагенъ, опьянѣлъ отъ прусскихъ побѣдъ,—что̀ же другіе?

III.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢЕТСЯ.

Романъ Виктора Гюго.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ Западной Европѣ, въ особенности въ Англіи и Испаніи, существовало странное, варварское общество компрачикосовъ. Самому безпокойному ребенку стоило сказать: «вотъ я тебя отдамъ компрачикосамъ,» чтобы онъ замолчалъ. Порусски — *компрачикосы* значитъ — дѣтопокупатели. Это были честные люди: они не крали дѣтей, а покупали ихъ у родителей или у промышлениковъ, занимавшихся кражею ребятъ; съ этими ворами отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать компрачикосовъ. Они были люди солидные и ученые; съ ними имѣли дѣло не только вельможи, но даже короли, ко дворамъ которыхъ они поставляли карликовъ и разныхъ уродцевъ, приготовляя ихъ по строгимъ правиламъ особой науки, и здоровыхъ купленныхъ дѣтей. Требованія на шутовъ и уродовъ въ то время были очень значительны, и по предмету изуродованія людей существовала цѣлая литература. Лучшимъ руководствомъ по этой части считалось сочиненіе доктора Конквеста, члена ашен-стритской коллегіи и присяжнаго инспектора лондонскихъ химическихъ лавокъ, написанное полатыни.

Компрачикосовъ употребляли и для политическихъ цѣлей. Чтобы отстранить какого-нибудь лишняго наслѣдника, его не

убивали, а обезображивали, такъ что, черезъ нѣсколько дней послѣ операціи, его не могла бы узнать родная мать. Англійскій король Іаковъ II никогда не брезговалъ этимъ средствомъ. У ненавистнаго ему человѣка, лорда Линнея Кленчарли, барона Кленчарли и Генкнервиль, маркиза Корлеоне, пера Англіи, было два сына: законнорожденный и незаконнорожденный. Послѣдній находился при дворѣ, второй только что родился въ Швейцаріи, гдѣ лордъ Линней жилъ, какъ изгнанникъ. Незаконнорожденный Давидъ Дерри-Моаръ, былъ въ это время уже взрослымъ мужчиной—украшеніемъ двора. Іаковъ рѣшился сдѣлать его наслѣдникомъ лорда Кленчарли, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы онъ женился на принцессѣ Жозіанѣ, побочной дочери его, короля Іакова. Законный сынъ лорда Линнея, малолѣтный лордъ Ферменъ, былъ проданъ компрачикосамъ, и нѣкто Гардванонъ, владѣвшій всѣми секретами доктора Конквеста, совершилъ надъ нимъ операцію Bucca fissa usquæ ad aures, которая налагаетъ на лицо вѣчный смѣхъ.

Компрачикосы таскали его по Англіи лѣтъ восемь, надѣясь, когда онъ подростетъ, пристроить его куда-нибудь въ паяцы. Но къ этому времени короля, Іакова, ихъ покровителя, выгнали изъ Англіи; на престолъ вступилъ Вильгельмъ Оранскій, и противъ дѣтопокупателей были изданы самые строгіе законы: имъ угрожали костромъ и висѣлицей. Компрачикосы цѣлыми партіями бѣжали изъ Англіи, спасая свою жизнь. При поспѣшности всякое бремя излишне, и зимой 1690 года, на берегу Портленда былъ брошенъ отплывающей партіей дѣтопокупателей десятилѣтній ребенокъ, обезображенный лордъ Ферменъ Кленчарли, который звалъ себя Гуинплэномъ — человѣкомъ, который смѣется.

Несчастный мальчикъ, босой и одѣтый въ матросскую куртку со взрослаго человѣка, оставшись одинъ на пустынномъ берегу, смотрѣлъ на море до тѣхъ поръ, пока удалилась барка изъ виду, и началъ взбираться на крутой берегъ, покрытый снѣгомъ. Онъ бодро шелъ впередъ, но не зналъ куда онъ идетъ.

Онъ шелъ долго. Вдругъ въ сторонѣ послышался дѣтскій крикъ, какъ бы выходящій изъ-подъ земли. Мальчикъ храбро пошелъ на этотъ призывъ, и, подъ снѣгомъ, нашелъ на груди окоченѣвшей матери маленькую дѣвочку. Она была еще жива; онъ завернулъ ее въ свою куртку, и понесъ.

Онъ чуть не закоченѣлъ и не замерзъ, пока дошелъ до города, но не оставилъ своей ноши.

Городъ былъ пустыненъ; въ немъ, при чуть начинавшемся разсвѣтѣ, не было замѣтно никакого признака жизни. Мальчикъ стучалъ у многихъ дверей, и только этотъ стукъ нарушалъ глубокое безмолвіе пустынныхъ улицъ. Никто не откликался. Вблизи живыхъ людей, отъ которыхъ онъ ждалъ помощи, передъ нимъ была та же суровая, молчаливая пустыня, которую онъ только-что прошелъ. Ребенокъ терялъ уже надежду, когда замѣтилъ среди площади какой-то фургонъ на колесахъ. Внутри его виднѣлся слабый огонь, а изъ маленькой трубы выходилъ дымъ.

Мальчикъ приблизился. Изъ подъ фургона что-то сердито зарычало на него. Тамъ былъ привязанъ волкъ, по имени Ното (человѣкъ), другъ и товарищъ площаднаго фигляра, чревовѣщателя и лекаря Ursur'а (медвѣдь), хозяина фургона, къ которому приблизился несчастный Гуинплеэнъ, съ полузамерзшей дѣвочкой на рукахъ.

Ursur имѣлъ столько же суровый видъ, сколько доброе сердце. Онъ унялъ волка, отдавъ замерзшимъ дѣтямъ свой скромный ужинъ, и даже съ этого дня не разставался съ ними болѣе; онъ былъ ихъ отцемъ и воспитателемъ. Дѣвочка, спасенная Гуинплеэномъ, оказалась слѣпою; Ursur назвалъ ее Деей. Гуинплеэнъ и Дея, выростая вмѣстѣ, въ разъѣздахъ по ярмаркамъ, въ фургонѣ Ursur'а, незамѣтно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ нѣжно полюбили другъ друга. Дея была красавица, Гуинпленъ былъ уродъ, но слѣпая не видѣла его уродства, и называла его красавцемъ.

Въ бурную снѣжную ночь, когда десятилѣтній Гуинплеэнъ былъ оставленъ компрачикосами на пустынномъ берегу Портленда, трудно было надѣяться на счастливое плаваніе. Барка, на которой плыли дѣтопокупатели, истощивъ всѣ усилія въ борьбѣ съ разъярившимися стихіями, начала тонуть. На ней не было Гардкваонона, совершившаго операцію Bucca fissa usquæ ad aures: онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, но бѣглецы хорошо знали исторію съ Гуинплеэномъ, и рѣшились, передъ смертью, для очищенія совѣсти, ввѣрить свою тайну морю.

На клочкѣ пергамента одинъ изъ компрачикосовъ написалъ слѣдующее:

«Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Въ день двадцать-девятаго января, тысяча шестьсотъ девяностаго года.

«Былъ покинутъ, на пустынномъ берегу Портленда, съ цѣлію погубить его голодомъ и холодомъ, десятилѣтній ребенокъ.

«Этотъ ребенокъ былъ проданъ двухъ лѣтъ отъ роду по повнелѣнію всемилостивѣйшаго короля Іакова Втораго.

«Этотъ ребенокъ — лордъ Ферменъ Кленчарли, законный и единственный сынъ покойнаго лорда Линнея Кленчарли барона Кленчарли и Генкервиль, маркиза Корлеоне, пера Англіи, и Анны Бредшау, его покойной супруги.

«Этотъ ребенокъ наслѣдникъ всѣхъ имѣній и титуловъ своего отца. Поэтому онъ былъ проданъ и изуродованъ по повелѣнію его величества.

«Этотъ ребенокъ былъ приготовленъ въ уличные паяцы.

«Онъ былъ проданъ послѣ смерти отца, когда ему минуло два года.

«Лордъ Ферменъ Кленчарли, двухъ лѣтъ отъ роду, былъ купленъ мною, нижеподписавшимся, и изуродованъ фламандцемъ, по имени Гардкваннонъ, который одинъ владѣетъ секретами науки доктора Конквеста.

«Ребенокъ былъ нами назначенъ представлять смѣющуюся маску *masca ridens*.

«Въ виду этого Гардкваннонъ совершилъ надъ нимъ операцію *Bucca fissa usque ad aures*, которая налагаетъ на лицо вѣчный смѣхъ.

«Ребенокъ, усыпленный посредствомъ извѣстнаго Гардкваннону лекарства, не чувствовалъ операціи и не знаетъ о ней.

«Онъ не знаетъ, что онъ лордъ Кленчарли.

«Онъ отвѣчаетъ на имя *Гуинплэна*.

«Одинъ Гардкваннонъ обладаетъ искусствомъ дѣлать операцію *Bucca fissa*, и этотъ ребенокъ единственное живущее существо, которому эта операція была сдѣлана.

«По прошествіи долгихъ лѣтъ, когда ребенокъ превратится въ старика и волосы у него побѣлѣютъ, Гардкваннонъ и тогда узнаетъ того, надъ кѣмъ совершилась операція.

«Въ настоящее время Гардкваннонъ, которому извѣстны всѣ подробности этого дѣла и который въ этомъ дѣлѣ главное лицо, содержится въ тюрьмѣ его высочества принца Оранскаго, именуемаго королемъ Вильгельмомъ III. Гардкванномъ былъ схваченъ, какъ принадлежащій къ шайкѣ дѣтопокупателей. Онъ заключенъ въ четемской темницѣ.

«Ребенокъ былъ, согласно повелѣнію короля, проданъ и выданъ намъ въ Швейцаріи около Женевскаго озера, между городами Лозанной и Веве, въ домѣ, гдѣ скончались его отецъ и мать, служителемъ покойнаго лорда Линнея, который вскорѣ затѣмъ умеръ; такимъ образомъ это дѣло никому изъ теперь живущихъ неизвѣстно, кромѣ Гардкваннона, который въ четемской темницѣ, и насъ, которые находимся на краю могилы.

«Мы, нижеподписавшіеся, бѣжавъ изъ Англіи, дабы не подвергнуться участи Гардкваннона, руководимые опасеніемъ и страхомъ по причинѣ новыхъ парламентскихъ карательныхъ постановленій, покинули, при наступленіи ночи, на берегу Портленда вышеупомянутаго ребенка Гуинплэна, лорда Кленчарли.

«Мы поклялись королю хранить тайну, но Господу Богу мы не давали этой клятвы.

«Въ настоящую ночь, на морѣ, носимые страшною бурею, въ совершенномъ отчаяніи спасенія, преклонивъ колѣна предъ Тѣмъ, въ чьей десницѣ находится спасеніе нашихъ душъ, не ожидая уже ничего отъ людей и трепеща предъ карою небесною, хватаясь за раскаяніе, какъ за якорь спасенія, покорившись неизбѣжной необходимости умереть, уповая только на Божественное милосердіе, смиренные и раскаянные, ударяя себя въ грудь—дѣлаемъ это признаніе и ввѣряемъ его бурному морю, дабы оно несло его по повелѣнію Всемогущаго Господа. Да помилуетъ насъ пресвятая Богородица. Аминь. И подписуемся.»

Подписались всѣ бывшіе на погибавшей баркѣ люди. Клочекъ пергамента, на которомъ все это было написано—былъ ни больше ни меньше, какъ королевское приказаніе объ изувѣченіи лорда Кленчарли «Sussu regis Джеффрейсъ—значилось на одной его сторонѣ.

На баркѣ была фляга, принадлежавшая Гардкваннону; въ эту флягу положили рукопись, засмолили горлушко фляги. Барка пошла со всѣми путниками ко дну; фляга осталась на поверхности волнъ.

Гуинплэнъ выросъ, выросла и Дея. Между ними все болѣе и болѣе развивалась самая чистая идеальная любовь. Слѣпая Дея видѣла въ Гуинплэнѣ какое-то неземное существо. Гуинплэнъ смотрѣлъ на хрупкую, слабую, нѣжную дѣвушку, какъ на ангела. Къ двадцати пяти годамъ онъ успѣлъ прославиться на всѣхъ ярмаркахъ. Никто изъ зрителей Ursur'а не могъ смотрѣть на его лицо безъ гомерическаго хохота. Труппа Ursur'а имѣла вездѣ громадный успѣхъ и получала соотвѣтствующій этому сборъ. Это дало возможность Ursur'у построить себѣ цѣлый подвижной театръ и отправиться съ нимъ въ Лондонъ.

Въ столицѣ «Человѣкъ, который смѣется» имѣлъ такой же огромный успѣхъ, какъ и въ провинціи. Кошелекъ Ursur'a наполнялся гинеями. Его представленія посѣщалъ не одинъ только простой, оборванный, нищій людъ, къ которому Гуинплэнъ рано научился питать состраданіе и сочувствіе, но даже придворные и вельможи изъ самыхъ аристократическихъ фамилій. Въ то время всякія переодѣванья были въ модѣ, и пресыщенный лордъ часто одѣвался нищимъ, чтобы сколько-нибудь поразнообразить свою праздную, великолѣпную жизнь. Лордъ Девидъ Дерри-Моаръ, незаконный сынъ лорда Кленчерли, уже помолвленный съ герцогиней Жозіаной и готовившійся наслѣдовать всѣ титулы и имѣнія Кленчерлей; лучшій джентельменъ при дворѣ, ловкій и сильный боксеръ—какъ и всѣ—тоже не брезговалъ переодѣваньемъ и даже щеголялъ имъ. Подъ именемъ матросъ Томъ-Тамъ Джена, онъ сдѣлался чуть не постояннымъ посѣтителемъ театра Ursur'a, и всегда съ особеннымъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ появленіе Гуинплэна—«человѣка, который смѣется.»

Даже герцогиня Жозіана не брезговала этими вульгарными удовольствіями. Но она явилась смотрѣть «Человѣка, который смѣется,» безъ переодѣванья—герцогиней, во всемъ блескѣ роскоши и красоты, съ маленькимъ пажемъ сзади своего шлейфа. Гуинплэнъ игралъ свою роль, не сводя съ нея глазъ.

Дею онъ любилъ, какъ божество, Жозіану онъ полюбилъ какъ женщину со всею пылкостью страсти двадцатипятилѣтняго мужчины.

Но уличному паяцу безумно было питать какія-нибудь надежды на гордую герцогиню.

Гуинплэнъ, съ своимъ обезображеннымъ лицомъ могъ прогуливаться только вечеромъ, когда никто не могъ его видѣть. Исполненный мыслями о Жозіанѣ, онъ ходилъ до полуночи, когда его остановилъ маленькій пажъ герцогини (пажи прежде

были лучшими повѣренными своихъ госпожъ). Гуинплэнъ очень хорошо узналъ его, и прежде чѣмъ успѣлъ вскрикнуть отъ удивленія, послышался тоненькій женскій и вмѣстѣ дѣтскій голосокъ пажа:

— Будьте завтра въ этомъ часу у входа на Лондонскій мостъ. Я буду тамъ ожидать васъ, чтобы проводить.

— Куда? спросилъ Гуинплэнъ.

— Туда, гдѣ васъ ожидаютъ.

Гуинплэнъ взглянулъ на письмо, которое безсознательно держалъ въ рукѣ.

Когда онъ снова поднялъ глаза, пажа уже не было на прежнемъ мѣстѣ.

На лугу виднѣлась быстро удаляющаяся фигурка, которая вскорѣ завернула за уголъ и скрылась изъ вида.

Письмо было слѣдующаго содержанія: «Ты уродъ, чудовище—я красавица; ты паяцъ,—я герцогиня. Я на верху, а ты внизу. Я хочу, чтобы ты принадлежалъ мнѣ. Я люблю тебя. Приходи куда сказано.»

Не призракъ ли это? Нѣтъ, вотъ письмо. Гуинплэнъ задрожалъ.

А Дея? вдругъ блеснула у него мысль. Промѣнять ли Дею на эту роскошную герцогиню?

Онъ не совсѣмъ вѣрилъ, что это не сонъ.

Придя однакожъ домой и увидѣвъ бѣдную нѣжную и воздушную Дею, онъ сжогъ письмо, и рѣшился быть вѣрнымъ себѣ.

Утромъ, прежде чѣмъ надо было идти на Лондонскій мостъ, въ театръ Ursur'а явился присяжный съ желѣзнымъ жезломъ въ рукѣ, прикоснулся къ плечу Гуинплэна, и вышелъ. Смертная казнь назначалась тому, какъ ослушнику, кто вздумалъ бы не послѣдовать за присяжнымъ, послѣ роковаго прикосновенія жезла. Гуинплэнъ пошелъ. На улицѣ его окружила стража,

Черезъ часъ, преслѣдуемый издалека Ursur'омъ, онъ былъ введенъ въ узскую дверь Соутъуоркской тюрьмы. Желѣзный засовъ щелкнулъ,—и все смолкло.

Старикъ ждалъ, ждалъ; кругомъ была тишина; улица пустынная; бѣлѣла стѣна Соутъуоркской тюрьмы; дверь, за которую скрылся Гуинплэнъ, молча чернѣла и казалась запертою навѣки.

Съ отчаяніемъ въ душѣ Ursur побрелъ домой,

По темнымъ узкимъ корридорамъ Гуинплэна привели въ подземелье Соутъуоркской тюрьмы.

Тамъ сидѣлъ на креслѣ, съ букетомъ розъ въ рукѣ, шерифъ; посрединѣ стояло четыре столба; къ нимъ за руки и за ноги былъ прикованъ человѣкъ, въ формѣ буквы X, такъ какъ былъ распятъ Андрей Первозванный. На животѣ его лежала плита, а на плитѣ камни. Человѣка этого пытали уже четвертый день. Онъ ни въ чемъ не сознавался.

Гуинплэнъ при этомъ зрѣлище пришелъ въ ужасъ.

— Приближьтесь, сказалъ шерифъ, обращаясь къ Гуинплэну.

Гуинплэнъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Ближе, сказалъ шерифъ.

Гуинплэнъ сдѣлалъ еще шагъ.

— Еще ближе, сказалъ шерифъ.

Помощникъ проговорилъ:

— Вы предъ лицомъ шерифа графства Сюррей.

Когда Гуинплэнъ увидалъ вблизи лежащаго человѣка, то пришелъ въ ужасъ.

Этотъ человѣкъ былъ связанъ и брошенъ на полъ почти совершенно голый,

Ему можно было дать отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ; онъ былъ лысъ. Борода его была покрыта бѣлою щетиною. Онъ закрывалъ глаза и открывалъ ротъ. Зубы у него были

оскалены. Его худое костлявое лицо было похоже на мертвую голову. Цѣпи прикрѣпляли его за руки и за ноги къ четыремъ каменнымъ столбамъ. Его хрипѣніе походило то на стонъ, то на ревъ.

Шерифъ, не выпуская своего букета изъ розъ, другой рукой взялъ со стола жезлъ и поднялъ его, говоря:

— Повиновеніе волѣ ея величества.

Затѣмъ онъ снова положилъ жезлъ на столъ.

Послѣ чего, съ медленностію погребальнаго колокола мертвенно-безстрастнымъ голосомъ шерифъ возгласилъ:

— Осужденный закованный въ цѣпяхъ, внемлите въ послѣдній разъ гласу правосудія! Не внимая сдѣланнымъ и повторенным вамъ вопросамъ, вы пребывали, одержимые духомъ преступнаго своеволія, въ молчаніи и отказались отвѣчать. Это дѣлаетъ васъ виновнымъ въ упорствѣ. Поверните голову и откройте глаза. Знаете ли вы этого человѣка?

Пытаемый не повернулъ головы и не открылъ глазъ.

Шерифъ бросилъ взглядъ сначала на присяжнаго агента, потомъ на слѣдователя.

Послѣдній снялъ съ Гуинплэна шляпу и плащъ, взялъ его за плечи и поставилъ около пытаемаго, обернувъ лицомъ къ свѣту. Освѣщенное лицо Гуинплэна рѣзко и отчетливо обрисовывалось въ темнотѣ.

Присяжный агентъ наклонился, схватилъ обѣими руками голову пытаемаго, обернулъ ее къ Гуинплэну и поднялъ вѣки. Обезумѣвшіе глаза пытаемаго открылись.

Онъ увидалъ Гуинплэна.

Онъ самъ поднялъ голову и, широко раскрывъ глаза, сталъ глядѣть на него.

Онъ затрепеталъ, на сколько можетъ затрепетать тотъ, у кого гора камней на груди, и вскрикнукъ:

— Это онъ! Это онъ!

И засмѣялся страшнымъ смѣхомъ.

— Это онъ! повторилъ пытаемый.

Затѣмъ голова его снова упала на землю и глаза закрылись.

— Актуаріусъ, запишите, сказалъ шерифъ.

До сихъ поръ Гуинплэнъ сохранялъ наружное спокойствіе, но крикъ пытаемаго: *это онъ!* заставилъ его затрепетать, а отъ словъ шерифа: *актуаріусъ, запишите!* его обдало холодомъ. Ему представилось, что это признаніе злодѣя увлекало его въ бездну. Онъ вообразилъ себя прикованнымъ къ позорному столбу вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Гуинплэнъ смѣшался. Онъ, съ глубокимъ смятеніемъ невиннаго, трепещущій, обезумѣвшій отъ ужаса, началъ бормотать несвязныя рѣчи:

— Это неправда! Это не я! Я не знаю этого человѣка! Онъ не можетъ меня знать, потому что я его не знаю! У меня сегодня представленіе, меня ждутъ.... Чего отъ меня хотятъ? Дайте мнѣ свободу! Это вовсе не то! Зачѣмъ меня привели въ этотъ подвалъ? Стало быть, нѣтъ уже закона! Господинъ судья, я повторяю вамъ, это не я! Я невиненъ! Это несправедливо! Между мной и этимъ человѣкомъ ничего не было! Велите разслѣдовать! Въ моей жизни нѣтъ тайнъ, моя жизнь всѣмъ извѣстна! Пришли, схватили меня, какъ вора! Зачѣмъ такъ поступили со мною? Почемъ я знаю, что это за человѣкъ? Я фокусникъ, бродячій паяцъ, я играю по ярмаркамъ и по базарамъ! Я «Человѣкъ, который смѣется»! Передъ вами бѣдный паяцъ...

— Передо мною лордъ Ферменъ Кленчерли, баронъ Кленчерли и Геннервиль, маркизъ Карлеоне, перъ Англіи,—прервалъ его шерифъ почтительно кланяясь. Не угодно ли вамъ сѣсть, милордъ?

Шерифъ всталъ съ своего кресла.

Гуинплэнъ подумалъ, что надъ нимъ безчеловѣчно издѣваются. Но его взяли подъ руки и усадили въ кресло.

Пытаемый былъ Гардваканнонъ. Море выбросило его флягу на берега Англіи, и открыло тайну Іакова II.

*

Рукопись была прочитана, какъ только усадили Гуинплэна въ кресло.

По прочтеніи, шерифъ обратился къ пытаемому, показывая флягу, изъ которой былъ вынутъ пергаментъ.

— Гардкваннонъ! когда эта фляга была вамъ представлена въ первый разъ, вы ее тотчасъ признали за свою; затѣмъ, когда вамъ было прочтено заключавшееся въ ней показаніе, вы, въ надеждѣ, что ребенокъ погибъ, не хотѣли ни въ чемъ признаться и упорно хранили молчаніе. Вслѣдствіе вашего отказа отвѣчать, вы были подвергнуты пыткѣ, при чемъ вамъ вторично было прочтено помянутое показаніе и исповѣдь вашихъ соучастниковъ. Сегодня, въ день четвертый, назначенный для очной ставки, поставленные лицомъ къ лицу съ тѣмъ, кто былъ покинутъ на берегу Портленда двадцать-девятаго января тысяча шестьсотъ девяностаго года, вы, наконецъ, потеряли сатанинскую надежду избѣгнуть заслуженной кары и узнали вашу жертву...

Пытаемый открылъ глаза, приподнялъ голову и заговорилъ. Голосъ его отличался тою звучностью, какая бываетъ при послѣдней агоніи, и въ то же время спокойствіемъ. Заваленный грудой камней, онъ медленно и трудно произносилъ каждое слово, какъ бы поднимая покрывающую гробовую крышу.

— Я поклялся хранить тайну и хранилъ ее, пока могъ. Люди моего сорта—вѣрные люди, потому что и въ аду существуетъ своего рода честность. Теперь молчаніе безполезно, и я говорю. Да, это онъ. Онъ обязанъ всѣмъ двоимъ—королю и мнѣ: король далъ повелѣніе, а я исполнилъ его.

И, глядя на Гуинплэна, онъ прибавилъ:

— Теперь смѣйся вѣки вѣчные!

И самъ началъ смѣяться.

Этотъ второй смѣхъ, еще болѣе сррашный и дикій, чѣмъ первый, можно было принять за рыданье.

Смѣхъ прекратился и несчастный снова лежалъ неподвижно. Глаза его опять закрылись.

Онъ умеръ. Смѣхъ убилъ его.

Шерифъ, не выпуская букета розъ, взялъ со стола жезлъ, и обратился къ Гуинплэну.

— Мы, Филиппъ Дендилль Персонсъ, шерифъ графства Сюррей, въ присутствіи Арби Доминика, нашего клерка и актуаріуса, и нашихъ прочихъ чиновниковъ, объявляемъ вамъ, по разсмотрѣніи законнымъ порядкомъ обстоятельствъ процесса, что вы дѣйствительно Ферменъ Кленчарли, баронъ Кленчарли и Генкервилъ, маркизъ Корлеоне, перъ Англіи. Да хранитъ Господь вашу милость!

И онъ поклонился.

Гуинплэнъ лишился чувствъ.

Когда фляга Гардкваннона была найдена, и, по порядку, доставлена королевѣ, Анна пришла въ немалое затрудненіе, и обратилась за совѣтомъ къ государственному канцлеру, лорду Куперу, который всегда говорилъ, что «въ видахъ государственнаго устройства Англіи, возстановленіе пера гораздо важнѣе возстановленія короля». Понятно, какой онъ подалъ совѣтъ. Въ своемъ мнѣніи, поданномъ по этому дѣлу королевѣ, онъ писалъ: «Если наслѣдникъ найденъ, да возвратится ему корона. Такъ должно поступить и въ отношеніи Гуинплэна. Низкое ремесло, которымъ онъ занимался, по неисповѣдимой волѣ Промысла, нисколько не затмѣваетъ блеска его герба; примѣромъ можетъ служить Абдолонимъ, который былъ королемъ и садовникомъ, а также Іосифъ, который былъ святымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плотникомъ, а также Аполлонъ, который былъ богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пастухомъ».

Анна, которой уже было донесено о чудовищномъ безобразіи Гуинплэна, не желала лишать сестру преимуществъ и богатствъ, соединенныхъ съ выходомъ замужъ за лорда Кленчерли, и съ удовольствіемъ рѣшила, что Жозіана перевѣнчается съ новымъ лордомъ, съ Гуинплэномъ.

Возстановленіе лорда Фермена Кленчарли не было, впрочемъ, особымъ дивомъ; онъ былъ прямой и законный наслѣдникъ. Все это дѣло велось такъ секретно, что ни Жозіана, ни лордъ Девидъ не подозрѣвали даже, какая яма роется подъ ихъ ногами.

Королева не терпѣла Жозіаны, и устраивала эту комедію съ большимъ тщаніемъ. Ея величество говорила, что желаетъ искупить ошибку своего августѣйшаго отца, что она дѣйствуетъ, какъ великая королева, покровительствуя невинность, что Провидѣніе въ своихъ святыхъ и неисповѣдимыхъ путяхъ и т. д. Очень отрадно сдѣлать такое «доброе» дѣло, которое отравитъ жизнь тому, кого мы терпѣть не можемъ.

Гуинплэнъ очувствовался въ собственномъ дворцѣ, въ Виндзорѣ,—въ томъ дворцѣ, который временно принадлежалъ Жозіанѣ, въ ожиданіи покуда она, Жозіана, сдѣлается леди Кленчарли. Эту ночь Гуинплэнъ, не зная того, провелъ подъ одною кровлею съ Жозіаной.

Онъ совершенно очуствовался только тогда, когда услалъ одного человѣка, бывшаго при немъ. Гуинплэнъ былъ одѣтъ уже въ платьѣ лорда, въ сапогахъ съ красными каблуками. Онъ былъ одинъ среди америлады великолѣпныхъ комнатъ, среди которыхъ онъ могъ заблудиться.

Какія мысли и чувства наполняли его душу!

— Гдѣ я? На вершинѣ! Развѣ я на вершинѣ? Эта вершина, это величіе, это всемогущество—*мой* домъ! Въ этомъ храмѣ *я* богъ! Недосягаемая высота, на которую я глядѣлъ снизу, откуда вырывалось столько лучей свѣта, что ослѣпляло мнѣ глаза,—я на ней! Я вхожу въ неприступную крѣпость счастливцевъ! Я вошелъ, я тамъ! А! вотъ завершающій поворотъ колеса фортуны! Я былъ внизу и теперь на верху! Наверху на всю жизнь, навсегда! Я лордъ; у меня пурпурное

одѣяніе, корона! Я буду присутствовать при коронованіяхъ королей, буду судить королей и министровъ; я буду жить! У меня есть дворцы городскіе и загородные, сады, парки, лѣса, кареты, мильоны! Я буду давать праздники; я буду предписывать законы; у меня будетъ цѣлая масса удовольствій, наслажденій и радостей, и бродяга Гуинплэнъ, не имѣвшій права сорвать цвѣтка въ травѣ, теперь можетъ достать звѣзду съ небесъ!

И я буду краснорѣчивъ! думалъ онъ. И представлялъ себя въ палатѣ лордовъ. О, сколько онъ скажетъ! Какой запасъ свѣдѣній у него имѣется! Онъ самъ видѣлъ, самъ ощущалъ, самъ выстрадалъ, вытерпѣлъ, перенесъ все; онъ можетъ имъ крикнуть: я знаю все, что вамъ чуждо и что должно бы быть вамъ близко! Онъ броситъ въ лицо этимъ патриціямъ, тѣшащимся иллюзіями, истину, дѣйствительность и они затрепещутъ. Онъ явится въ сердцѣ этихъ могущественныхъ, и будетъ могущественнѣе ихъ; онъ послужитъ имъ свѣтильникомъ во мракѣ, потому что покажетъ истину, и послужитъ имъ орудіемъ справедливой кары, потому что укажетъ, гдѣ настоящіе виноватые. Какое торжество!

Наступилъ разсвѣтъ, свѣтлый лучъ проникъ въ комнату и въ то же время озарилъ Гуинплэна.

— А, Деа? сказалъ ему лучъ...

Гуинплэнъ пошелъ ходить по комнатѣ. Дворецъ похожъ на лѣсъ, и незнакомому человѣку въ немъ легко заблудиться. Гуинплэнъ блуждалъ по роскошнымъ комнатамъ довольно долго, пока случайно не попалъ на половину герцогини Жозіаны. Онъ попалъ въ ванну, и остановился какъ прикованный. Противъ двери, въ которую онъ вошелъ, устроена ниша, задернутая серебрянымъ газомъ.

За этой блестящей, прозрачной паутиной, вмѣсто паука, Гуинплэнъ увидалъ обнаженную женщину.

Она не была буквально обнажена. Эта женщина была одѣта. И одѣта съ ногъ до головы. На ней была длинная рубашка, но такая тонкая, что, казалось, она была вся мокрая. Подобная предательская нагота хуже наготы прямой. Исторія упоминаетъ о процессіяхъ, когда принцессы и важныя дамы шли босыя между рядами монаховъ; герцогиня Монпансье, подъ предлогомъ смиренія, показывалась всему Парижу въ одной кружевной рубашкѣ. Прибавимъ: со свѣчей въ рукѣ.

Серебряная паутина была прозрачна какъ стекло; она была прикрѣплена сверху и могла подниматься. Она отдѣляла купальную залу отъ спальни. Эта спальня, очень маленькая, представляла что-то въ родѣ зеркальнаго грота. Сверху, снизу, съ боковъ—венеціанскія зеркала, обведенныя золочеными ободками, отражали кровать. На кровати, которая была тоже изъ серебра, лежала женщина. Она спала.

Она спала, закинувъ голову нѣсколько назадъ; одна нога ея выбилась изъ-подъ покрова.

Гуинплэнъ дрожалъ, но, не въ состояніи будучи оторваться отъ прекраснаго зрѣлища, стоялъ не двигаясь.

Наконецъ спящая проснулась.

— Это вы, лордъ Девидъ? спросила она.

Обернувшись, она увидѣла Гуинплэна.

— А! сказала она:—Гуинплэнъ!

И вдругъ, однимъ прыжкомъ, какъ пантера, кинулась ему на шею.

Она обвила его голову своими обнаженными руками и прижала къ себѣ.

И вдругъ, оттолкнувъ его, она положила ему на плечи свои маленькія руки, цѣпкія и сильныя, какъ когти, и принялась глядѣть на него.

Они глядѣли другъ на друга. Они привлекли другъ друга неотразимо: онъ ее—своимъ чудовищнымъ безобразіемъ, она его—ослѣпительной красотою.

Онъ молчалъ; она вскрикнула:

— Ты умница! Ты пришелъ. Ты догадался, что я поневолѣ должна была выѣхать изъ Лондона. Ты тоже сюда пріѣхалъ. Ты хорошо сдѣлалъ. Ты необыкновенно догадливъ и уменъ!

Гуинплэнъ, смутно чувствуя какую-то боязнь, хотѣлъ отодвинуться, но розовые ногти вцѣпились въ его плечи и не пускали.

Она продолжала:

— Анна, эта дура,—ты знаешь, королева,—вызвала меня въ Виндзоръ неизвѣстно зачѣмъ. Когда я пріѣхала, она сидѣла запершись съ своимъ идіотомъ-канцлеромъ. Но какъ ты пробрался ко мнѣ? Вотъ что называется быть настоящимъ человѣкомъ! Препятствія! Препятствія не существуютъ. Тебя позвали и ты пришелъ! Ты распрашивалъ обо мнѣ? Ты зналъ мое имя,—герцогиня Жозіана? Кто тебя провелъ сюда? Мой пажъ? Онъ смышленый мальчикъ. Я дамъ ему сто гиней. Какъ ты все это устроилъ, разскажи. Нѣтъ, не разсказывай. Я не хочу знать. Объясненія портятъ дѣло. Удивляй меня. Ты такъ чудовищенъ, что можешь быть чудомъ и дѣлать чудеса. Ты спустился съ неба или поднялся изъ преисподней. Я сказала тебѣ, что королева мнѣ сестра? Дѣлай со мной, что хочешь, располагай мною, какъ вздумаешь. Я такая, что Юпитеръ цалуетъ у меня ноги, а сатана плюетъ мнѣ въ лицо. У тебя есть какая-нибудь религія? Я папистка. Мой отецъ Іаковъ II умеръ во Франціи среди кучи іезуитовъ. Я никогда не испытывала того, что теперь возлѣ тебя испытываю! О! я хотѣла бы быть около тебя ввечеру, чтобы играла музыка, а мы оба, прислонясь къ одной подушкѣ, сидѣли подъ пурпуровымъ балдахиномъ на золотой ладьѣ и неслись по морю. Оскорбляй меня. Бей меня. Обращайся со мною какъ съ послѣднею тварью. Я тебя обожаю!

Она ласкала, какъ львица. Изъ-за кошачьей мягкости проглядывали когти. Ея волосы вздымались и дрожали, какъ гри-

ва; платье то распахивалось, то запахивалось. Гуинплэнъ чувствовалъ, что онъ побѣжденъ.

— Я тебя люблю! крикнула она.

И опалила его поцѣлуемъ.

Для Гуинплэна и Жозіаны, быть можетъ, потребовалось бы облако, какъ для Юпитера и Юноны.

Гуинплэнъ все забылъ; умъ его помутился. Память о Деѣ исчезла. Есть древній барельефъ, представляющій сфинкса, который пожираетъ амура. Крылышки прелестнаго ребенка обливаются кровью въ жесткихъ, словно улыбающихся зубахъ.

Раздался звонъ колокольчика: письмо отъ королевы. Жозіана взяла съ золотаго блюда большой пакетъ.

Она распечатала пакетъ, и попросила Гуинплэна прочесть. Онъ прочелъ слѣдующее:

Герцогиня Жозіана!

«Мы посылаемъ вамъ здѣсь копію съ протокола, провѣреннаго и подписаннаго нашимъ вѣрноподданнымъ Уильямомъ Коуперомъ, лордомъ-канцлеромъ Англіи, изъ котораго вы увидите, что законный сынъ лорда Линнея Кленчерли найденъ; онъ велъ подъ именемъ Гуинплэна низкое существованіе бродяги, въ средѣ скомороховъ и паяцовъ. Въ силу законовъ королевства и въ силу наслѣдственнаго его права, лордъ Ферменъ Кленчерли, сынъ лорда Линнея, отнынѣ будетъ допущенъ и займетъ свое мѣсто въ палатѣ лордовъ. Желая оставить за вами владѣнія лордовъ Кленчерли Генкервиль, мы, вмѣсто лорда Девида-Дёрри Моара, назначаемъ вамъ въ супруги лорда Фермена Кленчерли. Мы повелѣли привести лорда Фермена въ Корлеонъ-лоджъ; мы повелѣваемъ и выражаемъ желаніе, какъ королева и сестра, чтобы лордъ Кленчерли, именовавшійся донынѣ *Гуинплэномъ*, былъ вашимъ супругомъ».

Пока Гуинплэнъ читалъ прерывающимся голосомъ эти строки, герцогиня, приподнявшись на подушкѣ, слушала, глядя на

него пристальнымъ взоромъ. Когда Гуинплэнъ окончилъ, она вырвала у него письмо.

— Анна, королева, сказала она задумчиво, читая подпись.

Потомъ она подняла съ полу пергаментъ и пробѣжала его глазами. Это была копія съ признанія погибшихъ на *Матутинѣ*, скрѣпленная соутъуоркскимъ шерифомъ и лордомъ-канцлеромъ.

Прочитавъ протоколъ, она снова перечла письмо королевы. Потомъ она сказала:

— Пусть такъ.

И, спокойная, указывая Гуинплэну на портьеру галлереи:

— Выйдите отсюла, сказала она.

Пораженный Гуинплэнъ не двинулся съ мѣста.

Она снова сказала съ ледяной холодностью:

— Такъ какъ вы назначены мнѣ въ мужья, то выйдите.

Гуинплэнъ не вымолвилъ ни слова и, опустивъ глаза, какъ виновный, не трогался.

Она прибавила:

— Вы не имѣете права быть здѣсь; здѣсь мѣсто моего любовника.

Гуинплэнъ былъ словно пригвожденъ къ мѣсту.

— Хорошо, сказала она.—Я сама выйду, если вы не выходите. А! вы мой мужъ! Ничего не можетъ быть прелестнѣе! Я васъ ненавижу!

И она вышла.

Портьера упала за ней.

На другой день Гуинплэнъ былъ введенъ, съ обычнымъ торжествомъ и продолжительной обрядностью, въ засѣданіе парламента. Когда всѣ усѣлись, лордъ-канцлеръ началъ говорить:

— Милорды, билль, предлагающій прибавить сто тысячъ

фунтовъ стерлинговъ къ годовому окладу его королевскаго высочества принца, супруга ея величества, разсматривался и обсуждался въ продолженіе нѣсколькихъ дней и пренія окончены; теперь послѣдуетъ подача голосовъ. Каждый лордъ, при произнесеніи его имени, встанетъ и отвѣтитъ: *доволенъ* или *недоволенъ*, и имѣетъ право выразить свое мнѣніе, если пожелаетъ. Клеркъ, призывайте къ подачѣ голосовъ.

Клеркъ парламента развернулъ огромную книгу, разложенную на позолоченномъ пюпитрѣ, Это была книга перства.

Клеркъ провозгласилъ:

— Милордъ Джонъ, баронъ Гервей.

Старикъ въ свѣтломъ парикѣ поднялся и сказалъ:

— Доволенъ.

Потомъ опять сѣлъ.

Помощникъ Клерка записалъ воту.

Клеркъ продолжалъ вызывать поочередно называть всѣхъ перовъ, и каждый отвѣчалъ тѣмъ же: «доволенъ.»

— Милордъ Ферменъ Кленчерли, баронъ Кленчерли и Генкервилль! произнесъ наконецъ Клеркъ.

Гуинплэнъ всталъ.

— Недоволенъ! сказалъ онъ.

Всѣ головы обернулись, Цѣлые снопы свѣчей, горѣвшихъ по сторонамъ трона, ярко освѣщали его лицо; оно выступало въ обширной темной залѣ съ рельефностью маски.

Гуинплэнъ сдѣлалъ надъ собою то страшное усиліе, которое, какъ мы уже говорили, было для него возможно. Собравъ всю силу воли,—силу, достаточную для укрощенія свирѣпаго тигра,—онъ успѣлъ на минуту унять свой страшный смѣхъ. Въ эту минуту онъ не смѣялся. Но это не могло долго продолжаться. Сопротивляться тому, что составляетъ для насъ законъ или роковое предопредѣленіе, можно только на очень короткое время. Иногда морскія воды противятся силѣ тяготѣнія, вздымаются смерчемъ и образуютъ гору, но скоро снова опадаютъ. По-

добную борьбу выдерживалъ Гуинплэнъ. На эту минуту, которая, какъ онъ чувствовалъ, была минута рѣшительная, онъ силой воли унялъ свой страшный смѣхъ, и былъ.... только страшенъ.

— Кто этотъ человѣкъ? раздалось со всѣхъ сторонъ.

Неописанное волненіе овладѣло всѣми.

Черный лѣсъ его волосъ, черныя впадины подъ бровями, глубокій взглядъ его глазъ, какъ бы ушедшихъ въ яму, все это было поразительно и превосходило всякое описаніе. Всѣ разсказы о Гуинплэнѣ поблѣднѣли. Вообразите себѣ Олимпъ, предназначенный для однихъ боговъ: всѣ боги въ сборѣ, вечеръ тихъ и ясенъ, и вдругъ появляется, какъ кровавая луна на горизонтѣ, голова Прометея, истерзанная, избуравленная, изрытая клювомъ коршуна!

Молодые и старые, всѣ были поражены и глядѣли, ошеломленные, на Гуинплэна.

Старикъ, уважаемый всею палатою, человѣкъ, видавшій на своемъ вѣку много страшныхъ людей и страшныхъ вещей, Томасъ графъ Уэртонъ, приподнялся въ испугѣ.

— Что это значитъ? вскричаяъ онъ.—Кто ввелъ этого человѣка въ палату? Вывести его!

И надменно обращаясь къ Гуинплену, онъ спросилъ:

— Кто вы? Откуда вы являетесь?

Гуинплэнъ отвѣтилъ:

— Изъ бездны.

И, скрещивая руки на груди, онъ поглядѣлъ на лордовъ.

— Кто я? Я—нищета. Милорды, мнѣ надо съ вами поговорить.

У всѣхъ пробѣжалъ морозъ по кожѣ; всѣ молчали.

Гуинплэнъ продолжалъ:

— Милорды, вы находитесь на высотѣ. Хорошо. Надо полагать, что Богъ это попускаетъ не безъ причины. Вамъ надо могущество, роскошь, радость, власть безъ границъ, наслаж-

деніе,—вамъ дано всѣмъ пользоваться, не удѣляя ничего другимъ, забывая о другихъ. Положимъ. Но подъ вами тоже коечто существуетъ. Можетъ быть, нѣчто существуетъ также и надъ вами. Милорды, я приношу вамъ новость: родъ человѣческій существуетъ.

Со всѣхъ сторонъ раздался крикъ:

— Слушайте! Слушайте!

Гуинплэнъ сверхъестественнымъ усиліемъ сдерживалъ свое лицо, какъ дикаго коня, который взвивался на дыбы и готовъ былъ вырваться.

Онъ снова началъ:

— Я тотъ, кто пришелъ изъ бездны. Милорды, вы могущественны и богаты. Это опасная вещь. Вы пользуетесь мракомъ. Но, берегитесь, есть великая сила,—разсвѣтъ. Онъ наступаетъ. Онъ разольетъ неугасимый свѣтъ. Солнце, это право. А вы, вы только получившіе привилегію. Бойтесь. Настоящій хозяинъ дома постучится въ двери. Кто родитель привилегіи? Случай. А кто ея сынъ? Злоупотребленіе. И случай, и злоупотребленіе—оба непрочны. Сегодня они сила, но завтра? Я пришелъ васъ предупредить. Я пришелъ вамъ объяснить, что ваше счастіе основано на несчастіи другихъ. Вы имѣете все потому только, что другіе не имѣютъ ничего. Милорды, я, приведенный въ отчаяніе адвокатъ, и защищаю потерянное дѣло. Я ничто самъ по себѣ, я только голосъ. Родъ человѣческій я назову ртомъ, а себя крикомъ. Вы меня выслушайте. Я прихожу, перы Англіи, чтобы познакомить васъ съ народомъ, съ этимъ верховнымъ властелиномъ, который угнетенъ, осужденъ на смерть, съ этимъ отверженнымъ, котораго судятъ. Я склоняюсь подъ тяжестью того, что̀ я долженъ вамъ высказать. Съ чего начать? Я не знаю. Я собралъ въ цѣломъ мірѣ страданій страшные факты. Я ихъ прямо бросаю передъ вами. Вчера я былъ фокусникъ, сегодня я лордъ. Это не игра случая, а роковое дѣло невѣдомыхъ, таинственныхъ силъ. Трепещите, ми-

лорды! на вашей сторонѣ свѣтъ и лазурь. Вы, въ этомъ громадномъ мірѣ, видите только блескъ; знайте, что есть и тѣнь. Между вами я называюсь лордомъ Ферменъ Кленчерли, но мое настоящее имя имя бѣдняка Гуинплэна. Король выкроилъ изъ вельможи несчастнаго отверженнаго. Вотъ моя исторія. Многіе изъ васъ знали моего отца; я его не зналъ. Онъ вамъ близокъ по своему могуществу, а мнѣ—по своему изгнанію. Все, что̀ совершается, хорошо. Я былъ брошенъ въ бездну. Съ какою цѣлью? Чтобъ видѣть дно. Я водолазъ, я нырнулъ въ воду и приношу перлъ—истину. Я говорю то, что̀ знаю, и говорю потому, что знаю. Вы меня выслушайте, милорды. Я много испыталъ; я много видѣлъ. Страданіе—это не пустое слово, нѣтъ, господа счастливые. Бѣдность тоже. Я выросъ въ бѣдности; я дрожалъ отъ стужи зимою, я зналъ голодъ, я терпѣлъ презрѣніе и поношеніе, я выпилъ полную чашу отравы. Я извергну весь этотъ ядъ передъ вами, и брызги его должны показаться вамъ пламенемъ! Прежде чѣмъ придти сюда, я колебался, потому что у меня есть другія обязанности, и потому, что сердце мое не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ. Что̀ произошло въ моей душѣ, до васъ не касается. Когда человѣкъ, котораго вы называете экзекуторомъ чернаго жезла, пришелъ за мной отъ имени женщины, которую вы называете королевой, я хотѣлъ-было отказаться. Но какая-то сила толкнула меня и я ей повиновался, и пришелъ. Я почувствовалъ, что долженъ придти сюда, что мнѣ надо явиться между вами. Зачѣмъ? Потому что вчера еще я былъ въ лохмотьяхъ и Богъ замѣшалъ меня между голодными для того, чтобы я могъ обратить слова къ сытымъ. Имѣйте же хотя сколько-нибудь жалости! Вы совсѣмъ не знаете, что̀ творится на свѣтѣ. Я знаю и вамъ разскажу. У меня есть опытность. Я выхожу изъподъ давящаго гнета. Я могу вамъ сказать, сколько на васъ лежитъ тяжести. Вы видите въ себѣ только владыкъ, а знаете ли вы, что̀ вы такое на самомъ дѣлѣ? Сознаете ли вы, что̀

дѣлаете? Нѣтъ! Еслибы вы это сознавали, то у васъ заледенѣло бы сердце отъ ужаса! Ночью, въ бурю, ребенкомъ, покинутымъ, сиротою, одинокимъ, я вступилъ въ этотъ мракъ, который вы называете обществомъ. Первое, что я увидѣлъ, это законъ, въ формѣ висѣлицы, второе—богатство, ваше богатство—въ образѣ женщины, умершей съ голоду и холоду; третье — будущее, въ лицѣ борящагося со смертью младенца; четвертое—доброту, истину, справедливость въ лицѣ бродяги, у котораго никого и ничего не было на свѣтѣ, кромѣ волка.

Гуинплэна душили рыданія; онъ чувствовалъ, что они подступаютъ ему къ горлу и—лицо его разразилось страшнымъ смѣхомъ.

Этотъ смѣхъ мгновенно всѣхъ заразилъ; безумный хохотъ оглушительно раскатился по залѣ.

Смѣхъ могущественный похожъ на смѣхъ боговъ: въ немъ всегда есть ядовитое жало. Лорды принялись потѣшаться. Раздались рукоплесканія, посыпались веселыя восклицанія.

— Браво, Гуинпленъ!

— Браво, Человѣкъ, который смѣется!

— Браво, чудовище Зеленой Коробки!

— Ты намъ даешь представленіе! Безподобно! Балагурь, балагурь!

— Вотъ такъ прелесть!

— Каково это животное смѣется?

— Продолжай! продолжай!

— Ахъ, скоморохъ!

— Лордъ-клоунъ!

— Кланяйся публикѣ!

— И это перъ Англіи!

— Продолжай!

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Продолжай! Продолжай!

Лордъ-канцлеръ былъ смущенъ.

Глухой лордъ, Джемсъ Бётлеръ, герцогъ Ормондскій, приставивъ руку трубой къ уху, спрашивалъ у Чарльза Бокифка, герцога Сентъ-Альбанскаго:

— Какъ онъ вотировалъ?

Сентъ-Альбанъ отвѣчалъ:

— Недоволенъ.

— Чортъ возьми! еще бы быть довольнымъ съ такимъ лицомъ!

Гуинплэнъ съ минуту посмотрѣлъ на этихъ людей, которые хохотали.

— А! крикнулъ онъ:—вы оскорбляете нищету и злополучіе! Замолчите же, перы Англіи! Судьи, слушайте! Неужели же вы глухи ко всякой жалобѣ? Я хочу возбудить въ васъ сожалѣніе. Къ кому? къ вамъ самимъ! Кто въ опасности? Вы! Развѣ вы не понимаете, что стоите на вѣсахъ? Съ одной стороны ваше могущество, съ другой—отвѣтственность. Самъ Господь держитъ эти вѣсы! Не смѣйтесь же! Подумайте, разсудите! Вы не злы. Вы такіе же люди, какъ и всѣ, ни лучше, ни хуже. Вы считаете себя за боговъ, но напади на васъ завтра болѣзнь, и она точно также васъ скрутитъ, какъ и послѣдняго нищаго. Мы всѣ стоимъ другъ друга. Я обращаюсь къ честнымъ людямъ—здѣсь есть честные люди. Я обращаюсь къ умнымъ людямъ—здѣсь есть и умные. Я обращаюсь къ великодушнымъ—здѣсь есть и великодушные. Я знаю, что васъ можно тронуть— вы вѣдь отцы, сыновья, братья! Кто изъ васъ смотрѣлъ сегодня на пробужденіе своего ребенка, тотъ не можетъ быть жестокъ—тотъ уже добръ. Сердце у всѣхъ одинаково устроено. Человѣчество, это—сердце. Между угнетателями и угнетаемыми только та разница, что угнетатели на одной сторонѣ, а угнетаемые на другой. Ваши ноги ходятъ по головамъ—не вы въ этомъ виноваты. Это вина соціальнаго стол-

потворенія, этой новой не удавшейся башни! Одинъ этажъ давитъ другой. Выслушайте же, что я вамъ скажу. Если вы могущественны, то съумѣйте быть милостивыми; если вы сильны, такъ будьте и кроткими! Еслибъ вы только знали все то, что̀ я видѣлъ! Что за пытка! и какое мученіе тамъ, внизу!... Родъ человѣческій въ темницѣ, сколько невинныхъ осуждено! Нѣтъ свѣту, нѣтъ воздуху, потеряна надежда на освобожденіе! Поймите это! Тамъ существа, которыя заживо въ могилѣ! Тамъ дѣвочки, которыя въ восемь лѣтъ развратницы, а въ двадцать—немощныя старухи! А ваши уголовныя наказанія? Они ужасны! Я говорю нескладно,—что приходитъ въ голову, не разбираю словъ. Не позже, какъ вчера, я видѣлъ голаго человѣка, закованнаго въ цѣпи; съ наваленными камнями на животѣ—онъ при мнѣ испустилъ дыханіе въ этой пыткѣ. Знали вы объ этомъ? Нѣтъ. Еслибы вы знали, что творится, никто изъ васъ не посмѣлъ бы быть счастливымъ. Кто изъ васъ былъ въ Нюкестлѣ-на-Тейнѣ? Тамъ, въ рудокопняхъ, люди жуютъ уголь, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить желудокъ и обмануть терзающій голодъ! Въ графствѣ Ланкастерскомъ, въ Рибльчестерѣ, такая нищета, что городъ превратился въ деревню. Я не нахожу, что принцу Георгу Датскому надо прибавить еще сто тысячъ гиней. Я лучше приму въ госпиталь больнаго бѣдняка, не заставляя его платить напередъ за похороны. Въ Карневонѣ бѣдные страшно измучены, истощены и обезсилены. Въ Страффордѣ нельзя приняться за осушку болота, потому что нѣтъ денегъ. Суконныя фабрики закрыты въ Ланкашейрѣ. Повсюду работы остановились. Знаете ли вы, что гарлечскіе рыбаки, когда ловля сельдей неудачна, питаются травой? Знаете ли вы, что въ Бёртонъ-Лезерсѣ до сихъ поръ еще есть прокаженные, и что въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей, какъ только они осмѣлятся показаться изъ своихъ логовищъ? Въ Лильсбёри, гдѣ одинъ изъ васъ лордомъ, не прекращается голодъ. Въ томъ самомъ Пенкриджѣ, гдѣ стоитъ

церковь, которую вы надѣлили новыми доходами и гдѣ роскошествуетъ тотъ епископъ, котораго вы обогатили, въ хижинахъ нѣтъ постелей,—тамъ вырываютъ ямы въ землѣ и въ эти ямы кладутъ спать маленькихъ дѣтей, такъ что, вмѣсто того, чтобы начать съ колыбели, они начинаютъ съ могилы. Я все это видѣлъ! Милорды, вы вотируете новые налоги, но знаете ли вы, кто ихъ платитъ? Люди едва дышущіе отъ нищеты! Вы ничего не видите! Вы не знаете, куда вы идете! Вы усиливаете нищету бѣдняка для того, чтобы увеличить богатство богатаго! Надо поступать наоборотъ. Какъ! отнимать у работника, чтобы дать праздному; отнимать у голоднаго, чтобы дать сытому; отнимать у нищаго, чтобы дать принцу? Моя кровь слишкомъ близка по составу къ крови народа, чтобы не волноваться отъ всего этого! Подобныя вещи мнѣ омерзительны! Опомнитесь! Опустите глаза и посмотрите себѣ подъ ноги! Вы сильны, но вѣдь есть и слабые! Сжальтесь же, пожалѣйте хотя самихъ себя! Народъ въ агоніи, а когда рушится основаніе, всякое зданіе распадается! Вы эгоисты и любите только себя! Ну такъ хоть изъ любви къ себѣ спасите другихъ! Крушеніе корабля—гибель для всякаго, кто на немъ плыветъ, кто бы онъ ни былъ. Поймите же наконецъ хоть то, что пропасть для всѣхъ равна.

Смѣхъ удвоился. Слова оратора были достаточно безумны и могли развеселить хоть кого.

Онъ задыхался; у него вырвались отчаянные, дикіе крики.

— Эти люди потѣшаются! Они всемогущи! Значитъ—все могутъ. Пусть такъ. Посмотримъ, что будетъ; я тоже свой между ними; но бѣдные и голодные,—я свой и между вами. Король меня продалъ—бѣднякъ меня пріютилъ. Кто меня изуродовалъ? Принцъ. Кто меня вылечилъ и вскормилъ?—Умирающій съ голода. Я лордъ Кленчерли, но я остаюсь Гуинплэномъ. Я происхожу отъ знати, но я принадлежу къ народу. И какая кругомъ ложь и безобразіе! Но придетъ же день,

наступитъ же наконецъ часъ, когда не будетъ ни господъ, ни рабовъ, и когда останутся одни только свободные люди. Не будетъ хозяевъ, а будутъ отцы. Вотъ будущее. Ни раболѣпства, ни низости, ни невѣжества, ни тружениковъ—вьючныхъ скотовъ, ни придворныхъ куртизановъ, ни лакеевъ, ни тѣхъ, передъ кѣмъ лакействуютъ, ничего подобнаго! Будетъ свѣтъ! Я явился сюда. У меня есть право, и я имъ пользуюсь. Право ли это? Нѣтъ, если я пользуюсь имъ для себя; да, если я пользуюсь имъ для другихъ. Я буду говорить съ лордами. Голодные мои братья, я разскажу лордамъ о вашихъ страданіяхъ! Я выйду съ лохмотьями народа передъ вельможами въ бархатѣ и шелку, и стряхну на властелиновъ нищету рабовъ, и властелины, надменные и счастливые, не въ состояніи будутъ отогнать отъ себя мысль о страждущихъ!

Гуинплэнъ замѣтилъ двухъ помощниковъ клерка, которые, стоя на колѣняхъ, писали

— Зачѣмъ они на колѣняхъ Что вы тамъ дѣлаете? Встаньте! Вы люди!

Это неожиданное обращеніе къ нисшимъ существамъ, которыхъ лордъ не долженъ даже замѣчать, окончательно распотѣшило засѣданіе. Прежде кричали браво, теперь стали кричать ура! Отъ рукоплесканій перешли къ топанью ногами. Можно было подумать, что это не зала засѣданія, а Зеленая Коробка, съ тою только разницею, что въ Зеленой Коробкѣ хохотъ былъ торжествомъ Гуинплэна, а здѣсь хохотъ—его же уничтожалъ.

Хохотъ былъ неудержимый. Остроты сыпались градомъ. Со всѣхъ сторонъ гремѣли восклицанія:

— Довольно! Довольно!

— Еще! еще!

Слова Гуинплэна терялись въ этомъ гамѣ. Только время отъ времени можно было разслушать:

— Берегитесь!

Ральфъ, молодой герцогъ Ментегю, у котораго едва пробивались усы, подошелъ, сталъ передъ Гуинплэномъ, скрестилъ руки и, смѣясь ему въ лицо, крикнулъ:

— Что ты такое разсказываешь?

— Я предсказываю, отвѣтилъ Гуинплэнъ.

Снова загремѣлъ хохотъ.

Глумленіе продолжалось; но слышались уже и гнѣвныя восклицанія.

Лордъ Скерсдель передалъ впечатлѣніе всего засѣданія возгласомъ:

— Зачѣмъ сюда явилось это чудовище?

Гуинплэнъ выпрямился. Онъ пристально поглядѣлъ на всѣхъ.

— Зачѣмъ я явился сюда? Я явился—сказать вамъ правду. Я чудовище, вы говорите. Нѣтъ, я народъ. Я исключеніе, по вашему? Нѣтъ, исключеніе не я, а вы. Вы—химера, я—дѣйствительность. Я Человѣкъ. Я страшный Человѣкъ, который смѣется. Который смѣется! Надъ чѣмъ? Надъ вами. Надъ собою. Надо всѣмъ. Что̀ такое его смѣхъ? Ваше преступленіе и его пытка. Онъ вамъ бросаетъ въ лицо это преступленіе; онъ плюетъ на васъ этой пыткой. Я смѣюсь, это значитъ: я плачу!

Онъ остановился. Никто не говорилъ. Смѣхъ продолжался, но тише. Онъ вздохнулъ свободнѣе и продолжалъ:

— Меня король заклеймилъ этимъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ выражаетъ—міровое отчаяніе. Подъ этимъ смѣхомъ прикрывается ненависть, насильственное молчаніе, ярость, жгучая тоска. А! вы меня считаете за выродка, за исключеніе! Но я только символъ. Всемогущіе болваны! Откройте же, наконецъ, глаза! Во мнѣ воплощается все. Я представляю собою человѣчество, какимъ сдѣлали его властелины. Какъ меня изуродовали, такъ изуродовали и родъ человѣческій. Изуродовали права человѣка, истину, разумъ, какъ мнѣ глаза,

ноздри и уши; какъ у меня, такъ и у него море горести и гнѣва въ сердцѣ, а на лицѣ маска удовлетворенія. Епископы, перы и принцы! народъ, внутренно страждущій, наружно смѣется. Милорды, я вамъ говорю, народъ—это я. Вы его угнетаете, вы надо мной глумитесь. Но будущее! Настанетъ часъ, когда ревъ отвѣтитъ на ваши свистки! Этотъ часъ уже пришелъ, онъ назывался революціей. Его прогнали, но онъ возвратится. Трепещите! подрѣзанные когти отрастаютъ, вырванные языки превращаются въ языки изъ пламени; голодные готовятся искусать все, что имъ попадется на встрѣчу. Земные. Эдемы, построенные на преисподнихъ, колеблются, народъ страдаетъ, страдаетъ, страдаетъ, но то, что на верху—клонится, а то, что внизу—растетъ; тѣнъ хочетъ сдѣлаться свѣтомъ, осужденный борется съ избраннымъ—народъ идетъ, говорю вамъ, человѣкъ поднимается, приближается конецъ, восходитъ кровавая заря! Вотъ что въ этомъ смѣхѣ, который васъ потѣшаетъ. Въ Лондонѣ вѣчный праздникъ; положимъ, Англія ликуетъ. Да. Но слушайте: все, что вы видите, это я. У васъ праздники—это мой смѣхъ. У васъ публичныя увеселенія—это мой смѣхъ. У васъ свадьбы, различныя процессіи, церемоніи, иллюминаціи,—все это мой смѣхъ. И въ громѣ небесномъ, который поразитъ васъ, вы тоже услышите отзвукъ на его смѣхъ!

Все засѣданіе снова разразилось хохотомъ.

Лорды хохотали, епископы хохотали, судьи хохотали. Архіепископъ Кентербёрійскій толкалъ локтемъ архіепископа Йоркскаго; Генри Комитонъ, епископъ Лондонскій, братъ графа Норсемптона, катался со смѣху. Лордъ-канцлеръ опускалъ глаза, стараясь скрыть одолѣвавшее его веселье. У перилъ экзекуторъ,—олицетвореніе почитанія высшихъ,—тоже смѣялся.

Гуинплэнъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Все кончено. Онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ.

Лордъ-канцлеръ счелъ за лучшее распустить засѣданіе. Лорды поклонились трону и стали расходиться. Слышно было какъ смѣхъ замиралъ мало-по-малу вдали. Скоро зала совершенно опустѣла.

Вдругъ Гуинплэнъ словно очнулся отъ сна. Онъ былъ одинъ. Зала пуста. Онъ не замѣтилъ, какъ всѣ исчезли.

Чтобы уничтожить всякій слѣдъ позора лорда Кленчерли, начальство распорядилось выгнать изъ Лондона не только Ursur'а съ труппой и арестовать хозяина той гостинницы, гдѣ помѣщался театръ и Человѣкъ, который смѣется, но всѣ вообще паяцы и комедіанты подверглись поголовному изгнанію изъ Лондона.

Когда новый лордъ Кленчерли съ разбитымъ сердцемъ отыскалъ гостинницу, во дворѣ которой онъ прежде былъ такъ счастливъ, подъ именемъ Гуинплэна, тамъ все было тихо и пусто... Что онъ почувствовалъ? Гдѣ Дея?

Для него не оставалось надежды увидать ее.

Онъ безсознательно пошелъ куда-то.

Мостъ. Онъ остановился на мосту.

Гуинплэнъ наклонился и поглядѣлъ на бѣгущую внизу рѣку. Онъ нѣсколько минутъ стоялъ, склонившись надъ водою; рѣка представлялась ему огромнымъ, тихо колыхавшимся, успокоивающимъ ложемъ. Странное искушеніе!

Онъ снялъ съ себя платье, сложилъ его и повѣсилъ на перилы. Потомъ онъ разстегнулъ жилетъ. Сбираясь его снимать, онъ почувствовалъ подъ рукой что-то твердое и вынулъ изъ жилетнаго кармана «красную книгу», врученную ему въ палатѣ. Онъ разсматривалъ ее нѣсколько минутъ, замѣтилъ карандашъ, вынулъ его и написалъ на первой бѣлой страничкѣ эти строки:

«Я ухожу. Пусть мой братъ, Девидъ меня замѣститъ и будетъ счастливъ».

И онъ подписался: «Ферменъ Кленчерли, перъ Англіи».

Потомъ онъ снялъ жилетъ и положилъ его около платья. Снялъ шляпу и положилъ книгу, развернувъ ее на той странице, гдѣ написалъ свое завѣщаніе. Онъ увидалъ у себя подъ ногами камень, поднялъ его и прикрылъ имъ шляпу.

— Да свершится! сказалъ онъ.

И устремилъ глаза на глубокую рѣку.

Въ эту минуту онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то лижетъ ему руку.

Онъ обернулся.

Сзади его стоялъ волкъ,—его старый товарищъ. Онъ вилялъ хвостомъ и какъ будто звалъ за собой Гуинплэна.

Гуинплэнъ пошелъ за нимъ. По набережной они дошли до голландскаго суденышка, на которомъ уже помѣщался кузовъ Ursur'а, для отплытія этой ночью въ Роттердамъ. Вслѣдъ за волкомъ, Гуинплэнъ взошелъ на судно.

Въ хижинѣ Ursur'а, онъ засталъ умирающую Дею. Она не вынесла разлуки съ своимъ другомъ дѣтства.

Трогательная сцена.

— Дея, милая, сжалься надо мной! умолялъ онъ умирающую, какъ будто отъ ея воли зависѣла жизнь.

— Прощай! сказала она.

— Сжалься! повторилъ Гуинплэнъ.

Онъ прижался губами къ ея холодѣющимъ рукамъ.

Нѣсколько минутъ она какъ бы совсѣмъ не дышала...

Потомъ она приподнялась, лицо ея все просіяло и неописанная улыбка явилась у нея на устахъ.

— Свѣтъ! вскричала она.—Свѣтъ! Я вижу!

Она упала мертвою.

— Умерла! сказалъ Ursur.

И бѣдный старикъ съ рыданіемъ спряталъ лицо въ складки ея платья. Онъ упалъ у ея ногъ безъ чувствъ.

Гуинплэнъ поднялся и осмотрѣлся.

Онъ поднялъ руки, какъ бы видя кого-то въ вышинѣ и проговорилъ:

— Я иду.

И онъ пошелъ къ краю палубы.

Онъ пошелъ къ самому краю.

— Я здѣсь, Деа, сказалъ онъ.—Деа, я здѣсь!

И онъ все шелъ. Перилъ не было. Передъ нимъ зіяла пропасть. Онъ ступилъ еще шагъ.

Онъ упалъ.

Ночь была темная, глубина воды страшная. Онъ пошелъ ко дну. То было исчезновеніе спокойное. Никто ничего не видалъ, ничего не слыхалъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

120

LIBRARY OF CONGRESS
00025081663